ИСТОРИЧЕСКІЯ МОНОГРАФІИ И ИЗСЛѢДОВАНІЯ

НИКОЛАЯ КОСТОМАРОВА.

Изданіе **Д. Е. Кожанчикова.**

ТОМЪ ТРЕТІЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Императорской Академіи Наукъ.
(Вас. Остр., 9 лин., № 12.)
1867.

ИСТОРИЧЕСКІЯ

МОНОГРАФІИ

И

ИЗСЛѢДОВАНІЯ

НИКОЛАЯ КОСТОМАРОВА.

Изданіе **Д. Е. Кожанчикова.**

ТОМЪ ТРЕТІЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Императорской Академіи Наукъ.
(Вас. Остр., 9 лин., № 12.)
1867.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

КУЛИКОВСКАЯ БИТВА.

КУЛИКОВСКАЯ БИТВА.

—

XIV вѣкъ былъ великимъ историческимъ періодомъ въ жизни Славянскаго сѣвера. Это было время одряхлѣнія стараго удѣльно-вѣчеваго порядка, образовавшагося въ первые вѣка нашего тысячелѣтія, и время юности новаго строя, возмужавшаго и окрѣпшаго въ XVI вѣкѣ. Москва возвышалась посреди Русско-Славянскихъ земель и тянула ихъ къ себѣ волею и неволею. Тверская земля, оспаривавшая у нея право вести передъ Русскаго міра, уже склонялась предъ нею въ своей безсильной борьбѣ. Недоставало у князей ея ни той хитрости и изворотливости въ запутанныхъ обстоятельствахъ, ни того умѣнья выбирать удачно и ловко минуты, благопріятныя для дѣла, выжидать когда нужно, мириться и ссориться впору, по разсчету, а не по влеченію сердца, ни той рѣшимости отважиться на все, лишь бы оно приносило пользу и вело къ цѣли, — ничего того, чѣмъ отличались одинъ за другимъ Московскіе князья. Въ восьмомъ десяткѣ XIV вѣка Тверскіе князья дошли до печальной необходимости стать въ оборонительное положеніе. Послѣдняя попытка Михаила Александровича отнять у Московскаго князя великое княженіе не удалась; съ тѣхъ поръ ему и преемникамъ его оставалось только охранять себя отъ Московскихъ покушеній, — плохая роль! Съ-изначала между Москвою и Тверью шло дѣло не о взаимной не-

зависимости; то была борьба на жизнь или на смерть: если не Тверь, то Москва; если Тверь взяла бы верхъ, независимость Москвы должна была бы погибнуть. Такъ же точно не могла уже долго оставаться независимою и Тверь, когда Москва нѣсколько разъ одерживала верхъ въ борьбѣ съ нею. Тверь, послѣ того, просуществовала еще сотню лѣтъ въ оборонительномъ положеніи, но какъ земля подручная Москвѣ, — и легко было потомъ Іоанну III добить ее, какъ только онъ захотѣлъ этого.

Въ подобномъ отношеніи находилась Москва ко Владимирской или Ростовско-Суздальской землѣ, съ тою разницею, что здѣсь Москва не боролась постоянно, какъ съ Тверью, за достиженіе первенства и власти надъ Русскимъ міромъ, а преемственно овладѣла тѣмъ, что принадлежало прежде первой. Раздѣленная на мелкіе удѣлы, земля эта не могла соединиться и постоять за себя: въ ней уже не стало центра, порвалась земельная связь ея удѣловъ, или лучше сказать — Москва, бывъ прежде ея пригородомъ, сама собою дѣлалась ея новымъ центромъ. Независимость ея не устояла такъ долго, какъ Тверская, и пала при наслѣдникѣ Димитрія.

Великій Новгородъ былъ въ иномъ положеніи, чѣмъ эти обѣ земли: Новгородъ не шелъ за новымъ строемъ Руси; Новгородъ всегда оставался вѣренъ старинѣ; онъ не хотѣлъ ни властвовать, ни расширять своихъ предѣловъ; онъ хотѣлъ и самъ быть и видѣть вокругъ себя Русскій міръ въ такомъ положеніи, въ какомъ онъ выросъ въ протекшіе вѣка; готовъ былъ, по стариннымъ обычаямъ, признавать надъ собою первенство великаго князя въ качествѣ перваго между равными, но не въ значеніи властвующаго князьями; хотѣлъ, чтобы собственная его автономія была ненарушена. Но не возможно было устоять старому противъ молодаго, дряхлѣющему противъ исполненнаго свѣжихъ силъ. Москва еще не была сильна на столько, чтобы погубить его; на это

потребовалась еще сотня лѣтъ; но она уже выросла до того, что старыми узами, которыя Новгородъ уважалъ, могла опутать его, и судьба Новгорода была привязана уже къ судьбѣ Москвы за-долго до паденія его свободы.

На юго-востокъ отъ Москвы была земля Рязанская. И ей приходилось только оборонять себя. О первенствѣ и спорѣ съ Москвою не было рѣчи, но она не хотѣла подчиняться Москвѣ; она думала только удержать старину, какъ и Новгородъ, и обезопасить себя отъ возникающаго единовластія. Положеніе этой страны было болѣе печально, чѣмъ какой-нибудь другой Русской земли; она стояла на окраинѣ Русскаго міра, на границѣ съ Татарщиною и подвластною ордѣ Мордвою, и безпрестанно терпѣла отъ нашествія Татаръ и Мордвы. По мѣрѣ возвышенія Москвы, которая и ей, какъ другимъ Русскимъ краямъ, грозила покореніемъ, Рязанская земля должна была ради своей безопасности опираться на Орду: Орда не уничтожала автономіи земель Русскихъ, оставляла въ нихъ порядокъ въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ находились тогда, когда подпали подъ власть хановъ. Рязанцы были въ непріязни съ Москвичами, они смотрѣли презрительно на Московскій народъ и подозрительно на Московскую политику. Рязань должна была, болѣе чѣмъ другія Русскія земли, покоряться Ордѣ: съ одной стороны для того, чтобъ если не совсѣмъ избѣгнуть своевольныхъ опустошеній, то по крайней мѣрѣ, чтобъ эти опустошенія были не такъ жестоки; съ другой — чтобъ удержаться съ помощію Орды противъ Москвы. Рязань не была, какъ Великій Новгородъ, защищаема отъ ней естественными средствами обороны.

Что касается до множества мелкихъ князей, не входившихъ въ эти земли, то безсиліе управляемыхъ ими удѣловъ и волостей болѣе всего наклоняло ихъ, а еще болѣе народъ, управляемый ими, примыкать къ сильному центру, который

образовался бы на Руси: оттого нѣкоторые изъ нихъ охотно покорялись Москвѣ, а другіе легко и безотпорно были покоряемы или лишены своихъ удѣловъ.

Тогда какъ Москва дѣлалась Русскимъ центромъ и приготовляла въ себѣ для Руси новый государственный строй, на западномъ концѣ Русскаго міра у ней явилась сильная соперница — Литва. Литовскіе князья Гедиминъ и Олгердъ успѣли соединить въ своей державѣ западныя и южныя Русскія земли. Въ однихъ мѣстахъ князья Рюрикова дома поступили въ число подручниковъ великихъ Литовскихъ земель, въ другихъ замѣнены были князьями изъ Гедиминова дома. Литва расширялась на востокъ. У Литовскихъ великихъ князей образовывалось такое же стремленіе, какъ и у Московскихъ — подчинить Русскій міръ, а самимъ стать его владыками. Литва стояла Москвѣ поперекъ дороги; Литвѣ суждено было задержать ей путь тогда, когда она успѣла уже совершить свое дѣло надъ половиною Руси. Въ XIV вѣкѣ закладывалось начало той многолѣтней борьбы, которая наполняетъ нашу исторію XV и XVI вѣковъ, — борьбы, которая въ началѣ XVII вѣка разразилась надъ Москвою эпохою смутнаго времени, потомъ на полвѣка избрала себѣ исходъ въ Малороссіи, — борьбы, которой слѣды отзывались до поздняго времени, въ покушеніяхъ Польши, по древней передачѣ ей Литовскими князьями своихъ покушеній. Во второй половинѣ XIV вѣка въ Литвѣ противодѣйствующая Москвѣ сила сосредоточилась въ двухъ однинъ за другимъ князьяхъ: то были Олгердъ, могучій дарованіями, политикою и мужествомъ воитель, и Ягелло, его сынъ, который шелъ по дорогѣ отцовской и наконецъ нашелъ новый, выгодный поворотъ въ союзѣ съ Польшею. Подъ предлогомъ защиты своего шурина, Михаила Тверскаго, два раза Олгердъ подходилъ къ Москвѣ и два раза опустошилъ ея окрестности. Московская политика нашла тогда способъ вывернуться изъ

бѣды на время. Олгердъ съ своей стороны разсчелъ, что разорить Москву хотя можно, но покорить ее еще не пришло время, и предпочелъ союзъ съ нею. Этотъ союзъ скрѣпленъ былъ бракомъ его дочери съ Володимиромъ Андреевичемъ, двоюроднымъ братомъ великаго Московскаго князя. На нѣсколько лѣтъ Москва избавилась отъ Олгерда. Но не стало Олгерда: Ягелло сдѣлался великимъ княземъ. Для него родственныя связи съ Москвою были слишкомъ ничтожны; напротивъ, другія связи съ Русью ставили его во враждебное положеніе къ Москвѣ: онъ былъ сынъ Тверитянки, и старая вражда его дѣдовъ съ матерней стороны сходилась съ политическими стремленіями.

Страшное ордынское владычество тотчасъ стало упадать, какъ только доставило Москвѣ главенство въ Руси. Еще недавно царствовалъ тридцать лѣтъ въ Кипчакѣ Узбекъ. Русь трепетала передъ нимъ. Покушеніе освободиться отъ его власти было немыслимо ни для князей, ни для народа. По приказанію грознаго властителя, десять Русскихъ князей было казнено въ Ордѣ. Властитель, по произволу, тѣхъ каралъ своимъ гнѣвомъ, другихъ осыпалъ милостями. Московскіе князья были его любимцами. Ему преимущественно обязана была возвышеніемъ Москва. Но тѣ времена прошли скоро. Съ Кипчакскимъ царствомъ повторилась одна изъ обыкновенныхъ судебъ, которымъ подвергались всѣ завоевательныя восточныя царства, какія только извѣстны исторіи съ отдаленныхъ временъ библейской древности. Продержавшись съ небольшимъ сто лѣтъ, оно обезсилѣло чрезъ нравственный упадокъ силъ своихъ владыкъ, промѣнявшихъ поле битвы и разрушительный огонь на дворецъ и гаремъ; внутреннія усобицы и споры за престолъ разлагали его. Эпоха паденія наступала. Послѣ грознаго Узбека, усвоившаго уже съ магометанствомъ пріемы восточной цивилизаціи, царствовалъ братоубійца Джанибекъ, которому злодѣя-

нія не мѣшали у восточныхъ историковъ прослыть такимъ же мудрымъ властителемъ, какъ и отецъ его; Джанибека отправилъ на тотъ свѣтъ его сынъ Бердибекъ въ 1357 году, а на другой годъ нашелся за отца мститель: Кульпа, какъ говорятъ, сынъ Бердибека, убилъ отца, и съ тѣхъ поръ въ теченіе десяти лѣтъ перемѣнилось хановъ пятнадцать; ихъ было иногда по нѣскольку разомъ; они свергали другъ друга съ престола. Ханское достоинство упало до значенія жалкихъ куколъ, которыхъ честолюбцы стали возводить на престолъ, чтобъ властвовать ихъ именемъ; части Кипчакской Орды начали отлагаться и образовывались въ самобытныя государства. Такимъ образомъ, въ срединѣ Золотой Орды образовалось два ханства: одно — на Волгѣ въ Сараѣ, другое, заложенное Мамаемъ, княземъ Орды — между Волгой и Дономъ. Онъ самъ долго не хотѣлъ принимать на себя ханскаго достоинства, а возводилъ на престолъ и низводилъ съ престола своихъ креатуръ и правилъ ихъ именемъ. Въ землѣ Мордовской (нынѣшней Пензенской губерніи) отдѣлился отъ Орды и сдѣлался самобытнымъ государемъ князь Тагай, основавшій свою столицу въ Наровчатѣ. Въ Булгарской землѣ утвердился Булатъ-Темиръ и положилъ начало Казанскому царству. Явился свой властитель въ Астрахани — Салчей. Въ Крыму возникла независимая Перекопская Орда, а на Яикѣ — Яицкая Орда съ городомъ Сарайчикомъ; далѣе на востокъ выдѣлилась изъ Кипчака самобытная Шейбанская Орда, и такъ пошла врозь монархія Батыева.

Въ это-то время было естественно и Руси, входившей въ число ханскихъ владѣній, по примѣру отложившихся частей, покуситься на отторженія, и, конечно, знамя возстанія должно было подняться въ Москвѣ. Московскій князь былъ уже признаваемъ отъ хана намѣстникомъ Русскаго міра; Московскій великій князь естественно могъ и долженъ былъ

захотѣть такъ же сдѣлаться независимымъ, въ качествѣ особаго хана, какъ дѣлали другіе.

Таково было положеніе дѣлъ, которое привело къ знаменитой Куликовской битвѣ.

Было естественно, что, при внутреннихъ смятеніяхъ въ Ордѣ, Русскіе князья пользовались полученіемъ своихъ достоинствъ отъ хановъ и той и другой партіи. По смерти великаго князя Ивана Ивановича озвалось двое претендентовъ на великое княженіе: Суздальскій и Нижегородскій князь Димитрій Константиновичъ и Московскій князь Димитрій Ивановичъ, закотораго, по несовершеннолѣтію, стояли бояре, которые вѣрно проводили дѣло Московскаго главенства и тѣмъ доказывали, что оно было дѣломъ не одного княжескаго дома, а всей земли Московской. Ханъ Неврусъ назначилъ великимъ княземъ Суздальскаго, но самъ этотъ ханъ вслѣдъ затѣмъ былъ низвергнутъ и убитъ Хидирбегомъ или Хидиремъ (какъ онъ называется въ нашихъ лѣтописяхъ). Воспользовались этимъ Москвичи и выпросили у новаго хана ярлыкъ для своего князя; но потомъ вскорѣ Тимуръ-Ходжа, сынъ Хидиревъ, убилъ отца и самъ былъ изгнанъ Мамаемъ. Въ самой Ордѣ вступили въ борьбу двѣ партіи: одна, противная Мамаю, провозгласила хановъ Мюрида; другая, Мамаева — Абдулла. Мюридъ разбилъ Мамая. Услышавъ объ этомъ, Москвичи сейчасъ обратились къ Мюриду, какъ къ сильнѣйшему, и выпросили у него подтвержденіе на достоинство великаго князя. Но вслѣдъ за тѣмъ услышали они, что Мамай беретъ верхъ, обратились къ Мамаю и получили для Димитрія ярлыкъ на великое княженіе отъ имени Абдулла, Мамаевой креатуры. Тогда Мюридова партія, въ отмщеніе за то, вручила ярлыкъ на великое княженіе сопернику Москвы, Димитрію Константиновичу Суздальскому, чрезъ случившагося на то время въ Ордѣ Бѣлозерскаго князя Ивана. Суздальскій князь, сопровождаемый своимъ подручникомъ

Бѣлозерскимъ княземъ и тридцатью Татарами, на челѣ которыхъ былъ посломъ какой-то Илякъ, сѣлъ въ другой разъ на столѣ во Владимирѣ и возвратилъ древнее первенство этому городу, уже со времени Калиты принужденному уступить его Москвѣ. Тогда Москва пошла на Владимиръ. На Руси двѣ партіи шли подъ знаменемъ двухъ партій въ Ордѣ. Суздальскій князь долженъ былъ уступить, побоявшись подвергать разоренію свою область, и примирился съ Димитріемъ Московскимъ. Черезъ два года, въ 1364 г., сынъ Димитрія Суздальскаго, Василій Кирдяпа, снова выпросилъ для отца ярлыкъ у хана, противнаго Московской партіи, и опять готовы были отразиться на Руси слѣды ордынскихъ междоусобій; но и на этотъ разъ отецъ побоялся вести споръ съ Москвою, помирился. Димитрій Константиновичъ на другой годъ скрѣпилъ съ нею союзъ родствомъ, отдавъ за Димитрія Ивановича дочь свою Евдокію.

Годы были тяжелы въ то время на Руси. Передъ тѣмъ только свирѣпствовала смертельная зараза, а на слѣдующій годъ повторилась она, да еще сверхъ того настала засуха и неизбѣжное ея слѣдствіе — голодъ.

Такимъ образомъ, Московскій князь утвердился и поддерживался съ помощію Мамая. Разсчетъ былъ вѣренъ: Мамай былъ умнѣе и потому сильнѣе другихъ претендентовъ на власть въ Ордѣ. Нѣсколько лѣтъ Москва держалась Мамая и было между ними доброе согласіе. Московскіе и Суздальскіе полки ходили вмѣстѣ съ посломъ изъ Орды противъ непокорнаго Мамаю Казанскаго владѣтеля. Но въ 1370 г. соперникъ Московскаго князя, великій князь Тверской земли Михайло Александровичъ, подвигнувши на Димитрія своего родственника Ольгерда, подорвалъ-было его значеніе и у Мамая. Онъ, по преданію, всѣми силами противодѣйствовалъ возвышенію Москвы и сверхъ того мстилъ лично за себя за то, что его коварно задержали-было въ

Москвѣ. Онъ съѣздилъ въ Орду и получилъ отъ имени Мамаева царя ярлыкъ на великое княженіе. Мамаю нужны были деньги. Неизвѣстно, разсщедрился ли Тверской князь въ Ордѣ, или — что̀ вѣрнѣе — заскупился Московскій. Тверской князь шелъ въ Русь съ ханскимъ посломъ Сарыходжею. Этотъ посолъ призывалъ Московскаго князя во Владиміръ слушать ярлыкъ. Но Димитрій не поѣхалъ во Владиміръ, да и сами Владимирцы воспротивились признать великимъ княземъ Михаила Александровича и не хотѣли сажать его на столѣ у себя. Димитрій пригласилъ Сарыходжу въ Москву и тамъ одарилъ его такъ, что тотъ, вмѣсто того, чтобъ по ханскому ярлыку принудить Русь къ признанію великимъ княземъ Тверскаго, уѣхалъ въ орду самъ хлопотать предъ своимъ царемъ за Димитрія. За нимъ самъ Димитрій отправился въ Орду къ Мамаю не съ пустыми руками, и потому былъ принятъ очень любезно. Мамай именемъ своего царя утвердилъ его на великомъ княженіи снова. Михаилъ Тверской остался вполнѣ, какъ говорится, въ дуракахъ. Мамай написалъ ему такого рода отговорку: мы тебѣ давали рать и силу, чтобъ тебя посадить на великое княженіе: зачѣмъ же ты не взялъ? Теперь сиди себѣ съ кѣмъ хочешь, а отъ насъ не ищи помощи.» Въ Ордѣ былъ тогда сынъ Михаила Александровича; онъ тамъ задолжалъ; Московскій князь выкупилъ его, привезъ въ Москву и отпустилъ только тогда, когда отецъ его, соперникъ Димитрія, заплатилъ ему за свободу сына десять тысячъ рублей, конечно съ значительнымъ барышомъ противъ того, за сколько его выкупилъ изъ Орды Московскій великій князь.

Немного времени спустя нарушилось это доброе согласіе съ Ордою. Поводомъ къ тому было приключеніе въ Нижнемъ-Новгородѣ: туда пріѣхалъ посолъ Мамаевъ, Сарайка, съ дружиною. Обыкновенно, когда такая дружина прибывала въ Русскій городъ — это было наказаніемъ для жителей.

Нижегородцы же въ то время, какъ и на всей Русской землѣ Русскіе люди, страдали снова и отъ возобновившагося мора и отъ голода разомъ. Возникла ссора съ Татарами. Нижегородцы взяли ихъ и привели въ городъ. Князь велѣлъ развести ихъ. Сараика и Татары стали сопротивляться. Началась свалка. Сараика бросился на владычній дворъ. Зажгли дворъ владычній. Во время свалки стрѣла попала въ мантію епископа. Тогда народъ ожесточился, бросился дружно на Татаръ; убили Сараику; перебили всю дружину его; погибло тогда полторы тысячи Татаръ.

Послѣ этого событія, случившагося въ удѣлѣ князя, союзника и тестя Московскаго князя, снова открылась Тверскому князю дорога заискивать передъ Мамаемъ противъ своего соперника. Явились ему къ услугамъ: Москвичъ, сынъ бывшаго тысячскаго, послѣдняго въ этомъ санѣ, по имени Иванъ, и какой-то Сурожанинъ Некомитъ; они настроили его искать снова великаго княженія и отправились отъ его имени въ Орду. Тамъ съумѣли они оговорить Московскаго великаго князя. Мамай отправилъ ихъ снова въ Тверь уже съ посломъ своимъ Ачихожею; тотъ повезъ ярлыкъ на великое княженіе. Тогда Московскій великій князь вооружилъ противъ Тверскаго много князей. Онъ представлялъ соперника общимъ врагомъ и указывалъ на его отношенія къ Мамаю, какъ на заговоръ противъ всей Руси. Всѣ князья, шедшіе на Тверь съ великимъ княземъ, говорили тогда, по сказанію лѣтописи: «сколько разъ онъ приводилъ зятя своего Ольгерда Гедиминовича и сколько зла надѣлалъ христіанамъ, а теперь сложился съ Мамаемъ и съ его царемъ и со всею Ордою Мамаевою, а Мамай яростію дышетъ на всѣхъ насъ; если мы ему попустимъ, то онъ съ нимъ побѣдитъ насъ всѣхъ». Но Димитрій прежде сносился съ тѣмъ же Мамаемъ и это не представлялось опаснымъ. Ясно, что Московская политика умѣла представить князьямъ

и вообще Русской землѣ предосудительнымъ въ другихъ то, что оправдывала за собой. Съ помощію этихъ князей и, вдобавокъ, Новгорода, мстившаго Тверскому великому князю за прежнія свои ссоры и разореніе Торжка, Димитрій побѣдилъ Тверскаго князя, снова заставилъ его согласиться на миръ и отказаться отъ великаго княженія. Такимъ образомъ, въ другой разъ Москва поставила Михаила Александровича въ просакъ, да еще съ Мамаемъ вдвоемъ. Мамай и его партія въ Ордѣ ожесточились, они увидѣли и дерзость Руси и слабость ордынской власти. Прежде Мамай далъ тому же Тверскому князю ярлыкъ; Димитрій тотчасъ побѣжалъ въ Орду, просилъ, кланялся и склонилъ Татарскую власть въ свою пользу поклонами и подарками; а теперь, по такому же точно поводу, Димитрій не кланялся, не дарилъ, а расправился самъ и отстоялъ свои права собственными силами.

Тогда, въ отмщеніе за усмиреніе Михаила Тверскаго, толпы Татаръ опустошили тѣ земли, которыхъ ополченія были съ Московскимъ подъ Тверью. Такъ напали они на волость Нижегородскую, разоряли поселенія, забирали плѣнниковъ; другой загонъ напалъ на землю Новосильскую. «Зачѣмъ воевали Тверь?» кричали татары, и положили Новосильскую землю пустою, по выраженію лѣтописца. Вѣроятно, за то же ворвались Татары и въ Кашинскую волость: дружины Кашинскаго князя были вмѣстѣ съ Московскими подъ Тверью. Тогда Татары взяли Кашинъ и сожгли его, повоевали все Запенье, побили много людей, много ихъ въ плѣнъ погнали. Самъ Московскій князь чаялъ на себя прихода Орды, вооружился и вышелъ за Оку стеречь гостей. Жребій былъ уже брошенъ. Московскій князь дѣйствовалъ свободно, показывалъ, что не боится Орды, не слушаетъ Мамая. Мамай не приходилъ.

На слѣдующій годъ, вмѣстѣ съ дружинами Суздальскими и Нижегородскими, Московскіе полки, подъ начальствомъ

воеводы Димитрія Михайловича Волынскаго, двинулись на Казань. Война была удачна. Казанцы пугали Русскихъ какимъ-то громомъ со стѣнъ своихъ, выпустили верблюдовъ, чтобъ переполошить Русское войско. Но всѣ эти хитрости восточнаго искуства не удались имъ. Русскіе вогнали ихъ въ городъ, осадили Казань, а двое Казанскихъ князей, Гассанъ и Махметъ, били челомъ великому князю и заплатили большой окупъ и ему, и союзнику его, и воеводамъ со ратію, всего пять тысячъ рублей, да вдобавокъ Русскіе посадили въ Казани таможниковъ, слѣдовательно подчинили своей власти управленіе Казани. Это было уже посягательство отплатить Татарамъ тѣмъ, что̀ до сихъ поръ отъ нихъ получалось. Татары были въ зависимости у Русскихъ — явленіе невиданное, странное для того времени. Оно указывало, до чего можетъ довести Русскихъ борьба съ Татарами; если Русскіе одолѣютъ — они не ограничатся собственнымъ освобожденіемъ, они завоюютъ въ свою очередь Татарщину. Надобно было не допустить Руси и думать, что она можетъ мѣряться съ Ордою; надобно было вогнать ее въ прежнія границы, поработить снова. Еще Мамай не собрался съ силами, чтобъ итти самому, и ограничивался посылкою своихъ подчиненныхъ. Въ 1376 году какой-то царевичъ Арапша изъ Синей Орды пришелъ къ Мамаю, а Мамай послалъ его воевать Русь. Это былъ большой воитель, очень свирѣпый, ростомъ очень малъ, да мужествомъ великъ: такъ очерчиваетъ его лѣтопись. Онъ шелъ на Нижній-Новгородъ. Князь Димитрій Константиновичъ послалъ просить помощи у зятя. Москвичи пошли въ походъ подъ начальствомъ воеводы и примкнули къ Суздальцамъ и Нижегородцамъ, которыхъ велъ сынъ Димитрія Константиновича, Иванъ, да другой съ нимъ князь, Семенъ Михайловичъ. Войско дошло до рѣки Пьяны. Дано ему знать, что Арапша на Волчьихъ Водахъ. Думали Русскіе, что это далеко; надѣялись во всякомъ случаѣ побить

непріятеля. Былъ знойный день 2 августа. Русскіе, не ожидая нападенія, стали отдыхать, положили на телѣги свои рогатины, сулицы и копья, и не построились какъ слѣдовало; ихъ доспѣхи были въ сумахъ. Сами воины прохлаждались въ одних охабняхъ да сарафанахъ, да еще и петли распахнули отъ жару. Такъ себѣ они ходили и ѣздили, попивали медъ, пиво и вино. Когда разгорѣлась у нихъ кровь, стали они хвастать своимъ мужествомъ и храбростію; имъ было весело надѣяться, что они побьютъ Татаръ, что они могутъ уже ихъ бить, и кричали Русскіе: «каждый изъ насъ можетъ одинъ на семерыхъ Татаръ ѣхать; теперь никто не устоитъ противу насъ!» Въ это время Мордовскіе князья, подручники Мамая, подвели Арапшу. Татары раздѣлились на пять отрядовъ, съ пяти сторонъ бросились неожиданно на безпечныхъ Русскихъ, и перебили ихъ жестоко; многіе изъ нихъ утонули въ рѣкѣ Пьянѣ, побѣжавъ съ поля несчастной битвы, не успѣвъ вынуть оружіе изъ телѣгъ, доставшихся побѣдителямъ. Утонулъ тутъ и предводитель Суздальцевъ и Нижегородцевъ князь Иванъ Дмитріевичъ и съ нимъ погибло въ рѣкѣ много бояръ.

На слѣдующій 1377 годъ Мамай послалъ опять орду свою на Русь. Татары напали на Нижній. Князя не было въ городѣ. Люди пустились бѣжать: оставшіеся заперлись и предлагали за себя окупъ. Но Татары не взяли окупа, взяли городъ, сожгли его и опустошили весь уѣздъ. Другое Мамаево войско подъ начальствомъ Бегича пошло на великаго князя. Оно шло чрезъ Рязанскую землю на Москву. Но великій князь предупредилъ Бегича и самъ вышелъ на встрѣчу ему въ Рязанскую землю. Они встрѣтились на рѣкѣ Вожѣ. Москвичи дали врагамъ переправиться на другую сторону Вожи и потомъ ударили на нихъ съ разныхъ сторонъ: съ одной — Полоцкій князь Андрей Олгердовичъ, съ другой — Пронскій князь; прямо ударилъ на нихъ Москов-

скій князь Димитрій. Татары побѣжали; Москва наперла на нихъ и множество враговъ потонуло. На утро, при туманѣ, переправились Русскіе и погнались за Татарами. Татары убѣжали, покидавъ свои шатры, кибитки и телѣги; а въ телѣгахъ нашли Русскіе много добра. Тогда поймали Москвичи какого-то измѣнника; былъ онъ Иванъ Васильевичъ, тысячскаго сынъ, и шелъ изъ Орды съ Татарами на своихъ собратій. У него нашли цѣлый мѣшокъ какого-то зелья, должно быть, какъ думали, лихаго, и послѣ распроса послали его въ заточеніе на Лачь-озеро въ Каргополь, въ Новгородскую землю.

Эта побѣда была предвѣстницею рѣшительной войны. Мамай ожесточился. Онъ рѣшился наказать страшно своихъ рабовъ. Въ то время Мамай пересталъ ставить куколъ, называемыхъ ханами или царями. Онъ самъ назвался наконецъ царемъ. Онъ думалъ возстановить потерянное могущество Кипчака. Онъ началъ съ Русскихъ.

Прежде всего должна была нести отвѣтъ за пораженіе на Вожи Рязанская земля, потому что въ этой землѣ случилось посрамленіе Орды. Не разбиралось и не принималось во вниманіе, что великій князь Рязанскій не участвовалъ въ битвѣ; довольно того, что она происходила на Рязанской землѣ, притомъ же одинъ изъ князей ея, Пронскій, воевалъ противъ Татаръ. Мамаево полчище разсыпалось по Рязанщинѣ, жгло людскія поселенія и мало людей избѣгнуть могло плѣна въ тѣхъ мѣстахъ, куда только заходили Татары. Самъ великій князь Олегъ Ивановичъ не приготовился къ бою, не въ силахъ былъ противостоять; не надѣялся онъ, чтобы на него, не участвовавшаго въ битвѣ на Вожѣ, обрушилась кара. Онъ бѣжалъ за Оку, покинувъ свои города на волю врагамъ. Они сожгли Дубокъ и Переяславль, сожгли и другіе города, и опустошивъ землю, ушли во-свояси.

Несчастная Рязанская земля испытывала много разъ по-

добное горе. Понятно, что ей нельзя было оставаться въ невмѣшательномъ положеніи подъ перекрестнымъ огнемъ: надобно было приставать къ кому нибудь. Олегъ Ивановичъ присталъ къ Мамаю.

Мамай рѣшился итти на Московскую землю сильнымъ ополченіемъ и послалъ по окрестностямъ нанимать войска. Въ его ополченіе поступали и Фряги изъ Каѳы и Черкесы и Ясы. Онъ двинулся къ Воронежу и сталъ станомъ при впаденіи этой рѣки въ Донъ. Олегъ послалъ къ нему пословъ и грамоту; въ этой грамотѣ говорилось: «Восточному вольному великому царю царямъ, Мамаю, посаженикъ твой и присяжникъ Олегъ князь Рязанскій много молитъ тебя. Я услышалъ, господинъ, что ты хочешь идти и грозишься на твоего служебника Димитрія князя Московскаго; теперь, всесвѣтлый царь, приспѣло время злата и многихъ богатствъ. Князь Димитрій какъ только услышитъ имя ярости твоей, убѣжитъ въ далекія мѣста, или въ Великій Новгородъ или на Двину, а богатство Московское будетъ въ рукѣ у тебя; а меня Олега Рязанскаго, раба твоего, сподоби своей милости. Мы оба твои рабы; но я служу тебѣ со смиреніемъ и покорствомъ, а онъ къ тебѣ съ гордостію и непокорствомъ. Я много великихъ обидъ принялъ отъ твоего улусника, Димитрія. А когда я погрозилъ ему твоимъ именемъ, онъ не посмотрѣлъ на это, а еще заграбилъ себѣ городъ мой Коломну. Молю тебя, царь, и бью тебѣ челомъ: накажи его, чтобъ онъ чужаго не похищалъ.»

Въ то же время Олегъ отправилъ пословъ къ Ягеллу, великому князю Литовскому. Кромѣ того политическаго антагонизма Литвы съ Москвою, по которому каждый Литовскій великій князь былъ естественнымъ соперникомъ возрастающей Москвы, Ягелло имѣлъ свѣжія причины неудовольствія противъ нея и ея князя. Послѣ переворота, отъ котораго погибъ дядя Ягелловъ Кейстутъ, Ягелло сдѣлался великимъ

княземъ Литовскимъ. Димитрій Московскій сталъ покровителемъ и сторонникомъ князей противныхъ Ягеллу. Братъ Ягелла, Андрей, Полоцкій князь, нашелъ пріютъ въ Москвѣ; вмѣстѣ съ Московскими войсками онъ ходилъ на Трубчевскъ; тамъ и другой братъ Ягелла, Димитрій Олгердовичъ, призналъ надъ собою главенство Московскаго князя. Такъ Московскій великій князь, распространяя Московское государство, уже посягалъ на то, что̀ успѣло прежде захватить себѣ государство Литовское. Олегъ, по увѣренію лѣтописи, писалъ къ Ягеллу: «ты давно хотѣлъ прогнать Московскаго князя и овладѣть Москвою; теперь пришло время; Мамай идетъ на него, соединимся съ нимъ; посылай своихъ пословъ къ нему съ дарами. Самъ лучше меня знаешь, какъ поступить.»

Разсчетъ у Олега долженъ былъ быть таковъ: съ помощію Мамая и Ягейла ниспровергнуть Московское государство, пресѣчь ходъ Московской власти, Москву отдать Литвѣ, а Рязанская земля увеличится частію тѣхъ владѣній, которыя прежде у другихъ взяты Москвою. Олегъ думалъ съ Мамаемъ раздѣлаться сначала дружески за помощь, оказанную ему противъ Москвы. Онъ надѣялся, что Мамай дастъ ярлыки свои Ягеллу и ему; тогда, съ сильнымъ союзникомъ Ягелломъ, владѣвшимъ уже независимыми отъ Орды землями, можно было имѣть болѣе безопасности отъ самой орды. Литва успѣла уже высвободить изъ Татарской неволи часть Русскихъ земель; Москвѣ это еще не удалось. Москва, напротивъ, получила надъ Русскими землями господство только съ помощію Орды. Такимъ образомъ, даже съ желаніемъ освободить отечество и всю Русь отъ Татарскаго ига, Олегу былъ разсчетъ пристать къ Мамаю. Рано или поздно, Орда, начавшая уже разлагаться, не могла устоять, и было гораздо болѣе ручательства скорѣйшему ея паденію тогда, когда на Руси возметъ верхъ предпріимчивая рыцарская Литва, а не

медлительная Москва. Въ настоящее же время во всякомъ случаѣ не казалось вѣроятнымъ, чтобы въ войнѣ успѣхъ былъ на сторонѣ Москвы. Еслибы Ягелло сталъ дѣйствовать или за одно, или въ одно время съ Мамаемъ, а къ Москвѣ пристала Рязань, то Рязанская земля, еще не оправившись отъ раззореній, погибла бы въ конецъ. Такимъ образомъ, сообразно тогдашнимъ обстоятельствамъ, естественно было своелюбивому Олегу дѣйствовать съ Мамаемъ и искать сколько возможно болѣе враждебныхъ Москвѣ силъ, чтобъ ниспровергнуть это могущество, начинавшее уже тяготѣть надъ его удѣльною землею.

Всѣ эти сношенія должны были происходить въ 1379 г., и вѣроятно въ концѣ. Весною 1380 г. получилъ Димитрій извѣстіе, что Мамай уже на Воронежѣ. Самъ Олегъ Рязанскій, скрывая свое соглашеніе съ врагами Москвы, извѣщалъ великаго князя объ опасности какъ будто дружелюбно. Вслѣдъ за тѣмъ прибыли послы отъ Мамая съ требованіемъ такой дани, какую Москва платила при Узбекѣ и Джанибекѣ, а не такой, которая была постановлена съ Мамаемъ при первомъ признаніи имъ Димитрія Московскимъ княземъ. Димитрій оскорбѣлъ и опечалился зѣло — говоритъ лѣтопись — и началъ прежде всего молиться. По извѣстію Никоновской лѣтописи, на ту пору (это было на Вознесенье) прибылъ въ Москву впервые новый митрополитъ Кипріанъ, родомъ Сербъ, уже давно носившій это названіе и долго непризнаваемый Московскимъ княземъ. Послѣ того, какъ умеръ подъ Царьградомъ Митяй, котораго Димитрію хотѣлось видѣть митрополитомъ вмѣсто Кипріана, онъ не хотѣлъ признать посвященнаго въ Царьградѣ Пимена, Переяславскаго архимандрита, и согласился признать Кипріана. Кипріанъ переѣхалъ къ нему изъ Кіева. Къ нему обратился Димитрій въ своей тревогѣ и явился къ нему вмѣстѣ съ двоюроднымъ братомъ, Серпуховскимъ кня-

земъ, Владиміромъ Андреевичемъ. Митрополитъ отвѣчалъ ему въ такомъ духѣ: «господинъ сынъ мой возлюбленный! Божіимъ попущеніемъ за наши согрѣшенія, невѣрные идутъ плѣнить нашу землю, а вамъ православнымъ князьямъ слѣдуетъ этихъ нечестивыхъ утолять дарами четверицею сугубо, чтобъ они пришли въ тихость и кротость и смиреніе. Повелѣлъ Господь христіанамъ поступать по евангельскому слову: будьте мудри яко зміи, а цѣли яко голубіе. Змѣиная мудрость въ томъ состоитъ, что если случится, что ее начнутъ бить, то змѣя отдаетъ тѣло на язвы и побои, а голову укрываетъ что есть силы. Вотъ такъ и христіанинъ, если случится, что его станутъ гнать и мучить, долженъ все отдавать, и серебро и золото и имущество и честь и славу, а голову свою укрывать; а голова — Христосъ и вѣра христіанская. Требуютъ отъ васъ имущества и злата и серебра — давайте все, что́ есть; чести и славы хотятъ — давайте; а когда вѣру хотятъ у васъ отнять — стойте за нее крѣпко. Такъ и ты, господинъ, сколько можешь собрать золота и серебра, пошли къ нему и исправься передъ нимъ и укроти его ярость.»

Эти отношенія съ Кипріаномъ подвергаютъ сомнѣнію именно потому, что, по другимъ извѣстіямъ Кипріанъ пріѣхалъ позже (въ 1381 году). Кромѣ этого недоразумѣнія въ числахъ, въ сообщаемомъ ею фактѣ нѣтъ ничего неправдоподобнаго, и если не съ Кипріаномъ, то съ епископомъ Герасимомъ коломенскимъ, близкимъ въ то время къ Димитрію, или съ какимъ-нибудь другимъ іерархомъ, могъ великій князь имѣть такой разговоръ, и имя митрополита могло, впослѣдствіи, при смѣшеніи воспоминаній, замѣстить имя епископа. Наконецъ, если это извѣстіе совершенно выдуманное, и тогда оно имѣетъ важное значеніе, какъ образчикъ духовной мудрости вѣка, какъ взглядъ, который дѣйствительно имѣли и могли имѣть тогда православные духовные, когда они заботились о вѣрѣ и объ исполненіи ея уста-

вовъ болѣе, чѣмъ о земномъ отечествѣ, входившемъ въ кругъ мірскихъ дѣлъ.

Димитрій послалъ въ Орду посла Захарія Пулчева съ двумя толмачами. Онъ везъ покорную грамоту и дань Мамаю; но дань была не въ томъ размѣрѣ, въ какомъ хотѣлъ получить властитель, думавшій о возстановленіи блеска и силы Кипчака. Посолъ этотъ едва вступилъ на Рязанскую землю, какъ узналъ, что Олегъ передался Мамаю, и извѣстилъ объ этомъ Димитрія.

Не говорится въ сказаніяхъ, продолжалъ ли посолъ свой путь далѣе и какъ принялъ его Мамай. Уже впослѣдствіи сказывается, что Мамай отвергъ умѣренную дань, предъ окончательнымъ опустошеніемъ и завоеваніемъ земли Русской.

Одно изъ сказаній объ этихъ событіяхъ (Ник. лѣт. VI, 105) говоритъ, что Мамай тогда посягнулъ на вѣру и такъ прорекъ предъ своими вельможами: «возьму Русскую землю, разорю христіанскія церкви, ихъ вѣру на свою переложу и велю кланяться Магомету: гдѣ были у нихъ церкви, тамъ поставлю мечети, посажу баскаковъ по всѣмъ городамъ Русскимъ и перебью Русскихъ князей.» Подъ вліяніемъ Магометанскаго фанатизма могъ дѣйствительно говорить такъ разсерженный непокорствомъ Димитрія Мамай; но еслибы этого и не было, во всякомъ случаѣ такой слухъ разнесся въ то время по Руси и давалъ войнѣ значеніе брани за вѣру.

Великій князь послалъ по всѣмъ землямъ Русскимъ свои грамоты, призывалъ всѣхъ князей и дружины ихъ и всѣхъ людей Русскихъ сходиться на рать. Лѣтописное сказаніе говоритъ, что тогда снова Димитрій обратился ко владыкѣ митрополиту, и послѣдній, услыша объ измѣнѣ Олега, изъявилъ сомнѣніе, не произошло ли это отъ обидъ, причинен-

ныхъ отъ Димитрія Рязанскому князю, и спрашивалъ его прямо: какого рода эта обида? Димитрій завѣрялъ, что ничѣмъ не оскорбилъ Олега.

Въ ожиданіи вѣстей отъ своихъ гонцовъ, Димитрій, согласно обычаю, творилъ милостыни по монастырямъ и раздавалъ нищимъ, надѣлялъ прохожихъ-странныхъ, которые въ тѣ времена ходили изъ страны въ страну подъ предлогомъ благочестія. Богомольное настроеніе не мѣшало, однако, князю и пировать. Когда сходились князья и бояре и дружины, первое дѣло — нужно было угощать пріѣзжихъ, а потомъ пріѣзжіе дѣлали отъ себя пиры.

Въ числѣ первыхъ пришедшихъ изъ земель Русскихъ былъ посланный прежнимъ врагомъ Московскаго князя, Михайломъ Александровичемъ, племянникъ его, Холмскій князь, Иванъ Всеволодовичъ. Тверской князь испыталъ уже, что Мамай — ему плохая защита и помощь противъ Московскаго государя и его силъ; теперь же подходила пора стоять за всю Русь.

Былъ пиръ у Никулы тысячскаго. Димитрій былъ на этомъ пиру съ другомъ своимъ Владиміромъ Андреевичемъ; были на пиру и пришедшіе князья и бояре другихъ земель. И вотъ прибѣгаетъ гонецъ и объявляетъ, что Мамай не хочетъ никакихъ сдѣлокъ и идетъ на Москву.

Тогда Димитрій послалъ въ другой разъ увѣщательную и призывную грамоту къ князьямъ; во всѣ подручныя земли побѣжали его гонцы. Великій князь назначилъ уже срокъ къ 31 іюля въ Коломну. Между тѣмъ онъ отправилъ трехъ воеводъ, крѣпкихъ оружниковъ: Радіона Ржевскаго, Андрея Волосатаго и Василія Тупика съ отрядомъ въ сторону къ Быстрой Соснѣ — достать вѣстей: гдѣ Мамай, когда и какимъ путемъ собирается итти?

Прошло нѣсколько времени. Въ Москву приходили опол-

ченія за ополченіями уже не только по призыву, но и добровольно, услыхавъ, что идетъ туча на Русь. О посланной стражѣ не было ни слуху, ни духу. Думали въ Москвѣ — вѣрно побиты; и послалъ великій князь другую (Климента Полѣнина, Ивана Святослава, Григорія Судока) и приказывалъ какъ можно скорѣе возвращаться, чтобъ не томилась Москва незнаніемъ. Эти вновь посланные встрѣтили Василія Тупика (судьба другихъ его товарищей осталась неизвѣстна). Тупикъ возвращался съ языкомъ къ великому князю въ Москву. Воротились и другіе, и языкъ подъ допросомъ сказалъ: «Идетъ царь Мамай совокупясь съ Олегомъ Рязанскимъ, и Ягелло Литовскій за одно съ ними; но еще не спѣшитъ: ждетъ осени, чтобъ сойтись съ Литвою.» Это извѣстіе было на руку Димитрію: онъ имѣлъ еще возможность стянуть силы. Немедленно разослалъ онъ опять гонцовъ по разнымъ землямъ торопить ополченія, и такъ какъ 31 іюля приближалось, то онъ назначилъ дальнѣйшій срокъ 15 августа: къ этому числу уже всѣ должны быть въ Коломнѣ.

И вотъ пришли въ Москву со своими дружинами князья Бѣлозерскіе Ѳедоръ Семеновичъ и Семенъ Михайловичъ, пришли сѣверные князья роду Бѣлозерскихъ, Глѣбъ Каргопольскій, князь Устюжскій, и другіе, которыхъ имена трудно указать подлинно, потому что въ сказаніяхъ, испытавшихъ позднѣйшія передѣлки, ихъ имена едва ли вѣрны, князь Ярославскій Андрей, Ростовскій князь Димитрій, князь Прозоровскій Романъ, князь Серпейскій Левъ.

Готовясь къ выходу, отправился Димитрій къ Троицѣ. Живъ еще былъ основатель этой святыни Московской земли; его благословенія испрашивалъ Димитрій. Преподобный устроилъ трапезу въ своемъ монастырѣ для князя и для тѣхъ, кто прибылъ тогда съ нимъ. За трапезою стояла святая вода. Вѣрный православному смиренію, предпочитавшій лучше златомъ и серебромъ отдѣлаться отъ враговъ, чѣмъ отважи-

ваться на кровопролитіе, за столомъ, Сергій сказалъ великому князю:

«Почти дарами и честью нечестиваго Мамая; Господь увидитъ твое смиреніе и вознесетъ тебя, а его неукротимую ярость низложитъ.»

Димитрій отвѣчалъ:

«Я уже поступилъ такъ, отче, но онъ тѣмъ болѣе несется на меня съ гордостію.»

Димитрій посмотрѣлъ на двухъ монаховъ-братьевъ. Они были рослы, плечисты, крѣпко сложены, ихъ черные волосы и бороды придавали мужества ихъ виду. Одинъ звался Пересвѣтъ, другой Ослябя. Оба они были когда-то ратные люди, слыли богатырями, но отреклись отъ мірской суеты, возлюбили иноческое молчаніе. Видно, жаль было ратнымъ людямъ смотрѣть, что такіе молодцы скрываются отъ поля битвы. Димитрій сказалъ Сергію:

«Дай мнѣ, отче, на брань этихъ двухъ иноковъ! Мы знаемъ про нихъ: они были великіе ратники, крѣпкіе богатыри, смышлены къ воинственному дѣлу и къ наряду.»

Преподобный сказалъ инокамъ:

«Я велю вамъ готовиться на ратное дѣло.»

Иноки поклонились, послушные волѣ игумена. Сергій взялъ схимы съ нашитыми крестами, возложилъ имъ на головы:

«Вотъ вамъ, носите это вмѣсто шлемовъ. Это вамъ доспѣхъ нетлѣнный вмѣсто тлѣннаго. Возьми же ихъ съ собою, великій княже, — продолжалъ святый мужъ, обращаясь къ Димитрію: — это тебѣ мои оружники, твои извольники.»

Обратившись снова къ монахамъ, Сергій говорилъ:

«Миръ вамъ, возлюбленные братья Пересвѣтъ и Ослябя; пострадайте какъ доблестные воины Христовы.»

Послѣ трапезы Сергій благословилъ великаго князя и бывшихъ съ нимъ крестомъ и окропилъ святою водою.

Старецъ исполнился вдохновеніемъ и пророчески сказалъ великому князю: «Господь Богъ будетъ тебѣ помощникъ и заступникъ, онъ побѣдитъ и низложитъ сопостатовъ твоихъ и прославитъ тебя.»

Эти слова обрадовали великаго князя. Димитрій самъ не смѣлъ повѣрить своему счастью. Слова: онъ побѣдитъ и низложитъ твоихъ сопостáтовъ и прославитъ тебя — раздавались отрадно въ его слухѣ. Но не смѣлъ онъ никому разсказывать объ этомъ, боясь вѣроятно, чтобъ не вмѣнено было это ему въ грѣхъ хвастливости и самонадѣянности. Возвратившись въ Москву, онъ сказалъ объ этомъ только владыкѣ, и тотъ запрещалъ ему пересказывать слова Сергія.

20 августа былъ день выхода войскъ изъ Москвы. Великій князь, князья и воеводы молились въ Успенскомъ соборѣ, кланялись мощамъ Петра митрополита, благословившаго въ началѣ главенство Москвы. «О чудотворный святитель! — говорилъ Димитрій: — поганые идутъ на меня, неизмѣннаго раба твоего, и крѣпко ополчились, вооружаются на градъ твой Москву; тебя Господь проявилъ послѣднему роду нашему, тебѣ подобаетъ молиться, мы твоя паства.» Здѣсь воители были благословлены крестомъ и окроплены святою водою. Великій князь ходилъ ко гробамъ отцовъ. Всѣ войска были выставлены на Красной площади вдоль длинной Кремлевской стѣны. Ворота Фроловскія (нынѣ Спасскія), Константино-Еленинскія (къ Москвѣ рѣкѣ, уже давно заложенныя) и Никольскія были отворены настежь; въ каждыхъ стояли священники и кропили святою водою ополченія. Въ заключеніе всего, Димитрій молился въ храмѣ Архистратига, молился и кланялся гробамъ своихъ прародителей. Послѣ того князья и воеводы вышли на дворъ, и тутъ начались проводы. Великая княгиня Евдокія, другія княгини и боярыни провожали мужьевъ голосомъ и разливались сле-

зами. Димитрій съ трудомъ удержался отъ слезъ: заплакать — было бы срамно передъ народомъ.

Димитрій выѣхалъ изъ Кремля на своемъ любимомъ конѣ. По правую руку отъ него ѣхалъ Владимиръ Андреевичъ. Димитрій окинулъ взоромъ войско. Оно красовалось несмѣтнымъ множествомъ; крѣпки и скоры были у Русскихъ удальцевъ кони, нарядно блестѣли на нихъ металлическіе колонторы изъ бляшекъ; вооружены они были короткими шпагами, называемыми корды (получались въ XIV вѣкѣ въ Россію изъ Польши), и длинными саблями; солнце играло на остріяхъ ихъ колчаръ (копій) и Нѣмецкихъ сулицъ, въ еловцахъ ихъ остроконечныхъ шлемовъ, въ покрашенныхъ красною краскою щитахъ.

Великій князь земли Русской возгласилъ къ нимъ: «Лѣпо намъ, братія, положить головы за правовѣрную вѣру христіанскую, чтобъ не взяли поганые городовъ нашихъ, чтобъ не запустѣли церкви наши, да не будемъ разсѣяны по лицу земли, а жены наши и дѣти не отведутся въ плѣнъ, на томленіе отъ поганыхъ. Да умолитъ за насъ Сына Своего и Бога нашего Пречистая Богородица!»

Голоса отвѣчали ему:

«Мы приговорили положить свой животъ, служа тебѣ, и теперь прольемъ кровь свою за тебя!»

Ополченіе двинулось. Ударили въ варганы, затрубили ратныя трубы; ржаніе коней переливалось съ громомъ военной музыки. Ополченіе стало раздѣляться. Владимиръ Андреевичъ пошелъ на Брашево, къ нынѣшнимъ Броницамъ; Бѣлозерскіе князья по Болвановской дорогѣ, а самъ Димитрій по дорогѣ на Котелъ. Тогда — говоритъ поэтическое сказаніе — княгиня Евдокія съ воеводскими женами провожала ихъ съ вершины своего золото-верхаго терема и сидѣла подъ южными окнами въ набережныхъ сѣняхъ, слѣдя глазами за исчезающимъ вдали войскомъ; она заливалась

слезами и говорила: въ послѣдній разъ смотрю я на своего великаго князя.

За нѣсколько верстъ отъ Коломны впадаетъ въ Москву-рѣку рѣчка Сѣверка. На устьяхъ ея встрѣтили Димитрія новые воеводы тѣхъ полковъ, которые уже ждали въ Коломнѣ. 28 августа Димитрій съ Московскими полками въѣхалъ въ Коломну. Епископъ Герасимъ встрѣтилъ его съ крестомъ ъ воротахъ. На другой день, 29 августа, Димитрій велѣлъ всѣмъ собраться на лугу, который назывался Дѣвичьимъ полемъ, близъ сада какого-то Памфила. Все поле было усѣяно необозримымъ воинствомъ. Никогда еще силы Русской земли не были въ такомъ числѣ собраны на защиту родной земли.

Димитрій устроилъ все свое ополченіе въ боевой порядокъ: каждый полкъ съ воеводою составлялъ отдѣлъ войска, а всѣ вмѣстѣ изображали собранную Русскую землю. Всѣ полки составляли три большихъ отдѣла: средину, правую и лѣвую руку. Самъ Димитрій Московскій находился въ срединѣ, съ воеводами своими и съ Бѣлозерскимъ полкомъ, предводительствуемымъ своими князьями; на лѣвой рукѣ предводителемъ былъ Левъ Брянскій, на правой — Владимиръ Андреевичъ, на его же сторонѣ были Ярославскіе князья; передовой полкъ былъ подъ начальствомъ Димитрія Всеволожа и Володимира Всеволожа.

Кромѣ прибывшихъ съ Димитріемъ изъ Москвы, въ Коломнѣ собраны полки: Переяславскій съ воеводою Андреемъ Серкизомъ, Юрьевскій съ воеводою Тимоѳеемъ Валуевичемъ, Костромской съ воеводою Иваномъ Родіоновичемъ, Владимирскій съ воевоою княземъ Романомъ Прозоровскимъ, Мещерскій съ воеводою княземъ Ѳедоромъ Елецкимъ, Муромскій съ князьями Юрьемъ и Андреемъ, Коломенскій съ воеводою Микулою Васильевичемъ. Оказалось, что еще многіе не успѣли придти; въ особенности жалѣлъ

*

Димитрій, что мало было пѣхоты; но дожидаться нельзя было. Надобно было идти въ Рязанскую землю и въ глубину степей, чтобы не дать Мамаю ворваться въ предѣлы Московской и союзныхъ ей земель. Димитрій взялъ благословеніе у епископа Герасима идти за Оку.

Выбрали вожаковъ, знающихъ дорогу, а это были купцы Сурожане. Въ тотъ вѣкъ никто столько не путешествовалъ, никто такъ часто не передвигался съ мѣста на мѣсто, какъ торговцы, а потому естественно было ихъ употребить провожатыми. Димитрій нашелъ такихъ, что много разъ бывали и въ Ордѣ, и въ Каѳѣ, и въ разныхъ далекихъ краяхъ, и знали обычаи чужихъ земель и народовъ; ихъ было числомъ десять; они должны были вести войско.

Войско двинулось къ Лопасни, поворачивая вправо, вѣроятно чтобъ предупредить соединеніе Литовскаго ополченія съ Мамаевымъ. Такъ-какъ еще многіе не успѣли придти, то великій князь оставилъ въ Лопасни воеводу тысячскаго Тимоѳея Васильевича наблюдать за переправою, проводить пришедшихъ черезъ Оку и указывать имъ путь. Димитрій далъ приказаніе, проходя черезъ Рязанскую землю, не трогать никого и не дѣлать никакихъ насилій жителямъ 26 августа онъ перешелъ черезъ Оку и пошелъ Рязанской землею; на дородѣ пристали къ нему двое Ольгердовичей: Андрей, бывшій княземъ во Псковѣ, и Димитрій съ Брянцами и Трубчевцами. Димитрій Ивановичъ послалъ передовой отрядъ провѣдывать непріятеля. Начальникомъ этого отряда былъ Семенъ Меликъ. Съ нимъ было много нарочитыхъ и мужественныхъ ратниковъ. Они должны были повидаться съ Татарскою стражею и послать скорую вѣсть. Самъ Димитрій пошелъ по Рязанской землѣ. Погода благопріятствовала походу: осенніе дни были теплы и ясны, земля суха. Шли еще далѣе остановились за двадцать три версты отъ Дона, на мѣстѣ, которое называлось Березы. Это было 5

сентября. Тутъ прибѣжали къ нему изъ посланнаго отряда Петръ Горскій да Карпъ Олексинъ (Александровичъ) и сказали: «Мамай стоитъ на Дону на Кузьминой-Гати и ожидаетъ къ себѣ Олега да Ягелла Литовскаго.» — «А сколько силы у него?» — Отвѣчали вѣстники: «и перечесть нельзя.»

Димитрій Ивановичъ собралъ на совѣтъ князей и воеводъ и спросилъ: что̀ дѣлать? перевозиться ли за Донъ, или ждать на этой сторонѣ?

Нѣкоторые говорили: «надобно намъ оставаться на этой сторонѣ Дона. Враговъ много: и Татары, и Рязанцы, и Литва; оставимъ за собой рѣку — трудно будетъ идти, а мы должны себѣ удержать путь назадъ.»

Олгердовичи давали такой совѣтъ:

«Если хочешь крѣпкаго бою, вели сегодня же перевозиться, чтобъ ни у кого мысли не было назадъ ворочаться; пусть всякій безъ хитрости бьется, пусть не думаетъ о спасеніи, а съ часу на часъ себѣ смерти ждетъ; а что говорятъ у нихъ силы велики, то что̀ на это смотрѣть! Не въ силѣ Богъ, а въ правдѣ!»

Въ это время пріѣхали гонцы изъ Троицы и привезли благословенную грамоту отъ преподобнаго Сергія. Отшельникъ напутствовалъ Димитрія счастливымъ пророчествомъ, поддерживалъ въ немъ храбрость и рѣшимость. Онъ убѣждалъ его идти на враговъ и обѣщалъ помощь Бога и Пречистой Богородицы. Эта грамота, безъ сомнѣнія, сдѣлала многое: подтверждала она то пророчество, которому прежде повѣрилъ Димитрій. Въ восторгѣ надежды и вдохновенія прочитавши ее, Московскій князь въ кругу своихъ сооружниковъ воскликнулъ со псалмопѣвцемъ: «си на колесницѣхъ и на конѣхъ, мы же имя Господа Бога нашего призовемъ!»

Находились многіе, у которыхъ осторожность брала верхъ надъ отвагою; они все еще настаивали, чтобъ оставаться. Димитрій сказалъ имъ: «честная смерть лучше злаго

живота. Ужь лучше было вовсе не идти противъ безбожныхъ Татаръ, чѣмъ пришедши сюда и ничего не сдѣлавши, назадъ возвращаться». И присталъ великій князь къ совѣту Олгердовичей, и рѣшились переправляться на Донъ, отважиться на крѣпкій бой, на смертный бой, побѣдить враговъ, или безъ поворота всѣмъ пропасть. Въ первый разъ со времени Батыева ига, Русь, собранная въ лицѣ воинственныхъ дѣтей своихъ, рѣшилась предпочесть смерть рабству.

Войско двинулось къ Дону, и увидѣло его наканунѣ праздника Рождества Богородицы, 7 сентября. Пришла вѣсть: Мамай узналъ, что идетъ на него Димитрій; передовые отряды Семена Мелика уже бились съ Татарами; Мамай уже видѣлъ своихъ Татаръ, изсѣченныхъ Русскимъ оружіемъ. «Всѣ силы темныя, силы всѣхъ властей и князей своихъ Мамай ведетъ на насъ — говорилъ Семенъ Меликъ: — онъ уже на Гусиномъ-броду. Только одна ночь между нашими и ихъ полками. Вооружайся, княже! завтра нападутъ на насъ Татары.»

Русскіе стали строить мосты, искать бродовъ, и перешли черезъ Донъ. По однимъ лѣтописнымъ сказаніямъ, эта переправа случилась вечеромъ и ночью, по другимъ — рано утромъ. Объ этой ночи предъ великимъ днемъ кровавой раздѣлки Русскихъ со своими поработителями сохранилось такое преданіе, записанное въ повѣсти о битвѣ: Была ночь теплая и тихая, а послѣ полуночи (глубоцѣ ночи) пришелъ къ великому князю Димитрію Боброкъ, родомъ Волынецъ. Пришелъ онъ, по сказанію повѣсти, вмѣстѣ съ Олгердовичами служить Димитрію противъ враговъ вѣры христіанской. Его знали за удалаго и смышленаго воителя и боялись мужества его. Опытный въ брани, онъ искусенъ былъ и въ гаданіяхъ, которыми тогда славились въ его родинѣ. «Хочешь ли — сказалъ великому князю Боброкъ: — я покажу тебѣ такія примѣты, по которымъ ты узнаешь, что̀ случится впередъ?»

Условились никому не говорить объ этомъ; Димитрій сѣлъ на своего боеваго коня и поѣхалъ вмѣстѣ съ Волынцемъ впередъ. Было передъ ними широкое ровное поле, сзади Донъ, впереди рѣчка Непрядва, впадающая въ Донъ. Это поле звалось Куликово. Они остановились посреди поля въ ночной тьмѣ.

«Оборотись къ Татарской сторонѣ и слушай, князь» — сказлъ Боброкъ. И стояли они нѣсколько времени молча, и слышны были имъ крикъ и стукъ, звучали трубы, а далѣе завывали волки и будто дрались между собою; а по правую сторону кричали птицы, граяли вороны, клектали орлы надъ рѣкою Непрядвою.

«Что̀ слышишь?» — спросилъ Боброкъ.

«Страхъ и гроза» — отвѣчалъ Димитрій.

«Теперь — сказалъ Боброкъ — обратись, княже, на Русскій полкъ».

Оба повернулись лицемъ къ Дону.

«Что̀ слышишь?» — спросилъ Боброкъ послѣ нѣсколькихъ минутъ.

«Ничего не слышу — отвѣчалъ великій князь: — тишина великая; вижу только, будто отъ множества огней зарево.»

Тогда сказалъ ему Димитрій Боброкъ: «Господине княже, благодари Бога и Пречистую Богородицу и великаго чудотворца Петра и всѣхъ святыхъ: огни — это доброе знаменіе тебѣ; призывай Бога на помощь и молись Ему часто; не оскудѣвай вѣрою къ Нему и Пречистой Богородицѣ и къ пастырю вашему и молебнику великому чудотворцу Петру. Это добрыя примѣты. Но у меня есть еще иная примѣта.»

Онъ слѣзъ съ коня, упалъ на землю, приложилъ правое ухо къ землѣ, долго прислушивался, всталъ потомъ, прило-

жилъ къ землѣ другое ухо, и вставши снова, былъ встревоженъ, потупилъ голову и ничего не говорилъ.

«Ну, что̀, братъ Димитрій?» — спросилъ его великій князь.

Боброкъ не отвѣчалъ и былъ смутенъ. Великій князь еще его спрашивалъ. Онъ молчалъ. Великій князь упрашивалъ его, умолялъ. Боброкъ прослезился.

Великій князь испугался и говорилъ: «Братъ Димитрій, скажи мнѣ; иначе сердце у меня очень болитъ.»

«Господине княже! — сказалъ ему Боброкъ — только тебѣ одному повѣдаю, а ты никому не говори объ этихъ двухъ примѣтахъ: одна тебѣ на великую радость, а другая на великую скорбь. Я припадалъ къ землѣ ухомъ и слышалъ, какъ земля горько и страшно плакала: на одной сторонѣ, казалось, будто плачетъ женщина-мать о дѣтяхъ своихъ и голоситъ по-Татарски и разливается слезами; а на другой сторонѣ казалось мнѣ, будто дѣвица плачетъ тонкимъ свирѣльнымъ голосомъ, въ большой скорби и печали. Много я битвъ перебылъ, много примѣтъ испыталъ и знаю я ихъ; уповай на милость Божію: ты одолѣешь Татаръ; но твоего христіанскаго воинства падетъ подъ остріемъ меча многое множество.»

Димитрій, услыша это, заплакалъ, но потомъ сказалъ: «Какъ угодно Господу, пусть и будетъ та́къ. Кто воли Его противникъ?»

«Господине княже! — сказалъ еще разъ Боброкъ — не слѣдуетъ тебѣ никому говорить объ этомъ въ полкахъ, чтобы не уныло у многихъ сердце. Призывай Господа Бога на помочь, и Пречистую Богородицу, и великаго чудотворца Петра, и всѣхъ святыхъ; вооружайся животворящимъ крестомъ Христовымъ: то Его оружіе непобѣдимое.»

Они уѣхали въ станъ, и за ними выли страшно волки; было такое ихъ множество, что казалось, — говоритъ по-

вѣствованіе — будто со всего свѣта сбѣжались, и вороны кричали, и орлы клектали; и страшно было въ эту ночь.

Въ то же время, какъ объяснилось поутру, были видѣнія и другимъ. Былъ въ войскѣ Русскомъ какой-то Ѳома Кацюгей, а по другимъ — Ѳома Хаберцыевъ; нѣкогда онъ былъ разбойникъ, но покаялся и теперь хотѣлъ загладить свои злодѣянія и умереть за правое дѣло. Это былъ человѣкъ необыкновенной тѣлесной силы и чрезвычайно отваженъ; потому-то его поставили на стражѣ отъ Татаръ. Стоя на своемъ мѣстѣ, увидалъ онъ, будто по воздуху выступаетъ съ востока полчище; и вдругъ, съ юга, на это полчище идутъ двое вооруженныхъ юношей и начинаютъ поражать его мечами, и Кацюгей слышалъ, какъ эти юноши говорили къ полчищу: «Кто вамъ велѣлъ погублять наше отечество? намъ его даровалъ Господь!» Многихъ они убили, а другихъ разогнали. Поутру Кацюгей сказалъ это великому князю. Димитрій уразумѣлъ, что эти два юноши — страстотерпцы Борисъ и Глѣбъ, его праотцы, всегда молящіеся предъ престоломъ Божіимъ о родной Руси и уже помогавшіе Александру въ войнѣ его со Шведами.

Утромъ рано все войско стало готовиться къ битвѣ. Взошло солнце, но густой туманъ покрывалъ землю и ничего не было видно. Такъ прошло часа два. Эта мгла помогла Русскимъ. Димитрій отправилъ тѣмъ временемъ Владимира Серпуховскаго и Димитрія Боброка съ избраннымъ войскомъ въ верхъ по теченію Дона за лѣсъ, въ засаду. Наконецъ, туманъ сталъ подыматься, засіяло солнце. Тогда Димитрій, проѣхавшись предъ полками, говорилъ повсюду:

«Отцы и братья! ради Господа, подвизайтесь за вѣру христіанскую и за святыя церкви. Смерть тогда — не въ смерть, а въ животъ вѣчный.» Потомъ онъ пріѣхалъ подъ свое великокняжеское черное знамя, помолился образу Спасителя, нарисованному на знамени, сошелъ съ коня, отдалъ

коня боярину своему Михаилу Бренку, снялъ съ себя княжескую приволоку (плащъ) и надѣлъ на Бренка, велѣлъ ему сѣсть на своего коня, а своему рынделю (знаменоносцу) приказалъ нести передъ нимъ великокняжеское знамя. Повѣсть говоритъ, что окружающіе великаго князя упрашивали его стать въ безопасномъ мѣстѣ, гдѣ бы онъ могъ только смотрѣть на битву и давать ей ходъ; но великій князь отказался отъ этого, и говорилъ: «Я у васъ первый надъ всѣми; я болѣе всѣхъ васъ получалъ всего добраго, и теперь долженъ первый съ вами терпѣть». Но кажется, что Димитрій нарядилъ своего боярина великимъ княземъ съ тою именно цѣлію, чтобы сохранить себя отъ гибели и еще болѣе отъ плѣна, потому что враги Татары, узнавши великаго князя по знамени и по приволокѣ, употребляли бы всѣ усилія, чтобъ схватить его или убить. Въ видѣ простаго воина, Димитрій вкусилъ благословеннаго хлѣбца, который ему прислалъ Сергій съ своею грамотою, и читалъ молитву, прилагая руку ко кресту, висѣвшему у него на груди.

Русское войско пошло къ устью Непрядвы. По правую руку отъ средины велъ его воевода Михаилъ Васильевичъ; передовые полки шли подъ начальствомъ братьевъ Всеволожей Димитрія и Володимира. Часовъ въ XI (въ шестомъ часу дня) увидѣли Русскіе Мамаево полчище, сходившее съ холма. Оно двигалось, какъ туча, стѣнами; задніе клали копья на плеча переднимъ, и устроены были у нихъ копья такъ, что у заднихъ были длиннѣе, а у переднихъ короче. Одежды на нихъ были темнаго цвѣта. Русскія войска, напротивъ, шли нарядно. Множество знаменъ колебалось отъ тихаго вѣтра какъ облака; свѣтились образа на знаменахъ и свѣтились доспѣхи ратниковъ, словно утренняя заря въ ясное время, и еловцы на ихъ шлемахъ огнемъ пылали. По извѣстію другаго сказанія, воеводы были одѣты въ мѣстныя одежды; вѣроятно, подъ этимъ разумѣли то, что каж-

дый на одеждѣ своей имѣлъ особенности, отличавшія его по мѣстности. Такъ сходились Русскія силы съ Татарскими съ противоположныхъ возвышеній; и было страшно видѣть, — говоритъ сказаніе — какъ двѣ великія силы шли на кровопролитіе и скорую смерть.

Мамай сталъ на возвышеніи со своими князьями и сталъ оттуда наблюдать битву. Враждебныя полчища смотрѣли другъ на друга. И вотъ изъ Татарскаго войска выѣзжаетъ богатырь по имени Телебей (Телебегъ), хвалится своею силою и храбростью и вызываетъ достойнаго помѣряться съ собою. Онъ былъ исполинскаго роста и чрезмѣрно силенъ. Такой Голіаѳъ шелъ открывать битву: такъ слѣдовало по обычаю Татаръ; у нихъ всегда такіе удальцы-силачи начинали дѣло и показывали собою другимъ примѣръ. «Кто противъ меня идетъ?» кричалъ богатырь; и страшенъ былъ громадный видъ его, и не сразу нашелся изъ Русскихъ тотъ, кто бы отважился съ нимъ на единоборство.

Но тутъ выступилъ Пересвѣтъ. Шлемъ его былъ накрытъ схимою, возложенною на него Сергіемъ. Онъ испросилъ благословеніе у священника, сѣлъ на боеваго коня, обратился къ стоящимъ и громко крикнулъ: «Отцы и братья, простите меня грѣшнаго! Братъ Ослябя, моли за меня Бога! Преподобный Сергіе, помогай мнѣ молитвою твоею!» И онъ понесся во всю прыть на Татарина. Богатырь летѣлъ ему на встрѣчу, неистово столкнулись они и на всемъ скаку, со всѣхъ силъ ударили одинъ другаго копьями. Кони ихъ отъ удара присѣли на корачки, а они полетѣли на землю оба мертвые. Равны были двѣ силы и не снесли взаимныхъ ударовъ.

Вслѣдъ за тѣмъ, данъ былъ знакъ. Затрубили трубы. Крикнули Русскіе: «Богъ христіанскій, помоги намъ!» Крикнули Татары, призывая Магомета. Началась всеобщая не-

истовая сѣча. Такой сѣчи, по сказанію современниковъ, не было еще на Руси. Бились не только оружіемъ, но и рукопашно; задыхались отъ тѣсноты; умирали подъ конскими копытами. Кровь полилась потоками по травѣ. Христіане и невѣрные испускали дыханіе, переплетаясь между собою руками и ногами въ предсмертныхъ страданіяхъ. Часа черезъ два Татары стали одолѣвать. Москвичи, небывальцы въ браняхъ, какъ называетъ ихъ Новгородскій лѣтописецъ, въ страхѣ пустились въ разсыпную. Татары погнались за ними, и увидѣвши черное великокняжеское знамя, направили туда всѣ усилія; добрались, изрубили знамя и убили Михаила Бренка, котораго по одеждѣ приняли за великаго князя. Ужасъ распространялся болѣе и болѣе въ Русскихъ рядахъ. Падали князья, падали воеводы; все бѣжало. Палъ князь Бѣлозерскій Θеодоръ, потомъ его сынъ Иванъ и Торусскій князь Θеодоръ и братъ его Мстиславъ, князь Θеодоръ Семеновичъ, князь Иванъ Михайловичъ, князь Димитрій Монастыревъ; бояре и воеводы: Семенъ Михайловичъ, Микула Васильевичъ, Андрей Шуба, Андрей Серкизъ, Тимоѳей Васильевичъ, Волуй Окатьевичъ, Левъ Мозыревъ, Тарасъ Шатневъ, Семенъ Меликъ, Дмитрій Мининъ и Ослябя— товарищъ и братъ Пересвѣта.

Великаго князя между простыми воинами сбили съ коня; онъ сѣлъ на другаго коня; но бросились на него четыре Татарина, сбили съ коня; онъ сѣлъ на другаго; погнались за нимъ; снова сбили его съ коня, нанесли нѣсколько ударовъ по доспѣхамъ. Князь Новосильскій оборонялъ его. Димитрій едва ушелъ въ лѣсъ, скрылся подъ вѣтвями срубленнаго дерева и лежалъ какъ мертвый [1]). Было полное пораженіе Русскихъ силъ, полное торжество Мамая.

---

[1]) Онь же притруденъ велми изыде едва въ дубраву и вниде подъ новосѣчено древо многовѣтвено и листвено и ту скрывъ себе лежаше на землѣ (Никонов. IV, 114). Подъ вѣтвями лежаше аки мертвъ (ibid. 118).

Князь Владимиръ Андреевичъ и Боброкъ смотрѣли изъ за-лѣса. Князь порывался выскочить; Боброкъ его удерживалъ. Когда же увидѣли они, что Татары одолѣваютъ, Владимиръ терялъ терпѣніе. «Димитрій — кричалъ онъ Боброку, что̀ это такое? комужъ пользуетъ наше тутъ стояніе? кому мы помогать будемъ? Бѣда приходитъ!

«Да, бѣда великая — отвѣчалъ Боброкъ: — да намъ еще не пришла година. Кто не въ пору начинаетъ, тотъ бѣду себѣ принимаетъ. Потерпимъ еще немного, пока придетъ нашъ часъ воздать противнику. Молясь Богу, да дожидай осьмаго часа — будетъ вамъ благодать и Христова помощь».

Еще хуже стало Русскимъ: еще горше они разстроились, и свирѣпѣе, нещаднѣе побивали ихъ Татары. Рвались Русскіе изъ засады, плакали надъ гибелью своихъ, а Боброкъ все ихъ удерживалъ и велѣлъ ожидать осьмаго часа. Они сопротивлялись. Боброкъ даже бранилъ ихъ: «подождите, глупыя вы дѣти Русскія — говорилъ онъ: — еще есть вамъ съ кѣмъ утѣшаться, пить и веселиться!» Русскіе роптали, сердились, а не смѣли поступить противъ Боброка, потому что считали его знахаремъ. Наконецъ, когда уже Татары считали себя окончательно побѣдителями, именно тогда-то приблизился обѣтованный осьмой часъ.... Боброкъ сказалъ: «Княже Владимире и вы, сыны Русскіе, братья и друзья! часъ приспѣлъ и пора пришла: идемъ, и поможетъ намъ благодать Святаго Духа.»

Вѣтеръ южный дулъ имъ сзади. Выскочили они стремительно изъ засады словно соколы на журавлиное стадо, говоритъ сказаніе, съ крикомъ и шумомъ прямо въ тылъ Татарамъ и начали поражать ихъ.

Нежданное появленіе свѣжаго войска оттуда, гдѣ никакъ его не предполагали, навело на Татаръ страхъ. Потерявъ уже свой строй, они не могли стать въ боевой порядокъ. «Бѣда намъ! — кричали они: — Русь перехитрила насъ: худыхъ мы побили, а лучшіе теперь на насъ обрушились».

Показалось тогда имъ, что они совсѣмъ уже разбиты. Стали бить Татаръ со всѣхъ боковъ; а Татары сначала черезчуръ горячились и обезсилили себя. Оказалось, что тогда, когда напали на нихъ свѣжія силы, у нихъ и кони утомились и руки ихъ ослабѣли и ноги устали, и въ безпорядкѣ не видѣли и не знали они, гдѣ свой, гдѣ чужой, куда имъ повернуться. Русскіе прорывали ихъ толпы, били и вправо и влѣво, и сзади и спереди. Татары, метая оружіе, бѣжали. Русскіе догоняли и убивали ихъ. Мамай, увидя такое смятеніе, вмѣсто того, чтобъ послать на помочь силы, которыя еще оставались около него, бросилъ свое возвышеніе и бѣжалъ; за нимъ бѣжали князья и всѣ, кто только успѣвалъ спастись отъ Русскихъ. Однѣ толпы Татаръ бѣжали за Непрядву, и множество ихъ потонуло въ Непрядвѣ; другія толпы бѣжали вправо къ рѣкѣ Красивой Мечи. Русскіе гнались за ними и били ихъ уже безотпорно. Татары кидали свои возы и свое имущество въ добычу побѣдителямъ.

Къ вечеру, когда часть Русскаго войска преслѣдовала Татаръ по направленію къ Мечи, Владимиръ Андреевичъ поѣхалъ верхомъ по кровавому полю битвы, началъ съ тревогою спрашивать и искать великаго князя, и приказалъ трубить на сходъ. Толпы оставшихся въ цѣлости окружили его.

«Гдѣ братъ Димитрій, великій князь? Кто изъ васъ видѣлъ его?»

«Не видали», — отвѣчали одни. Нѣкоторые считали его мертвымъ, принимая за него убитаго, въ его приволокѣ, Бренка. Литовскій князь сказалъ:

«Надѣемся, что онъ живъ, только гдѣ-нибудь между трупами и сильно раненъ.»

«А я видѣлъ его — сказалъ одинъ воинъ — онъ въ простомъ платьѣ бился съ Татарами. Четыре Татарина окружили его; онъ бился съ ними и бѣжалъ отъ нихъ».

Тутъ выступилъ юноша князь Стефанъ Новосильскій и

сказалъ: «Передъ самымъ твоимъ приходомъ я видѣлъ, какъ онъ шелъ пѣшкомъ на побоищѣ. Онъ былъ раненъ. За нимъ гналось четверо враговъ. Я сразился съ однимъ изъ этихъ Татаръ и побѣдилъ его. Я поскакалъ потомъ за тѣми тремя, что̀ гнались за великимъ княземъ, но трудно было мнѣ за ними слѣдовать: конь не могъ идти по человѣческимъ трупамъ. Но я догналъ еще одного Татарина и убилъ его. Остальные напали на меня, и я еще одного убилъ, а послѣднiй убѣжалъ. И за тѣмъ погнался я, но увидѣли другiе Татары и бросились на меня, и нанесли мнѣ удары, и я упалъ, и остался между трупами, пока ты пришелъ сюда».

«Братья, кто найдетъ великаго князя, тому честь великая будетъ!» закричалъ Володимиръ Андреевичъ.

Ратные люди разсыпались по полю. Вдругъ одна толпа закричала: «убитъ, убитъ!» Они нашли тѣло въ великокняжеской одеждѣ, и при немъ переломленное черное знамя; но то былъ Михаилъ Бренокъ. И потомъ толпа наткнулась на другой трупъ и еще разъ закричала: «убитъ, убитъ!» Но это былъ князь Бѣлозерскiй.

Двое ратниковъ: Сабуровъ и Григорiй Холопищевъ, Костромичи родомъ, свернули вправо въ дуброву и наткнулись на лежащаго подъ срубленною березою человѣка. Они присмотрѣлись и узнали Димитрiя Ивановича. Вѣтви покрывали его. Ратники нагнулись надъ нимъ. Глаза его были закрыты. «Господине княже!» кричали они и замѣтили, что князь дышитъ.

«Живъ, живъ! — кричалъ Сабуровъ: — великiй князь Димитрiй Ивановичъ здравствуетъ.»

Онъ разносилъ радостную вѣсть. Владимиръ Андреевичъ Серпуховскiй князь съ уцѣлѣвшими князьями и воеводы съ ратниками поскакали къ тому мѣсту. Владимиръ сошелъ съ коня, нагнулся къ Димитрiю и громко говорилъ: «братъ Димитрiй Ивановичъ и великiй князь, нашъ древнiй Ярославъ, новый Александръ! побѣда, побѣда повѣдается тебѣ!»

Великій князь открылъ глаза и проговорилъ: «Кто это говоритъ? что̀ за рѣчи я слышу!»

Владиміръ сказалъ:

«По милости Бога и Пречистой Матери Его, помощію сродниковъ твоихъ страстотерпцевъ Бориса и Глѣба, моленіемъ святаго Петра и способника его Сергія игумена, побѣждены супостаты: мы спасены.»

«Кто это говоритъ?» — еще разъ произнесъ Димитрій.

«Это я, братъ твой Владиміръ, говорю тебѣ.»

Димитрій сталъ приглядываться. Ему пособили встать. По извѣстіямъ лѣтописи, онъ былъ крѣпкаго сложенія, высокъ, широкоплечъ, но чреватъ велми и тяжекъ собою зѣло. На доспѣхѣ его было много рубцовъ отъ Татарскихъ мечей. Но когда сняли съ него вооруженіе, то не нашли ранъ у него на тѣлѣ. Когда, наконецъ, онъ осмотрѣлся кругомъ и понялъ въ чемъ дѣло, то воскликнулъ: «день, его же сотвори Господь, возрадуемся и возвеселимся въ онь!» Тутъ Владиміръ началъ ему разсказывать, ка́къ было дѣло послѣ того, какъ великій князь пересталъ биться и видѣть битву. Великій князь радовался и хвалилъ храбрость Русскихъ. Узнавши, что виною побѣды Боброкъ, онъ обратился къ нему и сказалъ: «Братъ Димитрій! истинно ты разумливъ: неложна твоя примѣта. Тебѣ должно быть всегда воеводою».

Его посадили на коня и повезли по всему побоищу. Онъ слышалъ стоны умиравшихъ; онъ видѣлъ тѣла, наваленныя какъ копны, и бѣжавшіе потоки крови: много главныхъ и храбрыхъ воителей встрѣтилъ онъ мертвыми на пути своемъ; онъ увидѣлъ своего воеводу Микулу тысячскаго и князей Бѣлозерскихъ, отца и сына, и сродниковъ ихъ: они лежали вмѣстѣ, какъ и пришли вмѣстѣ на кровавый пиръ. Заплакалъ надъ ними великій князь и говорилъ: «Братья, князья Русскіе! если имѣете дерзновеніе ко Господу, молитесь теперь о насъ, чтобъ намъ нѣкогда быть вмѣстѣ съ вами!» Слѣдуя

далѣе, наткнулся онъ на тѣло Михаила Андреевича Бренка: въ великокняжеской приволокѣ лежалъ онъ, заслонившій своимъ тѣломъ жизнь великаго князя. Жаль стало князю своего боярина. Современники говорятъ, что онъ любилъ его. Узналъ онъ между трупами много храбрыхъ князей и военачальниковъ; узналъ и чернеца Пересвѣта: лежалъ схимникъ-удалецъ вмѣстѣ съ невѣрнымъ богатыремъ, и схима на головѣ отличала его. «Вотъ, братіе, нашъ починальникъ! — сказалъ великій князь: — вотъ онъ, провозвѣстившій намъ побѣду пораженіемъ подобнаго себѣ сильнаго, отъ котораго намъ пришлось бы испить горькую чашу. Князья и сыны Русскіе! мѣстные бояре, сильные воеводы, дѣти всей Русской земли! та́къ слѣдуетъ вамъ служить, а мнѣ радоваться на столѣ своемъ, на великомъ княженіи, и награждать васъ. Теперь же да похоронитъ каждый своего ближняго, да не будутъ въ снѣдь звѣрямъ тѣла христіанскія.»

Восемь дней послѣ того стояли Русскіе на полѣ, которому суждена была неувядаемая слава въ Русской исторіи. Ратные люди разбирали тѣла, христіанъ отдѣляли отъ невѣрныхъ, оставили Татарскія тѣла гнить на поверхности земли, а христіанскія предали погребенію съ обрядами. И воспѣли, говоритъ лѣтопись, священники вѣчную память избіеннымъ отъ Татаръ на Куликовомъ полѣ, между Дономъ и Мечею; и князь великій съ братомъ своимъ и все воинство пропѣли вѣчную память съ плачемъ и слезами. На сердцѣ у Русскихъ осталась скорбь о томъ, что не всѣхъ земляковъ своихъ тѣла могли они отдѣлить отъ Татарскихъ и похоронить съ честью: многимъ крещенымъ пришлось гнить вмѣстѣ съ обрѣзанными и идолопоклонниками. «Это за грѣхи наши попустилъ намъ такъ Богъ», говорили Русскіе, вспоминая это обстоятельство.

Мамай бѣжалъ. Преслѣдуемый новымъ соперникомъ своимъ Тохтамышемъ, онъ искалъ убѣжища въ Каѳѣ. Ге-

нуезцы тамъ и убили его. Ягелло не успѣлъ дойти къ союзнику, и стоя подъ Одоевымъ, услышалъ, что Русскіе разбили его союзника; онъ воротился со своими и не сталъ уже нападать на Москву. Олегъ бѣжалъ изъ земли своей, а впослѣдствіи покорился Москвѣ. Русь торжествовала. Русь одною битвою, трудами одного дня покупала себѣ свободу отъ полуторавѣковаго рабства. Но свобода не дается ни быстро, ни дешево. Черезъ два года послѣ того Тохтамышъ, ниспровергнувши державу Мамая и ставши самъ ханомъ Золотой орды, нагрянулъ на Москву: онъ искалъ возвращенія правъ ханскихъ надъ строптивымъ рабомъ. Москва была разорена. Русь признала снова такъ внезапно сверженное иго. За то Куликовская битва все-таки предуготовила на будущее время назависимость Русскихъ земель и открыла борьбу на жизнь и на смерть между Славянами и Татарами. Память объ этой побѣдѣ напечатлѣлась въ Русскомъ духѣ. Много разъ послѣ того Татары давали Русскимъ чувствовать себя, но впечатлѣніе Куликовской битвы не умирало: Русь уже испытала, что можно не только отбивать грозныхъ Татаръ, но истреблять многочисленныя ихъ полчища; а въ многочисленномъ полчищѣ была вся сила, все могущество Орды. Съ памятью Куликовскаго побоища Русь возрастала и дожидалась лучшихъ временъ, и когда пришли они, Русь совершила надо всею силою завоевательнаго полчища то, что̀ сдѣлала прежде на Куликовомъ полѣ надъ полчищемъ Мамаевымъ. Русь разсѣяла, истребила, стерла съ земли эту грозную завоевательную силу. Такимъ образомъ, побѣда Куликовская нравственнымъ вліяніемъ на духъ народный стала какъ бы первообразнымъ событіемъ не только освобожденія Руси отъ Татаръ, но и обратнаго покоренія первою послѣднихъ, — господства Славянскаго племени надъ завоевательными и разрушительными племенами Средней Азіи.

1863 г.

ЛИВОНСКАЯ ВОЙНА.

ЛИВОНСКАЯ ВОЙНА.

НАПАДЕНІЕ ИВАНА ВАСИЛЬЕВИЧА ГРОЗНАГО НА ЛИВОНІЮ И ПАДЕНІЕ ЛИВОНСКАГО ОРДЕНА [1]).

Успѣхъ распространенія Московскаго государства на востокѣ повлекъ московскую политику въ тѣхъ же видахъ на западъ; привычка къ расширенію предѣловъ московской земли, возникшая еще при Калитѣ, въ продолженіе двухъ вѣковъ счастливо удовлетворялась захватомъ сначала русскихъ земель, а потомъ огромнаго пространства восточнаго материка. Каждая удача возбуждала надежды и новыя стремленія. Прежнія историческія отношенія къ сосѣдямъ давали этимъ стремленіямъ поводы и поддержку. Собранная московскими князьями, Русь какъ будто сознала свою историческую задачу раздѣлываться съ тѣми врагами, которые томили ее и

---

¹) При составленіи этого сочиненія авторъ пользовался слѣдующими источниками и пособіями:

1) Monumenta Livoniae antiquae. Sammlung von Chronicken, Berichten, Urkunden, und andern schriftlichen Denkmalen und Aufsätzen, welche zur Erläuterung der Geschichte Liv-, Ehst- und Kurland's dienen. I. Band: Thomae Hiärn's Ehst-, Lyf- und Lettländische Geschichte. 1835. — II. Band: Franz Nyenstædt's Livländische Chronick nebst dessen Handbuch, herausgegeben von G. Tielemann. — IV. Band: Riga's ältere Geschichte in Übersicht, Urkunden und alten Aufzeichnungen zusammengestellt. 1844. — V. Band: Die letzen Zeiten des Erzbisthums Riga, dargestellt in einer gleichzeitigen Chronick des Bartholomäus Grefenthal und in einer Sammlung der auf jene Zeiten bezüglichen Urkunden. 1847.

2) Scriptores rerum Livonicarum, Sammlung der wichtigsten Chronicken und Geschichtsdenkmale von Liv-, Ehst- und Kurland. B. I—IV (преимуще-

дѣлали ей зло въ прежніе вѣка. Москва, покоривши Новгородъ и Псковъ, наслѣдовала отъ нихъ прежнія ихъ политическія отношенія, и усвоила себѣ право продолжать и оканчивать начатые ими дѣла и споры, возстановлять потерянное достояніе русскаго міра. Отъ этого какъ только Москвѣ посчастливилось на востокѣ, она обратилась на двухъ сосѣдей, имѣвшихъ нѣкогда столкновенія съ Новгородомъ и Псковомъ — на Швецію и Ливонію. Александръ Невскій, остановившій въ XIII вѣкѣ покушенія этихъ сосѣдей на независимость сѣверныхъ русскихъ земель, какъ будто завѣщалъ окончательное дѣло начатыхъ побѣдъ тому времени, когда Русь окрѣпнетъ и усилится. Недаромъ митрополитъ Макарій, привѣтствуя Іоанна послѣ казанскихъ побѣдъ, припомнилъ

ственно же помѣщенныя во второмъ томѣ современныя хроники: 1) Chronica der Provintz Lyfflandt dorch Balthasar Russowen Revaliensem. 1584; 2) Lifflendische-churlendische Chronika was sich von Jahr Christi 1554 biss auff 1590 in den langwierigen Moscowiterischen und andern Kriegen, an nothdrenglicher veränderunge der Obrigkeit und Stände in Liefflland sider dess letzten Herrn Meisters und Ersten in Liefflland zu Churland und Semigalln Hertzogen gedenckwirdiges zugetragen verfasset, und gestellet durch Salomon Henninge im Jahr MDXCIIII.

3) Bunge's Archiv für die Geschichte Liv-, Ehst- und Curlands mit Unterstützung der esthländischen litterärischen Gesellschaft herausgegeben. Dorpat. 1844.

4) Mittheilungen aus dem Gebiete der Geschichte Liv-, Ehst- und Kurlands, herausgegeben von der Gesellschaft für Geschichte und Alterthumskunde der Russischen Ostsee-Provinzen. 1847 — 1858.

5) Bornhaupt. Entwurf einer geogr. statist. hist. Beschreibung Liv-, Ehst- und Kurlands. 1855.

6) Ziegenhorn's Staats-Recht von Curland (Beilagen).

7) Neue Zeitung so ein Erbarer Rath der Stadt Revel von der Botschaft des Königs auss Danemarckt mündlich gefragt und angehöret wie alle Sachen jetzt zwischen dem unchristlichen und blutdürstigen Tyrannen dem Grossfürsten in Moscau und in Tartern etc. 1561.

8) Sehr greuliche erscheckliche vor unerhörte warhafftige Neue was für grausame Tyranney der Moscowiter an den Gefangenen hinweggefürten Christen auss Lyfflandt beides an Mannen und Frawen, Junckfrawen und kleinen Kindern begehet etc. 1561.

9) Kelch's Liffländische Historia. 1695.

какъ Богъ пособилъ Александру Латынъ побѣдить [1]). При Іоаннѣ Русь какъ будто вспомнила XIII вѣкъ и покусилась расправиться съ нѣмецкимъ племенемъ за его древнее недоброжелательство. Дѣла со Швеціею и Ливоніею были возобновлены Москвою, принявшею ихъ въ томъ видѣ, въ какомъ послѣдній разъ вели ихъ сѣверныя народоправства. Со Швеціею у Новгорода вражда притихла съ половины XIV вѣка. Вражда Ливоніи со Псковомъ неистово продолжалась до послѣднихъ временъ псковской независимости. О процессѣ со Швеціею оставались охладѣвшія воспоминанія; процессъ съ Ливоніею еще не успѣлъ покрыться историческою плѣсенью. Сообразно этому, при Иванѣ Васильевичѣ дѣло со Швеціею началось и кончилось скоро; съ Ливоніею оно загорѣлось и превратилось въ свирѣпый пожаръ, стоившій русской землѣ многихъ потерь, которыя принудили ее отложить еще на долгое время окончательную развязку.

Сосѣди думали, что «Московія» возвышается имъ не на добро. Они предвидѣли, что древнія недоумѣнія оживятся. Пока Московія, выброшенная изъ семьи христіанскихъ цивилизованныхъ обществъ, расправлялась съ своими восточ-

---

10) Richter's Geschichte der dem Russische Kaiserthum einverleibten deutschen Ostseeprovinzen I — II. B. 1857 — 1858.

11) Rutenberg. Geschichte der Ostseeprovinzen Liv-, Ehst- und Kurlands. I — II. 1859.

12) Сказанія князя Курбскаго. 1 — 2. 1833.

13) Львова Лѣтописецъ русскій отъ пришествія Рюрика до кончины царя Ивана Васильевича. Томъ V 1792.

14) Русская лѣтопись по Никонову списку. Ч. VII.

15) Historica Russiæ monumenta. T. I. 1842.

16) Supplementum ad Historica Russiæ monumenta. 1848.

17) Historiæ Ruthenicæ scriptores exteri saeculi XVI. MDCCCXLI.

18) Полное собраніе Русскихъ лѣтописей. Т. IV. Псковск. лѣт.

19) Карамзина Исторія Государства Россійскаго. Т. VIII.

20) Соловьева Исторія Россіи. Т. VI.

21) Разные рукописные лѣтописцы и хронографы, находящіеся въ Археографической коммиссіи.

[1]) Никон. лѣтоп. VII. 174.

ными врагами, она не была опасна западу; но бѣда отъ Московіи казалась неизбѣжна, если эта Московія усвоитъ западные пріемы политики и войны; а между тѣмъ склонность къ захвату, окрѣпшая въ расширеніи предѣловъ государства на востокъ, станетъ существомъ московской политики и московскихъ понятій: Московія возникла захватами, — правило, какими средствами государство основывается, такими и держится, прилагаться должно было и къ ней; исторія подтверждала вездѣ и всегда справедливость этого правила. Такъ смотрѣли на Московское государство сосѣди и въ видахъ сомосохраненія они нежелали, чтобъ эта держава познакомилась съ плодами западнаго образованія; имъ казалось, она прежде всего должна была воспользоваться ими на зло тѣхъ, отъ которыхъ получитъ ихъ. При томъ же у нѣмцевъ въ отношеніи къ русскому міру образовались уже давно эгоистическія привычки. И Ливонія, и Ганза умышленно не допускали же сѣверныя общины до равенства съ собою въ цивилизаціи; нѣмцы издавна препятствовали русскимъ знакомиться съ европейскою техникою; нѣмцамъ было выгодно держать Русь, такъ сказать, въ черномъ тѣлѣ. Что нѣмцы и шведы наблюдали въ старину по отношенію къ Новгороду и Пскову, то стали показывать теперь по отношенію къ московской державѣ. Отъ того и Густавъ-Ваза, какъ только узналъ, что англичане открыли путь по сѣверному морю, къ Двинѣ, и стали привозить разные товары въ Московію, испугался и писалъ, что обогащеніе Россіи и ея возвышеніе будетъ пагубно сосѣдямъ [1]). Объ этомъ знали въ Москвѣ. Пограничные споры, и прежде очень частые, въ то время послужили поводомъ къ открытой враждѣ. Тогдашнія границы между Русью и Швеціею, были опредѣлены еще въ XIV вѣкѣ. Рѣка Сестра была предѣломъ. Шведскіе погра-

[1]) Дал. III. 344, 351, 360.

ничные жители нарушили эту границу: косили сѣно на русскихъ земляхъ, пахали тамъ нивы и толковали, что границею должна служить не эта рѣка Сестра, а другая — Сестрія. Эти пограничныя недоразумѣнія выразились рядомъ взаимныхъ пограничныхъ пакостей. Русскіе нападали на нивы и села за рѣкою Сестрою, а Шведы на русскихъ поселянъ. Шведы посадили на колъ одного сына боярскаго; толпа шведскихъ удальцевъ раззоряла важскіе погосты и напала на монастырь св. Николая на Печенгѣ [1]) и, такимъ образомъ, коснулась святыни; а оскорбленіе святыни было уже достаточнымъ поводомъ къ войнѣ между государствами. Новгородскій намѣстникъ князь Дмитрій Палецкій по этому поводу отправилъ въ Стокгольмъ Никиту Кузьмина. Его сочли тамъ шпіономъ и задержали [2]). За это Иванъ Васильевичъ приказалъ новгородскому воеводѣ князю Ногтеву дѣйствовать со шведами по-непріятельски. Новгородцы захватили вооруженною рукою мѣста, принадлежавшія шведамъ, или считаемыя ими за свои. Шведы новгородцевъ разбили. Успѣхъ этотъ ободрилъ шведское правительство. Въ сентябрѣ 1555 года адмиралъ Якобъ Багге вызвался предъ Густавомъ взять Орѣшекъ [3]). Изъ Выборга отправились шведы двумя путями: по сухопутью пошли конные и пѣшіе, а по Невѣ поплыли воины на судахъ. Такъ осадили они Орѣшекъ, и держали его въ осадѣ три недѣли. Московскимъ воеводою былъ какой-то Петръ. Пока ратные люди, сидѣвшіе въ Орѣшкѣ, держались въ осадѣ и отбивались отъ шведовъ, московское войско, подъ начальствомъ князя Ногтева, Шереметева, и Плещеева подошло на выручку Орѣшка и ударило на осаждавшихъ; шведы дали отпоръ: передовой полкъ русскій не устоялъ. Битва кончилась тѣмъ, что съ обѣихъ сто-

---

[1]) У Карамзина прим. 450, сс. на д. Шв. № 1, л. 1, — 56.

[2]) Дал. 354.

[3]) ibid.

ронъ пало человѣкъ по пяти или по шести [1]). Въ декабрѣ царь снарядилъ большое войско подъ главнымъ начальствомъ князя Петра Михайловича Щенятева; въ войскѣ должны были находиться и новоприсоединенные астраханскіе татары со своимъ царевичемъ Кайбулою Ахкубековичемъ. Но прежде открытія дѣйствій царь велѣлъ новгородскому воеводѣ Димитрію Палецкому написать въ Выборгъ грамоту на имя короля; въ этой грамотѣ предлагалось королю: пусть онъ либо самъ прибудетъ на рубежъ, либо пришлетъ лучшихъ людей своихъ, и тѣ привели бы виноватыхъ, которые затѣяли раздоръ, а русскіе бояре приведутъ тѣхъ русскихъ, которые окажутся виновными въ нарушеніи мира. Срокъ назначался на праздникъ Рождества [2]). Шведскій король искалъ тогда помощи у ливонскаго ордена. Но тогда въ самой Ливоніи происходили внутреннія смуты [3]). На собраніи городовъ въ Вольмарѣ посланникъ короля Густава представлялъ, что если Ливонія ему не поможетъ, то онъ долженъ будетъ уступить Москвѣ и это отразится пагубно на Ливоніи. Узнаютъ ливонцы, что̀ значитъ допустить Москвѣ усилиться, да уже поздно будетъ. Ревельскій синдикъ Клодтъ сильно держалъ тогда сторону короля. Однако дѣло покончилось въ Ливоніи для него неблагопріятно. Ніенстетъ [4]) говоритъ, что ему просто отказали. По извѣстію другаго современника [5]), ливонцы дали обѣщаніе шведскому королю помогать противъ московитянъ, но не сдержали обѣщанія. Шведскій король, введенный въ обманъ ливонцами, началъ

[1]) Никон. лѣтоп. 249.

[2]) Если, писалъ намѣстникъ — ты, король Густавъ, не прибудешь и бояръ своихъ не пришлешь, то кровь старыхъ и молодыхъ проліется отъ тебя, Густава короля, и твоихъ державцевъ, а не отъ нашего справедливаго государя, ни какъ отъ намѣстниковъ его»... (Никон. лѣт. 253).

[3]) Grefenthal. Mon. Liv. V. 116.

[4]) Monum. Liv. II. 42.

[5]) Grefenthal ibid. V. 116.

войну и понесъ потери, потому что ливонцы его обманули. Надежда на Ливонію и была причиною, что Швеція дала московскому правительству неуступчивый отвѣтъ. Выборгскій намѣстникъ отписалъ на письмо новгородскаго намѣстника, что Багге напалъ на Орѣшекъ своевольно; при этомъ онъ замѣтилъ, что русскіе воеводы отъ него дрогнули. Про съѣздъ онъ не упомянулъ ничего. Такой отвѣтъ показалъ русскимъ, что шведы не думаютъ уступать и намѣрены вступить въ войну. Воеводы русскіе были вправѣ идти съ оружіемъ въ шведскую землю. Они пошли на Выборгъ. На дорогѣ они послали отрядъ къ городку Кинодепи: шведы сами сожгли этотъ городокъ и ушли; русскіе за ушедшими отправили погоню и пошли на Выборгъ; черезъ какое жилое мѣсто они ни проходили, тò мѣсто сожигали. Внезапно застигнутые жители разбѣжались; только уже подъ самымъ Выборгомъ, за пять верстъ отъ города, напалъ на русскихъ шведскій отрядъ; сначала, неожиданно ударивши на передовой полкъ, смяли было русскихъ, но сейчасъ же русскіе поправились; сами шведы попятились и стали въ оборонительное положеніе между скалами. Тутъ царевичъ астраханскій Кайбула прижалъ ихъ со своими татарами, а Иванъ Борисовичъ Шереметевъ зашелъ имъ сзади отъ города Выборга и ударилъ на нихъ. Шведы, стѣсненные съ двухъ сторонъ, были разбиты и разбѣжались. Русскіе гнались за ними до самаго Выборга и много наловили въ плѣнъ королевскихъ дворянъ. Послѣ того все русское войско стало около Выборга и начало стрѣлять по городу. Три дни шла стрѣльба; на четвертый русскіе услышали, что изъ Стокгольма отправлены противъ нихъ войска, и уже приближаются къ Выборгу. Воеводы, впору узнавши объ этомъ, отправили на встрѣчу шведскимъ силамъ отрядъ. За сто верстъ отъ Выборга, при Латрецкомъ озерѣ, русскіе напали на шведовъ въ расплохъ, — шведы не предполагали встрѣтить непрія-

теля. Русскіе ихъ разбили. Побѣдители распустили свои отряды по окрестностямъ: они разоряли край по обѣимъ сторонамъ рѣки Воксы. Этимъ однако русскіе подорвали свои силы, и тѣ, которые продолжали стоять подъ Выборгомъ, не могли взять города. Только и могли удовольствоваться русскіе военоначальники тѣмъ, что русскіе и татары, бѣгая во всѣ стороны, ловили плѣнныхъ и приводили ихъ въ лагерь. Было ихъ такое изобиліе, что мужчину продавали по гривнѣ, а дѣвку по пяти алтынъ. Успѣхъ войны измѣрялся вредомъ, какой причинитъ войско непріятельской землѣ: отъ этого русскіе хоть Выборга не взяли, а все-таки считали себя побѣдителями, потому что много надѣлали пакостей въ шведской землѣ. Иванъ Васильевичъ прислалъ въ Новгородъ своего дядю, боярина Михаила Васильевича Глинскаго; тотъ написалъ шведскому королю надменное письмо. Московскій царь принималъ тонъ побѣдителя съ побѣжденнымъ. Послѣдовалъ отвѣтъ, что король пришлетъ пословъ для переговоровъ, а русскій царь пусть дастъ имъ на проѣздъ опасную грамоту. Грамоту опасную послали. Сначала прискакалъ изъ Швеціи предварительный гонецъ съ извѣстіемъ, что скоро послы будутъ. Обращеніе съ нимъ въ Москвѣ показывало, что царь о своихъ успѣхахъ возымѣлъ высокое мнѣніе. На предложеніе Густава онъ смотрѣлъ не такъ, какъ на сношеніе съ собою равнаго лица, а какъ на челобитье; поэтому свое согласіе оставить прежній рубежъ земель между русскими и шведскими владѣніями приписывалъ своей милости и справедливости. «Новгородцы, говорилъ онъ въ своей грамотѣ, — желали идти на Або и на Стекольну, [1]) и мы ихъ удержали, не желая кровопролитія. Отчего король не хотѣлъ сноситься съ новгородскими воеводами? Пусть спроситъ король купцевъ своихъ, чай знаютъ новгородскіе при-

[1]) Стакгольмъ.

городы: Псковъ, Устюгъ и Двинская земля сколькимъ больше Стекольны» [1]). Вслѣдъ за тѣмъ прибыли обѣщанные гонцемъ большіе послы (архіепископъ упсальскій, епископъ абовскій и два государственныхъ сановника). При переговорахъ съ ними бояре, говоря отъ имени своего царя, унижали короля Густава. Они нарочно дѣлали сравненія королевскаго рода съ знатными людьми въ московской землѣ и отдавали послѣднимъ преимущество [2]). Съ утвержденіемъ единовластія возвышалось значеніе государя; но вмѣстѣ съ тѣмъ поглощенныя Москвою русскія и инородныя земли передавали ей потомковъ своихъ прежнихъ правителей: потерявши власть, какую имѣли предки, потомки тщеславились однако воспоминаніями о нихъ и, сдѣлавшись слугами Московскаго государства, измѣряли важностію происхожденія свое мѣсто въ службѣ московскому престолу.

Ливонія, страна слабая, съ открытыми отъ Руси границами, гораздо болѣе Швеціи имѣла поводовъ страшиться возвышенія Московіи. Еще въ 1539 году епископъ дерптскій сослалъ *невѣдомо куды* пушечнаго мастера за то, что тотъ хотѣлъ ѣхать въ Москву служить царю [3]). Подобное опасеніе высказалось еще рѣзче дѣломъ Іоанна Шлитта въ 1549 году, дѣломъ, которое припомнило Ливоніи московское правительство современемъ. Разсказываютъ объ этомъ

---

[1]) Шведск. Д. Арх. иностр. дѣлъ. № 1, № 18, 34, 49.

[2]) Князь Ѳедоръ Даировичъ и то Ибреима царя казанскаго внукъ, а князь Михаилъ Кисло и князь Михаилъ Горбатой и то суздальскіе князья отъ корени государей русскихъ, князь Юрьи Михайловичъ Булгаковъ и то королю литовскому братъ въ четвертомъ колѣнѣ, а нынѣ князь Михаилъ Васильевичъ Глинскій и то былъ недавно, князя Михаила Львовича въ нѣмецкихъ земляхъ знали многіе, а Олексѣй Даниловичъ Плещеевъ и то извѣстные государевы бояре родовъ за тридцать и болѣе... а про государя вашего, въ розсудъ вамъ скажемъ, а не въ укоръ, котораго онъ роду и какъ животиною торговалъ и въ Свейскую землю пришелъ, то не давно ся дѣяло всѣмъ вѣдомо».

[3]) Акты Истор. I. 204.

согласно ливонскіе историки Геннингъ и Грефенталь [1]). Служа у великаго князя московскаго, этотъ человѣкъ, саксонецъ по происхожденію, взялся доставить въ Московію на службу разныхъ полезныхъ людей изъ Германіи: художниковъ, ремесленниковъ и особенно знающихъ военное искусство. Императоръ Карлъ V-й принялъ его ласково и позволилъ ему въ Германіи набирать желающихъ ѣхать въ Россію. Тутъ была между прочимъ и задняя цѣль — водворить католичество въ Руси; уже объ отцѣ Ивана Грознаго было на западѣ такое мнѣніе, будто бы онъ былъ склоненъ признать папское главенство и соединиться съ западною церковью. Паспортъ, данный Гансу Шлитту, выражался такъ: «мы благоволили и дозволили упомянутому Гансу Шлитту, по силѣ этого писанія, во всей нашей имперіи и во всѣхъ нашихъ наслѣдственныхъ княжествахъ, земляхъ и волостяхъ, искать и приглашать разныхъ лицъ, какъ-то: докторовъ, магистровъ всѣхъ свободныхъ искусствъ, литейщиковъ, мастеровъ горнаго дѣла, золотыхъ дѣлъ мастеровъ, матросовъ, плотниковъ, каменьщиковъ, особенно же умѣющихъ красиво строить церкви, копачей колодцевъ, бумажныхъ мастеровъ и лекарей и заключать съ ними условія для поѣздки къ великому князю русскому ни отъ кого невозбранно, во уваженіе къ просьбамъ, обращеннымъ къ намъ и къ нашимъ предшественникамъ отцемъ нынѣшняго великаго князя — блаженной памяти великимъ княземъ Васильемъ Ивановичемъ и нынѣшнимъ великимъ княземъ. Сверхъ того, дозволяемъ это и потому, что намъ подлинно извѣстно, что какъ отецъ, бывшій великій князь, желалъ, такъ и сынъ, настоящій великій князь, желаетъ покориться латинской церкви. Но право это дается нами съ тѣмъ, чтобъ Гансъ Шлиттъ, подъ видомъ доставки набранныхъ людей въ мо-

[1]) Gref. Mon. Liv. 38. Henn. Script. rer. liv. 213 — 214.

сковское государство не обратился съ ними въ Турцію, Татарію и вообще въ какую-нибудь невѣрную землю, дабы невѣрные не научились искусствамъ и не употребляли бы ихъ противъ насъ.» Гіарнъ [1]) говоритъ, что Шлиттъ отъ имени царя обѣщалъ войну съ турками: царь дастъ для того субсидіи на двадцать лѣтъ и употребитъ на военныя издержки пошлины и нѣкоторые въ своемъ государствѣ доходы. Императоръ видѣлся съ Шлиттомъ въ Аугсбургѣ и тамъ 31-го января 1548 года далъ ему позволеніе. Шлиттъ собралъ по извѣстіямъ ливонскихъ историковъ, триста разныхъ художниковъ [2]), а по бумагамъ кенигсберскаго архива сто двадцать три (что справедливѣе) [3]) постройщиковъ церквей и крѣпостей, оружейныхъ мастеровъ, литейщиковъ, живописцевъ, ваятелей и другихъ ремесленниковъ, да четырехъ богослововъ; о послѣднихъ предполагалось, что они должны были научать великаго князя и его бояръ латинской вѣрѣ и богослуженію. Съ ними онъ прибылъ въ Любекъ. Тутъ, по наущенію ливонцевъ, его задержали, а ливонскіе города послали къ императору представленіе о томъ, какъ опасно допускать въ Московію ученыхъ людей. Изъ грамоты императора Карла V-го [4]) видно, что любечане его задержали подъ предлогомъ стараго долга, сдѣланнаго имъ еще прежде своего предпріятія; его держали въ тюрьмѣ два года, не смотря на то, что сами кредиторы соглашались его отпустить; онъ убѣжалъ изъ тюрьмы, но его догнали въ городѣ Расеборгѣ и опять хотѣли посадить въ тюрьму; однако на этотъ разъ онъ представилъ за себя поруку, — его обязали явиться къ суду. Императоръ не одобрялъ поступка любечанъ и подтверждалъ Шлитту право свободно ѣхать далѣе, особенно

[1]) Monum. ant. Liv. I. 202.

[2]) Hiarn. Monum. ant. Liv. I. 203 — Gadebusch. Livl. Jahrb. I. 389.

[3]) Карамз. VIII. прим. 206.

[4]) Въ Hist. Russ. Mon. I. 135 — 136.

въ томъ вниманіи, что великій князь московскій нуждается въ ученыхъ людяхъ, какъ для утвержденія истинной вѣры, такъ и для защиты своего государства отъ невѣрныхъ [1]). Тѣмъ не менѣе Шлиттъ все-таки не достигъ цѣли. Пришлось ему проѣзжать черезъ Ливонію. Рыцари вмѣстѣ съ Совѣтами городовъ задержали его снова и отправили къ императору просьбу упразднить дарованное Шлитту позволеніе во вниманіе къ опасности, которая грозитъ всему христіанству. На этотъ разъ доводы ихъ у императора были уважены, — послѣдовалъ такого рода декретъ къ гермейстеру ордена: «симъ повелѣваемъ твоему благочестію, не взирая ни на какіе наши паспорты, не пропускать никого ѣдущаго изъ нашей священной имперіи въ Москву и другія земли и націи, и задерживать всякаго, кто станетъ туда проникать съ нашими паспортами, а равнымъ образомъ и Ганса Шлитта со всѣми его бумагами, которыя онъ взялъ отъ насъ, о чемъ извѣстить насъ или, въ случаѣ отсутствія нашего, нашего любезнаго брата, и дожидаться нашего о томъ рѣшенія». Лукавое намѣреніе москвитянъ распалось въ прахъ, говоритъ Гіарнъ. По извѣстію, сохранившемуся у Грефенталя, одинъ изъ мастеровъ, которыхъ везъ Шлиттъ, мейстеръ Гансъ, пушечный мастеръ, съ паспортомъ, написаннымъ по-нѣмецки и по-русски, хотѣлъ послѣ этого пробраться въ Русь въ 1551 году, но въ городкѣ Шваненборгѣ посаженъ въ тюрьму. Ему удалось убѣжать изъ тюрьмы, однако шваненборгскій гауптманнъ Маркъ Грефенталенъ далъ знать по почтѣ въ пограничный городокъ Маріенбургъ тамошнему амтману Іогану Бутлеру. Гансъ схваченъ за двѣ мили до русской границы, возвращенъ назадъ въ Шваненборгъ и

---

[1]) Illustrissima Celsitudo sua non solum doctis verum etiam omnis generis rerumque expertis hominibus tam ad instituendam orthodoxam religionem, quam eamdem adversus incredulos Scythas, Turcas, aliosque christiani nominis hostes defendendam, atque ita retinendam opus habeat. (Hist. Russ. Monum. I. 136.

тамъ ему отрубили голову. У него нашли теорію его искусства, которая оказалась плоха и никуда негодна.

Послѣ такихъ причинъ нерасположенія къ Ливоніи, нужно было только предлогъ, чтобъ начать войну. Онъ скоро и представился. Въ 1550 году было отправлено въ Москву посольство отъ дерптскаго епископа. Поводомъ къ нему было то, что пятидесятилѣтнее перемиріе, заключенное когда-то съ Московскимъ государствомъ гермейстеромъ ливонскаго ордена Плеттенбергомъ, истекло: дерптскій епископъ послалъ просить продолженія. Царь согласился продолжить перемиріе на пять лѣтъ и жаловался, что ливонцы протестанты, обращаясь неуважительно съ католическими церквами, разоряли и русскія церкви, находившіяся въ земляхъ ордена. Царь требовалъ, чтобъ всѣ разрушенныя церкви были непремѣнно возстановлены, чтобы православнымъ людямъ было предоставлено свободное отправленіе религіи, чтобъ ливонскій орденъ не препятствовалъ свободному обращенію Московской земли съ европейскими странами по торговлѣ и ремесламъ. Сверхъ того замѣтили въ Москвѣ, что дерптское епископство изстари платило великимъ князьямъ дань во Псковѣ и слѣдуетъ продолжать этотъ старый обычай [1]).

Послѣ того пять лѣтъ минуло. Епископъ дерптскій Іодекъ фонъ-Реке, посылавшій къ Іоанну въ 1550 году, удалился изъ Ливоніи. Онъ былъ человѣкъ благоразумный и практическій; — онъ сообразилъ, что возраставшее Московское государство скоро накинется на Ливонію, а въ Ливоніи средства самозащищенія становились все слабѣе, да слабѣе: — онъ разсудилъ, что лучше всего самому воспользоваться чѣмъ можно, и убѣжать отъ зла. Онъ былъ вестфалецъ. Ливонія было ему чужая. Онъ заложилъ епископскія

[1]) Grefenth. 113.

именія, собралъ порядочную сумму денегъ и ушелъ въ свою Вестфалію. Онъ первый показалъ примѣръ другимъ; увидимъ, что ему послѣдуютъ и другіе сановники въ Ливоніи. Одинъ современникъ, вспоминая этотъ поступокъ дерптскаго епископа, говоритъ въ своемъ сатирическомъ стихотвореніи: «наши деньги пошли въ Вестфалію по-суху и по водѣ; тамъ имъ было привольнѣе, чѣмъ дома. Тамъ господа наши построили себѣ богатые домы, крытые черепицами; а прежде у нихъ въ нашей землѣ были домы, крытые соломою. Вестфалія обогатилась, а Ливонія погибла». — На мѣсто его поступилъ другой такой-же иноземецъ изъ монастыря Фалькенау — аббатъ Германъ фонъ-Везель. По извѣстію Гіарна, это былъ человѣкъ ограниченный, безхарактерный, такой человѣкъ, при которомъ всякій изъ окружавшихъ его могъ дѣлать, что хотѣлъ [1]). А между тѣмъ московскій государь уже и Казань покорилъ, и Астрахань, и шведовъ проучилъ: только за Ливоніею была очередь. Ливонія поступкомъ со Шлиттомъ показала, какъ она исполняетъ тѣ условія, которыя царь предложилъ для сохраненія мира. Пятилѣтняя отсрочка оканчивалась. 6-го января 1554 года, на земскомъ сеймѣ въ Вольмарѣ, епископъ и гермейстеръ порѣшили послать въ Москву посольство [2]). Предварительно были отправлены два гонца спросить: примутъ ли посольство? Однимъ изъ гонцовъ былъ историкъ Ніенстетъ. «Мы пробыли семь недѣль въ Москвѣ, говоритъ онъ; насъ прекрасно угощали и благополучно отпустили назадъ въ Ливонію» [3]). За ними поѣхали въ Москву настоящіе послы. Отъ гермейстера поѣхалъ Іоганъ Бокгорстъ да Отто Гротгузенъ; отъ дерптскаго епископа Вальтеръ Врангель да Дидрихъ Каферъ. Ѣдучи по дорогѣ къ царской столицѣ, нѣмцы замѣтили, что

[1]) Monum. ant. Liv. I. 205.
[2]) Hiarn. 205.
[3]) Mon. Liv. II. 43.

въ Московской землѣ что-то готовится и замыслы московской политики обращаются на западъ. На каждыхъ четырехъ или пяти миляхъ видѣли они недавно отстроенные ямскіе дворы съ огромными помѣщеніями для лошадей; еще болѣе озадачили ихъ цѣлые обозы саней, тянувшихся къ западной границѣ; на саняхъ везли провіантъ, порохъ, свинецъ.

Они пріѣхали въ Москву въ маѣ 1554 года. Ихъ приняли ласково. Царь поручилъ вести съ ними переговоры Адашеву и дьяку Михаилову [1]). На этихъ переговорахъ послы предложили возобновить перемиріе еще на пятьдесятъ лѣтъ, москвичи именемъ царя своего сказали, что миръ можетъ состояться только тогда, когда царю выплатятъ должную дань. Послы изумились и сказали, что ни о какой дани никогда прежде не было рѣчи. «Ливонская земля, сказали имъ, — извѣчная отчина великихъ князей и ливонцы должны платить дань». «Ливонія никогда не была покорена русскими», сказали нѣмцы, — «дань можно брать только побѣдителямъ съ побѣжденныхъ, а извѣстно, что Ливонцы въ прежнія времена вели большія войны съ русскими и миръ заключали, слѣдовательно были независимы отъ русскихъ, и въ прежнихъ мирныхъ условіяхъ никогда не поминалось о дани [2]). Тогда бояре показали имъ договоръ съ Плеттенбергомъ и говорили: «по прежнимъ нашимъ крестнымъ цѣлованіямъ постановлено было платить дань великому государю нашему; до сихъ поръ государь по своему долготерпѣнію не требовалъ ее, а какъ ни гермейстеръ, ни всѣ ливонцы знать не хотятъ объ ней, — такъ теперь государь не станетъ постановлять мира, пока вы не исполните крестнаго цѣлованія вашего и не выплатите дани за всѣ годы, въ которые вы ее не платили». Послы были такъ поражены этой неожиданностію, что, по выраженію современника, не знали, что имъ

[1]) Никон. лѣт. 215.

[2]) Russ. 47.

отвѣчать и только могли сказать: «мы въ старыхъ нашихъ писаніяхъ не находили, чтобъ великому князю платилась дань, и просимъ, чтобъ все оставалось по прежнему, а перемиріе продолжимъ».

«Чудно вы говорите, отвѣчали имъ, — неужели вы не знаете, что ваши праотцы пришли изъ-за моря въ Ливонію и заняли эту землю силою, и много крови за нее проливалось, и не хотя большаго кровопролитія, прародители великаго государя дозволили имъ на многіе вѣка жить въ Ливоніи съ тѣмъ, чтобъ они за то платили исправно дань? Предки ваши на своемъ обѣщаніи были неисправны и не дѣлали того, что слѣдовало; теперь же вы должны представить полную дань за прежніе годы, а если не дадите охотою, то государь возьметъ силою».

Послы стали божиться, что не знаютъ, въ чемъ состояла эта дань.

— Такъ-то, сказали имъ, — вы помните и соблюдаете то, что сами написали и своими печатьми запечатали! Цѣлые сто лѣтъ и больше вы и не подумали объ этомъ и не постарались, чтобъ потомки ваши съ ихъ дѣтьми жили спокойно! Если-же вы теперь вовсе этого не знаете, то мы вамъ скажемъ, что съ каждаго ливонскаго человѣка каждый годъ надобно платить по гривнѣ московской, или по десяти денегъ.

Послы потребовали, чтобъ имъ доказали по бумагамъ и по актамъ съ печатями, дѣйствительно-ли въ древности была платима дань [1]).

Бояре увѣряли, что въ бумагахъ и актахъ дѣйствительно значится, что дерптское епископство платило дань, но именно въ какомъ размѣрѣ, этого не могли ясно указать [2]). У пословъ, говоритъ Ніенстетъ [3]), чуть глаза изо лба не вы-

[1]) Russ. 48.
[2]) ibid.
[3]) Monum. Liv. II. 44.

скочили; у нихъ не было на счетъ этого вопроса никакого наказа; нельзя было имъ просить и о сбавкѣ количества требуемой дани; тогда значило бы, что они признаютъ за Московскимъ государствомъ право получать какую-то дань. Они могли сказать только такъ: «мы не получили никакого наказа при нашемъ отправленіи; власти наши не поручали намъ объ этомъ переговориться съ великимъ княземъ.»

Они просили отсрочить этотъ вопросъ, пока получатъ о томъ болѣе опредѣлительныя свѣдѣнія.

Но съ Московской стороны не поддались на такую увертку. — Что это? — сказали имъ бояре отъ лица царя и великаго князя, — или вы считаете насъ дѣтьми, что такъ говорите? Вы знаете хорошо все дѣло и должны увѣрить насъ, что дань будетъ заплачена черезъ два года, по приговору мейстера и епископа. А чтобъ вы не отвѣчали предъ ними, если они не согласятся, то великій государь пошлетъ своихъ пословъ съ грамотами; пусть мейстеръ и епископъ отрѣжутъ тѣ печати, которыя вы приложите къ договору, а вмѣсто ихъ привѣсятъ свои.

Тогда послы разсудили, что съ такимъ условіемъ они могутъ избавиться отъ отвѣтственности предъ своими и согласились. Царь приказалъ новгородскому намѣстнику князю Димитрію Палецкому закончить съ ними договоръ.

Кромѣ вопроса о дани, возбудило тогда и другіе русское правительство. Во время введенія реформаціи въ Ливоніи, какъ было упомянуто, фанатики протестантскіе пропагандисты, по своему обычаю, разрушая римско-католическую святыню церквей, не пощадили и русскихъ. Такимъ образомъ въ Дерптѣ, Ригѣ и Ревелѣ разрушены были русскія церкви, содержимыя для торговцевъ, пріѣзжавшихъ туда [1]).

---

[1]) «Habebat id temporis magnus Moscoviae dux Dorpati, Rigae et Rivaliae templum, ubi Moscoviticae gentis negotiatores diebus dominicis, suo more cultum divinum perægare consueverant. Non tulit Lutherana factio, ut

Это оскорбленіе святыни подавало русскому государю благовидный предлогъ вступиться за религію своего народа. Кромѣ того были недоразумѣнія между нѣмцами и русскими торговцами изъ Новгорода и Пскова. Русское правительство выставило тогда на видъ посламъ все, къ чему могло придраться и составило перемирный договоръ, какъ можно выгоднѣе для Россіи, и при томъ въ такомъ смыслѣ, что Ливонія уже представлялась страной, зависимой до извѣстной степени отъ верховной власти царя. Послы, утѣшая себя оговоркою, что договоръ будетъ имѣть силу только тогда, когда уполномочившія ихъ власти привѣсятъ къ нему свои печати, ничему не противорѣчили. Относительно дани постановлено только объ одномъ Дерптѣ съ его волостью, что епископъ въ продолженіе трехъ лѣтъ соберетъ дань по нѣмецкой гривнѣ съ двора за всѣ недоимочные годы и впредь будетъ платить постоянно, каждый годъ [1]), а въ случаѣ онъ этого не исполнитъ, то гермейстеръ, архіепископъ рижскій, всѣ епископы и весь орденъ должны принять на себя обязанность взысканія дани и отсылки къ царю. Русскимъ гостямъ предоставляется свободная торговля; товары ихъ не слѣдовало цѣнить (schätzen) и брать съ нихъ пошлинъ, исключая пошлины съ вѣса; такимъ образомъ не слѣдовало

Ruthenorum et Moscovitarum templum illaesum evaderet, sed in eodem fervore immo furore in illud se proripiunt, et pene a fundamentis universam adificii molem subvertunt.» (Bredenb. 7.)

[1]) «uud wath deme lofw Key. undt grothf. Iw. Wasiliew. aller Russen synen Tinss van Dorpt, und olde achterstendige uth aller dorptischen beholdinge van islickem houede eyne duitzche margck, hefft upgelecht up des Bischops sele, des schall de Bischop undersocken den Tinss ut aller siner holdinde edder wath van oldings gewesen iss, und schall dan loffw. Key. thoschickeu in dem drüdden iare diesses fredes, uud voruth schall de Bisschop densuluigen tinss geven alle Jar ane vortoch na dem olden und na der Crutzküssinge, und so de Bischop den Tinss nicht worde undersoken, so schall de meister tho lyfflandt Ertzbischop und ander Biss. und gantz lifflandt na dissem fredebreue und na der Crutzküssinge Densuluigen Tinss suluen undersocken. Mon. V. 510.

крѣпко сжимать воскъ, чтобъ не уменьшить вѣса; русскіе купцы имѣли право нанимать фурмановъ и возить товары въ Ливонію, и съ нихъ не слѣдовало брать пошлинъ за проѣздъ, равно не слѣдовало воспрещать русскому ѣздить по какому угодно пути и не ставить ему въ вину, если онъ своротитъ съ дороги; надлежало русскія церкви въ Ливоніи возстановить; русскій конецъ въ Дерптѣ и земли, принадлежащія церквамъ, отдать гостямъ новгородскимъ и псковскимъ. Ливонія обязана была пропускать въ Русь и изъ Руси всѣхъ иностранцевъ, ѣдущихъ по дѣламъ въ Москву и на службу къ московскому государю, и нѣмецкіе чиновники не должны съ нихъ брать никакихъ пошлинъ за проѣздъ. Равномѣрно дозволялся нѣмецкимъ купцамъ и посламъ въѣздъ въ земли новогородскую и псковскую; въ случаѣ споровъ и недоразумѣній не слѣдовало арестовать и грабить произвольно торговцевъ; надлежало вести ихъ на судъ предъ выборныхъ съ обѣихъ сторонъ судей, которые имѣли бы свои засѣданія на пограничныхъ пунктахъ — въ Ивангородѣ и Нарвѣ. По договору, Ливонцы обязывались не сноситься съ польскимъ королемъ и литовскимъ великимъ княземъ [1]). Вотъ это-то послѣднее условіе уже ставило Ливонію въ вассальное отношеніе къ царю, уже подрывало ея независимость.

Послы, согласившись, были отпущены въ Новгородъ и тамъ заключили подробный договоръ на такихъ точно основаніяхъ съ намѣстникомъ новгородскимъ, княземъ Дмитріемъ Ѳедоровичемъ Палецкимъ; съ нимъ участвовали и печати свои приложили: псковской намѣстникъ, бояре новгородскіе и купеческіе старосты (Алексѣй Дмитріевичъ Зырковъ и Иванъ Вурзуновъ).

Перемиріе заключено на пятнадцать лѣтъ. Послы приложили руки и привѣсили печати, повторяя свою оговорку,

[1]) ...«Tho dem koninge van palen und grothf. tho lettowen nicht thotreden mith keynerley sacke»... 509.

что договоръ получитъ силу тогда, когда вмѣсто ихъ приложатъ руки и привѣсятъ печати мейстеръ ливонскій, архіепископъ рижскій и епископъ дерптскій [1]).

Такой рѣшительный тонъ московское правительство приняло въ отношеніи къ Ливоніи именно потому, что знало, какъ мало способна была эта страна защищать себя. Ливонскій лѣтописецъ, Руссовъ, описываетъ тогдашнее ливонское общество изнѣженнымъ и растлѣннымъ. Правда, въ глазахъ суроваго протестанта принимаетъ предосудительное значеніе вообще веселость нравовъ; онъ ставитъ жителямъ въ вину то, что они были охотники до пировъ, танцевъ и увеселеній.

Но вмѣстѣ съ этимъ неразлучна была лѣнь, которая обезсиливала общество и заряждала въ немъ гнилость и разложеніе. Между высшимъ классомъ и простымъ народомъ была ни чѣмъ ненаполняемая бездна. Владѣльцы — пришельцы въ Ливонской землѣ, нѣмцы по происхожденію, господа и поработители, — поселяне-туземцы порабощенные, забитые, безсильные и покорные дворянству, но въ душѣ питавшіе къ нему закоренѣлую ненависть. Они не только не имѣли побужденія защищать его, но всегда были готовы промѣнять однихъ господъ на другихъ, когда бы явились эти другіе господа съ претензіею замѣнить надъ народомъ власть прежнихъ нѣмцевъ. Въ рыцаряхъ угасъ уже воинственный фанатизмъ; гражданскій смыслъ не замѣнилъ его, — ему не откуда было развиться; общество ливонское и въ самомъ зародышѣ построено было не на гражданской почвѣ. Всегда почти съ военнымъ сословіемъ бываетъ такая судьба: коль скоро воинственный духъ въ немъ угасаетъ, оно рѣдко организуется само собою въ гражданское, а скорѣе разлагается; эгоистическія побужденія личностей берутъ въ немъ верхъ надъ сознаніемъ общаго добра. Рыцари

---

[1]) Mon. Liv. V. 515.

потеряли прежнее призваніе распространять вѣру; уже въ продолженіе полуторыхъ столѣтій не было рѣчи ни о войнѣ съ невѣрными, ни о проповѣди вѣры посредствомъ священнаго меча. Насильно поработивши крещенныхъ ливовъ, эстовъ и латышей, рыцари и духовныя власти стали себѣ жить-поживать привольно, роскошно, на счетъ трудовъ побѣжденныхъ, получали съ своихъ земель хорошіе доходы; даровой трудъ облегчалъ имъ издержки. Города процвѣтали, потому что управляли торговлею сѣвера и обращали въ свою выгоду торговлю съ русскими. Духовенство мало могло имѣть гражданской привязанности къ краю. Высшіе духовные сановники были по большей части урожденцы Германіи и пріѣзжали на свои епископства, какъ на временную должность, а потому и думали единственно о томъ, чтобъ хорошо пожить и уѣхать назадъ, на родину, когда надоѣстъ имъ въ Ливоніи. Вообще и дворянинъ, и духовный въ Ливоніи, нѣмцы по происхожденію, чувствовали каждый отдѣльное свое существованіе болѣе, чѣмъ гражданскую связь другъ съ другомъ; народъ былъ покоренъ; опасности внѣшнія не угрожали имъ, а потому потребность взаимной защиты не соединяла ихъ. Всѣмъ легко доставались способы хорошей жизни и мало было поводовъ держаться другъ друга: всякому можно было жить для себя, въ свое удовольствіе. Развращеніе и изнѣженность нравовъ естественно должны были водвориться тамъ, гдѣ рыцари, господа земли Ливонской, по древнему обѣту, должны были оставаться неженатыми: при ослабленіи прежняго фанатизма, эта безженность должна было переродиться въ развратъ; за неимѣніемъ женъ, рыцари держали любовницъ, мѣняли ихъ, бросали по вдохновенію [1]). Епископъ или прелатъ свою любовницу, — когда

[1]) ....« Van eren Concubinen auerst ys nichts thoseggende, denn dat was under en keine schande, wenn seine Concubine eine tydtlanck by sick gehat, hebben se de beraden, unde eine ander frissche wedder thogelecht» (Russow. 39).

она ему надоѣдала, — пристроивалъ за какого-нибудь бѣдняка, и давалъ за нею въ приданое мельницу или кусокъ земли: такихъ охотниковъ находилось всегда много; самъже пастырь душъ бралъ себѣ свѣжую. Примѣръ дворянъ и пастырей, по сказанію ливонскаго историка, дѣйствовалъ заразительно и на городской классъ; семейныя связи считались ни во-что; казалось ни почемъ бросить жену или передать другому; многіе изъ горожанъ не стѣсняли себя брачными узами, а держали открыто любовницъ, оставляли ихъ, брали другихъ; по множеству незаконныхъ дѣтей, терялось различіе между законнымъ и незаконнымъ рожденіемъ. Иные не держали и любовницъ, а довольствовались обществомъ женщинъ веселаго поведенія; а такихъ было большое изобиліе (Meyerschen und Modtgeurschen). Долгій миръ, непрерываемый въ Ливоніи съ Валтера Плеттенберга пятьдесятъ лѣтъ, отучилъ цѣлое поколѣніе отъ опасностей войны, отъ необходимости взаимной защиты, отъ важныхъ общественныхъ цѣлей. Пока еще католицизмъ былъ живѣе, онъ кое-какъ скрѣплялъ разнообразное общество, наплывшее въ чужую страну изъ Германіи. Но проникло туда протестантство и ускорило разложеніе этого общества. Почва для протестантства здѣсь была какъ нельзя болѣе приготовлена. Фанатизмъ, которымъ и создалось, и держалось безженное, полумонашеское общество рыцарей, царствовалъ здѣсь нѣкогда со всѣми своими уродствами. Теперь онъ охладѣлъ, и при прежнемъ недостаткѣ духовной религіозной развитости, при матеріализмѣ способовъ благочестія, наступило равнодушіе къ религіи: католичество стало для ливонца тяжелою уздою, которую сбросить онъ всегда былъ готовъ, какъ только представлялся благовидный предлогъ. Отъ этого протестантство нашло себѣ въ Ливоніи много прозелитовъ; въ городахъ бюргеры принимали лютеранство; монахи бросали свои монастыри и дѣлались свѣтскими. Дворянство, въ сущ-

ности будучи еще невѣжественнѣе, менѣе было религiозно, чѣмъ бюргеры, но держалось долѣе наружнаго католичества, погруженное въ свое матерiальное житье-бытье, не препятствовало распространенiю новаго ученiя; для каждаго въ сущности было мало дѣла до того, какъ вѣритъ его сосѣдъ. Что̀ касается до народа, то для него было все равно, будутъ-ли его считать католическимъ или какимъ-нибудь другимъ; онъ не имѣлъ никакого понятiя о вѣрѣ, которую исповѣдывалъ. Предковъ его крестили насильно мечемъ и огнемъ; въ его народной исторiи преданiя христiанства не свѣтились чѣмъ-нибудь отраднымъ: его господа и пастыри довольствовались тѣмъ, что крестили его, а о наученiи его въ истинахъ христiанской вѣры не думали вовсе. Протестантство принималось въ Ливонiи не потому, чтобъ религiозное чувство и смыслъ требовали обновленiя, а потому, что, при маломъ значенiи сущности религiи и при равнодушiи къ благочестiю, оно льстило матерiализму; въ Ливонiи протестантскiе проповѣдники также мало, какъ и католическiе, заботились о духовномъ возрожденiи и просвѣщенiи народа, также мало, исключая немногихъ, отличались сами нравственностью, подобно католическимъ, и держали у себя любовницъ; суперинтендентовъ не было въ этой землѣ; проповѣдники жили по своей волѣ, проводили время въ томъ, что разъѣзжали отъ одного владѣльца къ другому, изъ одного прихода въ другой, гдѣ имъ устроивали пиры; пасторъ бражничалъ съ гуляками, и если не уступалъ другимъ въ питьѣ, о немъ говорили: «вотъ прекрасный проповѣдникъ». Оставался-ли простой народъ въ католичествѣ, или принималъ протестантство: на дѣлѣ онъ все-таки не выходилъ изъ загрубѣлаго состоянiя. Для простаго народа протестантскiй проповѣдникъ былъ лучше католическаго только потому что менѣе послѣдняго требовалъ отъ него исполненiя религiозныхъ обязанностей. Эсты и Ливы, сохра-

няя по преданію завѣтные, хотя лишенные уже религіознаго значенія, обычаи языческихъ праотцевъ, не имѣли ни къ чему благочестія, да и не видѣли его ни у дворянъ, ни у горожанъ. Браковъ между ними почти не было, говоритъ историкъ [1]). Когда ихъ укоряли за это, они говорили, что такой обычай ихъ отцовъ и притомъ ссылались на примѣры господъ и духовныхъ. Говорили даже, что сами господа потакали этому и начали смотрѣть вообще на крестьянскихъ дѣтей, какъ на незаконныхъ, поэтому всегда могли распоряжаться достояніемъ ихъ съ соблюденіемъ законныхъ формъ. Никто не любилъ ходить въ церковь. Въ городахъ принявшіе протестантство бюргеры не сдѣлались охотниками слушать проповѣди, особенно когда и пасторы не любили тратить время на краснословіе. Единственно, чѣмъ выражалась религіозность, это были праздники, — тогда ничего не работали, ходили изъ двора во дворъ, пьянствовали и веселились. Бароны, дворяне, обезпеченные легко достающимися доходами, только въ томъ и проводили время, что охотились, пировали, да ѣздили отъ одного къ другому. Дворянская свадьба, крестины въ дворянскомъ домѣ служили предлогомъ огромныхъ съѣздовъ и пировъ, продолжавшихся по такимъ поводамъ нѣсколько недѣль. Лѣтомъ мѣстомъ увеселеній были ярмарки. Со дня Михайлова, осенью, когда обыкновенно ландрейны давали плату своимъ господамъ за землю, наступало время съѣздовъ и пировъ; тутъ испивалось пиво такими чашами, что въ нихъ можно было дѣтей крестить. Опоражнивая эти чаши, одинъ за другимъ, гуляки хвастались тѣмъ, кто въ силахъ всѣхъ перепить: такой молодецъ былъ героемъ пира. Эти осенні праздества тянулись до самаго рождества. Тутъ случались и драки, и убійства: безъ этого при пьянствѣ и веселость не веселость. Въ го-

[1]) Russ. 48.

родахъ такое-же разгулье. Праздники пасхи, пятидесятницы, рождества христова проводили въ шумномъ весельи. Между пасхою и пятидесятницею отправлялся съ шумными обрядами и танцами праздникъ городскихъ гильдій: каждая гильдія выбирала на годъ себѣ въ такъ называемые короли того, кто попадалъ лучше другихъ въ цѣль. На троицынъ день праздновался веселый maygreuen. Каждое воскресенье лѣтомъ, по поводу стрѣльбы въ цѣль, собирался народъ — тутъ и пьянство, и волокитство, и драки. Въ ночь на Ивановъ день вся Ливонія освѣщалась потѣшными огнями; шумное веселье охватывало и дворцы, и деревня. Зимою, на святкахъ праздновалась ёлка; вокругъ нея собирался народъ на игры и пляски; шла шумная попойка. Такъ проводили время ливонцы. Ливонскія женщины пріобрѣли вездѣ репутацію веселыхъ, доступныхъ, сластолюбивыхъ. Современные любители прекраснаго пола смотрѣли на Ливонію, какъ на обѣтованную землю.

Съ принятіемъ протестанства, — положеніе простаго народа не только не облегчилось, но дѣлалось нестерпимѣе. Роскошь, хвастовство, обжорство, истощили доходы дворянства; нуждаясь въ увеличеніи средствъ, они безжалостно налегали на порабощенныхъ поселянъ. Туземецъ привыкъ видѣть нѣмца не иначе, какъ съ бичомъ въ рукахъ надъ своею шеею. Замотавшись, запутавшись въ дѣлахъ своихъ, нѣмецъ добывалъ себѣ средства вывернуться и продолжать прежнюю комфортную жизнь, вымогая у бѣднаго крестьянина ударами бичей и разными муками лишнюю противъ прежней пропорцію хлѣба, куръ, меда. И въ то время, когда у дворянъ и у горожанъ на ихъ празднествахъ разливалось бочками пиво, бѣдные чухны и латыши питались скуднымъ толокномъ и, въ въ случаѣ неурожая, грызли древесную кору да корешки [1]). Ко всему этому, ливонскіе владѣльцы жили

[1]) Bredenb. 10.

между собою въ несогласіи; и всегда такія несогласія, проявляясь своеволіями разнаго рода, отзывались на крестьянахъ отягченіемъ ихъ горькой участи. Надобно вообще замѣтить, что, при веселости образа жизни, при распущенности нравовъ, въ характерѣ ливонскихъ нѣмцевъ было много звѣрскаго, жестокаго, несострадательнаго. Памятниками тогдашнихъ нравовъ могутъ, между прочимъ, служить скелеты замурованныхъ за-живо людей, находимые во многихъ мѣстахъ Ливоніи. Такъ въ 1774 году въ Ригѣ, въ церкви св. Іакова, нашли внутри стѣны скелетъ мужчины въ сидячемъ положеніи въ шелковой одеждѣ, въ бархатной шапочкѣ, вышитой серебромъ. Одежда его показываетъ, что это было значительное лицо, а покрой одежды XVI вѣка. Въ 1775 году, на Эзелѣ, въ аренсбургскомъ замкѣ нашли также скелетъ въ сидячемъ положеніи; передъ нимъ, на маленькомъ столикѣ сосудъ для питья и слѣды хлѣба. Во многихъ старыхъ зданіяхъ были находимы разные замурованные скелеты. Такъ въ замкахъ — гансальскомъ, вейсенштейнскомъ, асскомъ находили въ стѣнахъ скелеты не только взрослыхъ, но и дѣтей. Въ рижскомъ замкѣ подъ землею нашли цѣлую яму съ дѣтскими костьми, а подъ воротами Іакова, въ землѣ, склепъ, гдѣ былъ скелетъ съ тяжелыми цѣпями на рукахъ и на ногахъ [1]).

Такія черты тогдашнихъ нравовъ составляли условія, неблагопріятныя для защиты Ливоніи въ случаѣ нападенія сильнаго непріятеля. И неудивительно, что по вступленіи русскихъ войскъ въ Ливонію, чернь приставала къ царю. Въ Московщинѣ это предвидѣли и ловко вели дѣло; поймали въ сѣти пословъ тѣмъ, что заставили ихъ согласиться заключить договоръ; послы думали только о себѣ и не помышляли о послѣдствіяхъ для отечества, потому были довольны какимъ-

[1]) Happel. Nord. Miscellan. XIX. 573 — 576. XXII. 506 — 507.

бы-то ни было средствомъ, лишь бы лично самимъ казаться правыми и чистыми и, возвратившись домой, имѣть возможность отдѣлаться отъ своихъ, когда на нихъ посыпятся обвиненія; а въ самомъ дѣлѣ они-то и запутали свое отечество на будущее время. Московскіе бояре это понимали и потому такъ сильно домогались, чтобъ договоръ былъ заключенъ непремѣнно съ этими самыми послами. Еслибъ у москвичей въ этомъ случаѣ не было приготовленнаго плана и задней мысли, то они легко могли бы заключить этотъ договоръ и послѣ, черезъ своихъ пословъ, которые, какъ они и сами говорили, все равно, должны же были ѣхать въ Ливонію ради окончательнаго утвержденія того же договора. Но москвичи расчитывали, что гораздо лучше будетъ, если московскіе послы явятся въ Ливоніи тогда, когда уже дѣло вполовину будетъ сдѣлано въ Москвѣ; московскимъ посламъ тогда будетъ на чемъ твердо упереться. Такъ-то ливонскіе послы и попались въ просакъ.

Пословъ не слишкомъ благодарили въ Дерптѣ за такой договоръ. Дерптскій епископъ сейчасъ далъ знать рижскому архіепископу и гермейстеру: Ливонія пришла въ ужасъ, тѣмъ болѣе, когда въ договорѣ было сказано, что въ случаѣ, если дерптскій епископъ не будетъ платить дани, то вся Ливонія отвѣчаетъ за это и должна принудить дерптскаго епископа къ исполненію договора, то есть къ платежу. Архіепископъ рижскій [1]) къ 13-му января 1555 года собралъ депутатовъ отъ духовныхъ и свѣтскихъ властей на сеймъ въ Лемсаль — разсуждать о такомъ важномъ дѣлѣ: слѣдуетъ ли признать за Дерптомъ обязанность платить дань московскому государю, или же надлежитъ воспротивиться этому общими силами? Не знаемъ, что выдумалъ этотъ сеймъ, но послѣ него дѣло еще болѣе запутывалось. Ливоніи предста-

[1]) Monum. V. 515.

влялся способъ дѣйствовать взаимно со Швеціею противъ Россіи. Сами ливонцы прежде побуждали Швецію. Но когда война у Швеціи дѣйствительно вспыхнула, уже мы видѣли, какъ помогла Швеціи Ливонія, а по словамъ Гіарна[1]), гермейстеръ разсуждалъ тогда, что для Ливоніи будетъ хорошо, если два сосѣднія государства станутъ между собою воевать, и такимъ образомъ Москва забудетъ свои притязанія и оставитъ Ливонію въ покоѣ. Разсчетъ былъ самый неудачный и отозвался гибельно для страны, для которой гермейстеръ надѣялся достичь выгодъ изъ ссоры сосѣдей. Москва заключила миръ со Швеціею, и свободно обратилась на Ливонію.

Въ это время къ большому удовольствію Москвы въ Ливоніи сталось междоусобіе. Вотъ съ чего оно začалось. Гермейстеры всегда хотѣли имѣть полновластіе въ странѣ, какъ надъ свѣтскими, такъ и надъ духовными сановниками. Но духовные, то-есть архіепископы и епископы старались удержаться независимыми отъ ордена; отъ этого въ исторіи Ливоніи были не рѣдки столкновенія свѣтскихъ властей съ духовными, особенно у гермейстера съ рижскимъ архіепископомъ. Держать въ подчиненіи послѣдняго гермейстеру было тѣмъ труднѣе, когда самъ архіепископъ или былъ по происхожденію сыномъ какого-нибудь владѣтельнаго дома, или пользовался сильнымъ внѣшнимъ покровительствомъ[2]). Еще въ 1530 году архіепископъ Томасъ Шоннингъ (самъ сынъ мѣстнаго бургомистра) назначилъ своимъ коадъюторомъ маркграфа бранденбургскаго Вильгельма. Отъ этого начались длинныя распри и недоразумѣнія. По смерти Томаса въ 1539 году Вильгельмъ вступилъ въ полное управленіе архіепископствомъ. Водвореніе реформаціи усилило недоразумѣнія и несогласія ордена съ архіепископомъ. Вильгельмъ не отличался фанатизмомъ и съ терпимостію сносилъ

[1]) Monum. Liv. I. 206.
[2]) Monum. Liv. V, VII.

распространеніе реформаціи; онъ требовалъ единственно, чтобъ отступившія къ лютеранству имѣнія не выходили изъ-подъ его свѣтской зависимости. По связямъ и родству Вильгельмъ былъ слишкомъ силенъ для того, чтобъ гермейстеръ могъ тогда быть первымъ въ Ливоніи. Что касается до взгляда дворянъ и горожанъ на этотъ вопросъ, то, съ распространеніемъ реформаціи вообще, и у тѣхъ, и у другихъ развивалось стремленіе, чтобъ и духовные сановники, и самъ гермейстеръ были сколько возможно менѣе значительны. Въ 1546 году на вольмарскомъ сеймѣ постановлено [1]), чтобъ архіепископы, епископы и гермейстеры отнюдь не назначали себѣ коадъюторовъ изъ германскихъ владѣтелей, и если бы кто впослѣдствіи поступилъ вопреки этому постановленію, то капитулы, рыцари, города и всѣ подчиненные обязаны не оказывать тому повиновенія и подавать помощь противъ него. Самъ Вильгельмъ подписалъ это постановленіе, потому что былъ въ стѣсненныхъ обстоятельствахъ, въ явномъ раздорѣ съ городомъ Ригою. Но послѣ, когда уже со стороны Московскаго государства были заявлены притязанія, грозившія войною, тотъ же архіепископъ убѣдилъ капитулъ пригласить коадъюторомъ Христіана принца мекленбургскаго, съ тѣмъ, чтобъ онъ былъ ему преемникомъ въ архіепископскомъ санѣ. Этотъ поступокъ, противный постановленію вольмарскаго сейма 1546 года, оправдывался тѣмъ благовиднымъ предлогомъ, что тогда Ливоніи угрожала опасность отъ Московіи, и въ такомъ положеніи необходимо имѣть сильную поддержку, а слѣдовательно поставить на архіепископское достоинство лицо съ важными связями будетъ полезно для общей защиты. Гермейстеръ собралъ земскій сеймъ въ Венденѣ, объявилъ поступокъ архіепископа противозаконнымъ и послалъ своего новопоставленнаго ко-

[1]) Grefenth. Mon. V. 115.

мандора динабургскаго, Готгардта Кетлера, въ Германію набирать войска для войны съ архіепископомъ. Поднялось междоусобіе. Ландмаршалъ Ясперъ фонъ-Минстеръ, раздражившись тѣмъ, что не его, а командора феллинскаго, Вильгельма Фирстемберга, сдѣлали коадъюторомъ гермейстера, присталъ къ архіепископу [1]). Городъ Рига, городъ Дерптъ, дерптскій епископъ и нѣкоторыя духовныя власти держались стороны ордена. Подъ Кокенгузеномъ архіепископъ и его нареченный коадъюторъ Христіанъ были взяты въ плѣнъ; гермейстеръ посадилъ ихъ въ замокъ: но за нихъ заступился польскій король. Вильгельмъ былъ племянникъ Сигизмунда-Августа, да притомъ въ Ливоніи тогда убили польскаго гонца Лонскаго [2]). Было такимъ образомъ два предлога ко вступленію польскихъ и литовскихъ войскъ въ Ливонію.

Въ такомъ запутанномъ положеніи находились дѣла Ливоніи, когда въ Дерптъ прибылъ въ іюнѣ 1556 года московскій посланецъ, Келерь Терпигоревъ, человѣкъ упрямый и хитрый (*ein trotziger verwogener Mann*) [3]). Московское правительство часто выбирало людей для порученій, примѣняясь къ ихъ характеру. Здѣсь, кажется, оно поступило именно такъ. По обыкновенію, посолъ привозилъ подарки. Келарь Терпигоревъ везъ дерптскому епископу очень странные подарки, — было у него три вещи: шелковая епанча, двѣ гончихъ собаки, да узорами вышитое сукно. Какъ будто-бы этими подарками хотѣли сказать: какъ хотите, такъ и смекайте! И на разные способы толковали объ этихъ подаркахъ ливонцы — говоритъ современникъ [4]).

Посла помѣстили въ домѣ какого-то Андрея Ваттермана, на рынкѣ. На другой день позвали его на аудіенцію въ замокъ:

[1]) Гіарнъ, Mon. Liv. I. 206.
[2]) Henn. Script. rer. Liv. II, 211 — 220.
[3]) Russ. 48.
[4]) Russ. 49.

тамъ уже епископъ собралъ ландратовъ (земскихъ чиновниковъ) и коммисію изъ епископскаго и городскаго совѣтовъ [1]). Тутъ-же сидѣли писари.

Посолъ сказалъ:

«Царь и великій князь всея Русіи Иванъ Васильевичь приказалъ спросить о здоровьѣ епископа и гермейстера. Присылали вы къ намъ въ Москву пословъ вашихъ къ царю и великому князю всея Русіи и просили продолжить: миръ, и государь, царь и великій князь ихъ пожаловалъ миръ имъ далъ; а они поднесли государю за своею печатью грамоту, которую государь имъ приказалъ написать на томъ, что епископъ и гермейстеръ печать пословъ отрѣжутъ, а привѣсятъ свои печати — епископскую и гермейстерскую. И приказалъ мнѣ государь не долго здѣсь оставаться.»

Епископъ поблагодарилъ его, изъявилъ свое удовольствіе о царскомъ здоровьѣ и отпустилъ посла въ его помѣщеніе. Посолъ, чтобъ поторопить нѣмцевъ къ рѣшенію, повторилъ еще: «если мнѣ скоро не будетъ отвѣта, то я уѣду безъ вашего отвѣта, ждать не стану».

Начались толки въ совѣтѣ. Многіе увидали, что послы поступили и опрометчиво, и тѣмъ завязали узелокъ Ливоніи.

«Господа! — сказалъ одинъ изъ членовъ совѣта, Якобъ Краббе, — «если мы привѣсимъ свои печати къ этому договору и обяжемся платить дань, то пойдемъ въ неволю съ нашими женами и дѣтьми. А что намъ дѣлать? Либо согласиться и дань давать, либо землю нашу разорятъ и выжгутъ» [2]).

На многихъ навела уныніе эта рѣчь. Дерптскій бюргермейстеръ Генкъ сказалъ: «по моему мнѣнію тутъ и толковать не о чемъ; что постановили и припечатали, то и

---

1) Ibid. Nyenst. 45.
2) Nyenst. 46.

должны мы исполнять, а иначе московитяне силой насъ заставятъ исполнить» [1]).

Но тогда канцлеръ епископа, Юргенъ Гольцширъ всталъ съ мѣста и сказалъ:

«Г-нъ бюргермейстеръ! Вы можете лучше разсуждать о льнѣ и козлиныхъ шкурахъ, чѣмъ о такихъ предметахъ. Московскій государь тиранъ и можетъ съ нашей землею такую шутку пошутить и такой вредъ ей нанести, что мы теперь и предвидѣть всего не въ силахъ. Я думаю, мы должны привѣсить свои печати и обязаться платить дань, но въ самомъ дѣлѣ не будемъ платить ее никогда. Московскій царь — мужикъ и не пойметъ, какъ мы внесемъ дѣло въ имперскую камеру; все, что здѣсь постановится, тамъ уничтожится [2]). Позовемъ опять московскаго посла, прикажемъ оратору прочесть вслухъ нашу протестацію, а потомъ прикажемъ написать ее въ томъ смыслѣ, что мы безъ согласія римскаго императора не въ правѣ обязаться платежемъ дани, и поэтому ораторъ протестуетъ во имя его императорскаго величества, какъ верховнаго леннаго государя Ливонской страны, противъ такой невыносимой, насильно вымогаемой на-насъ дани. Затѣмъ внесемъ нашъ протестъ къ его величеству римскому императору. А межъ тѣмъ, на сколько это въ нашей власти, мы согласимся приложить наши печати къ грамотѣ и отдадимъ ее московскому послу».

Совѣтъ показался удачнымъ, потому что былъ хитръ. Немедленно же послали съ почтою къ императору просьбу отправить къ московскому царю посольство и отвратить грозящее Ливонской землѣ зло.

Терпигорева снова призвали и отдали ему договорную грамоту съ новыми печатями, приложенными вмѣсто посоль-

---

1) Russ. 49.

2) Russ. 49.

скихъ. Вслѣдъ за тѣмъ ораторъ прочелъ предъ нимъ свою протестацію, а писари стали ее записывать.

— Что это одинъ говоритъ, и что это другіе записываютъ? — спросилъ Терпигоревъ толмача.

Толмалъ объяснилъ ему.

— А какое дѣло моему государю до императора? — сказалъ Терпигоревъ сердито. Дали мнѣ грамоту — довольно; не станете государю дани платить — самъ соберетъ [1]).

Кладя въ карманъ грамоту, Терпигоревъ съ насмѣшкою сказалъ: этого маленькаго ребенка надобно кормить калачомъ и поить молокомъ; выростетъ, заговоритъ, — много добра принесетъ нашему царю! Смотрите, прибавилъ онъ, обращаясь къ бюргермейстеру (Іогану Дорстельману), припасайте, дерптскіе совѣтники, денегъ, а то ребенокъ какъ выростетъ, такъ денегъ потребуетъ!

Этотъ насмѣшливый тонъ раздражилъ было совѣтниковъ. «Мы», говорили нѣкоторые, «припечатали Ливонію московскому царю! лучше сто талеровъ потратить на войну съ московитянами, чѣмъ одинъ талеръ дани заплатить?»

Но Юргенъ Голтширъ успокоивалъ ихъ:

— Только дѣло дойдетъ до императорской камеры — императоръ поставитъ московитянъ въ границы! [2]).

Терпигоревъ, пришедши на свою квартиру, провожаемый нѣмецкими гофъюнкерами, еще разъ съострилъ къ досадѣ нѣмцевъ. Отдавая своему подъячему или слугѣ грамоту, онъ сказалъ:

— Смотри-жъ ты у меня, береги этого теленка, чтобъ онъ выросъ великъ и разжирѣлъ [3]).

Московитяне въ глазахъ нѣмцевъ завернули своего те-

---

[1]) Nyenst. 49.
[2]) Russ. 49.
[3]) Nyenst. 46.

ленка въ шелковую ткань и уложили въ обитый сукномъ ящикъ.

Нѣмцы угощали посла почтительно и щедро: давали ему и рыбу, и дичину, и яйца, и коренья, и виномъ поили, и присылали къ нему двухъ своихъ для бесѣды. Терпигоревъ казался доволенъ и благодарилъ за хлѣбъ-соль. Но послѣ обѣда пожелалъ онъ еще разъ поговорить объ одномъ дѣлѣ въ совѣтѣ. Ему назначили новую аудіенцію на другой день. Онъ явился на эту аудіенцію въ назначенное время. Прежде, чѣмъ стали толковать съ нимъ о дѣлѣ, угостили его лакомствами въ особой комнатѣ, а потомъ уже пригласили въ ревентеръ — залу совѣта. Терпигоревъ вошелъ туда не одинъ, но съ какимъ-то русскимъ.

Въ вашей землѣ, на псковской дорогѣ — сталъ онъ говорить — у этого человѣка убили брата; притомъ у него, какъ онъ сказываетъ, отняли столько сотъ талеровъ. Онъ уже епископу жаловался, а по крестному цѣлованію межъ нами, если въ Руси или въ Ливоніи кто будетъ убитъ разбойниками, то вся околица того мѣста, гдѣ убійство станется, либо заплатитъ ближнимъ убитаго столько, сколько стоятъ пограбленные животы, либо убійцу выдастъ. Вотъ уже долго онъ проситъ у епископа управы и не получаетъ ее; пошлите-же вашихъ людей съ нимъ вмѣстѣ къ епископу; пусть епископъ велитъ выдать ему деньги, а я скажу государю, что вы, Совѣтъ дерптскій, и всѣ ваши люди, поступаете во всемъ по праву — по крестному цѣлованію.

Совѣтъ послалъ съ нимъ одного господина къ епископу вмѣстѣ съ русскимъ истцомъ. Посланные возвратились и и принесли извѣстіе, что епископъ желаетъ пособить русскому; но люди той околицы, гдѣ совершилось убійство, живутъ за много миль отъ Дерпта; нужно будетъ этихъ людей выписать сюда, а на это время надобно будетъ подождать.

Терпигоревъ обратился тогда къ Совѣту съ такою просьбою:

— Ждать мнѣ долго нельзя. Пусть Совѣтъ будетъ такъ добръ, отдастъ теперь же деньги русскому истцу, а съ тѣхъ получитъ, кто платить обязанъ.

— У насъ нѣтъ въ наличности столько денегъ, отвѣчали совѣтники.

Если-бы вы,—сказалъ посолъ,—хотѣли оказать русскому человѣку это добро, то могли-бы это сдѣлать; мнѣ извѣстно, что у васъ подъ ратушей стоитъ двѣнадцать бочекъ золота.

Нѣкоторые засмѣялись. Іоганъ Дорстельманъ, бюргермейстеръ, сказалъ:

— Можетъ быть тамъ и есть деньги, да ключей нѣтъ у насъ: одни у города Риги, другіе у города Ревеля; безъ ихъ воли нельзя притронуться къ этому золоту.

Терпигоревъ не сталъ болѣе настаивать и сказалъ:

— Ну, такъ напоминайте-же епископу, чтобъ изъ вашихъ грамотъ и печатей вышло вамъ добро — а это будетъ тогда, когда вы дань заплатите, иначе станется вамъ несчастіе великое!

Съ этими словами онъ простился и уѣхалъ [1]).

Черезъ годъ слѣдовало платить, ибо два года со времени заключенія договора послами въ Новгородѣ уже истекло. На слѣдующій 1557-й годъ орденъ показалъ свое безсиліе передъ польскимъ королемъ. Когда отмщая за своего гонца и требуя освобожденія рижскаго архіепископа и его коадъютора, Сигизмундъ-Августъ объявилъ войну, Ливонію пришли защищать чужеземныя войска, а сами ливонцы до того отвыкли отъ военнаго быта, что смотрѣли, какъ на рѣдкость, на пришедшее къ нимъ войско въ вооруженіи, и удивлялись непривычному для нихъ барабанному бою [2]).

---

[1]) Nyenst. 48.

[2]) Russow 50.

Скоро увидѣлъ орденъ, что нѣтъ возможности бороться съ Сигизмундомъ-Августомъ и уступилъ ему; задержанные духовные были выпущены. Христіанъ признанъ коадъюторомъ; гермейстеръ явился въ Вильно принести покорность королю [1]). Эти событія подавали русскимъ надежду, что дѣла въ Ливоніи пойдутъ для нихъ, какъ нельзя лучше, а для ордена какъ нельзя хуже. Но за то послѣ примиренія, гермейстеръ заключилъ или, лучше сказать, возобновилъ старинный союзъ Швеціи съ Польшей и Литвой, которымъ обѣ стороны обязывались дѣйствовать взаимно, въ случаѣ нападенія общаго ихъ прирожденнаго врага — московскаго государя [2]).

Это было новое раздраженіе Москвы и новый предлогъ ей прицѣпиться къ Ливоніи.

Деритскій епископъ и Совѣтъ перерывали старые свои книги и акты, чтобъ отыскать въ нихъ, какую это дань требуетъ московскій царь. Они нашли только, что дѣйствительно въ древнія времена тѣ ливонскіе жители, что проживали на чертѣ пограничной со псковскою землею, пользовались правомъ ставить въ лѣсу на псковской землѣ борти; за это они должны были платить Пскову что-то такое. Да сверхъ того отыскали еще въ старыхъ бумагахъ, что когда-то, въ древности, городъ Деритъ давалъ въ церковь Живоначальной Троицы во Псковъ каждогодный даръ, и все-таки не могли рѣшить: что это было такое, платилось-ли это за пользованіе тѣмъ, что принадлежало, какъ собственность, св. Троицѣ, или же то было не болѣе, какъ благочестивое приношеніе, отъ частаго повторенія ставшее обычаемъ. Во всякомъ случаѣ, въ деритскихъ архивахъ болѣе ничего другаго не оказалось въ родѣ дани, а то, что тамъ нашли, не каза-

---

[1]) Russow 50. Henning 220.

[2]) Mon. V 220.

лось имъ такого рода данью, какой требовалъ царь [1]). И вотъ въ мартѣ 1557 года отправили въ Москву пословъ Гергардта Флемминга, Валентина Мельхіора и Генриха Винтера [2]) (по русскимъ лѣтописямъ, Валентина, да Мелхелъ, да писаря Гануса) просить, чтобъ царь сложилъ дань по гривнѣ съ человѣка. Но въ Москвѣ казалось уже не своевременнымъ вдаваться въ археологическія изысканія о дани: тамъ сочли достаточнымъ довольствоваться однимъ послѣднимъ договоромъ. Онъ самъ по себѣ составлялъ уже неоспоримый документъ; дань должна быть платима по силѣ этого договора, все равно, справедливо или несправедливо попала она въ этотъ договоръ. Тѣ же довѣренные, которые переговаривались и прежде: окольничій Алексѣй Адашевъ и дьякъ Михайловъ сказали посламъ: «по перемирнымъ грамотамъ и по вашему челобитью государь на васъ дань положилъ, и послы ваши крестъ цѣловали и бискупъ юрьевскій крестъ цѣловалъ предъ посломъ намѣстника новгородскаго Келаремъ Терпигоревымъ — платить дань по гривнѣ съ человѣка опричъ церковныхъ людей. Какъ-же вы теперь просите сложить дань? Третій годъ исходитъ, а вы не исправились въ своемъ цѣлованьи; такъ знайте-же, что государь самъ будетъ собирать свою дань на мейстерѣ и на всей ливонской землѣ [3]).»

И послы уѣхали обратно; они не удостоились даже быть у государя. Бреденбахъ [4]) говоритъ, будто-бы тогда царь пригласилъ ихъ и черезъ переводчика укорялъ въ томъ, что они заслужили гнѣвъ божій за то, что оставили прежнее благочестіе, разоряли церкви и изгоняли священнослужителей.

Въ слѣдъ за тѣмъ московское правительство запретило ѣздить въ ливонскую землю русскимъ торговцамъ; позво-

---

[1]) Russ 52.

[2]) Bredenb. 5.

[3]) Лѣтопис. львов. V. 168.

[4]) De bello. liv. 17.

лило, однако, пріѣзжать въ русскую землю нѣмцамъ, вѣроятно потому, что трудно было различить, кто былъ изъ Ливоніи, кто изъ другихъ странъ Германіи, а русское правительство не хотѣло ссориться съ другими иноземцами.

Въ ноябрѣ въ слѣдъ за тѣмъ послѣдовало грозное объявленіе войны. Царь обращался въ своей грамотѣ къ гермейстеру, къ рижскому архіепископу, къ дерптскому епископу и ко всей Ливоніи: припоминалъ прежнія условія договора, обязательство платить дань, не сноситься съ поляками, возобновить русскія церкви; ссылался на крестное цѣлованіе, на утвержденіе договора предъ Терпигоревымъ, на неоднократныя увѣщанія, которыя имъ дѣлались изъ милосердія, ради пощады крови христіанской; — въ заключеніе говорилось въ грамотѣ: и такъ какъ вы божественный законъ и всякую истину оставили, не помышляете о крестномъ цѣлованіи и презираете нашу милость и милосердіе, то мы разсудили, при помощи Божіей, ради нашей правды и вашей неправды, оказанной къ великому кресту, мстить вамъ и наказать васъ за ваши беззаконія. И если, по волѣ Божей, съ обѣихъ сторонъ кровь прольется, то не по нашей винѣ, а по вашей неправдѣ то станется. Мы, христіанскій государь, не радуемся о пролитіи невинной крови — ни христіанской, ни невѣрной. Познайте вашу неправду. Мы извѣщаемъ васъ о нашей великой и могущественной силѣ сею грамотою нашею, которою объявляемъ вамъ войну [1]).

Грамота эта прислана въ Ливонію въ ноябрѣ 1557 года. Она тамъ надѣлала суматохи, страху. Гермейстеръ собралъ сеймъ въ Венденѣ. Ясно было, что никакія увертки не помогутъ. Надобно платить дань [2]). Выбрали двухъ пословъ, (по Руссову, дворянина дерптскаго округа Клауза Франке и

---

[1]) Bredenb. Hist. Ruth. script. 1. 6. Russ. Scrip. rer. liv. 52.
[2]) Fabric. Script. rer. liv. 2. 467.

Элерта Крузе [1]); по Фабрицію — Іоанна Таубе и Элегарда Краузе [2]); по русскимъ лѣтописямъ отъ гермейстера Клатусъ да Томосъ да Мельхеръ, а отъ бискупа юрьевскаго Елертъ да Христофоръ да Власъ Бека [3]). Эти послы прибыли въ началѣ зимы въ Москву. Алексѣй Адашевъ и дьякъ Михайловъ, какъ и прежде, были назначены въ отвѣтъ къ ливонскимъ посламъ.

Послы изъявили готовность платить дань, но хлопотали: нельзя-ли вмѣсто поголовной дани брать опредѣленными суммами. Бояре уступили въ послѣднемъ и договорились съ ними на томъ, чтобъ не брать поголовной дани, какъ постановлено въ договорѣ, а заплатить за прежнія недоимки и за настоящій трехлѣтній долгъ валовую сумму, по русскимъ лѣтописямъ, сорокъ пять тысячъ [4]) талеровъ, а по Руссову [5]) сорокъ тысячъ. Впредь епископство дерптское обязывалось каждый годъ выплачивать по 1000 венгерскихъ золотыхъ безпереводно. Но когда царь потребовалъ отъ нихъ денегъ, они сказали, что у нихъ ихъ нѣтъ. «Такъ вы только хотите изволочить дѣло» такъ говорили русскіе, обличая ихъ [6]), — что-же, вы насъ дураками считаете что-ли? Ступайте-жъ себѣ домой, а царь самъ пойдетъ собирать свою дань [7]).

Русскіе купцы имѣли свои выгоды отъ торговли съ Ливоніей, имъ не хотѣлось войны, и они предложили дать ливонскимъ посламъ въ займы требуемую царемъ сумму, но царь запретилъ своимъ подданнымъ давать деньги ливонскимъ

---

[1]) Russ. 52.

[2]) Script. rer. liv. 2. 467.

[3]) Никонов. 294. Львов. V. 190.

[4]) «За прошлые залоги и за нынѣшній подъемъ полпятадесять ефимковъ, а московская осмнадцать тысячъ рублевъ.» Никоновск. 294. Львовск. 191.

[5]) Russow 52.

[6]) Никоновск. 294.

[7]) Russow 52.

посламъ [1]) подъ смертною казнью. Послы соглашались остаться сами въ Москвѣ заложниками до тѣхъ поръ, пока будутъ присланы изъ Ливоніи деньги. Московское правительство не позволило и этого [2]). Москвѣ было пріятно, что Ливонія оказалась несостоятельною; представлялась возможность не только взять съ нее значительную сумму денегъ, но и самую страну покорить. Стремленіе къ расширенію предѣловъ въ ту или другую сторону овладѣло Москвою послѣ покоренія Казани и Астрахани. Послы по-неволѣ должны были ѣхать съ печальнымъ извѣстіемъ, что вслѣдъ за ними пойдутъ ратные люди московскаго государя разорять Ливонію. Фабриційй прибавляетъ, что на прощанье имъ подали за обѣдомъ пустыя блюда, за то, что они пріѣхали съ пустыми руками [3]).

Часто предъ великими несчастіями записываются въ лѣтописяхъ таинственныя явленія и предзнаменованія. И въ Ливоніи предъ нашествіемъ московской рати было подобное. За годъ передъ тѣмъ показалась на сѣверномъ небѣ огромная комета съ длиннымъ хвостомъ. Богъ показывалъ этимъ будущую свою кару, говоритъ лѣтописецъ, слѣдуя вѣрованію вѣка [4]). Явился въ Ливонію странный человѣкъ; назывался онъ Юргенъ. Откуда онъ былъ, никто не могъ допроситься у него. Знали только, что появился онъ изъ верхней Германіи и пришелъ въ Ливонію черезъ Пруссію и Польшу. Въ жестокій морозъ ходилъ онъ босъ, безъ штановъ, въ одной блузѣ; по плечамъ у него скатывались длинные волосы. Его босыя ноги сохраняли странную теплоту: снѣгъ таялъ у него подъ подошвами. Онъ не принималъ ни платья, ни обуви, когда добрые люди давали ему; не бралъ онъ также даромъ

[1]) Hiarn. Monum. Liv. I. 212.
[2]) Russow 52.
[3]) Fabric. 467.
[4]) Nyenst. Monum. Liv. II. 48.

ни пищи, ни какой бы то ни было подачки, но охотно соглашался работать и получать пищу за свою работу, — работалъ онъ такъ, что въ одинъ день могъ сдѣлать то, чего другой не сдѣлаетъ въ четыре дня. Поселяне призывали его повсюду, и смотрѣли на него какъ на чудо. Во время работы онъ останавливался, цѣлый часъ лежалъ, припавши къ землѣ, и молился, чтобъ съ новою силою приниматься за работу. Онъ ходилъ въ церковь, а когда къ нему обращались священники, то называлъ ихъ лицемѣрами. — Зачѣмъ ты ходишь по Ливоніи? — спрашивали его. —Меня Богъ послалъ возвѣстить ливонцамъ наказаніе за ихъ подлость, роскошь и праздность, — отвѣчалъ онъ. Передъ нашествіемъ московитянъ онъ исчезъ безъ вѣсти [1]).

22 января войско великорусское вторглось въ Ливонію и пошло гулять по ней по разнымъ направленіямъ. Начальникомъ войска былъ Шигъ-Алей, бывшій царь казанскій. Все войско состояло болѣе изъ татаръ и черкесовъ [2]), чѣмъ изъ природныхъ русскихъ. Отпора не давали ливонцы. Русскіе дѣлали, какой хотѣли, вредъ безоружнымъ и беззащитнымъ жителямъ; прошли на полтараста верстъ въ длину параллельно съ литовскимъ рубежемъ, и въ ширину на сто верстъ разными отрядами. Укрѣпленныхъ мѣстъ не трогали, а нападали на малые посады; сожигали ихъ; жителей однихъ убивали, другихъ въ плѣнъ брали. Прогулявшись по Ливо-

---

[1]) Russow 51.

[2]) «И отпустили напередъ себе воеводу князя Василія Ивановича Борбошина, да князя Юрья Петровича Репнина, да Данила Ѳедоровича Адашева, да съ ними же отпустили татары Уразлы князя Канборова, да Епара мурзу Ибачева, да Кѣпичь мурзу Салнаглычова, да съ ними жь головы с детьми боярскими, и головы с казанскими татары и новокрещеныи, и черкасъ пятигорскихъ, княжь Ивановыхъ и княжь Васильевыхъ людей черкасскихъ князей, и стрелцовъ и козаковъ,... и татаръ, и черкасъ, и мордву.» Никон. лѣт. VII. 297, 298.

нія [1]), отряды соединились съ главнымъ войскомъ, которое подъ начальствомъ Шигъ-Алея шло къ Дерпту. Они взяли безъ затрудненій городъ Костеръ (на востокъ отъ Дерпта — Koster). Тамъ не нашли ни одного человѣка: все разбѣжалось. Отсюда они подошли къ Дерпту. Изъ Дерпта выслали было противъ нихъ отрядъ человѣкъ въ пятьсотъ, но этотъ отрядъ былъ разбитъ на-голову. Простоявъ три дня у Дерпта, русскіе опять разошлись отрядами: одни пошли къ югу по рижской, другіе — по колыванской (ревельской) дорогѣ. Самъ Шигъ-Алей пошелъ за рѣку Омовжу, къ морю. Изъ Раковора (Везенберга) и Муки (Фалькенау) вышли было ливонскіе отряды и были разбиты. Русскіе пожгли посады городовъ Муки (Фалькенау), Лаиса, Аспилуса (Эйсикулъ), Поркела (Пиркельнъ). Самъ Шигъ-Алей, идя по направленію къ морю, потомъ поворотилъ вправо къ Ругодиву (Нарва). Окрестности Ругодива были уже выжжены и опустошены княземъ Шестуновымъ, который выходилъ изъ Иванъ-города. Потери въ этихъ русскихъ отрядахъ были чрезвычайно малы [2]). Другіе отряды воротились къ Нейгаузену и вошли во псковскую область [3]). Болѣе всѣхъ была опустошена дерптская провинція: это значило, что, за неисправность въ платежѣ дани, государь послалъ своихъ людей собирать съ нее дань.

---

[1]) ...«Воевали девять денъ, а пришли на сидячіе люди, а у Новаго городка (Нейгаузенъ), и у Кѣрекѣпи (Киремие) и у городка Ялыста (Маріенбургъ allucksness-basn), да у городка у Курслова, да у Бабяя-городка (Ульценъ = Вибина), посады пожгли и людей побили многихъ, и полону безчисленно множество поимали.» Никон. лѣт. 297.

[2]) «Далъ Богъ, вездѣ нѣмцевъ побивали, а государевыхъ людей побили подъ Курсловымъ въ воротѣхъ Ивана Ивановича Клепика Шеина, да въ загонѣхъ и въ иныхъ мѣстехъ пяти сыновъ боярскихъ, да стрѣлцовъ десяти человѣкъ, да трехъ татариновъ, да боярскихъ человѣкъ спятнадцать, а иные люди далъ Богъ всѣ здоровы, а нѣмецкую землю повоевали и выжгли, и людей побили во многихъ мѣстахъ, полону и богатства множество поимали» Никон. VII. 299.

[3]) De bello Liv. 18.

Ратные люди сожигали села, деревни и посады до-тла, истребляли хлѣбъ въ скирдахъ и амбарахъ, загоняли скотъ въ загоны и тамъ его сожигали; малыхъ дѣтей, моложе десяти лѣтъ, прокалывали копьями и втыкали на плетни; не щадили и тѣхъ, которые были старѣе двадцати лѣтъ, терзали ихъ страшными муками, напримѣръ, связавши, насыпали имъ на бока порохъ и зажигали его; другихъ обмазывали горячею смолой и зажигали; беременнымъ женщинамъ вырѣзывали утробы и вытаскивали изъ нихъ младенцевъ; красивыхъ женщинъ насиловали; иныхъ изъ нихъ послѣ того уводили съ собою и продавали другъ другу; другихъ замучивали затѣйливыми способами, какъ напримѣръ обрѣзывали имъ сосцы, привѣшивали къ деревьямъ и разстрѣливали стрѣлами; у дѣтей вырывали сердца, вѣшали на деревья и стрѣляли въ нихъ изъ лука. Въ плѣнъ брали обыкновенно только юношей и дѣвицъ, отъ десяти до двѣнадцати лѣтъ отъ роду.

Всѣ такія злодѣянія дѣлались только надъ жителями нѣмецкаго происхожденія. Испуганныя толпы бѣжали въ укрѣпленные города. Въ Дерптѣ набилось ихъ такъ много, что нечего было имъ ѣсть, негдѣ было помѣститься. Толпы скрывались въ городскихъ рвахъ. Зимняя стужа была въ тотъ годъ чрезвычайная. Многіе безъ пристанища замерзали; многіе погибли отъ голода. Въ это время Московскіе ратные люди подошли къ Дерпту и, увидѣвши, что во рвахъ скрывается народъ, бросились было на него и стали убивать. Жители, запершись въ замкѣ, не смѣли подать помощи несчастнымъ, а только стрѣляли по московскимъ воинамъ со стѣнъ. Послѣ трехъ дней, какъ сказано выше, русскіе ушли. Неотрадна была судьба тѣхъ, которые уцѣлѣли въ этой бойнѣ, и могли выползти изо рва живьемъ: они узнали, что сожжены ихъ домы въ близкихъ деревняхъ, откуда они пріѣхали въ Дерптъ; хлѣбъ, скотъ, все имущество истреблено; ни пристанища отъ стужи, ни куска хлѣба; и приш-

лось имъ погибать мукою, болѣе продолжительною, чѣмъ отъ московскаго оружія [1]). Руссовъ разсказываетъ при этомъ, что во время нашествія московскихъ людей множество рыцарей собралось въ Ревелѣ къ одному барону на свадьбу. Этотъ баронъ хвастался, что онъ сдѣлаетъ гостямъ такой праздникъ, что дѣти ихъ будутъ вспоминать о немъ. Но вышло — замѣчаетъ лѣтописецъ, — что настало вмѣсто праздника такое горе, о которомъ дѣти нашихъ дѣтей будутъ вспоминать съ ужасомъ.

Ни гермейстеръ, ни епископъ не выходили на войну. Ливонія была безотпорна; въ теченіи сорока дней могли въ ней безнаказанно свирѣпствовать московскіе люди съ полнымъ презрѣніемъ къ нѣмцамъ. Курбскій, бывшій тогда въ сторожевомъ полку въ войскѣ, говоритъ: мы воевали цѣлый мѣсяцъ и нигдѣ не пришлось намъ биться. Вошли мы въ ихъ землю отъ Пскова; воевали вдоль миль на сорокъ по ливонской землѣ и вышли здоровы изъ ихъ земли въ Иванъ-городъ и принесли съ собою много корыстей [2]).

Шигъ-Алей, воротившись изъ Ливоніи, получилъ приказаніе пріостановить военныя дѣйствія, и послалъ къ дерптскому епископу написанное къ ливонцамъ воззваніе. Оно было сочинено въ такомъ смыслѣ: «Вы, Ливонцы, не исполняли обѣта своего и долга передъ государемъ, царемъ всея

---

[1]) De bello Livon. 18. Thom. Hiarn Monum. Liv. 1, 212. Russow Script. rer. liv. 1. 53. Nyest. Monum. Ant. Liv. II, 48.

[2]) Вотъ какъ разсуждаетъ Курбскій о нравственныхъ причинахъ, доведшихъ ливонское общество до такихъ бѣдъ: «Понеже тамъ земля зѣло богатая и жители въ ней быша такъ горды зѣло, иже и вѣры христіанскія отступили, и обычаевъ, и дѣлъ добрыхъ праотецъ своихъ поудалились и ринулись всѣ къ широкому и пространному пути, сирѣчь къ пьянству многому и невоздержанію, и ко долгому спанію, и лѣнивству, къ неправдамъ и кровопролитію междоусобному, яко есть обычай презлыхъ ради догматовъ, таковымъ и дѣламъ послѣдовати. И сихъ ради, мню, и не попустилъ имъ Богъ быти въ покою и въ долготу дней владѣти отчизнами своими.» Курбскій, I, 69.

Русіи и за то государь царь всея Русіи послалъ на васъ рать свою. Случилась война и кровопролитіе. Вы, Ливонцы, сами своею неправдою навели это горе на свою землю. Вы ничего не сдѣлаете противъ царской силы. И такъ, если хотите, чтобъ ваша земля не была въ раззореніи, совѣтую вамъ, посылайте скорѣе посольство съ обѣщанными деньгами къ государю, поклонитесь ему и просите у него милости; а я, со всѣми воеводами, князьями, стану просить государя, чтобъ онъ не велѣлъ проливать въ Ливоніи человѣческой крови [1])».

Уже Ливонцы и безъ того были готовы откупиться деньгами отъ бѣды; они испытали, что увертками нельзя отдѣлаться отъ московскаго государя, а заступничество императора, на котораго иные такъ было разсчитывали, не заслонило ихъ отъ московской и татарской рати.

По полученіи письма Шигъ-Алея, епископъ снесся съ гермейстеромъ, и въ Венденѣ въ великій постъ собрался чрезвычайный сеймъ. Сначала бароны разногласили и спорили. Одни говорили: «соберемъ войско, и послѣ пасхи, какъ откроется весна, пойдемъ опустошать московскую землю, отмстимъ за пролитіе нашей невинной крови. Наши отцы обращали въ бѣгство этихъ варваровъ; и теперь не такъ они сильны, чтобъ нельзя было ихъ побѣдить и одолѣть.»

Но другіе говорили: «если мы будемъ воевать, то война повлечетъ насъ къ издержкамъ и тратамъ: врагъ силенъ; купленый несправедливый миръ лучше справедливой войны. Лучше соберемъ талеровъ тысячъ шестьдесятъ и пошлемъ царю; это еще не такая потеря, чтобъ не могла вознаградиться во время мира и тишины.»

Тогда на небѣ страшно блистала комета; наводила она страхъ своею продолговатою метлою и зловѣщими, мертвящими лучами. Мнѣніе въ пользу мира одержало верхъ [2]).

---

[1]) Russow 53.

[2]) Bredenb. 19.

Но денегъ достать было не такъ легко. Орденъ недавно потратился въ междоусобной войнѣ съ архіепископомъ, а потомъ въ войнѣ съ поляками. Архіепископъ не могъ собрать доходовъ со своихъ имѣній. Казна дерптскаго епископа была подорвана его предшественникомъ, который не только увезъ съ собой то, что было въ наличности, но еще заложилъ епископскія имѣнія. Города взялись тогда выручать Ливонію изъ бѣды [1]). Ревель, Рига и Дерптъ сдѣлали складчину и собрали, по извѣстію Руссова, 40,000 талеровъ [2]), а по извѣстію Ніенстета 60,000. Послѣднее сказаніе должно быть вѣроятнѣе, потому-что Ніенстетъ былъ при этомъ дѣйствующимъ лицомъ. «Городъ Дерптъ далъ 10,000, — я самъ считалъ эти деньги, говоритъ Ніенстетъ; такимъ образомъ было тогда по запискѣ вложено всего на-все 60,000 талеровъ: я самъ находился при этомъ, а мой тесть, бургомистръ, Дитмаръ Майеръ далъ отъ себя 500 талеровъ.» [3]).

Прежде всего отправили передоваго гонца просить объ опасной грамотѣ для пословъ, котораго лѣтопись русская называетъ Степаномъ Лыстаревымъ, нѣмчиномъ.

Сохраняя видъ справедливости, московское правительство хотѣло постоянно держаться такого тона, что не желаетъ войны, ведетъ ее только по крайней нуждѣ и всегда радуется возможности примириться; поэтому оно приказало немедленно прекратить всякія военныя дѣйствія, и гонецъ, возвращаясь изъ Москвы, получилъ письмо къ гермейстеру и ко всей нѣмецко-ливонской землѣ. Въ письмѣ объявляли «путь чистъ» посламъ для пріѣзда и отъѣзда.

Послами отправлены были четверо особъ отъ гермейстера, а двое отъ епископа, да съ ними были канцелярскіе

---

[1]) Russow 54. Thom. Hiarn. 213.

[2]) Russow ibid.

[3]) Nyenst. Monum. Liv. II. 49.

чиновники [1]). Ливонцы знали, что Москва негодуетъ болѣе противъ лютеранъ, чѣмъ противъ католиковъ. Московское правительство казалось раздраженнымъ за оскорбленіе церковной святыни,—это обстоятельство болѣе всего доставило ему благовидности въ его придиркахъ; а оскорбленія святынѣ въ русскихъ церквахъ причиняли не католики, но протестанты, ругаясь надъ русскими церквами заурядъ съ католическими. Протестантское иконоборство равнымъ образомъ возбуждало омерзѣніе въ русскихъ православныхъ, какъ и въ благочестивыхъ католикахъ. Казалось благоразумнымъ отправить въ Москву такихъ пословъ, которые бы имѣли въ этомъ дѣлѣ съ москвичами общихъ враговъ и къ этимъ врагамъ могли бы высказать москвичамъ одинаковое негодованіе. Поэтому-то отъ епископа былъ выбранъ посломъ дерптскій деканъ докторъ, Вольфгантъ Загеръ, ревностный католикъ [2]). Онъ ѣхалъ, безъ сомнѣнія, съ тѣмъ, чтобы расположить царя къ католической Ливоніи и всю вину свести на лютеранскую партію; но отъѣхавши пятьдесятъ верстъ отъ ливинской границы, этотъ будущій миротворецъ умеръ. Мѣсто его заступилъ сопровождавшій его дворянинъ (называемый въ русскихъ лѣтописяхъ Ганусомъ), также католикъ. Они пріѣхали съ деньгами въ Москву не прежде половины мая, но тогда уже оказалось поздно [3]). Успѣло

---

[1]) Отъ гермейстера въ русскихъ лѣтописяхъ послы называются: Ѳедоръ Фершеръ, Бѣтрехъ (въ Никон. Бестрехъ), братъ маистровъ, да Клауда (въ Никон. Клюсъ) Симонъ да Мелхеръ.—Львов. 221. Никон. 309. (Готгардъ Фирстенбергъ Іоаннъ Таубс — Richter, I. Th. II, в. 329.

[2]) «Erat strenuus catholicae religionis, vindex... ita ut Lutheranae factionis sectatores eum Livoniae papam appellitarent.» Bredenb. 19.

[3]) А бискуповы архимандритъ юрьевскій Белва, да Ганусъ Иванъ, да Власъ Бека и Клауна архимандритъ на дорогѣ померли.» Львовск. V, 221.

случиться такое событіе, которое все дѣло поворотило иначе.

Воеводы, что находились въ Иванъ-городѣ, получили царское приказаніе не воевать Нарвы, а дожидаться, пока чѣмъ-нибудь окончить свое дѣло ливонское посольство въ Москвѣ. Они сидѣли мирно въ своемъ Иванъ-городѣ. Въ Нарвѣ, которая отдѣлялась отъ Иванъ-города только одною рѣкою, находился нѣмецкій гарнизонъ [1]).

Наступилъ великій постъ. Нѣмцы со стѣнъ своихъ увидали толпу народа въ Иванъ-городѣ: русскіе Богу молились. Нѣмцы гуляли и веселились. Нѣмцы эти были лютеране и не любили постовъ и внѣшняго богослуженія. Имъ показалось смѣшно и досадно, что русскіе собираются толпою въ церковъ. Съ-пьяна, забавы ради, лютеране стали со стѣнъ по православнымъ стрѣлы. Другіе изъ ихъ собратій, не узнавши въ чемъ дѣло, но услышавши выстрѣлъ, заключили, что вѣрно окончилось постановленное перемиріе и начинается съ русскими перестрѣлка, въ свою очередь дали залпъ по Иванъ-городу и убили нѣсколькихъ русскихъ. Воеводы сохраняли съ точностью приказаніе не начинать войны и не отвѣчали нѣмцамъ. Немедленно отправили они къ государю гонца, съ извѣстіемъ о томъ, что произошло, а въ городъ послали просить объясненія. «Что это значитъ? — вы просили опасной грамоты; опасная грамота дана, а вы стрѣляете»? Такъ спрашивали русскіе нѣмцевъ. Изъ Нарвы отвѣчали, что это фогтъ стрѣлялъ и горожане не могутъ его унять [2]). Затѣмъ повторилось еще тоже самое. Русскіе опять не отвѣчали, спокойно терпѣли, какъ ихъ били со стѣнъ. Наконецъ, въ концѣ вербной недѣли, въ апрѣлѣ, пришла цар-

---

[1]) «...trecentos milites, et centum quinquaginta equites.» Bredenb. 19.

[2]) «Князецъ стрѣляетъ и намъ его не уняти.» (Никонов. 303). Vogt v. Jerven (Nyenst.)

ская грамота къ воеводамъ и дьяку [1]): царь приказывалъ стрѣлять по Ругодиву со всего наряду, но по ливонскимъ украинамъ не велѣлъ воевать. Ругодивъ нарушилъ миръ, такъ одинъ Ругодивъ и долженъ отвѣчать. Тогда русскіе усердно стали метать въ городъ каменныя ядра, и въ городѣ сдѣлался мятежъ. Черной народъ кричалъ противъ рыцарей и фогта и изъявлялъ готовность отдаться во власть русскому государю. Сторону его приняли нѣкоторые и знатные горожане; другіе противились. Двое ратмановъ были расположены и другихъ располагали къ подданству Москвѣ. Одинъ назывался Іоакимъ Крумгаузенъ, другой Арндтъ фонъ Деденъ. Оба они получали прежде того отъ царя грамоты на свободную торговлю по Руси и теперь ожидали для себя большихъ выгодъ и милостей отъ царя [2]), если и окажутъ ему свое доброжелательство. Подъ вліяніемъ русскихъ каменныхъ ядеръ партія примирительная взяла верхъ. Въ великую субботу, 9-го апрѣля, Нарва послала просить переговоровъ. Прекратили стрѣльбу.

Въ русскій городъ явились двое нарвскихъ городовыхъ ратмановъ, которыхъ лѣтопись называетъ посадниками [3]), съ товарищами. Первый изъ нихъ былъ Іоакимъ Крумгаузенъ, другой называется у нашего лѣтописца Захаръ Ванденъ (Арндтъ фонъ Деденъ).

Бьемъ челомъ, сказали они, отъ имени всего города, чтобъ государь насъ пожаловалъ и вины намъ отдалъ; пусть государь возьметъ насъ на свое имя. Мы не стоимъ за князьца (фогта), онъ воровалъ на свою голову. Мы отстаемъ

---

[1]) Воеводами были: Князь Григорій Григорьевичъ Куракинъ, да Иванъ Андреевичъ Бутурлинъ, а дьякомъ Шестакъ Воронинъ.

[2]) Script. rer. Liv. I, 338.

[3]) «...Посадниковъ Якима Кромыша да Захара Вандена съ товарищи... (Никоновская лѣт. 303).

отъ мейстера и всей ливонской земли. Освободите насъ ѣхать къ государю, а мы оставимъ вамъ въ залогъ людей.

Воеводы приняли просьбу; нѣмцы отправились въ Москву, а въ Иванъ-городѣ оставили заложниками двухъ чиновныхъ своихъ товарищей [1]).

Крумгаузенъ и фонъ Деденъ прибыли въ Москву 1-го мая. Царь уже зналъ, зачѣмъ они пріѣхали; Иванъ-городскіе воеводы извѣстили его заранѣе. Царь приказалъ Адашеву и дьяку Михайлову распросить въ чемъ ихъ челобитье. Думая, что, быть можетъ, дѣло уладится и безъ крайныхъ рѣшительныхъ мѣръ, безъ отдачи Нарвы въ подданство Россіи, нѣмцы стали было хитрить, просили милости, но уклонялись отъ предложенія отстать отъ гермейстера и всей ливонской земли.

Но Адашевъ самъ имъ объ этомъ напомнилъ и сказалъ:

— Вы черезъ опасную грамоту стрѣляли по государеву городу и по государевымъ людямъ и сами потомъ въ своей нуждѣ уже били челомъ, что отстаете отъ мейстера и хотите быть въ государевой воли. Нынѣ же воля государева такова: выдайте вашего князьца изъ Вышгорода (верхняго замка), сдайте Ругодивъ съ Вышгородомъ нашимъ воеводамъ; тогда государь васъ пожалуетъ, не разведетъ васъ изъ домовъ, ни вольностей не порушитъ, ни старины вашей, ни торга вашего, а государевы воеводы станутъ владѣть Вышгородомъ и Ругодивомъ и всѣми ругодивскими землями, какъ владѣли у васъ мейстеръ и князецъ. Иначе этому дѣлу не бывать.

Нѣмцамъ нечего было перечить; ясно было, что въ Москвѣ уже все знаютъ — и они на все дали согласіе.

Царь позвалъ ихъ лично къ себѣ. На этотъ разъ они

---

[1]) ...а на Иване городе посадили в закладе у воеводъ полатниковъ своихъ луччихъ людей Ивана Бѣлаго да Ашпираче... (Никоновск. VII, 303.)

уже прямо и ясно били челомъ, чтобъ государь взялъ Ругодивъ и Вышгородъ со всею ругодивскою землею, а съ фогтомъ пусть поступитъ, какъ угодно: или велитъ его взять, или выпустить. Они, какъ видно, хотѣли снять съ себя обязанность доставлять фогта въ руки московитянамъ, но не были расположены ни стоять за него, ни хлопотать о его судьбѣ.

Въ ихъ руки выдали жалованную государеву грамоту всему Ругодиву со всею ругодивскою землею; а они за Вышгородъ и Ругодивъ со всею ругодивской землею цѣловали крестъ государю, царю и великому князю всея Русіи и его благороднымъ дѣтямъ. Эти послы были отпущены съ честью. Съ нимъ поѣхалъ Ѳедоръ Писемскій и повезъ воеводамъ грамоту: въ ней приписывалось защищать Ругодивъ и ругодивскую землю отъ гермейстера и его ордена.

Но подъ Нарвой въ это время опять иначе повернулись обстоятельства. Когда ни откуда не было надежды, большинство, въ виду погибели, соглашалось отдаться царю; но московскіе люди перестали палить, прошло времени столько, что жители отдохнули; — тогда начались толки, какъ-бы вывернуться изъ бѣды. Послали просить помощи къ Готгарту Кетлеру, коадъютору гермейстера, феллинскому командору. Кетлеръ далъ приказаніе собирать гаррійскую и вирландскую земщину (Landsassen) и спѣшить на выручку Нарвы [1]). По его распоряженію, ревельскій командоръ, Францъ фонъ-Зеегафенъ, послалъ впередъ рижскихъ и ревельскихъ кнехтовъ (наемное содержимое городами войско).

Они вошли въ городъ 30 апрѣля и усилили гарнизонъ. Самъ фонъ-Зеегафенъ съ гаррійскимъ и вирландскимъ рыцарствомъ сталъ лагеремъ за четыре мили отъ города съ тѣмъ, чтобы подать помощь городу, когда окажется нужно [2]).

---

1) Nyenst. 49.
2) Henning 223.

Вмѣстѣ съ нимъ былъ и Готгардтъ Кетлеръ. Когда воеводы по царскому повелѣнію объявили ругодивцамъ царское жалованье и обѣщаніе беречь ихъ отъ мейстера, въ отвѣтъ на такое миролюбивое заявленіе явился къ нимъ ратманъ, котораго лѣтописецъ называетъ Ромашкомъ; съ нимъ пришло четверо товарищей. Онъ сказалъ:

«Мы не посылывали тѣхъ, кто ѣздилъ къ царю; мы и не хотимъ отставать отъ мейстера».

— Такъ вы съ ними и поговорите объ этомъ, — сказалъ имъ Адашевъ, — останьтесь здѣсь, пока Якимъ и Захаръ пріѣдутъ отъ царя и покажутъ вамъ договоръ [1]).

Вслѣдъ за тѣмъ воеводамъ объяснилось, что значитъ эта перемѣна. Еще прежде отрядили они сторожу за рѣку Нарову наблюдать, не будетъ-ли вспоможенія Нарвѣ. Сторожѣ велѣно дать знать тотчасъ, какъ только что-нибудь въ этомъ родѣ окажется. Сторожа узнала, что приближается къ Нарвѣ Фонъ-Зеегафенъ, дала знать воеводамъ. Чтобъ не дать нѣмцамъ смять московской сторожи, воеводы отрядили ей на посилокъ еще отрядъ. Но когда Зеегафенъ появился, то биться съ нимъ на другой сторонѣ рѣки показалось невозможно. Пришлось переправиться назадъ. Московскіе люди начали обратную переправу; нѣмецкій отрядъ догналъ ихъ; не успѣвшихъ переправиться захвачено человѣкъ со сто [2]). Московскіе люди съ своей стороны взяли тридцать три человѣка нѣмцевъ въ плѣнъ. Въ разспросѣ эти нѣмцы сказали: ругодивцы измѣнили государю, отпустили пословъ къ царю, а сами потомъ просили мейстера, чтобъ онъ ихъ не выдавалъ, а мейстеръ прислалъ князьца колыванскаго (командора), съ нимъ 1,700 человѣкъ, тысяча конныхъ и семь сотъ пѣшихъ, и всѣ ругодивцы цѣловали промежъ себя крестъ,

---

[1]) Никонов. 305.

[2]) Русская лѣтопись увѣряетъ, будто нѣмцевъ, напавшихъ на нихъ, было человѣкъ тысячу, но это, какъ кажется, ошибка.

чтобъ имъ не сдаваться царю и великому князю. Однако, на самомъ дѣлѣ, прибывшіе въ Нарву воины не слишкомъ много могли подавать надежды. Предводитель ревельцевъ, Вульфъ фонъ-Страсбургъ, разсудилъ за благо уклониться отъ опасности и 3-го мая ушелъ въ Ревель. За нимъ послѣдовали подчиненные ему офицеры, трубачи и барабанщики [1]).

Послѣ стычки съ отрядомъ Зеегафена и послѣ обратнаго отвода стражи за рѣку, 11-го мая, въ Нарвѣ сдѣлался пожаръ. Загорѣлось у цирульника; назывался онъ Кордтъ Фолькенъ; варилъ онъ пиво [2]). По русскимъ извѣстіямъ у него были тогда новоприбывшіе рижане. Они увидѣли русскую икону Богородицы; икона была оставлена русскими купцами, которые когда-то квартировали у хозяина. Они были лютеране и, подгулявши, стали надъ иконою глумиться. Этотъ болванъ — сказалъ нѣмецъ — поставленъ ради русскихъ купцовъ; теперь его не нужно; истребимъ его. Нѣмецъ снялъ икону со стѣны и бросилъ въ огонь. Вдругъ пламя поднялось изъ-подъ котла къ верху и потолокъ загорѣлся. Воздухъ до того времени былъ чистъ и тихъ, а какъ сдѣлался пожаръ, поднялся вѣтеръ, и пламя понеслось въ разныя стороны по городу. Предводитель рижскихъ кнехтовъ, Вольфъ Зингегофъ, отправилъ двоихъ изъ своихъ подчиненныхъ въ лагерь къ ревельскому и феллинскому командорамъ. «Спѣшите», наказывалъ онъ имъ: «не жалѣйте лошадей; пусть господа командоры немедленно съ своими воинами прибудутъ выручать городъ; а то враги, какъ увидятъ свою выгоду въ нашемъ пожарѣ, то спать не станутъ». Часть кнехтовъ между-тѣмъ поставили у вирскихъ воротъ, а остальныхъ въ боевомъ порядкѣ на рыночной площади. Строеніе въ Нарвѣ было большею частію деревянное и огонь распро-

---

[1]) Mittheilungen VIII, 51.
[2]) Никонов. VII, 307. Nyenst. 49.

странился быстро. Народъ — вмѣсто того, чтобы по приказанію кнехтовъ бѣжать за водою и тушить пожаръ — схватывалъ свои пожитки и толпами спасался въ замокъ. Скоро въ замкѣ стало тѣсно. Тогда Зингегофъ поставилъ двѣ роты кнехтовъ, чтобы не пускать болѣе народа въ замокъ. Неуспѣвшіе туда вбѣжать расположились во рву около стѣнъ замка. Часовъ въ 10 городъ былъ обнятъ пламенемъ и всѣ кнехты, стоявшіе на площади, убѣжали въ замокъ [1]). Изъ Иванъ-города русскіе увидѣли пожаръ въ Нарвѣ и бросились черезъ рѣку, кто въ лодкѣ, кто на доскѣ; иные ворота отъ дворовъ отвѣсили, сѣли на нихъ и стали переправляться; а между тѣмъ изъ Иванъ-города въ предмѣстіе Нарвы пустили въ изобиліи каменныя ядра и пули. Изъ нарвскаго замка также стали было отстрѣливаться, но на бѣду нѣмцамъ часть орудій оставлена была на городскихъ стѣнахъ, отрѣзанныхъ отъ замка пожаромъ въ городѣ, а изъ восьми орудій, находившихся въ замкѣ, повредились двѣ пушки, стоявшія на башнѣ, носившей названіе Длиннаго Германа; одну изъ нихъ разорвало, а другую отъ разрыва первой сбило съ лафета [2]). Русскіе выперли желѣзныя городскія ворота и посыпали въ городъ. Горожане, уже и безъ того сбитые съ толку внезапнымъ пожаромъ, не отражали непріятеля и прятались во рву; другіе просили у побѣдителей пощады. Видя, что отпору давать некому, русскіе стали тушить пожаръ. Говорятъ, тогда русскіе нашли образъ Николы чудотворца: онъ лежалъ лицомъ къ огню и оставался неповрежденнымъ, и какъ только подняли его — пожаръ сталъ утихать самъ собою [3]).

Между тѣмъ, получивши извѣстіе отъ Зингегофа, Зеегафенъ послалъ передовой отрядъ къ Нарвѣ и въ слѣдъ за

---

[1]) Wahrhaftige Bericht Mittheilungen, VIII, 55.
[2]) Mittheilungen 56.
[3]) Курбск. I, 73. Львова лѣтоп., 217.

нимъ двинулся самъ съ оружіями. Время было послѣ обѣденное. Тутъ нѣкоторые изъ гаррійскихъ и вирландскихъ дворянъ стали останавливать предводителя и подавали такой совѣтъ: «смотрите, какъ бы это не хитрость непріятеля: насъ съ умысломъ хотятъ выманить изъ лагеря, а потомъ ударить на насъ изъ нарочно-устроенной засады». Нѣкоторые изъ нихъ увѣряли, что знаютъ хорошо мѣстность и говорили, что она удобна для такой засады. По ихъ совѣту рѣшились не идти далѣе и выдумали себѣ отговорку, что скоро наступитъ ночь. Между тѣмъ отрядъ, посланный Зеегафеномъ впередъ, дошолъ за полмили отъ города и поворотилъ назадъ съ утѣшительною вѣстію: пожаръ уже прекратился и опасность миновалась для Нарвы. Они дѣйствительно замѣтили издали, что огонь въ городѣ потухъ, но не узнали отчего потухъ онъ и не догадались, что его потушили русскіе.

Вышло такимъ образомъ, что отправленные на выручку Нарвы покинули ее на погибель въ рѣшительную минуту; тѣ-же, которые заперлись въ замкѣ, продолжали отстрѣливаться отъ русскихъ въ надеждѣ, что къ нимъ придетъ помощь. Московскіе люди стали напирать на ворота, не допуская нѣмцамъ сдѣлать вылазки; кнехты, защищавшіе ворота, не могли отстоять ихъ и спрятались въ замкѣ. Московскіе люди овладѣли пушками на воротахъ и стали палить по нѣмцамъ; и стрѣлы обильно летѣли въ замокъ. Осажденные сначала подкрѣпляли себя молитвами, которыя имъ читалъ нарвскій предикантъ Зуненъ; нѣсколько времени все еще думали они держаться и надѣялись: авось къ нимъ придутъ на выручку. Но вотъ явился на воротахъ одинъ изъ нарвскихъ горожанъ, Бартольдъ Вестерманъ и сказалъ: «меня послали русскіе воеводы; они предлагаютъ вамъ сдать замокъ и обѣщаютъ выпустить фогта съ его слугами и лошадьми, и всѣхъ ландскнехтовъ съ ихъ женами и съ дѣтьми,

и съ имуществами; а которые горожане пожелаютъ остаться на своихъ мѣстахъ, тѣмъ царь обѣщаетъ построить изъ своей казны домá лучше тѣхъ, что у нихъ сгорѣли.

Гарнизонъ все еще не сдавался, и ожидалъ съ минуты на минуту помощи. Вестерману отвѣчали:

— Воеводы поступаютъ несправедливо; перемиріе заключено и послы наши въ Москвѣ; а они напали на насъ, пользуясь случившеюся съ нами бѣдою.

Вестерманъ ушелъ и снова воротившись, сказалъ:

— Воеводы велѣли вамъ объявить, что Богъ васъ покаралъ за ваши грѣхи; божія воля надъ вами свершилась; самъ Богъ отдалъ васъ намъ. Принимайте милость, когда ее даютъ вамъ, а то коли не примете теперь, такъ въ другое время она вамъ не дастся.

Предводители просили дать имъ время до утра подумать. Кто-то съ башни Длиннаго Германа закричалъ: «наши рыцари идутъ!» Но то была ошибка. Ему показались рыцари, а, въ самомъ дѣлѣ, то были московскіе люди. Воеводы никакъ не хотѣли дать нѣмцамъ срока до утра и позволять имъ думать. Они приказали, напротивъ, сильнѣе палить въ замокъ, и потомъ выслали опять Вестермана.

— Воеводы — сказалъ Вестерманъ — велѣли вамъ объявить, что они вамъ не дадутъ ни минуты покоя. Если замокъ возьмутъ русскіе силою, то всѣхъ васъ за собою въ плѣнъ поведутъ. Не полагайтесь на нашихъ рыцарей — прибавилъ Вестерманъ отъ себя — между ними и вами русскія силы стоятъ. Рыцари не могутъ къ вамъ подоспѣть на выручку. —

«Попроси воеводъ хоть немного дать намъ отдыхъ — мы сейчасъ дадимъ отвѣтъ.»

Между тѣмъ, они все еще не теряли надежды — авось придутъ рыцари.

Стали осажденные совѣтоваться, а московскіе люди не

переставали стрѣлять въ замокъ, чтобъ совѣтъ у нѣмцовъ шолъ поскорѣе.

—У насъ мало запасовъ—стали разсуждать на военномъ совѣтѣ въ замкѣ: —немного ржаной муки, сала и масла, да бочки три пива. А пороху такъ мало, что если хорошенько пострѣлять часъ-другой, такъ и ничего не останется. Вдобавокъ въ замкѣ тѣснота отъ народа; а множество бѣдныхъ горожанъ укрываются во рву: они отданы на произволъ враговъ. Московитяне уже овладѣли городомъ, будутъ во что бы-то-ни-стало добывать замокъ, а изъ Иванъ-города палить станутъ безъ-устали; на рыцарей же плоха надежда. Какая польза будетъ всему краю, когда мы станемъ защищать замокъ?—Защитить его не сможемъ, а только пропадемъ всѣ!—

Брифъ-маршалокъ [1]) замѣтилъ: — Кто же намъ поручится, что мы останемся цѣлы, если сдадимся? Русскіе не сдержатъ обѣщанія и всѣхъ насъ побьютъ! —

— Если ужь наша такая судьба — возразили ему — если намъ такъ или иначе, а все-таки приходится погибать, то лучше въ полѣ, чѣмъ въ этомъ замкѣ. —

Не успѣли окончить своего совѣщанія осажденные, какъ Вестерманъ опять явился на воротахъ за отвѣтомъ.

«Мы, по крайней-мѣрѣ, хотимъ быть увѣрены, что насъ не побьютъ, если сдадимся!» сказали ему.

— Вышлите на переговоры двоихъ изъ рыцарей, а двоихъ изъ бюргеровъ — сказалъ Вестерманъ; — одинъ изъ воеводъ самъ выѣдетъ къ воротамъ. —

Осажденные такъ и сдѣлали. Изъ высланныхъ на переговоры былъ Зингегофъ, передавшій разсказъ объ этихъ событіяхъ. Русскіе не думали прекращать пальбы до тѣхъ поръ, пока нѣмцы не дадутъ согласія, и не считали переми-

---

[1]) Чиновникъ по порученіямъ въ орденскомъ управленіи.

ріемъ времени, назначеннаго для переговоровъ. Когда спустили подъемный мостъ черезъ ровъ, окружавшій замокъ, за плечами у парламентеровъ изъ Иванъ-города былъ застрѣленъ провожавшій ихъ горожанинъ. Свиданіе происходило въ галлереѣ, окружавшей одинъ изъ немногихъ уцѣлѣвшихъ отъ огня домовъ.

На этомъ свиданіи постановили, что всѣ кнехты, составляющіе гарнизонъ, выйдутъ свободно съ имуществами и съ оружіемъ, но тяжелое оружіе, то есть пушки, должно остаться въ замкѣ. Жителямъ тоже дозволено было выйти съ семействами, но покинувши въ городѣ свои имущества; тѣ-же, которые добьютъ челомъ государю, сохранятъ невозбранно свое достояніе. Русскіе будутъ провожать вышедшихъ, чтобы своевольные толпы изъ московскаго войска на нихъ не напали.

Уже было поздно, когда переговоры окончились. Воевода приказалъ принести образъ, омылъ себѣ руки и поцѣловалъ образъ во увѣреніе, что сдержитъ обѣщаніе. Онъ сказалъ, что не дозволитъ ни одному русскому войти въ замокъ, пока изъ него нѣмцы не выберутся. Воевода нѣмцамъ далъ двухъ заложниковъ и взялъ отъ нихъ въ заложники двухъ нарвскихъ горожанъ.

Осажденные вышли изъ замка въ туже ночь, и когда проходили толпами черезъ московскій лагерь, уже было утро.

12-го мая, около полудня, выпущенные изъ Нарвы достигли рыцарскаго лагеря. Рыцари не знали, что Нарва уже взята, не зарекались помогать ей, когда найдутъ, что это будетъ нужно, и, вышедши изъ лагеря, стояли въ боевомъ порядкѣ, а между тѣмъ позади ихъ, у нихъ въ лагерѣ, сдѣлался пожаръ. Среди этой-то суматохи пришли къ нимъ выпущенные изъ Нарвы и вмѣстѣ съ ними спасали лагерь отъ истребленія, чтобы себѣ самимъ найти въ немъ отдыхъ послѣ мучительнаго дня. За кнехтами бѣжали горожане; бѣ-

жали женщины; многія изъ послѣднихъ больныя и беременныя, другія съ младенцами на рукахъ. О! какой плачъ! какой вопль поднялся тогда говоритъ современникъ! Было отъ чего плакать. Несчастные горожане разомъ лишились всего достоянія, нажитаго трудами многихъ лѣтъ, за избавленіе себя и своего потомства отъ несчастія быть рабами московскаго царя, который представлялся воображенію нѣмцевъ чуть не дикимъ чудовищемъ.

Тогда фонъ-Зеегафенъ и Кетлеръ разсудили, что Нарвѣ помогать уже нечего; они двинулись со своимъ войскомъ къ Везенбергу; за ними пошолъ и выпущенный изъ Нарвы гарнизонъ. Въ Везенбергѣ присланные отъ гермейстера послы стали разбирать: кто виноватъ въ сдачѣ Нарвы. Кнехты, сдавшіе замокъ, жаловались на рыцарей, что они имъ не помогли въ минуты опасности, а рыцари сказали, что, получивъ извѣстіе о пожарѣ въ Нарвѣ, они поспѣшили-было, но тутъ прислалъ къ нимъ нарвскій бюргермейстеръ Германъ-Цу-деръ-Мэленъ поселянина съ письмомъ: извѣщалъ, что опасность миновалась, пожаръ потушили, а непріятель не думаетъ вовсе нападать на нихъ. Неизвѣстно, правду-ли говорили рыцари, а если было такъ, то несомнѣнно, что въ Нарвѣ существовала партія сторонниковъ московскаго владычества и такое письмо писано было человѣкомъ этой партіи [1]). Недолго оставалось рыцарство въ Везенбергѣ: и его покинули на произволъ судьбы, какъ Нарву.

Ободренные успѣхомъ, московскіе воеводы черезъ нѣсколько дней двинулись дальше, и 25-го мая осадили Сыренскъ (Нейшлотъ). Замокъ былъ укрѣпленъ. Воеводы не надѣялись сладить съ нимъ одни; они стали отъ него за пять верстъ и послали во Псковъ къ боярамъ и въ Новгородъ къ намѣстнику, князю Ѳедору Троекурову, просить, чтобъ они прихо-

---

[1]) Mittheilung VIII. 62.

дили туда-же съ войскомъ, а межъ-тѣмъ впередъ послали отрядъ засѣчь дорогу изъ Ревеля, на случай, если оттуда вздумаютъ подавать нѣмцамъ помощь. Въ ожиданіи свѣжихъ силъ изъ Новгорода и Пскова, воеводы обставили городъ съ двухъ сторонъ турами; по окнамъ въ турахъ помѣстили стрѣльцовъ, которые должны были стрѣлять изъ пищалей, а промежъ турами уставили пушки. Іюня пятаго пришелъ къ нимъ Троекуровъ и они открыли разомъ пальбу; на другой день фогтъ нейшлотскій (князецъ сыренскій) просилъ остановить нападеніе, дозволить сдать городъ и выйти. Воеводы согласились, но съ тѣмъ, что всѣ, кто будетъ уходить, оставятъ въ городѣ и свое оружіе, и свое имущество. Фогтъ и его ратные люди такимъ образомъ вышли изъ города. Нейшлотъ былъ занятъ московскими людьми. Тогда черные люди изо всего околотка, по происхожденію чухны, являлися толпами въ московскій лагерь и просили принять ихъ въ подданство. Они вовсе не питали сочувствія къ нѣмцамъ и не находили для себя полезнымъ стоять за орденъ. Даже и многіе изъ тѣхъ, кто были нѣмцами по происхожденію, добровольно учинялись тогда въ холопствѣ у государя, по выраженію лѣтописи [1]). Еще легче было взять другой, дальнѣйшій городъ Адежь (Тольсбургъ?) [2]) Фогтъ, Генрихъ фонъ-Келленбахъ ушелъ оттуда, не дождавшись непріятеля. Отсюда воеводы послали четырехъ головъ со стрѣльцами и дѣтьми боярскими, которые взяли Раковоръ (Везенбергъ), и тамошній фогтъ, по имени Гердтъ Гюёнъ фонъ-Анстеритъ, ушолъ. За нимъ послѣдовали всѣ жители и оставили Везенбергъ совсѣмъ пустымъ. Они ушли въ Данію и утѣшали себя надеждою, что датскій король за нихъ заступится и отниметъ у москвитянъ завоеванное [3]). Отряженные воеводами головы пе-

---

1) Львова лѣт. 225.

2) Rutenberg. II, 449.

3) Russow, 54.

реписали весь народъ и запасъ. И сюда приходили черные люди изъ околотка и добровольно отдавались во власть государя.

Такимъ образомъ пространство отъ Чудскаго озера до моря, берега озера и полоса, соприкасавшаяся теченію Наровы, присоединились къ Московскому государству. Царь получалъ веселыя извѣстія за извѣстіями о блестящихъ успѣхахъ своихъ войскъ; онъ велѣлъ по всему своему царству пѣть молебны съ колокольнымъ звономъ, а воеводамъ въ Ливоніи приказывалъ завоеванные города очищать отъ латинской и лютеранской прелести и строить тамъ православныя церкви. Въ городѣ Нарвѣ начали строить церковь пречистой Богородицы и въ замкѣ церковь Воскресенія. По приказанію царя, архіепископъ новгородскій посылалъ туда юрьевскаго архимандрита заложить эти церкви и освятить городъ обхожденіемъ вокругъ него съ крестомъ и образами. Въ Сыренскѣ построена церковь Троицы. Разрушенныя укрѣпленія городовъ были снова поправляемы и въ нихъ оставлялись гарнизоны изъ дѣтей боярскихъ и стрѣльцовъ. Такъ въ Везенбергѣ русскіе разобрали близь лежавшіе монастыри и домы и употребили на постройку стѣнъ. Весь городъ обведенъ былъ толстою стѣною съ башнями и бойницами, въ стѣнахъ и башняхъ были комнаты, гдѣ могли сидѣть зачинщики [1]). Чтобъ приласкать народъ, царь велѣлъ успокоивать его, объявлять, что всѣ останутся на своихъ мѣстахъ и даже приказалъ возвратить и водворить на мѣстѣ прежняго жительства всѣхъ нарвскихъ плѣнниковъ. Московское правительство должно было увидѣть, что сила царя и безсиліе ордена заключались въ черномъ народѣ Ливоніи; кромѣ поселянъ, которые покорялись царю тотчасъ послѣ взятія тѣхъ городовъ, къ которымъ они прежде тянули,

---

[1]) Russow, 54.

приходили чухны и латыши изъ другихъ далекихъ волостей и изъявляли охоту быть въ подданствѣ у московскаго государя [1]).

Ливонскіе послы явились съ деньгами въ Москву въ то самое время, когда царь получилъ уже извѣстіе о взятіи Нарвы. И притомъ, явились они съ намѣреніемъ поплатиться сколько возможно менѣе, тогда какъ царь, по положенію дѣлъ, могъ съ нихъ требовать сколько возможно болѣе.

— Дерптское епископство разорено — говорили послы, — много лѣтъ пройдетъ, пока мы поправимся; не можемъ собирать поголовной дани; пусть государь пожалуетъ насъ; уже ратные люди взяли въ Ливоніи больше, чѣмъ сколько даже слѣдовало собрать. Мы просимъ, чтобъ дани съ насъ не брать поголовно, а согласны заплатить разомъ опредѣленную сумму за всѣ недоимки [2]).

— Это правда, — отвѣчали имъ, — что наши собрали больше, чѣмъ сколько съ васъ слѣдовало; но вамъ данъ былъ опасъ, и мы войну пріостановили; а ваши послѣ опаса цѣлыя двѣ недѣли изъ Ругодива стрѣляли по Иванъ-городу и людей нашихъ побивали; за это царь приказалъ добывать Ругодивъ, и Богъ намъ послалъ свое милосердіе: воеводы царевы Ругодивъ взяли, и государь велѣлъ воеводамъ промышлять и надъ другими городами, сколько Богъ поможетъ. Нельзя вамъ вѣрить, — вы даете правду и во всемъ лжете. А если вашъ мейстеръ и всѣ рыцари и бискупы хотятъ отворотить гнѣвъ государя и его ратную силу отъ земли своей, пусть самъ мейстеръ и бискупы сдѣлаютъ такъ, какъ сдѣлали царь казанскій и астраханскій, пусть сами явятся къ царю и ударятъ челомъ всею Ливонскою землею, а потомъ поступятъ такъ, какъ угодно будетъ царю [3]).

---

[1]) Львова. 227.

[2]) Russow, 54.

[3]) Карамзина VIII, прим. 515 сс. на кенигсбергск. бум., донесенія по-

Впрочемъ, бояре, кажется, сочли удобнымъ на этотъ разъ сбавить свой высокій запросъ и соглашались принять предлагаемую сумму, но въ придачу требовали, чтобы Ливонія уступила царю завоеванныя его войсками области [1]). Послы не имѣли полномочія на такія уступки и не дали согласія. Ихъ отпустили съ ихъ деньгами.

Послѣ того, какъ русскіе завоевали сѣверную часть Ливоніи, пограничную Руси, другое войско двинулось въ ливонскій край южнѣе. Оно пошло изо Пскова подъ главнымъ предводительствомъ князей Петра Ивановича Шуйскаго и Ѳедора Ивановича Троекурова [2]) прямо къ Нейгаузу. Гермейстеръ Фирстенбергъ сталъ лагеремъ близъ Киремпе; у него было двѣ тысячи орденскаго войска и тысяча епископскаго. Раскинувши тамъ шатры, рыцари простояли двадцать четыре дни, мало заботясь о грядущемъ, гуляли и прохлаждались [3]); не обращали они большаго вниманія и на то, что въ Нейгаузѣ было только 600 человѣкъ воиновъ, да толпа, прибѣжавшихъ изъ околотка жителей обоего пола, которые, какъ всегда бываетъ въ осадахъ, только увеличивали тяжесть осаднаго положенія, а не помогали военному дѣлу. Ней-

---

словъ, 4 № 698 и 699. — . . . . «Solthen sie thun' als die Keisers zu Cassan und Asterkan einer v. kriesten, und auch der Keiser Segalei selbst, mechtige Hern, gethan hetten und vor dem Grossfursten komen mit dem zins aus dem ganzen Lande zu Lifflandt ihrer Key. Grosmajest. das Haupt schlagen und ferner thun, was ihre Key. Grosmaj. von ihnen wurde begeren.»

1) Nyenst. 50.

2) «Да въ большемъ же полку со княземъ Петромъ Ивановичемъ воевода Андрей Ивановичъ Шеинъ, въ передовомъ полку бояринъ князь Андрей Михайловичъ Курбскій, да воевода Данило Ѳедоровичъ Адашевъ, въ правой рукѣ бояринъ князь Васкій Ѳедоровичъ Серебреной, да Богданъ Юрьевъ сынъ Сабурова, въ лѣвой кн. Петръ Щепинъ Оболенскій, да Вас. Вас. Розладинъ-Квашнинъ, въ сторожевомъ полку кн. Григорей Иван. Темкинъ да кн. Григорей голова Звенигородской». Львова 229.

3) Ibidemque ad dies viginti quatuor morantes, omne tempus quieti et luxuriae concedunt.» Bredenb. 20. Hist. Ruthen. serisst.

гаузъ защищался упорно. Нѣмцы, говоритъ лѣтопись, засѣли на смерть. Воеводы обставили городъ турами и въ продолженіе трехъ недѣль палили въ него. Туры, будучи подвижными, приближались все болѣе и болѣе къ стѣнамъ, наконецъ дошли до самыхъ стѣнъ. Одну башню (стрѣльницу) сбили съ основанія пушками, потомъ сдѣлали пробóй въ городовой стѣнѣ, а стрѣльцы съ турами стали у стѣнъ такъ близко, что могли вскочить съ туръ на стѣны. Тогда нѣмцы покинули городъ и заперлись въ замкѣ. Русскіе, овладѣвши городомъ, со всѣхъ сторонъ окружили замокъ и стѣснили осаждаемыхъ до крайности. Стрѣльба не прекращалась; люди падали; наконецъ осажденные потеряли всякую возможность защищаться; и 30-го іюня русскіе взяли замокъ [1]). Начальникъ нейгаузскаго гарнизона, Укскиль фонъ-ПадеНормъ былъ выпущенъ воеводами съ честію изъ уваженія къ его храбрости [2]). Всѣ жители, которые не пожелаютъ присягнуть государю, получили право удалиться. Но едва только они вышли, какъ нашла на нихъ русская шайка и обобрала ихъ. Многія женщины, дѣвицы были лишены одежды и пущены продолжать свой путь нагишомъ [3]).

Между тѣмъ въ гермейстеровомъ лагерѣ при Киремпе происходили совѣщанія, какъ пособлять дѣлу. Въ орденской казнѣ, называемой дресель [4]), денегъ не было; и потому нельзя было думать о наймѣ иноземнаго войска. Это, однако, не мѣшало, какъ видно, ливонскимъ рыцарямъ, по прежнему обычаю счастливыхъ и богатыхъ лѣтъ, пировать въ лагерѣ. Гермейстеръ не зналъ о состояніи русскаго войска и не имѣлъ вѣрныхъ извѣстій о томъ, что̀ происходитъ въ Ней-

---

[1]) Львова. 230.

[2]) Карамз. VIII, 276.

[3]) Bredenb. 21... raptis virginibus et feminis, illos nudos, omnique argento spoliatos dimittunt.

[4]) Henning 224.

гаузѣ; — у него не доставало ловкихъ людей, чтобъ взять на себя трудъ провѣдать о непріятелѣ. Въ Дерптѣ также не думали помогать Нейгаузу, хоть и ясно было, что непріятель, какъ скоро возьметъ Нейгаузъ, тотчасъ подступитъ и къ Дерпту.

Ливонскіе депутаты городовъ въ Дерптѣ держали совѣтъ. Прежде всего надѣялись на императора, думали, что этотъ сильный глава западнаго міра однимъ своимъ словомъ остановитъ московское завоеваніе, но присланные недавно отзывы внушали мало утѣшительнаго. Карлъ V въ это время уже оставилъ имперію и удалился въ монастырь Юста. Преемникъ его, Фердинандъ, былъ занятъ домашними раздорами и опасался турокъ. Когда въ Дерптѣ начали разсуждать, что̀ дѣлать, одинъ предлагалъ то, другой иное, каждое предложеніе тотчасъ же встрѣчало множество неудобствъ къ исполненію. Не было надежды на внутреннія силы. Надобно было пытаться выпросить помощь отъ сосѣдей; тѣ совѣтовали обратиться къ Швеціи, другіе къ Даніи, третьи къ Польшѣ. Только дерптскій бургомистръ, Антоній Тиль, человѣкъ, какъ говоритъ о немъ современникъ, благочестивый и честный, сталъ посреди собранія, съ заплаканными глазами, и говорилъ:

— Вотъ уже много дней мы толкуемъ, какъ помочь себѣ, да, къ несчастію, ничего еще не выдумали. Скажу вамъ вотъ что: откуда бы мы ни пригласили себѣ защитниковъ — съ сѣвера или съ запада, съ сѣверовостока или съ юга — все равно: никто за насъ не захочетъ безкорыстно воевать съ москвитянами; такъ или иначе, все-таки придется намъ отвѣчать своими головами. Всего лучше и благоразумнѣе будетъ, если мы принесемъ все наше частное достояніе на пользу земли нашей: всѣ украшенія женъ нашихъ, всѣ золотыя цѣпи, браслеты, все, что у насъ есть дорогаго въ запасѣ, все продадимъ, — на эти сокровища наймемъ вой-

ска и сами всѣ соберемся на одно мѣсто, и пойдемъ противъ непріятеля; не станемъ больше поступать такъ, какъ прежде дѣлалось, что, бывало, каждый свой уголъ берегъ, и врагъ могъ по одиночкѣ всѣхъ насъ побить: оттого и земля наша такъ обезсилѣла. Если мы на это рѣшимся, то будемъ честные и храбрые люди [1]). —

Совѣты его не возбудили сочувствія. Въ лагерѣ при Киремпе даже говорили, что въ Дерптѣ есть измѣнники, которые хотятъ сдать городъ московскому царю, и указывали на какого-то Лустферна, который будто бы тайно посылалъ въ Москву. По этому поводу, нѣсколько подозрительныхъ людей было схвачено и подвергнуто пыткѣ. Что̀ они подъ пыткою высказали, — неизвѣстно. Дерптъ послалъ было отрядъ на помощь Нейгаузу, да этэ посланные воины, видя, что Нейгаузъ не можетъ держаться и уже готовъ сдаться непріятелю, для собственной безопасности, поспѣшили во свояси съ распущенными знаменами. Когда ихъ упрекали: зачѣмъ они не держались, они отвѣчали, что Нейгаузу нѣтъ большой нужды, а имъ слѣдуетъ защищать собственный городъ и его укрѣпленія [2]).

Услышавши о взятіи Нейгауза, гермейстеръ поспѣшно снялъ лагерь, приказалъ самъ сжечь Киремпе и двинулся на западъ. Носился слухъ, что непріятельское войско хочетъ догнать гермейстера и вступить съ нимъ въ битву. Гермейстеръ прибавилъ шагу и совершенно покинулъ на произволъ враговъ дерптскую землю. Онъ сталъ подъ Валкомъ [3]).

Московскіе люди, послѣ взятія Нейгауза, пошли прямо къ Дерпту. Городъ Костеръ, бывшій на дорогѣ въ Дерптъ, сдался безъ сопротивленія. Епископскій отрядъ, разставаяся

---

[1]) Henning, 22.
[2]) Henning. 225.
[3]) Bredenb. 21.

съ войскомъ гермейстера, былъ настигнутъ московскою ратью за двадцать пять верстъ отъ Дерпта. Его гнали до самыхъ предмѣстій Дерпта, взяли телѣги съ вооруженіями, порохомъ и со всѣми военными запасами; двадцать семь нѣмцевъ попалось въ плѣнъ [1]).

Епископъ заперся въ Дерптѣ. Дошедши почти до города, воеводы воротились назадъ и взяли Курславль — за десять верстъ отъ Киремпе. Въ этомъ городкѣ оставлено было ими двое головъ съ гарнизономъ. И здѣсь черные люди съ околотка приходили къ воеводамъ и добровольно отдавались въ подданство царю. Воеводы приводили ихъ всѣхъ къ правдѣ. Съ этимъ народомъ, туземцами въ ливонской землѣ, московскіе люди обходились милостиво, но съ нѣмцами были жестоки: мужчинамъ отсѣкали руки, женщинамъ вырѣзали сосцы и ноздри [2]).

Готовясь осадить Дерптъ, воеводы послали отрядъ провѣдать, гдѣ гермейстеръ; надо было взять предосторожности и не дать напасть на себя въ расплохъ. Пока этотъ отрядъ былъ въ командировкѣ, воеводы стояли у Киремпе. Шуйскій послалъ въ Дерптъ предложеніе сдаться на милость царя и присягнуть ему на подданство, иначе грозилъ жестокимъ разореніемъ. Бреденбахъ говоритъ, что при этомъ посланы были въ Дерптъ искалѣченные нѣмцы и нѣмки, чтобы горожане могли наглядно сообразить, какая ихъ ожидаетъ бѣда, если станутъ упрямиться. Для страха нѣмцамъ русскіе распускали слухъ, будто у нихъ войска тысячъ триста; въ самомъ же дѣлѣ, какъ показываетъ современникъ [3]), у нихъ было тысячъ съ тридцать московскихъ и татарскихъ силъ, да тысячъ двѣнадцать стрѣльцовъ. Въ Дерптѣ заперлись вооруженные дворяне епископскаго удѣла; къ нимъ при-

1) Львова V, 232.
2) Bredenb. 21.
3) Bredenb. 21.

стали на помощь охотники. Предложеніе Шуйскаго отвергли: думали защититься. Запасовъ у нихъ было много и стало бы на долгое время. Надѣялись, что гермейстеръ поправится и явится имъ на выручку. Чрезъ нѣсколько дней возвратился въ Московскій лагерь посланный отрядъ и привелъ языковъ: они извѣщали, что гермейстеръ ушелъ въ Кесь (Венденъ) а войско отъ него разбѣгается [1]). Московскіе люди двинулись къ Дерпту.

А между-тѣмъ, въ виду непріятеля, въ городѣ продолжались прежнія религіозныя распри и несогласія между протестантами и католиками. Дерптскіе граждане протестанты насильно заперли соборъ, запрещали служить обѣдню и грозили за это казнями. Католики вопіяли, что все настоящее бѣдствіе постигаетъ Ливонію за отпаденіе отъ отеческой вѣры, что отщепенцы въ своей слѣпотѣ сами отвергаютъ послѣднюю надежду спасенія — молитву по уставамъ церкви. Вотъ начали появляться передовые отряды русскихъ. Храбрость и самонадѣянность стали оставлять нѣмцевъ, когда не только уже слышали о врагѣ, но увидали его съ городскихъ стѣнъ. Большая часть епископскихъ дворянъ ночью ушла изъ города и покинула своего епископа [2]). Канцлеръ Гольцшуръ и нѣсколько оставшихся дворянъ лютеранскаго исповѣданія и полковниковъ изъявили готовность сдѣлать вылазку на непріятеля; но только-что имъ отворили ворота, какъ они поворотили туда же, куда и первые, и пошли за ними къ Ригѣ. За ними вслѣдъ толпами бѣжали граждане [3]). — Такова-то *ихъ* вѣра лютеранская, — восклицаетъ современный историкъ-католикъ [4]) — она имъ позволяетъ оставлять отечество, родныхъ, друзей, согражданъ, святыню и домы.

---

[1]) Львова лѣт. V, 234.

[2]) Nyenst. 50.

[3]) Russow, 56. — Hiarn, 217.

[4]) Bredenb. 21.

11-го іюля на зарѣ появилось, въ виду Дерпта, цѣлое Московское войско [1]). Много было съ нимъ тяжелыхъ осадныхъ орудій, телѣги тянулись обозомъ съ порохомъ и свинцомъ и съѣстными припасами. Видно было, что Московскіе люди пришли съ тѣмъ, чтобъ не уходить, не покончивши съ Дерптомъ [2]).

Дерптъ заволновался: не знали, что начать; — тѣ говорили одно, другіе противное; религіозная вражда не только не утихала, но разгоралась болѣе и болѣе. Оставшіеся дворяне католическаго исповѣданія, вышли на мятежную площадь и стали уговаривать гражданъ: «не унывайте духомъ»; восклицали они, «мужественно стойте за себя, за вашихъ женъ, дѣтей, за отечество противъ исконнаго врага христіанскаго имени; вы прогоните его, если единодушно обратите на него ваши силы и оружіе». Бюргеры-католики одобряли ихъ рѣшимость.

Но тогда откликнулся одинъ ратманъ, строгій протестантъ: «мы будемъ защищать городъ; пусть же епископъ Германъ и католики отрекутся отъ папистическихъ заблужденій и примутъ евангелическую истину».

— Мало ли на васъ бѣдъ,—говорили католики, — еще большихъ хотите! Да не съ тѣхъ ли поръ и постигло васъ московское разореніе, какъ вы перемѣнили вѣру и приняли ученіе лютерово? —

Были и такіе, которые старались примирить, хоть на это важное время, враждующія стороны. Они говорили: «теперь ли спорить о вѣрѣ? Пусть остается каждый въ томъ исповѣданіи, въ какомъ былъ. Не за вѣру, а за отечество, за родныхъ и дѣтей надобно биться. Соединимся-же дружно; присягнемъ не сдавать русскимъ города во что бы-то-ни-

---

[1]) Ibid.

[2]) Nyenst. 50.

стало и будемъ сражаться до послѣдняго издыханія за нашу судьбу».

Слишкомъ очевидно показалась тогда польза такихъ совѣтовъ. Положили прекратить религіозные споры и сражаться.

Московскіе люди осадили городъ. Главныя силы ихъ были сосредоточены у воротъ св. Андрея. Здѣсь они насыпали большой валъ и стрѣляли съ него. Палили днемъ; настала ночь; — Московскіе люди продолжали палить. Нѣмцы имъ отвѣчали выстрѣлами. Ночь была чрезвычайно темная; не видно было, куда направлять орудія. Слѣдующій за тѣмъ день былъ туманенъ. Охотники выходили два раза изъ воротъ драться и возвращались, ничего не сдѣлавши. Въ среду, 13-го іюля, туманъ не расчищался. Досадно было нѣмцамъ. Они только по грому московскихъ орудій, да по шуму въ непріятельскомъ войскѣ, соображали, куда имъ палить; и потому ихъ выстрѣлы, направляясь на широкое поле, были не такъ опасны русскимъ, какъ нѣмцамъ московскіе выстрѣлы, которые, обращаясь къ городу, направлялись на меньшее и тѣснѣйшее пространство. Еще попробовали было нѣмцы сдѣлать вылазку и воротились безъ успѣха, да еще съ ранеными [1]). Тогда городской совѣтъ отправилъ къ епископу депутацію.

Она говорила:

— Гермейстеръ ушелъ прочь. Дворянство насъ покинуло и оставило въ бѣдѣ епископа. Мы слишкомъ слабы, чтобы оборонять такую большую крѣпость. Знаете вы сами, что у насъ недавно свирѣпствовала болѣзнь и много померло изъ нашихъ солдатъ, которыхъ у насъ было двѣсти. Измучили насъ ночные и дневные караулы. Рады мы васъ защищать, какъ вѣрные подданные; да пришлось намъ очень тяжело;

---

[1]) Bredenb. 22.

напишите къ гермейстеру; увѣдомите его, что городъ нашъ въ крайнемъ положеніи и проситъ выручки, а иначе, постигнетъ его скоро горестная перемѣна. Мы наняли двухъ мужиковъ: берутся доставить письмо гермейстеру. Они сядутъ въ лодку и вверхъ по рѣкѣ поплывутъ черезъ лѣсъ. —

— Любезные мои, вѣрные мои — отвѣчалъ епископъ — я знаю вашу вѣрность; я соболѣзную, что мое дворянство меня оставило и вижу самъ, что мы слабы, не въ состояніи давать непріятелю отпоръ денно и нощно. Да, это будетъ хорошо, если дадимъ знать гермейстеру и пошлемъ къ нему два письма, одно за другимъ, одинаковаго содержанія. Чѣмъ скорѣе вы это сдѣлаете, тѣмъ лучше будетъ. —

Гонцы были отправлены одинъ за другимъ съ письмами; второй отправился черезъ три часа послѣ перваго [1]).

Насталъ четвергъ. Московскіе люди успѣли уже насыпать такіе высокіе валы, что съ нихъ стрѣлять можно было уже не по стѣнамъ, а брать выше: ядра падали на крыши домовъ въ городѣ. Деревянныя кровли и стѣны обваливались и убивали дѣтей, женщинъ, всѣхъ, кто оставался въ домахъ. Цѣлый день и цѣлую ночь послѣ того не умолкала пальба — громъ былъ такой, что одинъ у другаго не могъ рѣчей разслышать. Въ пятницу Шуйскій прислалъ опять предложеніе сдать городъ, обѣщалъ пощаду, въ противномъ случаѣ грозилъ бѣдою; какъ бы въ подтвержденіе словъ воеводы, часу въ девятомъ утра открыли ужасную пальбу на весь городъ со всѣхъ сторонъ. Женщины вопили и возбуждали всеобщее отчаяніе [2]). Тутъ разнесся слухъ, что гонецъ воротился съ письмомъ отъ гермейстера.

Ратманы отправились къ епископу. Епископъ приказалъ прочитать имъ полученное письмо.

---

[1]) Nyenst. 50.

[2]) Bredenb. 22.

Гермейстеръ писалъ:

«Очень сожалѣемъ о печальномъ состоянiи города Дерпта, а равно и о томъ, что дворяне и ландзассы покинули своего господина, епископа: это не дѣлаетъ имъ чести. Постоянство епископа и почтеннаго гражданства очень похвально. Желательно, чтобъ всѣ остальные исполнились такого же геройскаго духа и защищали бы городъ мужественно. Я бы очень желалъ оказать городу помощь, но изо всѣхъ свѣдѣнiй мнѣ извѣстно, что у непрiятеля большая сила въ полѣ и потому я не въ состоянiи вступить съ нимъ въ скорости въ битву. Остается мнѣ усердно молиться за васъ Богу и помышлять денно и нощно объ умноженiи своего войска [1])».

Такой отвѣтъ повергъ въ отчаянiе многихъ гражданъ. Они вопили: «гермейстеръ отказываетъ въ помощи; намъ нѣтъ надежды; мы не въ силахъ никакимъ способомъ держаться. Мы сдадимся.» —

— Помыслите, —увѣщевалъ ихъ епископъ, —что ожидаетъ насъ. Вы знаете, какiе варвары эти московиты; и вѣра у нихъ такая, что только Богу и святымъ хула: отъ всей церкви божiей и отъ всего свѣта отринута! Со скотами христiане не обращаются такъ жестоко, какъ съ людьми обращаются московиты. Что они дѣлали у насъ съ христiанскими женщинами и дѣвицами? Тоже всѣхъ насъ ожидаетъ, если мы отдадимся жестокому тирану во власть [2]).

Утѣшенiя было мало. Непрiятель опять принялся палить. Стѣны города начали разрушаться. Тогда въ двѣнадцать часовъ дня совѣтъ послалъ къ Шуйскому двухъ своихъ членовъ, спросить: на какихъ условiяхъ желаетъ онъ сдачи. Шуйскiй прислалъ условiя, которыя показались выгодными [3]). Совѣтъ опять обратился къ епископу. Ему представ-

---

[1]) Nyenst. 51.

[2]) Bredenb. 23.

[3]) Bredenb. 23.

ляли, что предложенія, которыя дѣлаетъ московскій воевода, очень мягки; Шуйскій — самъ человѣкъ честный и добрый; и можно будетъ сдать городъ, если Шуйскій поручится, что соблюдутся въ точности всѣ пункты, на которыхъ послѣдуетъ сдача города.

Епископу трудно было ихъ убѣждать въ противномъ. Епископъ долженъ былъ согласиться и послалъ Шуйскому просьбу о перемиріи.

Шуйскій далъ два дня на размышленіе и не приказалъ безпокоить города въ продолженіи этого времени [1]).

Собрался городской совѣтъ; собралась и вся городская община, которая обыкновенно сходилась въ двухъ гильдейскихъ камерахъ: одна камера была для чиновъ, другая для купечества. Собрались и духовные обѣихъ вѣроисповѣданій [2]). Поднялась разноголосица; наступилъ раздоръ.

Каноники были противъ сдачи. По ихъ вліянію, граждане католики раздѣляли тоже настроеніе. Напротивъ, лютеране соглашались на мировую.

— Мы,—говорили католики,—еще не въ самомъ крайнемъ положеніи, стѣны еще цѣлы; запасовъ у насъ довольно; а войска, хотя не много, да зато оно таково, что можетъ оборонять городъ, лишь бы у него стало рѣшимости; лучше испустить дыханіе, чѣмъ сдать городъ и съ нимъ потерять свободу. Вся наша бѣда исходитъ отъ членовъ лютеранскаго сената: недавно перешли они отъ католичества въ лютеранство, а теперь хотятъ перейти въ московское варварство и безбожіе. —

Лютеране, съ своей стороны, порицали католиковъ [3]). Лютеранскіе пасторы не были противъ сдачи города и только обращались къ совѣту съ такою просьбою: «мы просимъ до-

---

[1]) Nyenst. 51.
[2]) Ibid.
[3]) Nyenst. 52.

стопочтенный совѣтъ позаботиться, чтобъ наши церкви и школы, и вся наша чистая вѣра были ограждены на будущія времена». Совѣтъ обѣщалъ дѣйствовать по ихъ желанію и благодарилъ ихъ [1]).

Изъ гильдейскихъ камеръ волненіе пошло по улицамъ. Католики кричали, что лучше пролить послѣднюю каплю крови, чѣмъ потерять отечество и религію [2]). Лютеране доказывали, что уже отъ гермейстера ждать нечего; слава Богу, что Шуйскій даетъ выгодныя условія; ими пренебрегать не слѣдуетъ, чтобы не было послѣ хуже. Наконецъ и самые начальники войска, не смотря на увѣщанія католиковъ, должны были сознаться, что у нихъ людей очень мало и нѣтъ возможности долго держаться [3]).

Шуйскій, услышавъ, что въ городѣ разноголосица и смятеніе, прислалъ сказать, что онъ никого не принуждаетъ насильно принимать подданство царю. Всѣмъ дается добрая воля. Тѣ, которые не захотятъ, могутъ безопасно выйти изъ города и удалиться въ Германію. Московскія войска не станутъ ихъ задерживать. Тѣже, которые отдадутся въ подданство царю, останутся на мѣстѣ съ своими имуществами [4]).

Это еще болѣе расположило гражданъ къ сдачѣ. Въ воскресенье собрался вновь совѣтъ; и самъ епископъ уже согласился сдаться, и другихъ убѣждалъ къ сдачѣ. Упорные каноники все еще протестовали; изъ членовъ совѣта бургомистръ Антоній Тиль, тотъ самый который подавалъ рѣшительное мнѣніе противъ всякой сдѣлки съ московитами, такъ теперь говорилъ:

— Свѣтлѣйшій, честнѣйшій князь и господинъ! мы до-

---

[1]) Bredenb. 23.
[2]) Bredenb. 23.
[3]) Nyenst. 52.
[4]) Bredenb. 23.

жили до печальнаго времени. Мы, бѣдные люди, видимъ и ощущаемъ, какъ добрые христіане добровольно отдаются въ рабство. Въ избѣжаніе такой бѣды, мы покидаемъ наши дома, дворы, все наше благосостояніе и предпочитаемъ изгнаніе съ женами и дѣтьми, сами не зная, гдѣ каждый изъ насъ окончитъ жизнь отъ тѣсноты и скорби. Не хотимъ потерять драгоцѣннѣйшаго на свѣтѣ сокровища—чести, чтобъ насъ послѣ не поносили и не порицали: будутъ еще думать, что мы участвовали въ сдачѣ города Дерпта; а мы готовы были защищать его, жертвуя нашею жизнію. Поэтому я и, вѣроятно, со мною всѣ тѣ, кто подобно мнѣ думаетъ, что Дерптъ защищать оружіемъ еще можно, просимъ свѣтлость вашу письменно объявить, кто подалъ поводъ къ сдачѣ города? Ваша-ли милость, или рыцарство, или капитулы, или достойно уважаемый совѣтъ, или я, Антоній Тиль,—чтобъ мнѣ можно было отъ напраснаго обвиненія оправдаться и сохранить мое доброе имя. —

Съ согласія епископа, совѣта и капитулы, нѣкто отвѣтилъ ему такъ.

— Честнѣйшій и мудрѣйшій господинъ! нельзя никого упрекать и поставить кому-бы то ни было въ укоръ сдачу города. Никакое честное лице не можетъ принять на себя вины. Это случилось по крайней, неизбѣжной бѣдѣ. Засвидѣтельствовать объ этомъ его свѣтлость можетъ не только вашей мудрости, но и всякому другому, кто имѣетъ въ этомъ необходимость. —

Были составлены условія для предложенія Шуйскому; одни отъ епископа, другія отъ городскаго совѣта. Первый хлопоталъ прежде всего о себѣ, а потомъ о католичествѣ и о тѣхъ, которые останутся въ его діэцезіи. Себѣ просилъ онъ во владѣніе монастырь Фалькенау (Муку) въ двухъ миляхъ отъ Дерпта на Эмбахѣ, со всѣми землями, людьми и судомъ, со всѣмъ, что изстари принадлежало къ этой мѣст-

ности и составляло владѣльческій доходъ, да съ прибавкою еще земель по близости къ монастырю. Тамъ онъ желалъ пребывать до конца дней своихъ, съ тѣмъ, чтобъ его никогда не выводили изъ Ливоніи въ Московію; въ самомъ городѣ Дерптѣ просилъ онъ себѣ домъ, свободный отъ постоя московскихъ войскъ, да еще садъ и рощу на Двинѣ. Онъ просилъ, чтобъ въ случаѣ, когда нужда будетъ ему послать въ Москву, или самъ туда поѣдетъ, чтобы ему и его гонцамъ давались подводы. Монастырь, который онъ себѣ выпрашивалъ, долженъ навсегда оставаться въ нѣдрѣ римско-католической церкви; капитула дерптская должна также принадлежать всегда римско-католической церкви; всѣ члены ея будутъ исповѣдывать эту религію и не должны подлежать иному суду, кромѣ епископскаго. Для дворянства, которое находится подъ епископскою юрисдикціею, епископъ просилъ спокойнаго пребыванія въ Ливоніи при своихъ имѣніяхъ.

Городской совѣтъ просилъ сохранить аугсбургское исповѣданіе, или такъ называемую лютеранскую вѣру, съ тѣмъ, чтобъ ни въ какомъ случаѣ не принуждали ея послѣдователей перемѣнять исповѣданія, оставить совѣтъ въ прежнемъ видѣ и составѣ, сохранить всѣ городскіе доходы и школы, подтвердить и признать дѣйствительность старыхъ привиллегій, прежнихъ протоколовъ, книгъ, какъ счетныхъ, такъ и наслѣдныхъ, освободить всѣхъ горожанъ, какъ нѣмцевъ, такъ и не нѣмцевъ, отъ русскаго суда и держать ихъ подъ судомъ городоваго фогта, оставить въ употребленіи прежнія мѣры, вѣсы, дозволить гражданамъ по прежнему выбирать изъ своей среды должностныхъ лицъ, собираться въ гильдейскихъ камерахъ, сочетаться бракомъ въ нѣмецкой землѣ, отдавать туда дѣтей на воспитаніе и принимать къ себѣ оттуда прихожихъ, отъѣзжать за границу и выдавать отъѣзжающимъ паспорты, принимать новыхъ членовъ въ городское общество съ тѣмъ, чтобъ они давали присягу

царю и совѣту; просилъ права суда и аппелляціи къ городу Ригѣ по старинѣ, права свободнаго винокуренія, медоваренія и пивоваренія безъ всякаго акциза, кромѣ того, какой назначенъ будетъ городскимъ совѣтомъ, неприкосновенности лицъ и ихъ имуществъ съ тѣмъ, чтобъ гражданъ не выводить въ Москву на жительство, и свободы отъ военнаго постоя. Относительно торговли просили, чтобъ дерптскіе купцы могли выѣзжать повсюду по торговымъ дѣламъ, чужеземные купцы могли бы торговать въ Дерптѣ и привозить туда иноземные товары — по разсужденію совѣта; наслѣдство умершихъ чужеземцевъ должно оставаться неприкосновенно собственностію наслѣдниковъ, просили дозволить въ извѣстное время собираться ярмаркамъ, какъ было прежде, русскимъ купцамъ пріѣзжать въ Дерптъ съ платежемъ установленныхъ изстари вѣсовыхъ пошлинъ, а дерптскимъ ѣздить и торговать въ Руси безпошлинно, и чтобъ такъ называемой компаніи черноголовыхъ, — торговому обществу иностранныхъ купцовъ, торговавшему въ Ливоніи, — были невозбранно оставлены прежнія права торговли. Относительно тѣхъ, которые не пожелаютъ оставаться въ Дерптѣ подъ царскою властію, городской совѣтъ просилъ, чтобъ имъ дозволено было взять свои имущества съ собою, а чего не могутъ взять, оставить у ближнихъ и послѣ получить; если же они передумаютъ и захотятъ послѣ возвратиться, то дозволить имъ такой возвратъ.

Уполномоченные отъ епископа, отъ городскаго совѣта и отъ городскаго общества отправились съ этими условіями къ князю Петру Ивановичу Шуйскому; они просили утвердить ихъ золотою печатью великаго государя московскаго и обѣщали на другой же день отворить ворота Дерпта.

— Мы просимъ, сказали они, — ради нашихъ женъ и дѣтей пощадить дома наши отъ военнаго занятія: наши не привыкли къ чужому войску. —

Князь Петръ Ивановичъ обѣщалъ и сказалъ, что онъ строго прикажетъ отнюдь не касаться домовъ обывателей.

Принесенныя условія прочитаны были по-нѣмецки и такъ какъ воеводы не знали этого языка, то имъ переводили ихъ словесно по-русски.

— Я не могу такъ скоро всего смекнуть сразу и удержать въ памяти, — сказалъ Шуйскій, — надобно ихъ переложить на русскій языкъ и переписать. Тогда я посмотрю: коли что нибудь найдется сомнительное, то я поговорю объ этомъ; можетъ статься нужно будетъ переправить ихъ такъ, чтобъ мнѣ можно было принять; а если найду я все, какъ слѣдуетъ, то надѣюсь, что государь на все соизволитъ и прикажетъ приложить печать. Я въ милости у государя и надѣюсь все сдержать, что̀ вамъ пообѣщаю. —

Нѣмцы дали съ своей стороны переводчика, и воевода поручилъ съ нимъ работу своимъ, знающимъ по-нѣмецки.

Пока переводили пункты, воевода считалъ во всякомъ случаѣ дѣло оконченнымъ и объявилъ депутатамъ:

— «Скажите епископу и всѣмъ, которые съ нимъ захотятъ уѣхать: пусть они соберутся скорѣе. Я пошлю въ городъ царскихъ бояръ проводить епископа съ его людьми въ Муку (Фалькенау). Другимъ всѣмъ гражданамъ, которые выйдутъ изъ города дамъ стражу, чтобъ имъ не сдѣлали какъ-нибудь оскорбленія московскіе ратные люди, пока будутъ стоять подъ городомъ». Эта стража, разумѣется, была столько же для почета и охраненія, сколько и для надзора за дѣйствіями епископа.

За епископскимъ поѣздомъ начали выѣзжать бюргеры со своими семьями въ нагруженныхъ повозкахъ; за ними выходили военные люди съ оружіемъ. Къ нимъ, сейчасъ, по распоряженію Шуйскаго, примкнули конныя дѣти боярскія подъ начальствомъ воеводъ. Войско московское и татарское разступалось и давало имъ дорогу. Когда они всѣ уже отдали-

лись отъ города, князь приказалъ, чтобъ къ нему пріѣхали бюргермейстеръ, ратманы и выборные отъ городской общины, провожать его самаго въ городъ.

По этому призыву явилось нѣсколько лицъ и вмѣстѣ съ ними два члена дерптской капитулы, представители римско-католическаго духовенства. Главный воевода ласково подавалъ имъ руку въ знакъ мировой и обнадеживалъ царскими милостями. Онъ пригласилъ ихъ посидѣть у него въ шатрѣ, пока не пошлетъ передовыхъ въ Дерптъ. Такимъ образомъ впереди всѣхъ поѣхалъ одинъ воевода съ мирнымъ знаменемъ и приглашалъ гражданъ оставаться спокойно и ничего не бояться. Потомъ другой воевода отправился съ отрядомъ дѣтей боярскихъ занять замокъ, а затѣмъ поѣхалъ третій воевода со стрѣльцами; онъ разставилъ ихъ на караулъ на рынкѣ и по улицамъ. Когда все было готово и дано знать о томъ Шуйскому, главный воевода сказалъ: «теперь проводите меня въ замокъ».

Онъ поѣхалъ. Членъ капитулы, ратманы и выборные отъ городской общины ѣхали впереди его. Они, какъ хозяева, показывали Шуйскому дорогу и отдавали въ его лицѣ московскому царю городъ, завоеванный царскими войсками.

Какъ только Шуйскій расположился въ замкѣ, тотчасъ черезъ бирючей приказалъ оповѣстить по городу запрещеніе подъ смертною казнію московскимъ ратнымъ людямъ причинять какое-либо насиліе жителямъ; а граждане, для избѣжанія несчастныхъ случаевъ, отнюдь не должны были продавать ратнымъ московскимъ людямъ вина. Ратные люди помѣщались въ замкѣ, въ домахъ, принадлежавшихъ капитулѣ, и въ домахъ тѣхъ гражданъ, которые добровольно покинули городъ, ибо все, что принадлежало бискупу, получившему за то отъ государя другое, и все, что составляло собственность убѣжавшихъ изъ отечества, было отписано на госу-

даря [1]). Но ратнымъ людямъ не позволяли помѣщаться въ домахъ тѣхъ гражданъ, которые предпочли оставаться на своихъ мѣстахъ, понадѣясь на обѣщанія воеводы, и поддались царю.

Городской совѣтъ и общины прислали новому своему начальнику въ подарокъ коробъ вина, отличнаго пива, свѣжей рыбы и зелени. Шуйскій принялъ этотъ гостинецъ съ благодарностью и сказалъ:

— Если кто-нибудь, хоть самый наименьшій изъ гражданъ, будетъ имѣть поводъ жаловаться на московскихъ ратныхъ людей, — мои покои и мои уши всегда для него открыты; я накажу виновнаго и обороню каждаго. —

Чрезъ нѣсколько дней главный воевода пригласилъ въ замокъ на обѣдъ членовъ совѣта, общины, альдермановъ и вообще знатныхъ гражданъ. Угощеніе было роскошное.

Къ удовольствію гражданъ, Шуйскій скоро показалъ, что обѣщаніе свое умѣетъ держать. Нѣкоторые ратные люди стали своевольничать; предводитель приказалъ ихъ бить палками самымъ постыднымъ образомъ. Безпрестанно московскіе дворяне разъѣзжали по городу, спрашивали — нѣтъ-ли обидъ, и всѣхъ, кто только велъ себя непристойно, сажали въ тюрьму. Это справедливое обращеніе съ жителями оказало на нихъ благотворное вліяніе. Граждане — говоритъ лѣтописецъ, начали утѣшаться въ своемъ злополучіи, какъ будто-бы и не было надъ ними никакого нападенія и насилія [2]). Всѣ свободно могли сидѣть въ своихъ домахъ; купцы торговали; всѣ, какъ и прежде, могли собираться, гуляли, пили, веселились. Никто изъ московитянъ не смѣлъ взять съ нихъ насильно и нитки. Впрочемъ, и безъ этого московскія войска не остались безъ поживы. Строгій

---

[1]) Львова. 236.

[2]) Nyenst. 58 — 60.

Шуйскій не дозволялъ ратному своевольно грабить богатаго бюргера; за то ратные, которые квартировали въ домахъ, оставленныхъ вышедшими изъ города хозяевами, находили не мало хорошаго въ своихъ квартирахъ. Нѣкоторые изъ покинувшихъ отечество, затрудняясь брать свое достояніе съ собою, замуровывали серебро и золото въ церковныхъ стѣнахъ и клали подъ надгробные камни. Они надѣялись со временемъ придти и взять спрятанное обратно, но русскіе какимъ-то образомъ объ этомъ пронюхали и отыскали сокровища. Такимъ образомъ отъ одного ливонскаго дворянина Фабіана Тизенгауза москвитянамъ досталось на восемьдесятъ тысячъ талеровъ. Московскіе люди, по замѣчанію современника, вообще набрали тогда въ оставленныхъ домахъ такъ много, что этимъ съ избыткомъ можно было-бы заплатить московскому государю и тѣмъ избавиться отъ разоренія, или же на такую сумму снарядить войско для войны съ Москвою. Прежде говорили нѣмцы такъ: «лучше намъ потратить сто талеровъ на войну съ Московіею, чѣмъ заплатить одинъ талеръ дани московскому государю», а вышло на дѣлѣ, что дани не заплатили и войну пришлось вести; на войну никто ничего не далъ, а потеряли гораздо болѣе [1]).

Кромѣ всего имущества и домовъ, отписанныхъ въ казну, въ Дерптѣ взяли пятьсотъ пятьдесятъ двѣ пушки и большой запасъ пороха и свинца [2]).

Вышедшіе изъ Дерпта шли подъ прикрытіемъ московскаго войска. Татары, какъ только завидѣли, что ѣдутъ люди безоружные и притомъ съ имуществомъ, не утерпѣли по своей натурѣ и бросились на нѣмцевъ, однако московскіе ратные люди оборонили ихъ. Впослѣдствіи разсказывали, будто нѣмцевъ тогда спасло чудотворное заступленіе: былъ

---

1) Russow, 56.
2) Львова. V, 236.

день ясный; какъ только татары бросились на нихъ, вдругъ раздался громъ и татары со страху разбѣжались. Благополучно сохраненные отъ татаръ, нѣкоторые изгнанники однако не вынесли тяжелаго пути, лѣтняго зноя, пыли и тѣсноты, и заболѣли; иные и померли [1]). Когда, наконецъ, толпа вступила на землю, еще не занятую русскими, и была уже безопасна отъ своевольства ратныхъ людей, московскіе провожатые ее оставили; но тутъ-то и постигло многихъ разореніе. Ихъ ограбили свои же рыцари. Самъ гермейстеръ приказалъ обирать тѣхъ, о которыхъ сдѣлалось ему извѣстно, что они захватили общественныя деньги [2]).

Гермейстеръ съ своимъ орденскимъ войскомъ находился подъ Валкомъ. Здѣсь на собраніи признали, что Фирстенбергъ старъ и неспособенъ. Избрали въ гермейстеры Готгарда Кетлера. Начали разсуждать о средствахъ; увидали, что орденъ въ безвыходномъ положеніи. Уже многія орденскія имѣнія были заложены; въ послѣднія военныя дѣйствія страна пострадала отъ разоренія; нельзя было поправлять финансы поборами. Надежда на императора всѣмъ уже казалась напрасною. Императоръ, получивъ жалобу отъ Ливоніи, обращался къ московскому правительству, а московское правительство отвѣчало ему въ такомъ смыслѣ: издавна было въ ливонскихъ городахъ дозволено строить русскія церкви, гдѣ бы русскіе купцы могли слушать свое богослуженіе и при этихъ церквахъ дозволено было содержать мѣста и домы, гдѣ бы можно было хранить и продавать привозимые товары; сверхъ того, гермейстеръ, архіепископъ рижскій, епископъ дерптскій и совѣтъ города Дерпта дали обѣщаніе, не только письменнымъ актомъ, но и съ клятвою — выплатить въ три года надлежащую царю дань. Ливонцы

---

[1]) Bredenb. 23.

[2]) Russow, 55.

забыли свои договоры и обѣщанія. Русскія церкви превратили въ казармы, шинки и непристойныя мѣста, сожигали и оскверняли иконы Спасителя, апостоловъ и св. мучениковъ; отняли у русскихъ купцовъ ихъ амбары и свободную торговлю, нарушили ихъ старыя права и преимущества. Мы нѣсколько разъ увѣщевали ихъ и письмами, и посылками, — всѣ наши увѣщанія они презрѣли, не хотѣли сами себѣ добра и, подобно Фараону, пребывали въ упорствѣ; и потому-то мы принуждены были послать нашу военную силу искать своей правды, чтобъ заставить ихъ опомниться; и если теперь они страдаютъ отъ меча и отъ огня, то вина въ томъ на нихъ самихъ [1]).

Императоръ извѣщалъ Ливонію, что ему очень прискорбно, что москвитяне напали на ливонскій край, но имперія, занятая войнами съ турками, не въ силахъ защищать христіанство на всѣхъ пунктахъ. Императоръ указывалъ, что они могутъ просить помощи у государей, у которыхъ владѣнія по сосѣдству съ Московіею; они должны предупредить усиленіе Москвы ради собственной безопасности.

Въ этомъ положеніи дѣлъ на собраніи разсуждали, у кого просить помощи: у поляковъ, у датчанъ, у шведовъ или у всѣхъ разомъ. Среди разсужденія о томъ, какъ и куда посылать посольство съ просьбою о помощи, приходитъ извѣстіе, что Дерптъ уже въ рукахъ московскихъ людей. Все собраніе разбѣжалось; тѣ спѣшили запираться въ крѣпкихъ мѣстахъ, тѣ — бѣжать за границу [2]).

Фогты бросали свои города. Бюргеры кидали свои имущества и что успѣхи захватить, съ тѣмъ бѣжали, куда глаза глядятъ. Московскіе воеводы съ двухъ пунктовъ, изъ Нарвы и изъ Дерпта, которому возвратили тотчасъ древнее русское назва-

---

[2]) Russow, 57.
[1]) Henning, 226.

ніе (Юрьевъ), посылали отряды во всѣ стороны, и города были забираемы почти безъ сопротивленія. Такъ изъ Везенберга отряды ходили до самаго Ревеля, за десять верстъ отъ него опустошили страну. Около моря Репнинымъ взяты были города Пайдусъ (Paddis), Потушинъ (Pöddis), Торчборъ (Торлсборгъ). Вейсенштейнъ имѣлъ странную судьбу: тамошній фогтъ со страха убѣжалъ; за нимъ навострили лыжи всѣ жители, — городъ оказался пустъ и беззащитенъ. Пришли въ пустой городъ нѣмецкіе кнехты, что вышли изъ Дерпта, вытащили изъ погребовъ бочки съ виномъ и пивомъ, попили нѣсколько дней и ушли. Московскіе люди не догадались его занять тогда. Но тутъ пришелъ съ отрядомъ Каспаръ фонъ-Ольденбокенъ, молодой, храбрый дворянинъ. Онъ захватилъ городъ, и когда московскіе люди до него добрались, далъ имъ отпоръ, и городъ оставался долго не взятымъ [1]).

За то другіе города не такъ удачно отстояли себя. Лаисъ былъ взятъ Павломъ Заболоцкимъ; фогтъ былъ изъ него выпущенъ. Во всемъ уѣздѣ черные люди присягнули государю. Сдались: Оберпаленъ, Пиркель, Кавелехтъ, Рингенъ. Эти города были взяты безъ всякихъ потерь; фогты ихъ покинули, жители разбѣжались; московскіе люди спокойно овладѣли оставшимися имуществами и большими запасами пива и вина [2]). Колычевъ взялъ Говью (Gaujenes) — Ацель и Голбинъ (Gulbenes — Шваненбургъ). До октября взято было въ Ливоніи всего двадцать городовъ съ ихъ волостями. Вездѣ черные люди, т. е. туземцы — эсты и ливы, охотно присягали государю. Воеводы, овладѣвши городами, ставили въ нихъ гарнизоны. Тогда же строили тамъ православныя церкви, чтобъ утвердить въ странѣ благочестіе, потому что считали ее древнимъ достояніемъ Руси [3]).

---

[1]) Russ. 56.
[2]) Nyenst. 50.
[3]) Львова. V. 242.

Скоро послѣ взятія Дерпта, Шуйскій написалъ въ Ревель и въ Ригу приглашенія — покориться государю, подобно Дерпту, отдаться добровольно въ его власть, обнадеживалъ жителей царскими милостями, увѣрялъ, что царь не только сохранитъ ненарушимыми имъ имущества, домы и всѣ угодья, но пожалуетъ ихъ еще большею свободою и лучшими привиллегіями, чѣмъ они имѣли; а въ противномъ случаѣ онъ пугалъ ихъ царскимъ гнѣвомъ.

Ревель чуть было не попалъ въ датскія владѣнія. Командоръ Францъ Фонъ-Ацель сдалъ и замокъ и городъ датскому полковнику Христофору Фонъ-Мокингаузену, и вслѣдъ за тѣмъ городъ Ревель и дворянство Гарріи отправили депутацію къ датскому королю, отдавались со всею провинціею ему во владѣніе и просили защиты. Когда пришло предложеніе Шуйскаго, совѣтъ, еще не зная, что̀ скажетъ датскій король и надѣясь на его помощь, не допустилъ русскаго посла до города, принялъ его въ загородномъ дворѣ, принадлежавшемъ совѣту, и далъ такой отвѣтъ: «мы будемъ оставаться вѣрны нашему законному господину гермейстеру по нашей присягѣ и обязанности, и не уподобимся тѣмъ легкомысленнымъ, которые поступили вѣроломно и сдали свой городъ. Надѣемся на помощь Всемогущаго.»

Когда посолъ уѣхалъ съ угрозами, ревельцы съ часу-на-часъ ожидали посѣщенія непріятелей и принялись дѣятельно за укрѣпленія: всѣ граждане — и старые и молодые, и хозяева, и работники — стали работать и день, и ночь. Московскіе люди нѣсколькими отрядами подбѣгали къ Ревелю и видя, что городъ крѣпокъ, отходили назадъ. Воеводы не рѣшались нападать на него. Для этого нужно было имъ сосредоточить силы; показалось имъ лучше прежде занять тѣ городки, которые сами давались въ руки. При всей судорожной дѣятельности своей, ревельцы, однако, не были чужды

страха: нѣкоторые выслали за границу женъ своихъ и дѣтей и увозили свои драгоцѣнности [1]).

Между тѣмъ городъ Дерптъ получилъ въ сентябрѣ [2]) жалованную грамоту отъ царя. Это было подтвержденіе того, чего просили жители Дерпта, но съ измѣненіями. О многомъ, чего хотѣли побѣжденные, въ грамотѣ вовсе не упоминалось: такъ напримѣръ, они просили позволить подавать апеляціи въ Ригу; позволенія этого нѣтъ въ грамотѣ, напротивъ показано, что намѣстникъ будетъ имѣть право наказывать и наблюдать за сохраненіемъ силы грамоты [3]): этимъ самымъ уже грамота парализировала независимость суда, какой хотѣли граждане. Въ самомъ судѣ долженъ былъ находиться русскій повѣренный (Drost), ради тѣхъ русскихъ, которые будутъ судиться съ нѣмцами; но ни онъ, ни намѣстникъ не должны препятствовать процедурѣ суда между нѣмцами. По старымъ обычаямъ по просьбѣ города, предоставлено гражданамъ и иностранцамъ, живущимъ въ городѣ, свободно оставлять мѣсто своего жительства и выселяться, но прибавлено, что, въ такомъ случаѣ, съ имущества выбывавшаго платится въ казну десятая часть. Имѣніе осужденныхъ доставалось казнѣ, то есть государю, а казна принимала на себя обязанность платить ихъ долги; также, если кто убѣжитъ изъ города и захватитъ съ собою имущество, то все остающееся, и движимое и недвижимое, доставалось казнѣ, и кредиторы теряли иски свои: они должны были прежде съ разборомъ давать деньги [4]).

---

1) Nyenst. 59. Russow, 56. Henning, 226.

2) Подписано 6-го сентября.

3) «Soll der Stadthalter vonn densulvenn de gesettzte straffe nehmen unndt ynn allen Sachenn sollenn unnser Stadtthalter unndt Woywodenn, die Dorbichenn Borgemestere unndtt Radttmann Besitzere, Burger. alless Dorbische unnd woywodenn ynn allen Dynngenntmitt denn Dorbischen richtenn nach diesenn unnsernn Breff.

4) «Unnd so dar gemanndes werde verlafuen uber de Sehe mett synen

Позволяя нѣмцамъ торговать и селиться въ Россіи, царь допускалъ не только торговать русскимъ въ Дерптѣ, но и селиться тамъ на житье, — этимъ показывалось уже намѣреніе провести въ новопріобрѣтенную страну господствующую народную русскую стихію. Вообще, по этой грамотѣ московскіе начальники имѣли уже поводъ налегать на жителей; напримѣръ, запрещено было приходящимъ ненѣмецкимъ уроженцамъ ночевать въ домѣ дерптскаго гражданина, запрещено ходить вечеромъ и ночью безъ фонаря, запрещено гражданамъ продавать вино московскимъ ратникамъ. При всѣхъ этихъ мѣрахъ предосторожности, воеводы всегда могли придираться къ жителямъ, повѣрять — соблюдаютъ ли они правила [1]). Грамота эта была нарушена съ московской стороны тотчасъ-же въ самомъ важнѣйшемъ правѣ: въ ней обѣщано не выводить дерптскихъ жителей изъ мѣстъ жительства; но вслѣдъ за утвержденіемъ грамоты, самаго епископа потребовали въ Москву. Онъ уже не воротился въ свое Фалькенау: царь далъ ему въ московской землѣ до смерти городъ съ волостью [2]). По извѣстіямъ современника, его содержали въ милости. Въ Ливоніи и во всей Европѣ его подозрѣвали, какъ измѣнника: говорили, что онъ для своего спокойствія пожертвовалъ независимостью дерптскаго края, находившагося въ его управленіи.

Осенью Шуйскій уѣхалъ къ царю, а въ Дерптъ прибылъ начальникомъ князь Димитрій Курлятевъ съ новыми воеводами, которые должны были раздѣлить между собою

Gudtternn, so sollenn dessellbygenn Heuser, Garttернn und Landtlguetter ahnn unnss ffallenn for ihrre Schuldtt, unnd soll mann de Kredytorenn nichtts bettzahlenn, darumb dass sie auff dieselbenn schuldigenn Leutte kenne Achtt habenn.

[1]) Suppl. ad Hist. Russ. Monum. стр. 236.

[2]) «Дань ему бы[illegible] удѣлъ до живота его, сирѣчь градъ единъ съ великою властію.» Курбскій, 176.

надзоръ за городомъ по воротамъ, то-есть по частямъ, прилегающимъ къ разнымъ воротамъ [1]).

Новый гермейстеръ свѣдалъ, что московскія силы ушли, понадѣялся, что оставшихся немного и потому съ ними сладить можно. Онъ хотѣлъ показать русскимъ, что дѣла въ Ливоніи перемѣнились съ отставкою стараго гермейстера. Онъ успѣлъ пріобрѣсть денегъ: заложилъ прусскому герцогу одинъ замокъ и взялъ сорокъ тысячъ талеровъ; одинъ рижанинъ далъ ему взаймы 30,000 марокъ [2]), да въ добавокъ и тѣ деньги, что возили въ Москву и назадъ привезли, гермейстеръ обратилъ въ собственность орденской казны [3]): на всѣ эти деньги собралось у него войско; присталъ къ нему отрядъ рижскаго архіепископа и съ этою силой онъ пошолъ къ Рингену. Намѣреніе у него было взять этотъ городъ, гдѣ былъ московскій гарнизонъ, а потомъ думалъ онъ идти на Дерптъ. Московскіе воеводы стали подозрѣвать, что дерптскіе граждане съ нимъ сносились и что они-то убѣдили его выступить, чтобъ ихъ выручить [4]). Въ Рингенѣ былъ поставленъ сынъ боярскій Русинъ Игнатьевъ; у него было не болѣе девяноста человѣкъ [5]). Такой ничтожный гарнизонъ не могъ выдержать осады. Воеводы въ Дерптѣ, узнавъ о приближеніи гермейстера, сейчасъ дали знать въ Москву, а между тѣмъ, нѣсколькихъ подозрительныхъ гражданъ наскоро повезли во Псковъ и разставили по домамъ у тамошнихъ жителей [6]). Царь приказалъ спѣшить противъ гермей-

---

[1]) Львова лѣт. V, 242. ...боярина князя Дмитрея Ивановича Курлятева, да окольничево Вас. Дмитр. Данилова, да со княземъ Дмитріемъже воеводъ князя Петра Щепина, да Михаилу Петрова Головина, Өедора Ивановича Бутурлина, князя Антона Ромодановскаго, и велѣлъ государь князю Дмитрею ворота раздѣлити, и беречь своего дѣла и земскаго...

[2]) Nyenst. 60.

[3]) Nyenst. 59.

[4]) Львова лѣт. V, 266.

[5]) Львова. V. 264... «40 дѣтей боярскихъ да 50 стрѣльцовъ»...

[6]) Nyenst. 61.

стера ратнымъ людямъ изъ разныхъ пограничныхъ городовъ и волостей и въ томъ числѣ изо Пскова и изъ Шелонской пятины [1]). Но пока эти силы собрались, прошло шесть недѣль: Русинъ Игнатьевъ храбро отбивался, пока наконецъ въ городѣ не стало пороха и нѣмцы не пробили стѣны [2]). Рингенъ былъ взятъ. Во время стоянія самаго гермейстера подъ Рингеномъ, нѣмецкіе отряды врывались во Псковскую землю и опустошали ее; они отомщали за то, что дѣлалось русскими въ Ливоніи. Такимъ образомъ, они сожгли посадъ у Краснаго и разорили нѣсколько волостей [3]). Одинъ изъ такихъ отрядовъ подъ начальствомъ брата самаго Кетлера былъ разбитъ княземъ Рѣпнинымъ.

По взятіи Рингена, гермейстеръ пошолъ было на этого князя, имѣлъ съ нимъ стычку [4]), но далѣе не продолжалъ войны. Онъ не рѣшился осаждать Дерпта. Подходило русское войско; противъ него еще не осмѣлился Кетлеръ съ своими силами выступить на бой; притомъ же приближалась зима: воевать было трудно. Гермейстеръ и командоръ рижскаго архіепископскаго отряда довольны были и тѣмъ, что съ большимъ усиліемъ отняли одинъ изъ многихъ своихъ городовъ, такъ легко покорившихся русскимъ. Не удержали они, однако, Рингена за собою.

Какъ только услышали въ Дерптѣ, что нѣмецкія войска ушли назадъ, Курлятевъ велѣлъ перевести дерптскихъ жителей на свои мѣста къ ихъ дѣтямъ и женамъ. Послѣднимъ, по замѣчанію Ніенстета [5]), въ отсутствіе ихъ не было никакого оскорбленія.

Москва не простила этого покушенія на отнятіе своего

---

[1]) Львова V. 264.
[2]) Львова V. 269.
[3]) Псковск. 311.
[4]) Львова. V, 269.
[5]) Monum. Liv. 61.

пріобрѣтенія, не простила и разореній, которыя надѣлали нѣмцы во псковской области. Въ январѣ 1559 года опять ворвалось въ Ливонію такое же истребительное полчище, какъ въ прошломъ году [1]). Но прежде чѣмъ оно начало свое путешествіе, Курлятевъ, по царскому приказанію, въ декабрѣ писалъ къ гермейстеру и приглашалъ его бить государю челомъ и исправиться, чтобъ не лилась напрасно христіанская кровь. Отписки отъ гермейстера не послѣдовало и подъ главнымъ начальствомъ князя Микулинскаго Пункова московское войско пошло разорять Ливонію. Въ немъ были и татары, и черемисы, и пятигорскіе черкесы. Они прошли до самой Риги, воевали, говоритъ русскій лѣтописецъ, въ длину на шестьсотъ верстъ, а въ ширину на полтораста, а индѣ и на двѣстѣ верстъ и взяли одинадцать городковъ: нѣмцы эти городки покинули, а русскіе, взявши, не удерживали [2]). Такъ опустошены были оба побережья западной Двины; отряды достигали до морскаго берега, разорили семь городковъ и сожгли подъ самой Ригою корабли. Этотъ походъ продолжался цѣлый мѣсяцъ съ 15 января по 17 февраля [3]), почти безъ всякаго отпора со стороны нѣмцевъ; на всѣхъ на-

---

[1]) «Отпустилъ государь на ливонскихъ нѣмецъ войною царевича Тахтамыша, да бояръ своихъ и воеводъ по полкомъ, въ большомъ полку бояра и воеводы кн. Сем. Иван. Микулинскій Пунковъ, Петръ Васильевичъ Морозовъ, въ передовомъ бояринъ и воевода князь Василій Семеновичъ Серебряной, да воевода Никита Романовичъ Юрьевъ, да въ правой рукѣ бояре и воеводы кн. Юр. Ив. Кашинъ, да Иванъ Васильевичъ Шереметевъ Меншой, въ лѣвой бояринъ и воевода князь Петръ Семеновичъ Серебряной, да воевода Иванъ Андреевичъ Бутурлинъ, а въ сторожевомъ полку бояринъ и воевода Михайло Яковличъ Морозовъ; да воевода Ѳедоръ Игнатьевичъ Салтыковъ, а съ ними дѣти боярскіе многіе Московскіе земли и Новгородскія и Татаровѣ Казанскіе, и Городецкіе, а княземъ Черкаскимъ государь велѣлъ быти въ передовомъ же полку, а князь Михайлу Петровичу Репнину съ товарищи велѣлъ быти со княземъ Семеномъ же»... (Львов. V, 271).

[2]) Львова V, 285.

[3]) Псков. 311.

шелъ страхъ; всѣ бѣжали, куда глаза глядятъ. Только подъ городкомъ Чесминымъ хотѣли было нѣмцы остановить разорительную рать, но были разбиты и потеряли четыреста человѣкъ [1]). Нѣмецкій современникъ описываетъ въ мрачныхъ краскахъ варварство москвитянъ. Ни у турокъ, ни у какихъ-либо язычниковъ не найдешь въ исторіи такихъ отвратительныхъ злодѣйствъ; когда московитяне ушли, то повсюду валялось множество дѣтскихъ труповъ; иные были взоткнуты на заборы; члены и старыхъ, и молодыхъ всюду были раскиданы по дорогамъ и полямъ, — гдѣ голова, гдѣ лядвея; и видно было, что ихъ мучили звѣрскимъ, безчеловѣчнымъ образомъ [2]).

Но тутъ явились ходатаи за Ливонію отъ сосѣднихъ государей. По завоеваніи Дерпта, городъ Ревель и дворяне провинцій Гарріи и Вирланда, какъ выше сказано, отправили посольство къ датскому королю съ предложеніемъ подданства, ссылаясь на то, что эти земли издавна принадлежали датской коронѣ. Но въ то же время орденскіе послы указывали на принадлежность этихъ провинцій ордену и просили отдачи ревельскаго замка, переданнаго командоромъ въ руки датскаго полковника, и въ свою очередь просили у Даніи помощи противъ москвитянъ. Король отвѣчалъ рыцарскимъ и городскимъ посламъ, что онъ уже старъ и вовсе не желаетъ расширенія своихъ владѣній, а о помощи отвѣчалъ, что онъ не въ силахъ отважиться на разорительную войну съ Московіею, во всякомъ случаѣ скорбитъ о судьбѣ Ливоніи, но пошлетъ въ Московію ходатайство къ царю и будетъ просить прекратить разореніе страны.

Отправлено было посольство въ Швецію. Сначала обратились къ сыну шведскаго короля, правившему отдѣльно Финляндіею, принцу герцогу Іоанну, просили у него денегъ

---

[1]) Псковск. 311.

[2]) Henning. 228.

и предлагали въ залогъ города и замки въ Ливоніи. Самъ Іоаннъ былъ готовъ исполнить просьбу, но отецъ, осторожный и наученный уже неудачною войною съ московскимъ государствомъ, король Густавъ Ваза, былъ противъ этого. Города, взятые въ залогъ, по его мнѣнію, нужно будетъ поддерживать своими средствами и они обойдутся дороже, чѣмъ сами стóятъ. Опасно казалось ему вмѣшаться въ Ливонію, когда она признавала издавна верховную власть нѣмецкой имперіи и въ одно и тоже время обращается и къ Даніи и къ Польшѣ. Швеція могла попадать въ неизбѣжныя столкновенія съ этими государствами, да и безъ того распря съ московскимъ государствомъ казалась ей непосильнымъ предпріятіемъ. Въ 1559 году ливонцы рѣшились отправить посольство къ самому королю въ Стокгольмъ. Послы рисовали королю возможность образовать цѣлый союзъ сосѣдей противъ москвитянъ и указывали на польскаго короля. Густавъ припомнилъ, что этотъ король обнадеживалъ его уже одинъ разъ взаимнымъ союзомъ и побудилъ шведовъ начать непріязненныя дѣйствія противъ москвитянъ, а когда понадобилось выходить въ поле, то шведы сами должны были расчитываться, и къ нимъ не явилось ни одного поляка, ни одного литовца. Разомъ зацѣпилъ онъ и Ливонію, припомнилъ, что въ тоже время и рыцари оставили своихъ союзниковъ безъ помощи, и Швеція должна была заключить съ Московіею невыгодный для себя миръ. Ливонскіе послы могли выпросить у шведскаго короля,—только обѣщаніе ходатайствовать предъ царемъ объ успокоеніи Ливоніи.

Зимою, послѣ рингенскаго похода, началъ сношенія съ Польшею и Литвою коадъюторъ рижскаго архіепископа и ссылался на позвольскій договоръ 1557 года, по которому король обязывался выручить Ливонію изъ бѣды, если придетъ необходимость [1]).

---

[1]) Henning. 228 — 229. Hiärn. 219—222.

По этимъ-то просьбамъ со стороны Ливоніи, въ 1559 году въ Москву явились посольства: датское, шведское и литовское.

Литовскій посолъ Тишкевичь пріѣхалъ въ Москву въ мартѣ 1559 года. По обыкновенію, начались съ нимъ толки о границахъ. Повторялась нескончаемая пѣсня съ требованіями присоединенія къ Москвѣ Кіева, Полотска, Смоленска; отъ этого давно уже не бывало между Москвою и Литвою прочнаго мира, только перемирія заключались; хотя и та и другая сторона часто чувствовала потребность не только мира, но и взаимнаго оборонительнаго союза. И на этотъ разъ крымскія дѣла очень побуждали Москву желать соединить свои силы съ литовскими на общихъ враговъ христіанства. Но помѣшала Ливонія, какъ и прежде случалось много разъ, что миру помѣшаетъ что нибудь. Когда посолъ заикнулся о Ливоніи, Адашевъ отвѣчалъ ему, что Ливонія— земля царская, и царь наказываетъ своихъ строптивыхъ подданныхъ [1]).

Шведскіе послы, изъ осторожности, просили отъ имени короля пощады Ливоніи, какъ будто не для себя, а для императора, но бояре осмѣяли ихъ. «Мы думали» сказали онп отъ имени государя, «что ты, король, хлопочешь за ливонцевъ оттого, что тебѣ они надобны, а если ты хлопочешь для имперіи и тебѣ они ненадобны, то ты бы и не посылалъ къ ливонцамъ; пусть бы они сами били мнѣ челомъ [2]).

Датское посольство было счастливѣе всѣхъ. Правда, посламъ короля Фридриха II, (только что вступившаго послѣ Христіана), на ихъ замѣчаніе, что Колывань и вообще Гаррія и Вирляндія — древнее достояніе Даніи, замѣтили, что король безлѣпо называетъ Колывань и Вирляндію своею

[1]) Карамз. VIII, прим. 548. сс. на д. П. № 5.
[2]) Д. шв. № 1.

землею: это древнее достояніе Ярослава, который основалъ Юрьевъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ выставили предлогъ къ войнѣ самый благовидный — защиту вѣры, исчисляли, что въ Ригѣ церковь св. Николая отдали литовцамъ, въ Дерптѣ церковь св. Николая обратили въ конюшню, и вездѣ притѣсняли русскихъ купцовъ. Но за тѣмъ согласились дать перемиріе Ливоніи на шесть мѣсяцевъ, отъ мая до ноября, съ тѣмъ, чтобъ гермейстеръ самъ пріѣхалъ или присылалъ пословъ бить челомъ государю о своей винѣ. Посламъ дали и опасную грамоту для гермейстера [1]) на проѣздъ его въ Москву.

Но Готгардтъ Кетлеръ не думалъ ѣхать въ Москву. Покориться варварамъ казалось ужаснымъ; представлялась напротивъ надежда подвинуть на нихъ союзныя силы христіанскихъ державъ. Рижскій архіепископъ и его коадъюторъ завязали дѣло съ Сигизмундомъ Августомъ. Въ маѣ 1559 года архіепископъ отправилъ къ Сигизмунду посольство умолять о помощи и соглашался, въ случаѣ нужды, отдаться подъ власть его, платить извѣстную дань, лишь-бы однако, вмѣстѣ съ тѣмъ, состоять въ нѣмецкой имперіи. Николай Радзивиллъ, виленскій воевода, которому король поручилъ вести переговоры, требовалъ отдачи Риги [2]).

Примѣръ маркграфа бранденбургскаго Альбрехта, отдавшагося Сигизмунду, склонялъ архіепископа къ союзу съ Польшею и Литвою. Сношенія производились при посредствѣ Альбрехта; послѣдній совѣтовалъ отдаться Сигизмунду Августу, лишь-бы обезпечить рижское архіепископство и городъ Ригу въ сохраненіи самоуправленія и ненарушимости прежнихъ правъ и обычаевъ [3]).

По приговору ливонскаго сейма Готгардтъ Кетлеръ отправился въ Вильну и тамъ 3-го сентября заключилъ дого-

[1]) Львова лѣт. V. 287 Дѣла Датск. № 1.

[2]) Mon. Liv. V. 568.

[3]) Mon. Liv. V. 568.

воръ, подписанный 15-мъ числомъ. Король обѣщалъ помогать и защищать Ливонію отъ москвитянъ, а орденъ и архіепископство должны оставить у него въ залогѣ пространство близь литовскихъ предѣловъ отъ Друи по теченію Двины до Ашерада и самый Ашерадъ съ его волостью; на этомъ пространствѣ польскому королю отдавались укрѣпленные замки Роситенъ, Сельбургъ, Динабургъ, Люценъ и сверхъ того замокъ Бавско, съ волостью и со всѣми доходами, но съ сохраненіемъ правъ и привиллегій какъ религіозныхъ, такъ и гражданскихъ, жителямъ областей, отданныхъ въ залогъ. Орденъ имѣетъ право возвратить заложенныя земли въ свое владѣніе, выплативъ 600,000 гульденовъ, (считая въ гульденѣ 24 литовскихъ гроша). Подобный договоръ былъ заключенъ съ рижскимъ архіепископомъ, и окончательно утвержденъ въ февралѣ 1561 года. Архіепископъ заложилъ королю замки: Ленверденъ и Маріенгаузенъ и дворы Бирсенъ и Лобанъ, съ правомъ для себя и своихъ преемниковъ возвратить ихъ себѣ, заплативъ 100,000 злотыхъ, считая также каждый въ 24 литовскихъ гроша [1]). Король уступалъ ему Ленверденъ въ пожизненное пользованіе. Король принялъ на себя обязанность охранять Ливонію противъ московскаго государя, но прежде послалъ въ Москву приглашеніе прекратить нападеніе на Ливонію [2]).

Отправили Георга Зиберга, командора дюнебургскаго, въ Германію. Этотъ посолъ на аугсбургскомъ сеймѣ изложилъ положеніе Ливоніи и такъ тронулъ членовъ, что ему предлагали 100,000 дукатовъ, но это показалось ему мало и онъ не взялъ: за это его не поблагодарили въ Ливоніи. Кромѣ этого денежнаго пособія, аугсбургскій сеймъ опре-

---

[1]) У Догеля т. V. 223, 228, 231, 233.

[2]) Henning. 230. Hiarn. 222.

дѣлилъ написать къ московскому государю отъ имени императора увѣщаніе [1]).

Когда Готгардъ Кетлеръ воротился изъ Литвы въ Ливонію, надежда на время оживила рыцарей; они признавали гермейстера законнымъ господиномъ страны и ея избавителемъ. Не смѣли и подумать просить московскаго царя; надѣялись отомстить ему вдесятеро за все, что онъ причинилъ Ливоніи. Но денегъ въ Литвѣ гермейстеръ не получилъ; надобно было ихъ доставать другими путями. Онъ заложилъ Ревелю замокъ Кегель за 30,000 гульденовъ [2]).

За деньги, полученныя подъ залогъ замка, пригласили наемное войско и стали приготовляться къ отнятію Дерпта и всѣхъ покоренныхъ москвитянами замковъ. Въ Москву сейчасъ дали знать объ этомъ, и изъ Москвы послѣдовало приказаніе собраться въ походъ воеводамъ, расположеннымъ съ своими ратными силами въ пограничныхъ городахъ.

Въ октябрѣ, высланный впередъ съ отрядомъ для провѣдыванья, воевода Захарій Плещеевъ, поймалъ нѣмецкихъ языковъ: они объявили, что гермейстеръ сталъ воевать по наущенію дерптскихъ гражданъ, которые подсылали къ нему тайно своихъ агентовъ. Много узналъ онъ отъ языковъ тайнаго и важнаго; неизвѣстно, на сколько тамъ было вѣрнаго: быть можетъ на дерптскихъ гражданъ нарочно, съ досады, наговаривали. Но Плещеевъ не узналъ самаго главнаго: что гермейстеръ и коадъюторъ со своими силами недалеко. Воеводы, по словамъ лѣтописи, стояли оплошно; не было у нихъ ни подъѣзчиковъ, ни сторожей; они ждали помощи отъ своихъ; но погода была дурная: невозможно было ѣхать ни въ саняхъ, ни верхомъ; и вдругъ, когда они не ожидали, напали на нихъ нѣмцы и поразили на голову;

---

1) Hiarn. 223. — Monum. Liv. V. 562—564, 706—713.

2) См. Richt. B. 11. 347. — Rutenb. II. 179.

пало тысячу человѣкъ боярскихъ людей, семьдесятъ человѣкъ дѣтей боярскихъ; раненыхъ было много; и плѣнныхъ много наловили и въ томъ числѣ поймали одного изъ воеводъ; весь лагерь и орудія достались побѣдителямъ. Плещеевъ едва самъ ушолъ [1]). Самъ гермейстеръ, а вмѣстѣ съ нимъ и коадъюторъ рижскаго архіепископа, герцогъ Христофоръ Мекленбургскій, [2]) осадили Дерптъ. Плещеевъ изъявилъ подозрѣніе на нѣкоторыхъ знатнѣйшихъ дерптскихъ гражданъ, ихъ засадили въ замокъ [3]).

Князя Курлятева не было уже въ городѣ, на мѣсто его воеводою былъ князь Андрей Ивановичъ Ростовскій. Московскіе люди защищались упорно, и стрѣльбой не допускали нѣмцевъ къ городу ближе, чѣмъ на версту; нѣмцы не рѣшались на приступъ, стояли подъ Дерптомъ пятдесятъ дней, во время осады потеряли человѣкъ со сто, а у московскихъ людей убили до сорока, наконецъ сняли осаду и двинулись къ Лаису. Если бы, говоритъ современникъ, нѣмцы поступали благоразумнѣе, то Богъ-бы могъ дать иную судьбу городу [4]).

Въ Лаисѣ московскихъ людей было человѣкъ триста (сто дѣтей боярскихъ, да 200 стрѣльцовъ). Когда нѣмцы отошли отъ Дерпта, то князь Ростовскій успѣлъ послать туда еще сто стрѣльцовъ подъ начальствомъ головы Андрея Кошкарева. Нѣмцы окопались около Лаиса, поставили туры, взмостили на нихъ пушки и принялись стрѣлять. Съ города имъ отвѣчали бодро. Уже нѣмцы успѣли разбить въ одномъ мѣстѣ на пятнадцать саженей въ ширину стѣну и два дня приступали къ этому пролому [5]). Но непріятель, говоритъ

---

[1]) Львова V. 303.
[2]) Hiarn. 223.
[3]) Nyenst. 61.
[4]) Henn. 231.
[5]) Львова V. 306. 307.

ливонскій историкъ [1]), показалъ такую храбрость и такое мужество, что наши ничего не могли сдѣлать съ нимъ. Много храбрыхъ рижскихъ и ревельскихъ воиновъ было убито. Между ними одинъ капитанъ [2]). Московскіе выстрѣлы разбили нѣмцамъ ихъ двѣ пушки, [3]) и наконецъ нѣмцы отправились отъ Лаиса къ Оберпалену со стыдомъ и срамомъ, по единословному выраженію и русскихъ и нѣмецкихъ исторій [4]). Тамъ войско потребовало жалованья, роптало на погоду и готово было поднять бунтъ. Сначала начальники его уговаривали, а потомъ принуждены были отпустить на зимнія квартиры, [5]), а всю артиллерію отправили во Феллинъ [6]).

Ливонцы такъ-же скоро утѣшались какою-нибудь надеждою, какъ и теряли духъ при опасности. Къ старому гермейстеру заѣхалъ тогда императорскій посолъ, ѣхавшій въ Москву съ ходатайствомъ за Ливонію отъ императора. Снова стали нѣмцы полагать надежды на ходатайство императора. Сейчасъ дали знать Готгардту Кетлеру, и онъ пріѣхалъ. Въ довершеніе удовольствія прибыли послы изъ Польши въ Ригу. Тогда рыцари говорили: цѣлы у насъ еще два главные города — Ревель и Рига; мы еще собьемъ спѣсь дерзкому врагу [7]).

Но не то ожидало Ливонію. Въ началѣ 1560 года пріѣзжалъ въ Москву императорскій гонецъ и привозилъ письмо отъ Фердинанда 1-го. Императоръ припомнилъ царю и доказывалъ, что Ливонія — часть нѣмецкой имперіи, и нельзя потерпѣть, чтобъ эта часть насильственно отъ ней отторга-

---

1) Henn. 231.
2) Nyenst. 61. Henning. 231.
3) Львова V. 309.
4) Henning 231. Львова 309.
5) Henning 231.
6) Ibid. Nyenst. 61.
7) Henning. 231.

лась; а потому просилъ царя перестать воевать Ливонію и возвратить всѣ отнятыя у ней мѣста. Императоръ предлагалъ свое посредство и обѣщалъ во всякомъ случаѣ поступить такъ, какъ только можетъ быть выгодно для царя [1]). Московскій царь отпустилъ гонца безъ рѣшительнаго отвѣта, отлагая его до того времени, когда императоръ пришлетъ пословъ поважнѣе [2]). Въ январѣ 1560 года пріѣзжалъ и и отъ польскаго короля Мартинъ Володковичъ съ грамотой отъ короля. Сигизмундъ Августъ предъявлялъ свои права вмѣшиваться въ ливонскія дѣла на томъ основаніи, что Ливонія — земля, подданная императору, а императоръ повѣрилъ ея защиту ему. Притязанія московскаго государя, заявленныя прежнему королевскому послу, Тишкевичу, король опровергатъ тѣмъ, что предки царя не называли ее своею землею, и самъ царь не вмѣшивался въ ея дѣла, когда Сигизмундъ Августъ, помогая рижскому архіепископу, посылалъ войско на гермейстера Фирстенберга. На это бояре твердили одно и тоже, что Ливонія отъ прародителей принадлежитъ Руси, и показали посламъ грамоту, въ которой дерптскій епископъ и гермейстеръ обязывались платить дань [3]).

Такимъ образомъ постороннія заступничества, которымъ было такъ обрадовались въ Ливоніи, не повели покамѣстъ ни къ чему утѣшительному.

А между тѣмъ за посѣщеніе Дерпта московскіе люди не оставили ливонцевъ безъ благодарности. Опять московскія войска пошли разгуливать по Ливоніи. Воеводы: князья Шуйскій, Серебряный и Мстиславскій опустошали села и деревни въ областяхъ венденской и вольмарской, потомъ осадили Маріенбургъ (Алистъ) [4]). Когда русскіе пробили

---

[1]) Histor. Russ. Monum. I. стр. 173.

[2]) Карамзинъ, прим. 577, сс. на лѣт. Прод. Ц. книги 2.

[3]) Арх. дѣла № 5; у Кармз. пр. 575.

[4]) Псковск. 311.

стѣну въ этомъ городѣ, командоръ его Каспаръ Фонъ-Сибергъ сдался и былъ выпущенъ съ гарнизономъ. Его обвинили въ измѣнѣ, и гермейстеръ посадилъ его въ крѣпость Кирхгольмъ: тамъ онъ и умеръ. Вслѣдъ за Маріенбургомъ сдались еще нѣсколько замковъ. По увѣренію нѣмецкихъ историковъ, командоры сами ихъ сдали отъ малодушія и страха; всѣхъ тогда поразило общее оцѣпененіе. Московскіе люди ворвались въ область рижскаго архіепископства, разоряли ее, истребили до тла мѣстечко Смильтенъ, врывались даже въ Курляндію: нигдѣ имъ небыло препятствій и отпора [1]).

Положеніе ордена казалось съ часу-на часъ безвыходнѣе; войско бунтовало, требовало платы; денегъ не ставало; нѣсколко отрядовъ ушло съ распущенными знаменами. Готгардтъ Кетлеръ занялъ у прусскаго герцога еще новую сумму и заложилъ курляндскіе города: Гольдингенъ, Виндау и Гробинъ. Ясно было, что съ такими способами защиты нельзя думать о сохраненіи самостоятельности; желая напрасно спастись отъ москвитянъ, Ливонія, такимъ образомъ, могла вся заложиться и потомъ продаться сосѣдямъ, какъ имѣніе несостоятельнаго должника. Разложеніе пошло со всѣхъ концевъ. Епископы, думая прежде о себѣ, хотѣли схватить въ свою пользу что имъ попадется въ руки во всеобщемъ разрушеніи, и улизнуть по-добру-по-здорову. Эзельскій и пильтенскій епископъ, Іоганъ Фонъ-Мённигаузенъ, уступилъ свое епископство брату датскаго короля, герцогу Магнусу, призвалъ его въ Аренсбургъ, а самъ, получивъ за свою уступку 20,000 талеровъ, ушолъ въ Германію. Его примѣру послѣдовалъ и ревельскій епископъ, Маврицій Врангель: онъ продалъ свое епископство тому же Магнусу и также ушолъ въ Германію. За нимъ сдѣлалъ

[1]) Russow 59. Hiarn. 225. Nyenst. 60.

тоже фогтъ въ Синебургѣ и сдалъ городъ ему же. Многіе дворяне и ревельскіе знатные бюргеры увидали тутъ единственное спасеніе и бѣжали къ Магнусу по пословицѣ: утопающій хватается за соломенку. Готгардтъ Кетлеръ, пораженный этимъ новымъ явленіемъ, пріѣхалъ въ Ревель и послалъ къ Магнусу депутатовъ. Магнусъ обѣщалъ именемъ своего брата, короля, защищать Ливонію, если Даніи уступятъ земли, принадлежавшія епископамъ, отрекшимся отъ своихъ владѣній. Не могли быть по душѣ эти выходки гермейстеру, который хотѣлъ сохранить цѣлость страны: ей предлагали помощь на счетъ ея разложенія.

Въ это время прибыли въ Ревель къ гермейстеру послы шведскаго короля, Густава Вазы. Старый король получилъ отъ императора Фердинанда 1-го ходатайство и просьбу пособить Ливоніи, и теперь обращался къ ней. Онъ отказывался пособлять ей оружіемъ, но убѣждалъ ливонцевъ оставаться въ вѣрности гермейстеру, обѣщалъ съ своей стороны городу Ревелю военные снаряды и предлагалъ ревельцамъ, въ случаѣ угрожающей отъ москвитянъ осады, перевести семейства въ Финляндію съ имуществами. Гермейстеръ отправилъ посольство въ Швецію; съ нимъ поѣхалъ полякъ Христофоръ Конарскій, побуждая шведское правительство на взаимную съ Польшей и Литвой защиту Ливоніи противъ московскаго государя [1])

Находясь въ Ревелѣ, гермейстеръ вдругъ услышалъ, что московская рать идетъ на него. Онъ собрался съ войскомъ и пошолъ ей на встрѣчу. На этотъ разъ предводительствовалъ московскимъ войскомъ Андрей Михайловичъ князь Курбскій, бывшій до того времени въ сторожевыхъ полкахъ. Теперь, по увѣренію его самого, царь Иванъ Васильевичъ призвалъ его и говорилъ: «послѣ бѣгства моихъ воеводъ, я

---

[1]) Henning. 235. Hiärn. 230.

принужденъ самъ идти на Ливонію, или тебя, моего любимаго, послать, чтобъ мое войско охрабрилось при помощи Божіей; иди, послужи мнѣ». Курбскій говоритъ при этомъ, что тогда русскія силы отвлечены были нападеніями крымцевъ, и потому посылали въ Ливонію воеводъ, мало искусныхъ, такъ что они нѣсколько разъ поражены были нѣмцами и, великіе числомъ, бѣгали отъ малочисленныхъ. Это могло относиться только къ послѣднимъ неудачамъ; нельзя сказать, чтобъ дѣла вообще шли плохо въ Ливоніи; и кажется, Курбскій если не сочиняетъ, то прикрашиваетъ нѣсколько свое значеніе и подвиги.

Курбскій пошелъ на Вейсенштейнъ, называемый имъ въ переводѣ «Бѣлый Камень». Страна эта, по замѣчанію его, была очень богата. Подъ самымъ городомъ московскіе люди поразили нѣмецкій подъѣздъ и узнали отъ языковъ, что гермейстеръ ушолъ изъ Ревеля и стоитъ верстъ за пятьдесятъ оттуда, среди болотъ.

Курбскій отпустилъ плѣнниковъ въ Дерптъ, а самъ пошелъ на гермейстера; пришлось переправляться черезъ болото,—въ такой переправѣ московскіе люди провели цѣлый день. Если бы въ это время, разсказываетъ самъ военачальникъ, нѣмцы встрѣтились съ нами и напали на насъ, то хоть бы у насъ войска втрое было, чѣмъ у нихъ, они поразили бы насъ; а у меня тогда было всего тысячъ пять. Нѣмцы стояли на широкомъ полѣ, верстъ за пятнадцать отъ московской рати; у гермейстера было четыре пѣшихъ и пять конныхъ полковъ. Уже солнце зашло; настала ясная ночь. По замѣчанію Курбскаго, въ этихъ приморскихъ странахъ, ночи бываютъ особенно ярки. Ночью Курбскій дошолъ до нѣмецкаго войска. Между передними завязалась битва; она длилась полтора часа. Нѣмцы палили изъ орудій, а московскіе люди отдѣлывались болѣе стрѣлами и попадали мѣтко. Курбскій дожидалъ помощи отъ Большаго полка, и помощь при-

шла кстати. Завязалось полное сраженіе; схватились враги въ рукопашный бой и вслѣдъ за тѣмъ нѣмцы пустились бѣжать, а московскіе люди за ними пустились въ погоню; нѣмцы добѣжали до большой рѣки и какъ стали переходить черезъ мостъ, подъ ними обломился мостъ и множество ихъ погибло въ водѣ. До конца погибли, говоритъ Курбскій. Когда солнце взошло, уже войска не было; кто остался живъ, тотъ бѣжалъ; вездѣ — по полю, въ хлѣбахъ и въ травѣ прятались кнехты; московскіе люди бѣгали за ними и отыскивали. Однихъ воиновъ знатныхъ (дворянъ) взяли сто семьдесятъ; русскихъ дѣтей боярскихъ убито было только шестнадцать, кромѣ простыхъ ратныхъ людей [1]).

Эта блистательная побѣда, происходившая около Троицына дня, парализовала и духъ и силы Ливоніи. Московскіе отряды вторгались въ Гаррію, разоряли край; черный народъ просилъ пощады, отрекался отъ нѣмцевъ добровольно и просилъ принять его въ подданство царю. Тогда сдался крѣпкій замокъ Фегефюеръ (Кіровило чух.) и былъ сожженъ. Пылали дворцы дворянъ. Въ одномъ мѣстѣ при Неуенгофѣ въ приходѣ Кошкуль, дворяне, пользуясь туманною погодою, напали было на русскихъ, но, когда разъяснилось, были разбиты. Самъ Курбскій воротился въ Дерптъ. Русскіе отряды вышли изъ Гарріи, возмутивъ крестьянъ. Ненавидя издавна нѣмцевъ, своихъ господъ, послѣдніе рады были случаю подняться на нихъ. Начались возмутительныя собранія. «Съ чего намъ терпѣть за нихъ», — кричали пробудившіеся чухны, — «дворяне берутъ съ насъ большіе оброки, мучатъ насъ барщинами, а какъ непріятель пришолъ, такъ они прячутся, а насъ на зарѣзъ отдаютъ». Они соединялись въ шайки и начали разорять и жечь дворянскія усадьбы и убивать владѣльцевъ. Нѣкоторыя изъ знатныхъ особъ были захвачены

[1]) Курбскій 90.

въ расплохъ и умерщвлены. Крестьяне послали въ Ревель депутата, приглашали мѣщанъ содѣйствовать себѣ и предлагали имъ дружбу, увѣряя, что они не хотятъ служить дворянамъ, которые должны быть истреблены, но съ горожанами желаютъ они жить въ мирѣ.

Какъ обыкновенно бываетъ, первая энергическая удачная мѣра укрощенія охлаждаетъ ревность и пылъ подобныхъ возстаній. Такъ было и здѣсь. Сильная крестьянская шайка осадила дворянскую усадьбу Лоде, куда, пользуясь укрѣпленіемъ, сбѣжались преслѣдуемые дворяне. Когда крестьяне трудились надъ нею, вдругъ напалъ на нихъ сзади Христофоръ фонъ Мённикгузенъ съ отрядомъ дворовыхъ людей и рейтаръ. Застигнутые въ расплохъ, крестьяне были разбиты и главные ихъ коноводы попались въ плѣнъ: ихъ примѣрно казнили, — однихъ на мѣстѣ, другихъ повезли въ Ревель. Бунтъ утихъ [1]).

Между тѣмъ, въ Дерптъ пришло большое войско и отъ царя приказаніе идти на Феллинъ, гдѣ былъ тогда старый гермейстеръ Фирстенбергъ. Онъ узналъ уже о пораженіи Готгардта Кетлера, собирался уходить самъ и отправилъ въ Гапсаль тяжелыя орудія, которыя, послѣ снятія съ него гермейстерскаго достоинства, вообще оставались подъ его вѣдѣніемъ. Московскимъ воеводамъ донесли объ этомъ. Они отправили на перехватъ ихъ конвоя двѣнадцатитысячный отрядъ. За нимъ все войско двинулось съ рѣшительнымъ намѣреніемъ взять Феллинъ, крѣпость сильную въ Ливоніи. Всего войска было сорокъ тысячъ; изъ нихъ тридцать тысячъ коннаго, а десятъ тысячъ стрѣльцовъ и козаковъ [2]). Пушекъ съ нимъ было большихъ сорокъ, а меньшихъ пятьдесятъ. Этою огромною для Ливоніи силой начальствовали князья Шуйскій, Мстиславскій и Курбскій. Они вышли изъ

[1]) Russow, 62 — 63. Hiärn 229 — 230.
[2]) Курбскій. 92.

Дерпта послѣ Ильина дня [1]). Пушки погнали вверхъ по рѣкѣ Эмбаху. Близъ города Эрмса сказали московскимъ воеводамъ, что на нихъ готовится нападеніе. Льандмаршалъ Филиппъ Бель[2]) и съ нимъ одиннадцать комтуровъ, узнавъ, что идетъ московское войско, устроили засаду; но они не знали какъ велико непріятельское войско: отъ тѣхъ, которые, прослышавъ о приближеніи непріятеля, бѣжали въ осаду въ Эрмсъ, льандмаршалъ получилъ невѣрныя извѣстія и думалъ, что русскіе идутъ такимъ-же небольшимъ отрядомъ, какіе до сихъ поръ ходили по Ливоніи разорять волости; онъ надѣялся побить ихъ, напавши на нихъ внезапно. У него, по извѣстію Курбскаго, было не болѣе, какъ человѣкъ пятьсотъ конныхъ, да столько-же пѣшихъ. Въ добавокъ, это было днемъ, а нѣмцы, по замѣчанію Курбскаго, днемъ бывали тогда рѣдко трезвы. И вотъ передъ полуднемъ московское войско расположилось опочивать. Стояла сторожа. Это время казалось благопріятнымъ. Фонъ-Бель ударилъ на сторожу, потомъ на конницу. Но московскіе воеводы предвидѣли все и, какъ оказалось, когда льандмаршалъ готовилъ русскимъ засаду, русскіе приготовили ее для него; — нашлись добрые вожи, которые провели московскій отрядъ черезъ лѣсъ вкось и, какъ только схватились нѣмцы съ передовыми, сзади на нѣмцевъ обрушилась изъ лѣса нежданная русская сила и огорнула ихъ со всѣхъ сторонъ. Они пустились въ разсыпную; и слишкомъ мало было счастливцевъ, что успѣли спастись. Самаго предводителя поймалъ холопъ Алексѣя Адашева; взяли въ плѣнъ одиннадцать комтуровъ и сто двадцать дворянъ живьемъ, кромѣ множества простыхъ.

Воеводамъ привели плѣннаго льандмаршала, послѣдняго защитника и надежду ливонскаго народа, по замѣчанію Курбскаго.

---

[1]) Псковск. 312.

[2]) Въ Псковск. лѣтописи: Ламошка нѣмецкой воевода.

Хоть онъ былъ и плѣнникъ, но съ нимъ обращались съ почестьми, уважали въ немъ и знатное происхожденіе и храбрость. Сидя за обѣдомъ съ воеводами, разсказывалъ онъ имъ исторію ливонскаго ордена и приписывалъ бѣдствіе своего отечества перемѣнѣ старыхъ обычаевъ и вѣры. «Какъ только», говорилъ онъ, «мы отступили отъ вѣры церковной и дерзко опровергли законы и уставы святые и приняли новоизобрѣтенную вѣру, а потомъ вдались на широкій и пространный путь, ведущій на погибель, Господь явственно обличалъ грѣхи наши: теперь казнитъ онъ насъ за беззаконія наши и предалъ насъ въ руки врагамъ нашимъ. И вотъ, прародители наши построили высокіе и крѣпкіе города, палаты, богатые дворы, а вы безъ труда, безъ издержекъ, вошли въ нихъ, будете пользоваться садами, которыхъ не садили, и домашнимъ хозяйствомъ, котораго незаводили. Вы мечемъ насъ поборали, а другіе безъ меча, ни мало не трудясь, захватили наше достояніе, обѣщая намъ помощь и оборону. Но не думайте, что вы насъ силою своею одолѣли: Богъ за преступленія наши предалъ насъ въ руки врагамъ нашимъ».

Эти размышленія понравились благочестивымъ боярамъ. Плѣнникъ плакалъ; прослезились побѣдители. Не меньше тронуло ихъ и то, когда, отирая слезы, плѣнникъ съ радостнымъ лицомъ сказалъ: «благодарю Бога и радуюсь, что стражду за свое отечество; пусть постигнетъ меня смерть за него, она будетъ мнѣ любезна». И бояре удивлялись его разуму и словеству.

Въ августѣ 1560 года московскіе люди осадили Феллинъ, гдѣ сидѣлъ бывшій гермейстеръ, покопали валы, поставили на нихъ пушки и палили въ городъ. Такъ проходили три недѣли. Въ это время пришло извѣстіе, что новый ландмаршалъ идетъ отъ Вендена, что литовцы пришли въ Ливонію подъ начальствомъ Ходкѣвича и посылаютъ на московскихъ людей силу, чтобъ выручить Феллинъ. Воеводы

рѣшили напасть на нихъ прежде, чѣмъ нападутъ они на воеводъ. Отрядили Курбскаго съ товарищами. Курбскій исполнилъ дѣло блистательно: онъ разбилъ новаго ландмаршала подъ Вольмаромъ, потомъ напалъ на отрядъ Полубенскаго, посланный Ходкѣвичемъ, разсѣялъ его и воротился къ Феллину [1]). 20 августа отъ Корнилія игумена печерскаго, славившагося своею святою жизнію, признаваемаго за чудотворца, прибылъ къ осаждающимъ старецъ Ѳеоктистъ съ просфорою и святою водою [2]). На другой день, 21 августа, стали по обычаю прежнихъ дней палить въ Феллинъ; одно ядро попало въ яблоко на церкви, другія падали въ иныя мѣста, — городъ загорѣлся; русскіе усилили стрѣльбу. Тогда Фирстенбергъ выслалъ просить пощады, отдавалъ городъ и выговаривалъ вольный проѣздъ себѣ и всѣмъ, находившимся въ замкѣ, съ ихъ имуществами. Но воеводы видѣли, что онъ ни въ какомъ случаѣ держаться болѣе не можетъ и объявили такъ: «войско и жителей всѣхъ выпустимъ и съ ихъ животами, а тебя не выпустимъ; только обѣщаемъ тебѣ милость отъ царя; все тебѣ возвратимъ; и царь пожалуетъ тебѣ городъ на Москвѣ до твоего живота.» Фирстенбергъ не могъ противиться, потому что всѣ жители, стѣсненные и огнемъ и непріятельскими ядрами, требовали скорѣе сдачи. Такъ сдался Феллинъ и русскіе бросились тушить огонь. Когда, по извѣстію Курбскаго, воеводы вошли въ него и увидѣли тройную каменную стѣну и глубокіе рвы, выведенные гладкими камнями, толстыя свинцовыя кровли на церкви, строеніяхъ и стѣнахъ, когда забрали въ городѣ восемьнадцать стѣнобитныхъ пушекъ да четыреста пятьдесятъ малыхъ орудій, когда увидѣли, что и запасовъ военныхъ и съѣстныхъ было большое изобиліе, то удивлялись, какъ это

---

1) Курбскій 98 Псков. лѣт. 312,

2) Псков. лѣт. 312.

нѣмцы съ такими силами могли сдаться [1]). Воеводы приписывали эту побѣду благословенію св. Корнилія и прислали въ даръ его монастырю колоколъ изъ Феллина [2]).

Взятые въ плѣнъ предводители отправлены въ Москву. Царь не такъ великодушно, какъ его воеводы, обошолся съ ними. Напрасно воеводы, посылая плѣнниковъ просили царя быть къ нимъ милостиву, представляли, что вся ливонская земля уважаетъ Филиппа фонъ-Беля и ласковый пріемъ этого плѣнника расположитъ къ царю покоренную страну. Когда ихъ привели къ царю, Филиппъ фонъ-Бель не боялся сказать ему: «ты хочешь покорить наше отечество неправдою и кровопійствомъ; ты поступаешь не такъ, какъ христіанскій государь [3])». Иванъ разъярился. Бель и съ нимъ четыре ливонскіе рыцаря (братъ его Вернеръ Шаль фонъ-Бель комтуръ гольдингенскій, Генрихъ фонъ-Галенъ фогтъ баушенбургскій, Христофъ Зиброкъ фогтъ кандавскій, и Рейнгольдъ Зассе) ради потѣхи проведены были по московскимъ улицамъ; ихъ погоняли бичами; потомъ имъ отрубили головы и бросили ихъ тѣла на съѣденіе собакамъ. Дерптскій епископъ, который изъ плѣнныхъ нѣмцевъ одинъ только былъ въ чести у царя, молился надъ тѣлами соотечественниковъ и выпросилъ позволеніе похоронить ихъ [4]).

Фирстенберга также водили напоруганіе по Москвѣ, но не убили, а посадили въ тюрьму; двое слугъ добровольно остались при немъ раздѣлять его заключеніе. Нѣмецкіе историки говорятъ, что, во время торжественнаго провода рыцарей по улицамъ Москвы, двое лишенныхъ престоловъ царей, казанскій и астраханскій, плюнули на нихъ и сказали: «вотъ вамъ, нѣмцы, по дѣломъ; вы сами дали вели-

[1]) Курбскій. 99.
[2]) Псков. лѣт. 312.
[3]) Курбскій. 97.
[4]) Henning. 233.

кому внязю кнутъ, которымъ онъ и васъ и насъ бьетъ». Они намекали на то, что ливонцы привозили къ москвитянамъ военные запасы. Почти навѣрное можно сказать, что этотъ анекдотъ выдуманъ ливонцами.

Постоянные неуспѣхи въ войнѣ съ москвитянами должны были вполнѣ убѣдить Ливонію въ невозможности бороться за свою независимость. Воевать можно было только съ чужеземною помощію. Эту помощь надо было покупать. Уже городъ за городомъ отданы были въ залоги для пріобрѣтенія денегъ, чтобъ на нихъ нанимать войско; непріятель не оставлялъ своихъ покушеній и чувствовалъ, что постоянно беретъ верхъ въ борьбѣ, которую ведетъ. При томъ-же современники сознавали, что наемныя войска, приведенныя изъ Германіи въ Ливонію, были до того своевольны, что обращались съ краемъ, куда приведены, мало чѣмъ лучше враговъ [1]).

Для Ливоніи было все равно что съ усиліями бороться противъ Московіи и потомъ лишится независимости и достаться чужимъ, что, избѣгая дальнѣйшихъ усилій и разореній, отдаться кому-нибудь заранѣе добровольно. Имперія уже оставила ее на произволъ судьбы. Въ Германіи сочувствіе къ Ливоніи до того не оказывалось всеобщимъ и сильнымъ, что города — Любекъ, Гамбургъ и другіе не стѣснились племеннымъ родствомъ съ ливонскими нѣмцами на столько, чтобъ для него пожертвовать собственными выгодами и доставляли въ Иванъ-городъ оружіе и снаряды, нужные русскимъ для войны съ Ливоніею [2]). Трое сосѣдей: Польша, Данія и Швеція предлагали ей помощь, но тутъ ясны были своекорыстные виды овладѣть несчастною страною, искавшею у чужихъ спасенія. Географическое сосѣдство рѣшало выборъ. Гермейстеръ склонялся къ мысли отдаться Польшѣ

---

[1]) Monum. ant. liv. V, 561.
[2]) Monum. ant. liv. V, 600.

и Литвѣ, къ нему приставали дворяне южной Ливоніи; край ихъ не былъ огражденъ отъ Литвы ничѣмъ; можно было страшиться, что если не отдаться Литвѣ, то не только не получишь отъ ней помощи, но еще наживешь себѣ въ ней врага: Литвѣ стоитъ только захотѣть овладѣть этой частью Ливоніи и войти относительно другой въ сдѣлку съ Московіею. Видно было, чего хотятъ въ Литвѣ, заключивъ оборонительный союзъ. Сигизмундъ Августъ не началъ войны, а объявилъ, что, до истеченія перемирія въ 1562 году, не можетъ ее начать. Всѣ дѣла въ Ливоніи онъ препоручилъ вести виленскому воеводѣ, Радзивиллу. Радзивиллъ весною 1560 года занялъ всѣ заложенные Литвѣ замки и волости. Рижскій архіепископъ еще боялся довѣриться полякамъ. Сигизмундъ Августъ настаивалъ, чтобъ онъ допустилъ въ принадлежащія архіепископству мѣста польскіе гарнизоны подъ предлогомъ охраненія края отъ москвитянъ [1]). Архіепископъ сообразилъ, что въ самомъ дѣлѣ москвитяне скоро доберутся до Риги, принужденъ былъ не только согласиться, но въ апрѣлѣ 1560 года самъ просилъ и умолялъ поставить въ его владѣніяхъ гарнизоны и передалъ литовцамъ всѣ принадлежащіе ему замки и укрѣпленія, пушки и всѣ запасы [2]). Однако, долго и напрасно просила Ливонія у Сигизмунда дѣйствительной помощи. Московскіе люди брали городъ за городомъ, уничтожали послѣднія орденскія силы, а Польша и Литва ограничивались только забираніемъ въ свои руки замковъ. Ясно было, что дожидаются того времени, когда Ливонія, доведенная до послѣдней крайности, сама отречется отъ независимости.

Сѣверная часть Ливоніи, Ревель и провинціи Гаррія и Ервенъ были болѣе наклонны къ Швеціи, чѣмъ къ Польшѣ

---

[1]) Monum. ant. Liv V, 596.
[2]) Monum. ant. Liv V, 601 — 602.

и Литвѣ, какъ по близости, такъ и по торговымъ своимъ выгодамъ, ибо морское плаваніе было для нихъ источникомъ благосостоянія. Послѣ феллинской побѣды, московскіе люди стали еще смѣлѣе, и снова вторгались въ Гаррію, а отряды ихъ доходили до самаго Ревеля, угрожали пригороднымъ дачамъ, и уводили скотъ въ виду города. Эти событія располагали ревельцевъ быть рѣшительнѣе. Въ сентябрѣ они отправили посольство въ Швецію просить денегъ взаймы и обѣщанія пріюта въ Швеціи, ибо московскіе люди явно угрожали напасть на Ревель.

Послы прибыли въ Стокгольмъ, когда старый король видимо угасалъ. На Михайловъ день (8 ноября) онъ скончался. Послѣ обычныхъ торжествъ погребенія, наслѣдникъ Густава, Эрикъ, показалъ себя не такъ великодушнымъ и безстрастнымъ, какимъ былъ для Ливоніи отецъ его. Съѣхались послы отъ Сигизмунда Августа и отъ гермейстера; пріѣхалъ и московскій посолъ. Эрикъ принялъ послѣдняго ласково и оказывалъ почести этой грубой квадратной фигурѣ, какъ отзывается о немъ современный нѣмецкій историкъ. Такой пріемъ раздосадовалъ польскаго гонца Конарскаго. «Какъ можно»,—говорилъ онъ шведскому секретарю, «ставить на одну доску христіанскаго помазанника съ варварской крови собакой [1]), которая притомъ не король, а только великій князь». — Онъ удалился отъ дѣлъ. Эрикъ этимъ показалъ ливонцамъ, что не намѣренъ дѣйствовать въ ихъ пользу за-одно съ польскимъ королемъ для охраненія ихъ независимости, и что у него свои особые виды. Не слишкомъ утѣшительно поступилъ онъ съ послами гермейстера, бывшими разомъ съ ревельскими. Они просили взаймы денегъ. Эрикъ согласился дать 60,000 талеровъ не иначе, какъ подъ залогъ города Пернова; а когда послы гермейстера объ-

---

[1]) Henning 235.

явили, что ихъ послали просить денегъ, а не уполномочили давать подъ эти деньги залоги, то король предъявилъ жалобу, что гермейстеръ захватилъ въ Финскомъ заливѣ нѣкоторыя суда, принадлежащія шведамъ. Онъ требовалъ вознагражденія непремѣнно къ пасхѣ слѣдующаго года, иначе грозилъ употребить свои мѣры. Такое домогательство получить деньги съ тѣхъ, которые пріѣхали просить денегъ, могло показать посламъ гермейстера, куда мѣтилъ король. Отпустивъ ихъ съ такими угрозами, Эрикъ задержалъ ревельскихъ пословъ до новаго 1561 года, и, послѣ праздника Богоявленія, далъ имъ такое рѣшеніе: «вашъ городъ Ревель въ большой опасности, ему нѣтъ ни откуда спасенія. Московитяне васъ завоюютъ: тогда Швеція будетъ имѣть опаснаго и сильнаго сосѣда. Поэтому — не изъ жадности, не изъ желанія пріобрѣтать земли, а ради христіанской любви и избѣжанія сосѣдства съ Московіею, мы готовы исполнить вашу просьбу и дать городу Ревелю не только денегъ, но оружія, пороху, свинца, запасовъ, однако съ тѣмъ, чтобъ Ревель отдался добровольно подъ власть шведской короны, а мы сохранимъ и утвердимъ всѣ его прежнія права и обычаи». Послы отвѣчали: «мы не имѣемъ на это уполномочія, а доложимъ совѣту и общинѣ».

Ревельцы пригласили на совѣтъ дворянство Гарріи, какъ это дѣлалось въ подобныхъ важныхъ случаяхъ, и порѣшили отправить къ гермейстеру депутацію съ тѣмъ, что если онъ не подастъ имъ помощи, то они станутъ сами промышлять себѣ средства. Гермейстеръ, какъ бы исполняя ихъ требованіе о помощи, прислалъ къ нимъ литовскій отрядъ. Но поляковъ и литовцевъ не терпѣли въ нѣмецкомъ городѣ; поспѣшили ихъ одарить и отослать прочь. Граждане роптали на гермейстера. «Онъ, — говорили они, — хочетъ насъ отдать полякамъ, да мы не хотимъ этого вовсе».

Къ довершенію возникшаго неудовольствія противъ гер-

мейстера случилось такое обстоятельство. Кетлеръ, не будучи въ состояніи заплатить жалованья наемнымъ нѣмецкимъ кнехтамъ, заложилъ имъ ревельскій замокъ; вмѣстѣ съ нимъ пошолъ въ залогъ монастырь Падисъ, лежащій недалеко отъ Ревеля. Когда дѣла начали склоняться къ тому, что ревельцы, какъ говорится, и руками и ногами отбивались отъ присоединенія къ Польшѣ и Литвѣ, и, напротивъ, болѣе готовы были отдаться шведамъ, противъ желанія гермейстера, тогда онъ замыслилъ хитростью прибрать въ свои руки ревельскій замокъ и выжить оттуда кнехтовъ. Онъ пригласилъ къ себѣ начальника отряда кнехтовъ Іоганна Пльате. Кнехты не догадались зачѣмъ его зовутъ и отпустили, да еще поручили ему хлопотать о скорѣйшей уплатѣ ихъ жалованья. Отозвавши такимъ образомъ командира кнехтовъ, Кетлеръ поручилъ своему намѣстнику надъ замкомъ ревельскимъ, Каспару фонъ-Ольденбокену, спровадить изъ замка нѣмцевъ и ввести туда литовскій гарнизонъ. При посредствѣ какого-то доктора Матѳея Фрайнера и какого-то Вильгельма Вейферлинга, онъ ввелъ въ замокъ литовцевъ, а за ними везли въ ящикахъ и сундукахъ оружіе. Нѣмцы не догадались, что къ нимъ везутъ, пока литовцы, доставши оружіе, не стали ихъ выгонять. Они должны были уступить и вышли. Послѣ того пріѣхалъ въ Ревель ихъ командиръ отъ гермейстера и сказалъ, что гермейстеръ не показываетъ охоты заплатить имъ жалованье и если они желаютъ получить деньги, то пусть обращаются къ польскому королю, потому что самъ гермейстеръ уже не господинъ надъ ливонскою землею. «Что-же это?» — кричали кнехты, — намъ и денегъ не платятъ, — и залогъ отняли!» Они стали было пытаться выгонять изъ замка литовцевъ, но горожане успокоили обѣ стороны, устроивши между ними перемиріе на четырнадцать дней. Еще не былъ полученъ отвѣтъ отъ гермейстера на тотъ

запросъ, который ему сдѣлали послѣ того, что имъ объявилъ шведскій король.

Желаемаго отвѣта отъ гермейстера все еще не получали, какъ отъ шведскаго короля явились въ Ревель коммисары. Они объявили, что посланы къ гермейстеру рѣшительно требовать уплаты вознагражденія за оскорбленія, причиненныя шведскимъ судамъ во Финскомъ заливѣ, и если онъ, попрежнему, станетъ отдѣлываться утѣшительными словами и не заплатитъ къ пасхѣ, то король станетъ взыскивать свое на его подданныхъ и на его владѣніяхъ.

Это была вмѣстѣ съ тѣмъ угроза Ревелю. Городъ долженъ былъ понять, что ему остается поскорѣе отречься отъ гермейстера и отдаться Швеціи; иначе шведы придутъ, изъ вражды къ гермейстеру, разорятъ Ревель и его край, какъ гермейстерскія владѣнія. Какъ-бы въ подтверженіе того, что коммисары говорятъ не пустяки, въ Финляндію посланъ былъ дессантъ съ приказаніемъ быть готовымъ для высадки въ Эстонію, какъ скоро коммисары, отправленные въ Ревель, этого потребуютъ.

Коммисары отправили королевское требованіе къ гермейстеру и звали его въ Ревель, а сами остались въ городѣ дожидаться его прибытія. Гермейстеръ, твердо рѣшаясь уже отдаться Сигизмунду Августу, не думалъ спѣшить въ Ревель по приказанію шведскаго короля и отвѣчалъ, что не можетъ дать отвѣта ранѣе дня св. Іоанна (24 іюня).

Послѣ этого медлить было нечего ревельцамъ. Приходилось или присягнуть шведскому королю на подданство, или ожидать его войска. Большинство въ Ревелѣ склонялось къ Швеціи. — «Отъ Римскаго императора», — разсуждали тогда, — «нѣтъ намъ ни помощи, ни утѣшенія; гермейстеръ никакъ не въ силахъ намъ пособить, хоть-бы и захотѣлъ. Какая выгода соединиться намъ съ Польшею и Литвою, чего ему такъ хочется? Польша и Литва намъ не подъ руку;

да и народъ тамъ другаго языка, другой вѣры, другихъ обычаевъ. Иное дѣло рижане; тѣ хоть торговлею связаны съ Польшею и Литвою по близости — получаютъ оттуда хлѣбъ; а намъ нѣтъ ровно никакой выгоды туда отдаваться: одна погибель намъ изъ этого будетъ! Шведы съ нами одной вѣры; страна ихъ отъ насъ близко, и торговля у насъ со Швеціею постоянная; намъ подручно пристать къ Швеціи; можно оттуда и помощь получить!» — Городъ пригласилъ на съѣздъ дворянство эстляндское къ 4-му мая 1561 года. На этомъ съѣздѣ дворяне повели себя во всемъ согласно съ городомъ. — «Мы», говорили они, «никогда и прежде не отставали отъ васъ ни въ чемъ, и теперь не отстанемъ. Мы соглашаемся отдаться Швеціи». Не многіе, которые были не расположены къ этому, не смѣли слишкомъ рѣзко сопротивляться. Отправили къ гермейстеру посольство съ отказомъ подданства и повиновенія. 6-го іюня ревельцы и дворяне эстляндскіе присягнули на подданство шведскому королю предъ шведскими коммисарами, которые, по уполномочію отъ своего государя, дали его именемъ обѣщаніе утвердить на вѣчныя времена всѣ прежнія права и привиллегіи городу и дворянству. Замокъ находившійся въ рукахъ Каспара фонъ-Ольденбокена, которому довѣрилъ его гермейстеръ, переданъ былъ отъ города шведамъ, но гарнизонъ сопротивлялся и шесть недѣль отстрѣливался отъ осаждающихъ. Онъ сдался 24 іюня по причинѣ скудости провіанта и военныхъ запасовъ.

13-го іюля отправлено было посольство къ шведскому королю отъ города и отъ дворянства. Король принялъ его ласково, подтвердилъ все, постановленное его коммисарами въ Ревелѣ, и обѣщалъ охранить взаимнымъ договоромъ съ московскимъ царемъ ту часть Ливоніи, которая присоединилась къ Швеціи. Эрикъ привязалъ къ себѣ новопоступившихъ въ подданство щедростью. Онъ заплатилъ Ревелю

сумму, которую Ревель далъ взаймы Готгардту Кетлеру, подъ залогъ замка Кегеля, и конечно Ревель иначе не могъ-бы получить этой суммы отъ пришедшаго въ разореніе ордена. Многіе изъ дворянъ и бюргеровъ поѣхали въ Стокгольмъ и всѣ воротились съ какими-нибудь знаками милости и вниманія: кому денегъ дали, кому землю; всему дворянству были утверждены и даже расширены прежнія привилегіи. Наконецъ, отдавшаяся Швеціи часть могла имѣть сколько-нибудь надежду на спокойствіе со стороны московитянъ; Эрикъ отправилъ къ царю Ивану посольство съ предложеніемъ мира и покидалъ остальную Ливонію на произволъ судьбы; съ другой стороны Сигизмундъ-Августъ чрезъ посланника своего Тенскаго изъявлялъ желаніе взаимнаго союза съ шведскимъ королемъ противъ московитянъ со взаимными уступками другъ другу въ Ливоніи. Въ томъ и другомъ случаѣ — помирилась ли-бы Москва со Швеціею, или-же Польша и Литва стали дружно воевать противъ Москвы при пособіи Швеціи — Ревелю и Эстляндіи предстояла надежда имѣть болѣе ручательства на безопасность и спокойствіе, чѣмъ тогда, когда-бы эта страна, думая сохранить невозможную независимость, сдѣлалась сценою нападеній сосѣдей съ разныхъ сторонъ, ищущихъ каждый своей выгоды въ краѣ разоренномъ и лишонномъ собственныхъ способовъ защиты [1]).

Отдача Ревеля и Эстляндіи шведскому королю ускорила развязку съ Польшею. Уже договоръ 1559 года фактически отдалъ часть Ливоніи Рѣчи Посполитой; оставалось только признать отданное не заложеннымъ, а уступленнымъ во владѣніе или присоединеннымъ къ Литвѣ. Взявши въ залогъ ливонскія земли, поставивши гарнизоны въ ливонскихъ городахъ, поступившихъ въ залогъ, Сигизмундъ-Августъ въ

---

[1]) Hiärn. 236. Russow. 66. Henning. 238.

пользу Ливоніи только тѣмъ и ограничился: правда, поставленіе гарнизоновъ имѣло видъ какъ-бы защиты края; но ливонцы видѣли въ этомъ фактѣ только то, что польскій король употребляетъ такую мѣру болѣе для того, чтобы залоги не ускользнули изъ его рукъ. Николай Радзивиллъ Чорный, виленскій воевода, главный двигатель польскихъ видовъ на Ливонію, въ переговорахъ съ гермейстеромъ выражался ясно, что Ливонія болѣе будетъ имѣть права на защиту отъ Литвы, если отдастся ей въ подданство. Заложеніе земель вело неминуемо къ этому подданству. Только то фактически и было охранено королемъ, что находилось у него въ залогѣ; остальной Ливоніи помощи не было. Слѣдовательно, орденскому правительству оставалось или отдать королю всю Ливонію, или истребовать назадъ заложенное и уничтожить договоръ съ королемъ. Но послѣднее было невозможно. Разоренная, обезсиленная до крайности Ливонія не смѣла разсердить Литвы и Польши и нажить себѣ еще новаго врага; избѣгая подданства Сигизмунду-Августу, надобно было выбирать либо Швецію, либо Московію. Если же не хотѣть ни той, ни другой, то неминуемо оставалось отдаваться Польшѣ и Литвѣ. Ужъ если неизбѣжно было кого нибудь да выбирать, то рыцарство, какъ аристократическій элементъ, конечно, должно было предпочесть послѣднюю дорогу. Высшее сословіе въ Ливоніи собственно выигрывало отъ этого, потому что, вступая въ составъ Рѣчи Посполитой, могло получить для себя огромныя права, которыми пользовалось высшее сословіе въ послѣдней странѣ. Что же касается до защиты страны, то казалось, ни съ кѣмъ другимъ она не могла быть болѣе безопасна. Рѣчь Посполитая не только казалась сильною для того, чтобы противоставить оплотъ забирательной московской политикѣ, но и географическое положеніе дѣлало ее подручною для этого дѣла по отношенію къ Ливоніи. Отдача Ливоніи кому-бы-то ни-было влекла за

собою необходимость сложенія духовнаго званія рыцарями. Составлять орденъ Ливонія могла только будучи независимымъ краемъ. Объ этомъ еще въ 1560 году было разсуждаемо и рѣшено. Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ этого года на собраніи составленъ былъ актъ по этому вопросу. Въ немъ рыцари сознавались, что Богъ караетъ ихъ по грѣхамъ, что страна въ крайнемъ положеніи; потому они предоставляютъ своему гермейстеру употребить послѣднія усилія и просьбы къ сосѣдямъ о помощи, и позволили ему, если нужно окажется, вступить въ бракъ, коль скоро этотъ бракъ повлечъ за собою выгодныя связи и дастъ возможность облегченія несчастной странѣ [1]). Послѣ новыхъ несчастій, испытанныхъ Ливоніей отъ москвитянъ, потребность эта еще болѣе уяснилась. Радзивиллъ продолжалъ указывать гермейстеру и орденскимъ сановникамъ на присоединеніе къ Польшѣ и Литвѣ, какъ на единственный исходъ. Въ сентябрѣ 1561 года рыцари на сеймѣ составили другой актъ, гдѣ заявили, что считаютъ совершенно невозможнымъ дальнѣйшее существованіе ордена. Они признавали свою безженную жизнь грѣшною, навлекающею на нихъ гнѣвъ и гибель отъ Бога. Рѣшено сложить съ себя духовное званіе и отдаться Польшѣ и Литвѣ съ тѣмъ, чтобы Готгартдъ Кетлеръ былъ наслѣдственнымъ правителемъ края и чтобы на будущія времена тамъ всегда оставался удѣльный владѣтель нѣмецкаго происхожденія [2]).

Упорство показалъ городъ Рига. Гермейстеръ выигрывалъ при отдачѣ Ливоніи: онъ дѣлался наслѣдственнымъ государемъ. Рыцари также выигрывали: они могли сдѣлаться наслѣдственными владѣтелями имѣній, которыми до того управляли въ качествѣ орденскихъ сановниковъ. Но городъ

[1]) Ziegenhorn. Staats-Recht von Curland Beil. 44.
[2]) Ziegenhorn Beil. 48.

Рига дорожилъ своими средневѣковыми привиллегіями; онѣ давали ей большія права и монополіи, невыгодныя для другихъ, но выгодныя для ней: ихъ подтверждали [1]) всѣ гермейстеры одинъ за другимъ; Ригѣ было выгодно находиться въ орденскомъ владѣніи. При этомъ же протестанство побаивалось католической Польши. Тѣмъ не менѣе, однако, было слишкомъ ясно, что Рига не можетъ одна дѣйствовать въ разрѣзъ со всею Ливоніею. Отвергать присоединеніе — значило-бы разойтись съ орденомъ и потомъ навѣрное погибнуть въ перестрѣльномъ огнѣ.

Осенью 1561 года Радзивиллъ въѣхалъ въ городъ Ригу великолѣпно, съ большою толпою шляхты, какъ посолъ могущественнаго и вмѣстѣ великодушнаго монарха. Онъ объявилъ гражданамъ положительно, что гермейстеръ и архіепископъ отдаются Литвѣ, и потому городъ долженъ съ своей стороны выбирать депутатовъ и послать ихъ въ Польшу для отдачи своего города Сигизмунду-Августу вмѣстѣ со всею Ливонскою землею. За нимъ въ городъ пріѣхали гермейстеръ и архіепископъ. Стали потомъ съѣзжаться рыцари. Члены совѣта собрали всю городскую общину (ganssen gemen). Гермейстеръ и архіепископъ стали уговаривать рижанъ; тѣ сильно возражали, но скоро увидѣли, что дѣло зашло далеко; невозможенъ сталъ возвратъ назадъ; имъ самимъ уже некуда было дѣться. Радзивиллъ увѣрялъ рижанъ, что Рига останется со своими древними правами и преимуществами, что Сигизмундъ-Августъ принимаетъ рижанъ какъ свой собственный любезный народъ [2]). 8-го сентября Радзивиллъ далъ Ригѣ отъ себя письменное удостовѣреніе въ томъ, что все имъ обѣщанное утвердитъ король [3]). 12-го сентября все дворянство имѣло свое собраніе. Тамъ были и

---

[1]) Ziegenhorn Biel. 44, 45.
[2]) Monum. IV. 125.
[3]) Ziegenhorn Beil. 45.

городскіе депутаты. Тогда было рѣшено отдаться въ подданство польскому королю и великому князю литовскому, Сигизмунду-Августу, съ тѣмъ, чтобы король утвердилъ новоприсоединяемымъ провинціямъ невозбранно на вѣчныя времена свободу аугсбургскаго вѣроисповѣданія и оставилъ неприкосновенными права и обычаи страны. Вмѣстѣ съ тѣмъ положено просить о расширеніи нѣкоторыхъ правъ для благоденствія края. Въ этомъ смыслѣ давалось полномочіе избраннымъ посламъ, которые должны были ѣхать въ Вильно [1]).

Ливонскіе послы прибыли въ Вильно 15-го октября. Черезъ четыре дня послѣ ихъ прибытія назначенъ имъ пріемъ. Гермейстеръ съ дворянами, и архіепископъ съ духовенствомъ, а съ ними и городскіе депутаты представились королю въ два часа по полудни. Произнесена была латинская рѣчь отъ лица всей Ливоніи. Король обнадеживалъ ихъ своею готовностію принять страну подъ свое покровительство и защищать ее всѣми силами, и объявилъ, что поручаетъ своимъ совѣтникамъ договориться съ ними. Послѣ этой вступительной аудіенціи ливонцы представлялись королевѣ и королевскимъ сестрамъ.

Потомъ началось составленіе договора. Тогда возникли недоразумѣнія. И было отъ чего. — Посламъ данъ былъ на собраніи въ Ригѣ наказъ отдать Ливонію въ ея цѣльности; а Радзивиллъ, заправлявшій всѣмъ дѣломъ, предложилъ, напротивъ, со стороны Польши и Великаго Княжества Литовскаго, принять только тѣ области, которыя отдавались добровольно, а не тѣ, которыя не хотѣли или не могли

---

[1]) Тогда поѣхали въ Вильно: Реймпертъ Гильсгеймъ докторъ правъ, Георгъ Франкенъ, Генрихъ Пльаттернъ, Іоганнъ Медель, Фабіанъ фонъ-деръ-Бургъ. Отъ города Риги посланы: Юргенъ Паддель, Генрихъ Улленброкъ бюргермейстеръ, Стефанъ Шонебахъ медикъ, Мелгеръ Керкгофъ, Іоганнъ Томъ-Берге, Іостъ Льоманъ, Берентъ фонъ-Дортмунде старѣйшины (olderlude) отъ большой камеры: Урбанъ Россендаль, а отъ малой: Лаврентій Меке. (Monum. liv. IV 126. Ziegenhorn Beil. 50).

также поступить; ибо часть Ливоніи уже отдалась Швеціи, а другая Даніи; третья была завоевана москвитянами. Возможно было брать только то, что оставалось никѣмъ не взятымъ. Патріотизмъ ливонцевъ этимъ оскорблялся. Имъ хотѣлось сохранить въ цѣлости свою страну, и если приходилось жертвовать независимостью, то, по крайней мѣрѣ, эта жертва должна была окупиться единствомъ государственной связи. Рижскіе послы и здѣсь показали свое упорство. Они спорили съ панами, не довѣряли имъ, писали свои предложенія, нѣсколько разъ получали письменныя предложенія со стороны пановъ и никакъ не могли сойтись ни на чемъ. Ихъ, какъ и нѣкоторыхъ другихъ ливонцевъ, смущало то, что Ливонія считалась прежде въ зависимости у императора; и они соглашались отдаваться Сигизмунду-Августу только съ тѣмъ, если онъ у императора испроситъ разрѣшеніе отъ присяги, которою предки ливонцевъ были связаны столько вѣковъ съ имперіей. Заходила рѣчь и о томъ, что будетъ съ Ливоніей, въ случаѣ если Польша, связанная тогда съ Литвою, разойдется съ нею, и рижане хотѣли выговорить для своего города такое условіе, что онъ въ такомъ случаѣ долженъ оставаться свободенъ отъ всякой обязанности соединенія какъ съ Литвою, такъ и съ Польшею. Паны, какъ природные литвины, рѣшали этотъ вопросъ, напротивъ, тѣмъ, что Ливонія должна тогда оставаться съ одною Литвою. Но когда тянулись эти споры, и рижане болѣе и болѣе находили предлоговъ къ толкамъ, вдругъ гермейстеръ, а за нимъ и дворяне согласились на все. Къ нимъ пристали послы городовъ Вольмара и Вендена. Они прекратили недоразумѣнія, объявивши, что отдаются не Польшѣ и не Литвѣ, а одному Сигизмунду-Августу и признаютъ его господиномъ. Рижскіе депутаты остались одни, — и безъ нихъ былъ заключенъ договоръ подданства Ливоніи.

Но хотя страна отдавалась личности Сигизмунда-Авгу-

ста, избѣгая какъ-будто прямаго отношенія какъ къ Польшѣ, такъ и къ Литвѣ, однако на самомъ дѣлѣ нельзя было обойтись безъ согласія съ тою и другою, потому что Ливонія жертвовала своею независимостью ради защиты, а защищать ее не въ силахъ былъ Сигизмундъ-Августъ лично, — нужны были силы и Польши и Литвы. Договоръ, заключенный въ Вильно, могъ имѣть дѣйствительную силу только тогда, когда будетъ утвержденъ на сеймѣ обоихъ народовъ; поэтому постановлено, что въ случаѣ еслибъ Польша отказалась принять Ливонію и обязаться защищать ее, одна Литва, безъ Польши, приметъ ее. Чтобъ отдача Ливоніи и тѣмъ самымъ ея отдѣленіе отъ Римской имперіи не легли на совѣсти рыцарей, какъ измѣна, Сигизмундъ-Августъ бралъ на себя обязанность ходатайствовать за Ливонію передъ императоромъ и всѣми имперскими чинами, и убѣдить ихъ отказаться отъ власти надъ землею бывшаго ордена. Король обѣщалъ сохранить ненарушимо аугсбургское исповѣданіе во всемъ его размѣрѣ, всѣ права, преимущества какъ личныя, такъ и по имѣніямъ духовныхъ и мірскихъ, всѣ законы, весь прежній порядокъ управленія, всѣ старые обычаи, допускать къ занятію должностей въ Ливоніи только природныхъ уроженцевъ — въ земствѣ изъ дворянъ, а въ городахъ изъ горожанъ, — но съ правомъ апеляціи къ королю или къ тому намѣстнику, который отъ него будетъ назначенъ. Гермейстеръ, изъявивъ согласіе снять съ себя духовное рыцарское званіе, получалъ княжескій титулъ на подобіе прусскаго князя, также точно оставившаго званіе гермейстера нѣмецкаго ордена. Ему отдавались въ потомственное владѣніе Курляндія и Семигаллія, т. е. вся часть Ливоніи на западъ отъ Двины. Эта страна должна быть въ ленной зависимости отъ польскаго короля и великаго князя Литовскаго. Двина должна составлять ея границу, и подданнымъ новообразовавшагося княжества представлялась свобода рыболовства въ

этой рѣкѣ. Во вниманіе къ тому, что шестилѣтняя война сильно истощила силы края, земли, долженствовавшія войти въ это ленное владѣніе, освобождались на время отъ повинностей войны; представлялось князю и его дворянству давать то, что пожелаютъ сами, но на будущія времена эти земли подчинялись такому же положенію, въ какомъ находилось прусское княжество. Остальная Ливонія поступала въ непосредственное владѣніе польскаго короля и великаго князя Литовскаго, и гермейстеръ назначался временнымъ намѣстникомъ, а городъ Дюнаминде отдавался ему въ пожизненное владѣніе. Гермейстеръ отрекался отъ власти надъ Ригою и обязывался передать уполномоченному короля всѣ дипломы, документы и привиллегіи для города, и король обязывалъ рижанъ признать свою власть и обѣщалъ сохраненіе всѣхъ правъ, издревле данныхъ городу отъ нѣмецкихъ императоровъ. Гермейстеръ назначался отъ руки короля временнымъ намѣстникомъ города Риги; на будущее время начальники должны быть непремѣнно изъ нѣмцевъ. Замокъ рижскій долженъ былъ оставаться въ рукахъ правительства, ибо отъ безопасности этого замка вмѣстѣ съ городомъ Ригою зависѣла безопасность всей Ливоніи. Остальные города и замки передавались во власть польскаго короля съ подтвержденіемъ городскихъ правъ и обычаевъ. Вездѣ управленіе должно быть изъ природныхъ нѣмцевъ, но въ пограничныхъ замкахъ дозволялось держать польско-литовскіе гарнизоны и не изъ нѣмцевъ, до окончанія войны, но безъ нарушенія правъ жителей, предоставляя начальникамъ этихъ гарнизоновъ только то, что необходимо для защиты замковъ отъ непріятеля. Польскій король и великій князь Литовскій принималъ на себя выкупъ замковъ, заложенныхъ прусскому герцогу и вообще огражденіе бывшаго гермейстера отъ долговыхъ требованій Риги и Данцига такимъ способомъ, что король или заплатитъ долгъ, или обезпечитъ гермейстера отъ притязаній до того времени,

пока тотъ не будетъ въ состояніи очиститься отъ долга. Городамъ: Вендену, Вольмару и Пернову король обѣщалъ облегчить ихъ долги выгодными для нихъ распоряженіями по предмету хлѣбнаго ввоза и вообще торговли. Новый потомственный князь получалъ право бить свою монету, вѣсомъ и достоинствомъ равную литовской, для того, чтобъ она могла ходить и въ Литвѣ какъ въ Ливоніи, но съ тѣмъ условіемъ, чтобъ на одной сторонѣ ея находилось изображеніе герцога, а на другой короля. Евреямъ воспрещалось торговать въ Ливоніи. Взятое русскими и датчанами король обѣщалъ возвратить къ Ливоніи оружіемъ, и возвращенныя земли отдать во владѣніе ливонскимъ дворянамъ, и отбитый у непріятеля край ливонскій долженъ будетъ пользоваться такими же правами какъ и та часть, которая теперь отдавалась въ подданство. Епископство Курляндское, которое отдалось уже Магнусу, должно быть возвращено къ Курляндіи и отдано новому князю; а Магнусу предоставлялось во владѣніе: Леаль, Гапсаль и Сонненбургъ. Сообразно этому договору ливонское дворянство испросило себѣ привиллегію: въ ней предоставлялась дворянамъ свобода аугсбургскаго исповѣданія, право строить въ своихъ имѣніяхъ женскіе монастыри для пріюта вдовъ и безпомощныхъ дочерей убитыхъ на войнѣ, а также и мужскіе для пріюта стариковъ, право управляться своими законами и обычаями и, между прочимъ, сохранились обычаи наслѣдства мужескаго пола. Дворяне выпросили, чтобъ ихъ для избѣжанія неудобства поѣздокъ, не звали на аппелляцію въ Литву, а чтобы учрежденъ былъ въ Ригѣ верховный судъ изъ сенаторовъ, выбранныхъ всѣмъ ливонскимъ дворянствомъ и утвержденныхъ въ своей должности королемъ. За ихъ сословіемъ оставлялись прежнія права свободнаго варенія пива, право охоты (wildwerk) и право лѣсное (waldwerk), т. е. право рубить деревья во всѣхъ лѣсахъ Ливоніи; за тѣмъ ему утверждалась власть и судъ надъ своими крестьянами. Дво-

ряне особенно вѣрили тогда въ крѣпость документовъ и принимали всѣ мѣры къ ихъ цѣлости; такъ было постановлено въ договорѣ, что если у кого во время войны пропадетъ документъ, то король долженъ выдать новый, а до выдачи никто не смѣетъ безпокоить владѣльца. Съ обѣихъ сторонъ договоръ былъ утвержденъ присягою. Сигизмундъ-Августъ присягалъ охранять права и обычаи новоприсоединяемаго края, и стараться о возсоединеніи части, захваченной другими, а ливонскіе послы отъ лица всѣхъ коммандоровъ, дворянъ, вассаловъ и горожанъ присягали признавать польскаго короля и литовскаго великаго князя своимъ законнымъ и наслѣдственнымъ государемъ и оставаться ему въ вѣрности, не заключать безъ позволенія своего государя и его наслѣдниковъ никакихъ договоровъ съ чужестранными государствами и препятствовать всему, что бы оказалось ко вреду государя и преемниковъ его.

Архіепископъ не послѣдовалъ за гермейстеромъ и дворянами и не сталъ присягать; онъ отговаривался тѣмъ, что чины польскіе, въ соединеніи съ Литвою, не изъявили еще желанія принять Ливонію; край, такимъ образомъ, оставался присоединяемымъ только къ одной Литвѣ; онъ на это рѣшиться не можетъ безъ согласія оставшихся въ Ливоніи дворянъ и горожанъ: обязательство это прежде не предвидѣлось и посламъ ничего не было наказано отъ страны по такому вопросу [1]).

Послы города Риги также не хотѣли присягать, ссылаясь на то, что они не смѣютъ приступить къ такому важному дѣлу, и также какъ архіепископъ, отговаривались тѣмъ, непредвидѣннымъ прежде, обстоятельствомъ, что польскіе паны не изъявили желанія о принятіи Ливоніи и о готовности своей защищать ее. Горожане откладывали это дѣло до будущаго

---

[1]) Dogiel. V, 249.

польско-литовскаго сейма, а между тѣмъ хотѣли посовѣтоваться дома съ своимъ городомъ. Король приказалъ ихъ отпустить, взявши съ нихъ обѣщаніе, что они дадутъ рѣшительный отвѣтъ, когда пріѣдетъ въ Ригу королевскій намѣстникъ.

28-го января 1562 года прибылъ въ Ригу Радзиваллъ, назначенный отъ короля намѣстникомъ въ Ливонію. 3-го марта Кетлеръ объявилъ, что онъ освобождаетъ Ригу и всю Ливонію отъ своей власти. 5-го марта гермейстеръ въ собраніи всѣхъ командоровъ и многихъ рыцарей передалъ Радзивиллу ключи отъ замковъ рижскаго, дюнаминдскаго, керкгольмскаго и другихъ, ключи отъ воротъ города Риги и печать ордена. Послѣ того онъ снялъ съ себя рыцарскій крестъ и мантію. За нимъ тоже сдѣлали всѣ рыцари въ знакъ сложенія съ себя духовнаго званія. Рыцари заплакали. Какъ ни мало они дорожили этимъ званіемъ, какъ, напротивъ, ни тяготились они имъ, но чувство уваженія въ старинѣ зашевелилось у нихъ въ сердцѣ, въ эту рѣшительную минуту. Въ замѣнъ Радзивиллъ провозгласилъ Готгарда Кетлера наслѣдственнымъ княземъ Курляндіи и Семигалліи и объявилъ, что жители этихъ провинцій должны присягнуть ему въ вѣрности. На другой день, съ обычной церемоніей, Радзивиллъ передалъ снова Кетлеру полученные имъ отъ него вчера ключи и наименовалъ правителемъ Ливоніи отъ руки польскаго короля и литовскаго великаго князя. Архіепископъ и принадлежавшіе къ его вѣдомству колебались до 11-го марта и, наконецъ, согласились. Тогда дана была архіепископству и дворянству привиллегія [1]). Радзивиллъ далъ увѣрительную грамоту отъ имени короля, что архіепископскому владѣнію подтверждаются всѣ прежнія права и преимущества, неприкосновенность духовныхъ, монастырскихъ и мірскихъ имѣній, вольное избра-

[1]) Dogiel V, 251. Richter II, 362.

ніе капитулы, собственный судъ изъ двѣнадцати выборныхъ судей съ правомъ апелляціи на него въ верховный королевскій судъ или сенатъ, который будетъ учрежденъ въ Ливоніи. Дворянство, жившее въ архіепископскомъ владѣніи, освобождалось лично отъ всѣхъ налоговъ, кромѣ тѣхъ, которые будутъ установлены своимъ сословіемъ для опредѣленныхъ имъ же цѣлей; оно имѣло право свободнаго выѣзда за границу и право свободной торговли произведеніями изъ своихъ имѣній.

Рига все еще сопротивлялась и отговаривалась тѣмъ, что Польша не приняла, вмѣстѣ съ Литвою, Ливоніи и не обязалась защищать ее. Радзивиллъ доказывалъ, что это отнюдь не должно служить затрудненіемъ; Рига можетъ, равно какъ и дворянство, присягать не Польшѣ и Литвѣ, а королю и великому князю Сигизмунду-Августу. «До будущаго сейма», говорили рижане, «мы не можемъ согласиться на это; тогда узнаемъ: возмется ли Польша съ Литвою защищать насъ и утвердитъ-ли всѣ наши права и привиллегіи». Такъ споръ тянулся цѣлые двадцать четыре дня. Но Ригѣ одной нельзя было устоять противъ общаго согласія; нельзя было ей оставаться въ независимости и отдѣлить свою судьбу отъ остальной Ливоніи. При посредствѣ Кетлера, Рига, наконецъ, согласилась: рижане произнесли требуемую присягу, но съ условіемъ, что если настоящій король не оставитъ по себѣ прямаго наслѣдника, и Литва съ Польшей не согласятся въ выборѣ одного короля, то Рига имѣетъ право признать другаго государя. Сверхъ того, рижане оговорились, что подданство ихъ и въ настоящее время дѣйствительно только тогда, когда сеймъ, долженствующій собраться въ Піотрковѣ, утвердитъ ихъ права и согласится на условія договора, заключеннаго Ливоніею съ королемъ. Только съ этимъ условіемъ отдавалась Рига [1]). Радзивиллъ далъ городу поручительство (cautio), под-

[1]) Monum. liv. IV, 128. Richter II, 262.

*

тверждающее всѣ древніе обычаи и свободу городскаго управленія [1]).

Такъ совершилось паденіе ливонскаго ордена. Не захотѣлъ поддаться Сигизмунду-Августу одинъ коадъюторъ рижскаго архіепископа Христофъ. Онъ уѣхалъ къ императору жаловаться на Кетлера и на ливонцевъ, называлъ отдачу Ливоніи Сигизмунду-Августу дѣломъ беззаконнымъ и просилъ помощи. Не получивъ ее, онъ обратился къ шведскому королю Эрику. Онъ думалъ: авось не удастся ли ему тѣмъ или инымъ способомъ пріобрѣсть кусокъ Ливоніи. Но этого не удалось ему никакъ и нигдѣ [2]).

Въ племенномъ вопросѣ ливонская исторія кончена тѣмъ, чѣмъ начата: славяне завладѣли туземцами; нѣмцы отняли ихъ у славянъ; теперь опять нѣмцы сами отдавали край славянамъ. Одни коренные хозяева страны и теперь, какъ и прежде, были безгласны и должны были покорно нести ту судьбу, которую положатъ имъ на шею другіе.

1862.

---

[1]) Dog. V, 255 — 256.

[2]) Kelch. 260.

ЮЖНАЯ РУСЬ

ВЪ КОНЦѢ XVI ВѢКА.

ЮЖНАЯ РУСЬ ВЪ КОНЦѢ XVI ВѢКА.

ГЛАВА I.

ПОДГОТОВКА ЦЕРКОВНОЙ УНІИ.

Съ тѣхъ временъ, какъ историческія судьбы повлекли русскія земли къ сближенію, а наконецъ къ соединенію съ Польшею, выступаетъ въ нихъ наявь борьба между греческимъ и римскимъ богослуженіемъ; на сторонѣ перваго было большинство народонаселенія и привычки старины; на сторонѣ другаго пособія правительственныхъ личностей и орудія западной образованности. Борьба эта то ослабѣвала и почти угасала, то оживала снова. Папское всевластіе ни на шагъ не оставляло своихъ привычныхъ стремленій подчинить себѣ русскую церковь и не пренебрегало мірскими обстоятельствами, если они, по своему стеченію, наклонялись ему въ пользу. По прекращеніи дома Романовичей въ Червоной Руси и на Волынѣ, овладѣлъ Червоною Русью мазовецкій князь Болеславъ Тройденовичь, и тотчасъ сталъ вводить латинскую вѣру: извѣстно, что онъ скоро заплатилъ жизнію за эту попытку и вообще за предпочтеніе, какое оказывалъ въ русской землѣ иноземцамъ и иновѣрцамъ. Послѣ него Казимиръ польскій король присоединилъ Червоную Русь къ своимъ владѣніямъ и тотчасъ сталъ думать о введеніи въ ней католичества. Онъ былъ благоразуменъ и

понималъ, что въ дѣлахъ такого рода не слѣдуетъ поступать быстро и рѣзко, а потому онъ не объявилъ себя открыто врагомъ греческой вѣры, напротивъ, подтвердилъ грамотою ея неприкосновенность и цѣлость въ русской землѣ, но тутъ же позволялъ себѣ дѣлать распоряженія, которыя клонились къ ущербу этой вѣры. Такъ, желая распространить латинскій обрядъ въ русскомъ краѣ и приманить русскихъ къ его принятію, онъ не только строилъ новые костелы, но даже обращалъ въ костелы русскія церкви, подъ предлогомъ, что въ Руси поселено много иновѣрцевъ, а надобно же имъ дать свободу вѣры. Латинская пропаганда, однако, въ его время не сдѣлала успѣховъ между русскими; оно хоть и казалось на видъ, что католичество распространялось въ русскомъ краѣ, а число католиковъ увеличивалось, но это не оттого, чтобъ русскіе люди принимали западную вѣру, а оттого, что у нихъ въ краѣ селилось все больше да больше иноземцевъ; особенно много было нѣмцевъ: имъ Казимиръ благопріятствовалъ.

Большей опасности подверглось православіе при Людовикѣ Венгерскомъ. Этотъ король пріобрѣлъ себѣ особую благосклонность римскаго двора, и въ свое время всеобщую знаменитость тѣмъ, что насильно обращалъ въ католичество православныхъ славянъ въ своемъ венгерскомъ королевствѣ и дѣлалъ притѣсненія православному духовенству. «Ты уже преслѣдовалъ схизму — (писалъ къ нему папа) — теперь иди снова на дѣло преслѣдованія». Это новое дѣло Людовикъ долженъ былъ совершить въ Червоной Руси. Обладатель огромнаго пространства западной Славянщины, Людовикъ, король Венгерскій и Польскій, не могъ управиться вездѣ самъ и отдалъ Червоную Русь въ управленіе Силезскому князю Владиславу Опольскому, внучатному племяннику Казимира Великаго. Вотъ этотъ онѣмеченный князекъ принялся за дѣло обращенія русскихъ такъ ревностно, какъ

никто еще не принимался за это дѣло. Ему служили для этого Францискане, а они ради проповѣди уже давно вели кочевую жизнь по Руси. По его старанію, папа учредилъ въ Галичѣ латинское архіепископство и три епископства: въ Холмѣ, Перемышлѣ и Владимирѣ (хотя послѣдній городъ не принадлежалъ къ управленію Владислава Опольскаго и находился во власти князя Любарта Гедеминовича, князя православной вѣры и ничѣмъ не показавшаго охоты поступать въ угоду папамъ; а потому на епископа Владимирскаго слѣдуетъ смотрѣть только какъ на титулярнаго). Въ Червоной Руси всѣ православные архіереи были свержены и изгнаны. Только при сильной помощи иноземцевъ возможно было совершать такія дѣла. Владиславъ роздалъ иноземцамъ (нѣмцамъ и венграмъ) всѣ уряды, надѣлилъ ихъ недвижимыми имѣніями; много нѣмцевъ построились въ городахъ русскихъ; толпы нѣмецкихъ поселянъ поселились на земляхъ русскихъ и получили особыя важныя льготы передъ туземцами. Нѣмецкое и венгерское войско составляло военную силу князя. При такихъ средствахъ, дѣло дошло до того, что Русскіе тысячами принимали католичество. Людовикъ и Владиславъ могли тогда вдоволь величаться своими апостольскими подвигами. Это было такое горькое время для русскаго православія, какого оно ни прежде ни послѣ не испытывало до XVII вѣка. Къ счастію, время это продолжалось не долго. Владиславъ, поапостольствовавши такимъ образомъ нѣсколько лѣтъ, отказался отъ власти надъ Червоной Русью: не смотря на успѣхи, онъ понялъ, что чѣмъ дальше, тѣмъ будетъ труднѣе, а не легче. И въ самомъ дѣлѣ, послѣ него, на короткое время, Людовикъ занялъ Червоную Русь венгерскими войсками и продолжалъ посредствомъ военной силы дѣло обращенія, но въ 1382 г. онъ умеръ, а потомъ литовцы и русскіе заняли Червоную Русь и все, сдѣланное Владиславомъ и Людовикомъ, пошло пра-

хомъ. Новообращенные русскіе опять возвратились къ православію; имѣнія, данныя Владиславомъ католическимъ епископамъ, были отняты; римско-католическое духовенство разошлось; даже были тогда изъ этого духовенства такіе, что пристали къ православію.

Съ принятія католичества Ягелломъ, устроившимъ, посредствомъ своего бракосочетанія съ Ядвигою, соединеніе Польши съ Литвою, католическій обрядъ сталъ внѣдряться въ русскіе края. Въ 1413 году на Городленскомъ сеймѣ, гдѣ совершился первый актъ соединенія обѣихъ странъ, постановлено распространить права, которыми пользовалась польская шляхта, на Русь, но вмѣстѣ съ тѣмъ допускать къ должностямъ только такихъ лицъ, которыя не отрекаются отъ послушанія апостольскому престолу. На этомъ сеймѣ было заявлено, что разновѣріе признается вреднымъ для цѣльности и безопасности государства. Тогда многіе, получившіе званіе шляхты, приняли католичество и увлекли свои фамиліи на будущія времена въ чужую вѣру и чужую народность. Впрочемъ, это произошло болѣе собственно съ литовцами. Что касается до Руси, то это грозное предпочтеніе католичества и исключеніе русскихъ отъ правъ едва ли только не на бумагѣ существовало: все, что входило въ область литовскаго княжества, было отдано удѣльной власти Витовта, а этотъ благоразумный князь, всю жизнь стремившійся устроить независимость русско-литовскаго государства, понималъ, что отдѣльность Руси отъ Польши въ религіозномъ отношеніи способствуетъ его политическимъ видамъ. При немъ, въ 1415 году, церковь русская въ іерархическомъ отношеніи отдѣлилась отъ московской избраніемъ особаго кіевскаго митрополита. Въ земляхъ южнорусскихъ, принадлежавшихъ Польшѣ при Ягеллѣ, католичество успѣшнѣе дѣлало шаги къ господству, но болѣе чрезъ увеличеніе массы иноземцевъ, получавшихъ въ странѣ должности, а не

чрезъ обращенія русскихъ. Самъ Ягелло не былъ фанатикомъ, и гдѣ приходилось ему дѣйствовать въ исключительную угоду католичеству, тамъ онъ поступалъ по требованію окружавшей его среды, а не по собственному побужденію. Папы побуждали его, какъ и Витовта, обращать православныхъ въ католичество. Король дѣйствительно строилъ католическія церкви въ русскихъ земляхъ, давалъ тамъ земли и староства природнымъ полякамъ, но все таки сдѣлалъ мало существеннаго въ этомъ вопросѣ. Въ одной грамотѣ къ католическому епископу въ Червоной Руси онъ поручаетъ ему — не обращать русскихъ въ католиковъ, а католиковъ не допускать крестить дѣтей по обряду восточной церкви. Это служитъ доказательствомъ, что переселеніе иноземцевъ въ русскіе края не удовлетворяло въ XIV и въ XV вѣкахъ намѣреніямъ окатоличить русскую страну, и что, напротивъ, поселенцы, составлявшіе меньшинство народонаселенія, уступали вліянію большинства. Притомъ, въ XV вѣкѣ вообще, не всѣ сильные міра сего были расположены смотрѣть непріязненными глазами на восточное православіе. Тогда католичество потрясалъ опасный врагъ — чешское гусситство, находившее себѣ сочувствіе въ владѣніяхъ короля Ягейла. Опасно было раздражать православныхъ, чтобъ не загнать ихъ толпами въ ряды таборитовъ, особенно послѣ того, какъ одинъ изъ литовскихъ князьковъ съ толпою удальцевъ, въ которой было очень много, а можетъ быть болѣе всего русскихъ, подъ знаменемъ гусситства покушался уже вырвать изъ императорскихъ рукъ чешскую корону. Конечно, съ намѣреніемъ отклонить отъ себя дружбу русскихъ съ гусситами, императоръ Сигизмундъ, пріѣхавши въ Луцкъ, торжественно заявлялъ, въ присутствіи русскихъ, что православная вѣра въ святости своихъ догматовъ не уступаетъ римско-католической и православные отъ католиковъ въ сущ-

ности отличаются только бородами да женами священниковъ. Голосъ императора въ то время значилъ много.

Наслѣдникъ Ягелла Владиславъ II уничтожилъ всякое стѣсненіе греческой религіи и далъ равныя права ея исповѣдникамъ съ послѣдователями римской. Тогда совершилась первая унія на Флорентійскомъ соборѣ. Митрополитъ Исидоръ, изгнанный изъ Москвы, превозгласилъ унію въ литовскихъ владѣніяхъ; католическое правительство не могло этому не благопріятствовать, но православные люди приняли нововведеніе дурно. Исидору неудобно оказалось жить въ Южной Руси и онъ долженъ былъ удалиться въ Римъ. Митрополитомъ послѣ Исидора былъ Григорій въ продолженіи тридцати лѣтъ. Ксожалѣнію, мало извѣстна внутренняя исторія южно-русскаго края въ тѣ времена, и нельзя рѣшить: въ какой степени были успѣшны усилія католичества и въ какомъ размѣрѣ противодѣйствовалъ имъ народъ. Во всякомъ случаѣ, нельзя думать, чтобъ католичество могло одержать верхъ въ Южной Руси, тогда, когда ею правилъ Свидригелло, ревностный покровитель православной вѣры. Впослѣдствіи, уніаты и католики, желая дать уніи, введенной въ концѣ XVI вѣка, авторитетъ древности, представляли церковныя дѣла XV вѣка въ такомъ видѣ, какъ будто бы тогда господствовала уже унія. Они съ этой цѣлію толковали разныя привиллегіи великихъ князей литовскихъ, данныя православной греческой церкви, такъ, какъ будто онѣ относятся исключительно къ той части этой церкви, которая признавала надъ собой главенство папы. За митрополитомъ Григоріемъ слѣдовали, съ 1474 по 1477 г., Михаилъ, потомъ, съ 1477 по 1482 г., Симеонъ, съ 1482 по 1490, Іона Глезна. Католическіе духовные конца XVI и начала XVII вѣка называютъ послѣднихъ двухъ уніатами: одного на томъ основаніи, что въ его время было къ папѣ посольство, а другаго потому что тогда цареградскій патріархъ, которому подчи-

нялась русская церковь, принялъ унію. Слѣдовавшаго за нимъ Макарія, причисленнаго къ лику святыхъ и почивающаго въ храмѣ св. Софіи въ Кіевѣ, также признавали уніатомъ [1]). Вообще уніатство этихъ владыкъ очень сомнительно, потому что мы не имѣемъ о томъ извѣстій безпристрастнѣе тѣхъ, которыя явно хотятъ, для своихъ видовъ, представить ихъ уніатами, хоть бы и съ натяжками. Болѣе правдоподобнымъ, повидимому, кажется извѣстіе о митрополитѣ Іосифѣ Солтанѣ, слѣдовавшемъ за Макаріемъ. Когда римскіе епископы стали склонять его къ соединенію, онъ послалъ въ Цареградъ спросить объ этомъ у патріарха Нифонта, а тотъ растолковалъ ему, что церковь греческая давно соединена съ римскою. Впослѣдствіи, сторонники уніи приводили письмо патріарха въ свою пользу, напирали особенно на то, что москвитяне называли митрополита Іосифа латинникомъ, и этимъ думали доказать, что митрополитъ Іосифъ принялъ унію. Но если въ самомъ дѣлѣ Іосифъ убѣдился объясненіемъ патріарха и призналъ, что единство русской церкви съ католическою совершилось прежде, то уже то самое, что русскій митрополитъ не зналъ объ этомъ и, вслѣдствіе своего невѣдѣнія, посылалъ къ патріарху только потому случаю, что къ нему обратились римско-католическіе духовные, — не показываетъ ли, какъ мало въ то время занималъ умы этотъ вопросъ, какъ мало было извѣстно на Руси флорентійское дѣло? Слѣдовательно, унія XV вѣка болѣе существовала въ воображеніи немногихъ, чѣмъ въ религіозной жизни и церковномъ управленіи. Великій князь Казимиръ Ягеллоновичъ въ своихъ привиллегіяхъ не дѣлалъ разницы между послѣдователями греческой церкви, признающими и непризнающими унію. Сынъ его Александръ, на котораго Иванъ Московскій пошелъ войною подъ благовиднымъ предлогомъ защиты

---

[1]) Miscell. rerum. Cojalow 46. — Obrona jednosci cerk 64.

вѣры, далъ привиллегію на свободное отправленіе богослуженія греческой вѣры и, также какъ отецъ его, не дѣлалъ и не сознавалъ различія между признававшими и отвергавшими единство восточной церкви съ западною. Безъ сомнѣнія, признавать его и не признавать было все равно въ то время.

При обоихъ Сигизмундахъ всѣ вѣроисповѣданія пользовались равенствомъ правъ и безусловною свободою. Защитники уніи, говоря объ этихъ двухъ царствованіяхъ, не въ силахъ уже никакъ натянуть и вести свою унію далѣе, и сознаются, что она исчезла.

Тогда въ Польшѣ, а особенно въ Литвѣ распространилось реформатство; оно годъ отъ году болѣе и болѣе угрожало ниспроверженіемъ католической религіи. И православные увлекались новизною и принимали новое ученіе. Въ Польшѣ нашло пріютъ и свободу ученіе, повсюду гонимое, отвергавшее троичность Божества и видѣвшее въ Іисусѣ Христѣ не Бога, а учителя и благодѣтеля человѣчества, избраннаго промысломъ возвѣстителя вѣчныхъ истинъ: его называли аріанствомъ. Эта секта завела школы въ Раковѣ, Киселинѣ и также грозила не только католичеству, но и православію. Аріанское сочиненіе Симона Буднаго было переведено по русски, и не только свѣтскіе, но и духовные хвалили его. Съ другой стороны, подобную ересь занесли въ литовскую Русь выходцы изъ московщины [1]), послѣдователи бродившихъ въ разныхъ формахъ остатковъ древняго новгородскаго и псковскаго вольнодумства. Правительство все терпѣло, ничему не мѣшало, ничего не преслѣдовало. Дворяне-католики, оставаясь вѣрны своей религіи, не поднимали голоса противъ свободы мышленія, потому что считали ее драгоцѣннѣйшимъ правомъ своего сословія. Самые католиче-

[1]) Antelenchus. 51.

скіе духовные не смѣли вопіять противъ общаго направленія и старались только объ удержаніи своихъ матеріальныхъ выгодъ. Для нѣкоторыхъ было все равно — хоть бы вся Рѣчь Посполитая отпала отъ католичества, лишь бы не отнимались имѣнія, приписанныя къ духовнымъ должностямъ. Такъ, по кончинѣ Сигизмунда Августа, Куявскій епископъ на конвокаціонномъ Сеймѣ предложилъ утвердить постановленіемъ полную свободу религіозныхъ мнѣній и равенство правъ послѣдователей какихъ бы то ни было толковъ; себѣ въ замѣнъ снисходительный іерархъ требовалъ укрѣпленія за духовенствомъ церковныхъ имуществъ. Предложеніе его было принято и многими духовными, и большинствомъ свѣтскихъ. 6 января 1573 г. послѣдовало постановленіе о свободѣ вѣроисповѣданій и равенствѣ правъ ихъ послѣдователей [1]). Это было сдѣлано для того, чтобы обязать будущихъ королей идти по слѣдамъ Ягеллоновъ. Новый король Генрихъ присягнулъ въ соблюденіи такого закона. Послѣ его бѣгства изъ Польши, въ слѣдующее затѣмъ безкоролевье, государственные чины повторили прежнее постановленіе, обязавшись клятвою за себя и за своихъ потомковъ хранить и защищать на вѣчныя времена свободу мысли и убѣжденій [2]). Стефанъ Баторій, протестантъ принявшій католичество, при вступленіи на престолъ, присягнулъ въ смыслѣ такого закона и обязался хранить его свято во все царствованіе. Въ 1589 году вступилъ на польско-литовскій престолъ Сигизмундъ-Ваза, католикъ, тѣмъ болѣе ревностный, что съ мыслію о протестанствѣ у него соединялись тяжелыя воспоминанія о семейныхъ несчастіяхъ и несправедливостяхъ, понесенныхъ отцомъ его. Но сдѣлаться польскимъ королемъ

---

[1]) Vol. Leg. 842.

[2]) Vol. Leg. 11.917. pro nobis et successoribus nostris in perpetuo sub vinculo juramenti fide, honore et concientiis nostris.

онъ не могъ иначе, какъ произнеся, подобно своему предшественнику, присягу сохранять свободу мысли и вѣры.

Польша гордилась и имѣла право гордиться, что нѣтъ въ мірѣ страны, гдѣ бы такъ цѣнилась свобода совѣсти, мысли, слова и дѣла. Но всегда почти бывало въ исторіи, что свобода, достигши высшей степени развитія, уничтоживъ всякія границы, губитъ себя, допуская такія стихіи, которыя, пользуясь слабыми сторонами общественнаго строя, берутъ верхъ надъ всѣмъ и потомъ господствуютъ уже насильно. Такъ вышло и въ Польшѣ. Безграничная свобода, которою такъ гордилось шляхетское сословіе, воспитала противъ себя въ своемъ нѣдрѣ враждебное свободѣ начало. Сигизмундъ-Августъ, по ходатайству кардинала Гозіуса, допустилъ ввести во владѣніяхъ Рѣчи Посполитой орденъ іезуитовъ. Король поступалъ послѣдовательно и справедливо. Принявъ за правило оказывать терпимость всякому толку, всякому религіозному товариществу въ государствѣ, нельзя было отказать въ законномъ покровительствѣ обществу, дѣйствовавшему въ пользу той церкви, которую исповѣдывалъ самъ король предъ лицомъ всего свѣта. Гозіусъ (иначе Гозенъ: онъ былъ нѣмецкаго происхожденія) былъ одинъ изъ ученѣйшихъ, способнѣйшихъ и дѣятельнѣйшихъ борцевъ за потрясенный свободою мысли древній авторитетъ вѣрованія и преданія. Онъ былъ епископомъ въ Пруссіи, боролся тамъ съ возраставшею реформаціею и, наконецъ, чтобъ остановить ея успѣхи, увидѣлъ единственное средство призвать іезуитовъ.

О степени его разборчивости въ средствахъ къ достиженію цѣли можно судить изъ того, что, по увѣренію его біографа Гресціуса, онъ совѣтовалъ королю Генриху Валуа не стѣсняться данною имъ присягою въ пользу разновѣрцевъ, представлялъ въ примѣръ Давида, которому не поставлено въ грѣхъ, когда онъ, неосторожно поклявшись, нарушилъ клятву: кардиналъ доказывалъ королю, что король именно

тѣмъ и согрѣшилъ, что далъ неосторожно присягу, какой не слѣдовало давать; и теперь, чтобъ загладить свое прегрѣшеніе, долженъ эту присягу нарушить, подобно Давиду. Сначала іезуиты вступили исключительно въ Пруссію, но въ 1564 г. вошли въ Великую Польшу, призва́нные туда познанскимъ епископомъ Конарскимъ и водворились въ Брунсбергѣ; потомъ, въ 1570 г., вошли въ Литву и явились въ Вильнѣ, вслѣдъ за тѣмъ при Стефанѣ Баторіи въ Полоцкѣ, а потомъ проникли и въ Южную Русь. Баторій оказывалъ имъ покровительство не съ цѣлію содѣйствовать ихъ задуше́вной мысли — истреблять все не католическое, а потому что считалъ ихъ способными къ воспитанію юношества. Іезуиты твердили, что ихъ единственная цѣль — распространеніе просвѣщенія. Они повсюду заводили школы и ничего не брали за ученье. Впрочемъ, при такой безсребренной раздачѣ умственныхъ даровъ, они не оставались въ накладѣ; они брали отъ родителей учившихся у нихъ дѣтей, въ видѣ подарковъ и приношеній, хлѣбъ, рыбу, овощи, медъ, полотно, су́кна, сосуды и проч. и получали, такимъ образомъ, столько, сколько бы имъ не могла дать опредѣленная плата за ученье, а между тѣмъ эта видимая безплатность ихъ школъ поддерживала доброе о нихъ мнѣніе въ народѣ. Они искусно подделывались къ духу господствующихъ понятій. Большинство уважало и любило ихъ, хотя проницательные люди очень скоро поняли настоящее ихъ направленіе и предвидѣли, что они принесутъ больше вреда, чѣмъ пользы. Цѣль ихъ была подчинить Рѣчь Посполитую власти апостольскаго престола въ церковномъ отношеніи и вывести изъ нея несогласныя съ католичествомъ ученія. Сначала, пока они еще не укрѣпились на польской почвѣ, чтобъ не подать на себя подозрѣнія, они, заманивъ дѣтей протестантовъ въ свои школы, выпускали ихъ протестантами, и увѣряли, что, заботясь единственно о просвѣщеніи, іезуиты не хотятъ обращать никого

въ католичество; но когда получили довольно силы, начали дѣло обращенія быстро, стараясь толковать такъ, какъ будто собственно не они виною обращенія, а ихъ ученики сами, получивши образованіе, узнавши истину, додумались, отреклись отъ заблужденій и возвратились къ лону истинной церкви. Но потомъ, сами іезуиты возбуждали въ обращенныхъ фанатизмъ и даже подстрекали къ насиліямъ. Также дѣйствовали они противъ православія и сначала приступили къ нему еще мягче, чѣмъ къ протестанству. Они не только не показывали неуваженія къ греческой церкви, напротивъ, доказывали, что обряды ея и догматы, установленные боговдохновенными мужами, святы и достойны уваженія, но для греческой церкви необходимо было бы вступить въ древнее единство съ римскою. Идея сама по себѣ не была противна православной церкви, которая постоянно проситъ Бога о соединеніи церквей. Ревностнѣйшіе православные не отвращались отъ мысли о такомъ соединеніи, тѣмъ болѣе, что видѣли въ немъ средство къ улучшенію церковнаго устройства и благолѣпія и къ просвѣщенію своего духовенства.

Князь Константинъ Острожскій, по своему вліянію, происхожденію, богатству, бывшій важнѣйшимъ лицомъ въ Южной Руси, раздѣлялъ эту мысль и дружелюбно толковалъ съ іезуитами о соединеніи церквей. Петръ Скарга, написавши свою книгу о единствѣ вѣры, посвятилъ ее Острожскому: по его свидѣтельству, дѣти этого православнаго вельможи—дочь Екатерина и сынъ Янушъ были уже въ царствованіе Стефана расположены къ латинству. Завлекая вообще церковь въ соединеніе съ латинствомъ, іезуиты старались, вмѣстѣ съ тѣмъ, пока духовенство не поддастся на ихъ уловки, отрывать отъ церкви ея послѣдователей поодиночно, и, такимъ образомъ, бросать рознь и смуту между русскими. Тотъ же Скарга, въ томъ же своемъ сочиненіи, даетъ такое нравоученіе свѣтскому человѣку грекорусской вѣры: «Если

сами духовные не хотятъ церковной любви — отступись отъ нихъ, ибо они сами отступились отъ папы; считай ихъ людьми иной вѣры, упрямцами, отщепенцами, вошедшими въ духовный санъ воровствомъ, мимо ключей св. Петра; у нихъ нѣтъ права отпускать грѣхи; отъ нихъ не получишь спасенія; если же тебѣ нравятся греческіе обряды, можешь ихъ соблюдать по буллѣ папы Александра VI, съ дозволенія твоего исповѣдника; безопаснѣе, однако, для тебя принять латинскіе обряды, исполненные большаго величія, сердечнаго и духовнаго благочестія.» Православному духовенству они представляли выгоды и всеобщее уваженіе, какими оно будетъ пользоваться наравнѣ съ католическими духовными, если соединится съ римскою церковью, изображали въ черныхъ краскахъ униженіе, въ какомъ, по ихъ толкованію, находилась православная церковь, признавая надъ собою верховную власть константинопольскаго патріарха, раба турецкаго султана, и, черезъ то самое, подчиняясь волѣ невѣрныхъ. Между тѣмъ, они внушеніями незамѣтно подготовляли людей, способныхъ занять важныя духовныя мѣста въ православной церкви, чтобъ потомъ посредствомъ ихъ достичь предположенной цѣли. Такъ вели свое дѣло іезуиты во времена Баторія. Но при этомъ королѣ невозможно было приступить къ какому нибудь явному, всеобщему насилію. Баторій ласкалъ іезуитовъ, но въ тоже время былъ очень далекъ отъ введенія уніи. Когда ему представляли выгоды соединенія русской вѣры съ католической для политической цѣлости и крѣпости Рѣчи Посполитой, — Баторій съ рѣдкимъ благоразуміемъ не поддался на эту ловушку и выразился такъ: «Мы хвалимъ Бога, что, прибывши въ польское королевство, нашли русскій народъ великій и могучій въ согласіи съ народами польскимъ и литовскимъ. У нихъ одинъ промыселъ, у нихъ одно равенство, они уважаютъ другъ друга. Между ними нѣтъ зачатковъ вражды. Въ римскихъ косте-

лахъ и грекорусскихъ церквахъ отправляется богослуженіе равно спокойно и безпрепятственно. Мы радуемся этому согласію и не считаемъ нужнымъ принуждать къ соединенію съ римской церковью русскую церковь. Мы не знаемъ, что изъ этого можетъ вытти и что выростетъ впослѣдствіи, но думаемъ и предвидимъ, что, вмѣсто единства и согласія, водворимъ раздоръ и вражду между Польшею и Русью, и поведемъ ихъ обѣихъ къ безпрерывнымъ несчастіямъ, къ упадку и окончательной погибели.»

Янъ Замойскій, заправлявшій при Стефанѣ всѣми дѣлами, говорилъ диссидентамъ: «я католикъ, и отдалъ бы половину жизни за то, чтобъ и вы были католики, но отдамъ всю свою жизнь за ваши права и свободу, еслибъ васъ стали насиловать и принуждать быть католиками.» Когда вступилъ на престолъ Сигизмундъ III, имъ было гораздо удобнѣе. Скарга сталъ его духовникомъ. Іезуитское внушеніе побуждало короля пріобрѣсть вѣнецъ безсмертія на небеси и вѣчную славу въ исторіи совершеніемъ спасительнаго подвига соединенія христіанъ во единое стадо. Іезуиты убѣждали политическихъ людей въ выгодности церковнаго соединенія для цѣлости государства, ибо тогда Русь, составляющая въ Рѣчи Посполитой особую народность, можетъ слиться съ Польшею, и уничтожится нравственно-духовная связь, соединяющая съ Московіею русскія области Рѣчи Посполитой, связь, которую уже тогда дальновидные люди находили опасною въ будущемъ для государственной прочности.

Плану іезуитовъ способствовали тогдашнія отношенія русской церкви къ константинопольскому патріарху. Отправляясь изъ Греціи въ Москву, тогдашній патріархъ Іеремія испросилъ у короля Сигизмунда III дозволенія употребить въ дѣло свое право судить и рядить по церковному управленію, и низложилъ кіевскаго митрополита Онисифора Дівочку, потому что онъ, до своего посвященія, находясь въ свѣт-

скомъ званіи, былъ женатъ на второй женѣ; а посвящать двоеженцевъ было противно церковнымъ правиламъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ его обвиняли въ крайнемъ нерадѣніи къ дѣламъ церкви. Вмѣсто него патріархъ, по желанію нѣкоторыхъ дворянъ, особенно Скумина-Тишкевича, посвятилъ въ санъ митрополита минскаго архимандрита Михаила Рагозу, креатуру іезуитовъ, тайно расположеннаго къ уніи, но искусно принимавшаго личину ревностнаго православнаго и даже простачка. Проницательному патріарху не совсѣмъ понравился этотъ новый митрополитъ, но онъ не сталъ противиться желанію дворянъ, просившихъ за него, и, посвящая его, сказалъ: «если онъ достоинъ, то пусть будетъ по вашему слову достоинъ, а если онъ недостоинъ, а вы его представляете за достойнаго, то сами знаете, а я чистъ [1]). Укоряя русское духовенство въ безпорядочной жизни и уклоненіяхъ отъ церковнаго благочинія, патріархъ грозилъ, по своемъ возвращеніи изъ Москвы, учинить розыскъ и сдѣлать тоже съ другими церковными сановниками, чтò онъ сдѣлалъ съ митрополитомъ Онисифоромъ, а пока, для примѣра, патріархъ лишилъ чина архимандрита супральскаго Тимофея Злобу, котораго обвиняли въ убійствѣ.

Іеремія ознаменовалъ проѣздъ свой черезъ Южную Русь утвержденіемъ львовскаго братства: это было явленіе новое и чрезвычайно важное. Мысли о братствахъ перешла къ русскимъ отъ западной церкви, гдѣ въ обычаѣ было составлять добровольныя корпораціи на религіозныхъ началахъ. Іезуиты особенно любили учреждать братства, которыхъ цѣль ограничивалась чтеніемъ извѣстныхъ молитвъ, соблюденіемъ такихъ или иныхъ правилъ благочестія и воздержанія; къ этому обязывали себя вступившіе въ братство, дававшіе при вступленіи извѣстный положенный вкладъ, а по-

[1]) Пересторога. А. З. Р. IV, 206.

томъ ежегодно жертвовавшіе въ общую кружку. Подобно тому завелись братства и въ православной церкви, но приняли здѣсь значеніе высокое. Львовское братство завелось при церкви Успенія Богородицы и монастырѣ св. Онуфрія въ 1586 г. по благословенію антіохійскаго патріарха Іоакима [2]). Членомъ этого общества могъ быть всякій православный, платящій ежегодно въ общую кружку шесть грошей. Изъ этихъ вкладовъ и изъ добровольныхъ пожертвованій образовалась сумма, которую употреблять слѣдовало на вспоможеніе тѣмъ изъ братій, которые пришли бы въ состояніе, требующее поддержки. Эти братья сходились въ опредѣленное время, выбирали каждогодно четырехъ начальниковъ всего братства, обязывались помогать другъ другу. Братство львовское, по волѣ благословившаго его учрежденіе патріарха антіохійскаго, присвоило себѣ надзоръ надъ благочиніемъ и порядкомъ всей русской церкви. Братья обязаны были всюду наблюдать и слѣдить за порядкомъ церковнаго, религіознаго и нравственнаго быта, все узнавать и обо всемъ доносить своему собранію. Живетъ ли не по закону священнослужитель или причетникъ — члены братства обличали его предъ епископомъ; но если братство находило, что и епископъ ведетъ себя не такъ, какъ слѣдуетъ, или поступаетъ несправедливо, то имѣло право обличать его, и, въ случаѣ неисправленія, не признавать его власти и противиться ему какъ врагу истины. Братство смотрѣло также за нравственностію міряиъ и особенно обязывало себя преслѣдовать волшебниковъ и чаровницъ и предавать ихъ епископскому суду. Епископъ не смѣлъ противиться постановленіямъ братства. Епископъ, послѣ призванія надъ нимъ св. Духа, былъ

---

[2]) Существуетъ мнѣніе, будто львовское братство основалось еще въ XV в., но это мнѣніе не подтверждается несомнѣнными свидѣтельствами, а если что и было подобное, то все-таки братство получило свое значеніе только въ концѣ XVI в.

безсиленъ передъ приговоромъ толпы, состоявшей, кромѣ духовныхъ и дворянъ, изъ мѣщанъ, пекарей, чеботарей, воскобойниковъ и другаго рода ремесленниковъ и торгашей. Это не могло нравиться епископамъ. Патріархъ Іеремія не только утвердилъ устройство, данное братству Іоакимомъ, но еще расширилъ права его. Онъ постановилъ, чтобы братство находилось внѣ всякой зависимости отъ мѣстнаго епископа или отъ какого-нибудь другаго іерарха, кромѣ патріарха константинопольскаго, и во Львовѣ далъ ему монополію воспитанія; тамъ не дозволялось быть иному православному училищу, кромѣ братскаго, гдѣ предположено учить дѣтей св. писанію, а также славянскому и греческому языку, если для этого найдутся учители. Частный человѣкъ могъ имѣть у себя учителя для своихъ дѣтей, но не долженъ былъ брать чужихъ дѣтей, а также никакому священнику въ своемъ домѣ не дозволялось учить болѣе одного или двухъ дѣтей. Вмѣстѣ съ тѣмъ братство получило право печатать священныя и церковныя книги и ученыя: грамматику, риторику, піитику и философію. Патріархъ не дозволилъ, однако, братству судить никого вмѣсто епископа, но это все-таки ставило епископа съ своимъ судомъ въ зависимость отъ братства, ибо надъ судомъ его братство имѣло надзоръ. Патріархъ поощрялъ заводить такія же братства повсюду, но оставилъ первенство за львовскимъ. Такимъ образомъ, заведено было троицкое братство въ Вильнѣ, а за нимъ и многія другія въ городахъ православнаго края.

Понятна цѣль, какую имѣлъ патріархъ. Такое общество, завися исключительно отъ власти патріарха, давало ему возможность знать все, что̀ происходитъ на Руси, и держать въ рукахъ всю русскую церковь. Какихъ бы довѣренныхъ лицъ ни поставилъ патріархъ на епископскихъ мѣстахъ, — живучи вдали, онъ всегда могъ опасаться, что эти лица увлекутся своими личными и мѣстными интересами въ ущербъ церкви,

тогда какъ разнородное общество, съ правомъ надзора надъ епископами, станетъ крѣпко держаться воли вдалекѣ пребывающаго патріарха, какъ ради независимости отъ ближайшихъ властей, такъ и потому что для братствъ не было иного пути проводить свои намѣренія и предположенія, какъ черезъ покровительство патріарха.

По возвращеніи изъ Московскаго государства, патріархъ остановился въ Замостьѣ. Патріархъ былъ человѣкъ ученый и умный; его знали въ Европѣ, и знаменитые профессора протестантской Европы съ уваженіемъ къ его сану входили съ нимъ въ состязаніе, пытаясь: нельзя ли отпадшимъ отъ западнаго католичества сойтись съ восточною церковью; ученый патріархъ указалъ существенныя различія, которыя не дозволяли православію сойтись съ протестанствомъ въ томъ видѣ, въ какомъ послѣднее остановилось, сбросивъ съ себя власть римскаго первосвященника. Неудивительно, что съ своей ученостью Іеремія зажился у Яна Замойскаго великаго гетмана и канцлера. Онъ понравился Замойскому, который, будучи тогдашнимъ государственнымъ человѣкомъ, обладалъ обширнымъ ученымъ образованіемъ. Живучи у Замойскаго, патріархъ поручилъ митрополиту созвать синодъ для слѣдствія надъ поведеніемъ духовныхъ лицъ, обличаемыхъ братствомъ. Митрополитъ медлилъ, проволакивалъ дѣло, боялся, чтобъ на этомъ синодѣ не было доносовъ и на него самаго. Владыки чувствовали за собой грѣхи и также просили митрополита не созывать собора. Говорятъ, что, по тайному приказанію луцкаго владыки, посланный патріархомъ къ митрополиту въ Вильно писарь митрополичій Григорій былъ ограбленъ въ пинскихъ лѣсахъ: у него взяли патріаршія письма, которыя, такимъ образомъ, не доходили до митрополита. Патріархъ жилъ въ Замостьѣ. Тутъ, не дожидаясь собора, явился къ нему львовскій епископъ Гедеонъ Балабанъ, обвиненный также братствомъ, и доносилъ въ свою очередь на

луцкаго епископа Кирилла Терлецкаго, что его въ народѣ обвиняютъ въ наѣздахъ, буйствѣ, развратѣ, дѣланіи фальшивой монеты. Гедеонъ вообще хотѣлъ настроить патріарха такъ, чтобъ послѣдній готовъ былъ обратить въ дурную сторону все, что услышитъ о луцкомъ владыкѣ; но патріархъ, вмѣсто того, чтобъ, въ свое время, воспользоваться извѣстіями, сообщенными Гедеономъ и получить предубѣжденіе противъ Кирилла, какъ хотѣлось Гедеону Балабану, потребовалъ къ себѣ Кирилла и свелъ его съ глазу на глазъ съ Гедеономъ. Тогда Гедеонъ не сталъ обвинять Кирилла, а увѣрялъ, что все, что говорятъ о немъ въ народѣ — клевета, восхвалялъ святую жизнь луцкаго епископа и въ присутствіи патріарха обращался съ нимъ по братски, дружелюбно. Патріархъ отпустилъ Кирилла милостиво. Гедеонъ, послѣ того, пользуясь тѣмъ, что патріархъ не умѣетъ читать и писать по русски и по польски, подсунулъ ему къ подписи бумагу, гдѣ заключалось обвиненіе на Кирилла. Патріархъ подписалъ, а потомъ, узнавъ что его обманули, составилъ Кириллу оправдательную грамоту, гдѣ повелѣвалось не вѣрить тому, что прежде написано было на Кирилла Терлецкаго, и что его обманули; въ знакъ своего особаго благоволенія, онъ нарекъ луцкаго епископа своимъ экзархомъ или намѣстникомъ на предстоящій соборъ, котораго онъ долго ждать не рѣшался. Само собою разумѣется, что это сдѣлано въ ущербъ достоинству митрополита. Соборъ подъ предсѣдательствомъ нареченнаго экзарха могъ судить всѣхъ владыкъ и самого митрополита. Кажется, патріархъ, замѣтивъ хитрость надъ собою, послѣдовалъ здѣсь извѣстному правилу: divide et impera и, кромѣ братства, зависѣвшаго отъ него, хотѣлъ еще имѣть въ рукахъ непосредственно одного изъ епископовъ, который бы, по особымъ личнымъ къ нему отношеніямъ, мимо офиціальнаго порядка, велъ съ нимъ сношенія о дѣлахъ церкви. Гедеона, на котораго возстало львовское

братство, патріархъ оставилъ подъ запрещеніемъ до покаянія. Тогда Гедеонъ отправился къ львовскому католическому епископу Соликовскому, кланялся ему, объяснялъ, что патріархъ притѣсняетъ владыкъ, желая съ нихъ что-нибудь сорвать, совѣтывался о средствахъ избавить русскую церковь отъ неволи, и тутъ же высказалъ мысль какъ бы хорошо было подчинить русскую церковь папѣ: она бы избавилась на будущее время отъ произвола константинопольскихъ іерарховъ.

Патріархъ уѣхалъ, не открывши собора. Отъѣзжая, онъ послалъ къ митрополиту своего епископа грека Діонисія и просилъ у митрополита 15.000 асиръ, что̀ составляло незначительную сумму въ 250 тал., за издержки на посвященіе. «Еслибъ твоя милость», говорилъ Діонисій митрополиту отъ лица патріарха, — «поѣхалъ самъ къ патріарху, то стало бы дороже. Патріархъ долженъ былъ содержаться на твоемъ хлѣбѣ и, потому, справедливо возвратить ему что̀ онъ издержалъ. У патріарха нѣтъ ни фольварокъ, ни селъ, ни маетностей.» Митрополитъ, — какъ выражается современное повѣствованіе [1]), разсудилъ, что уже теперь не нужно пастыря, когда онъ самъ сдѣлался пастыремъ, и отвѣчалъ, что онъ не обязанъ ничего давать. Русскіе духовные говорили, что патріархъ затѣвалъ розыски надъ поведеніемъ духовныхъ только для того, чтобъ имѣть возможность придираться и брать поборы. Находясь подъ властію Турціи, патріархи и вообще греческіе духовные были по неволѣ въ такомъ положеніи, что нуждались въ подаяніи, собираемомъ преимущественно въ независимыхъ православныхъ странахъ. «Мы были у нихъ такими овцами [2]) — говоритъ одинъ современникъ, которыхъ они только доили, да стригли, а не кормили.» Православный востокъ терялъ къ себѣ уваженіе по мѣрѣ того, какъ духов-

[1]) Пересторога. А. З. Р. IV. 262.

[2]) Obrona. Jedn. 72.

ные чины, носившіе званіе архимандритовъ, игуменовъ и даже епископовъ, блуждали по Литвѣ и Руси, собирали милостыню, выпрашивали себѣ у правительства и у знатныхъ вельможъ мѣста къ ущербу туземцевъ и часто затѣвали смуты и несогласія. Заведеніе братствъ, независимыхъ отъ епископовъ, русскіе іерархи считали для себя оскорбленіемъ и вообще униженіемъ духовныхъ властей. Между тѣмъ іезуиты указывали на все это русскимъ духовнымъ и доказывали, что присоединеніе къ римской церкви есть единственное средство избавиться отъ зависимости патріарху, рабу невѣрныхъ.

Время, когда происходили эти событія, было время перелома общественнаго жизненнаго строя. Польша тянула къ западу и стремилась впитать въ себя и переработать по своему образованность романскихъ и нѣмецкихъ народовъ. Русь тянула за Польшею. Русь почуяла недостатокъ своей старой жизни: жажда обновленія охватила ее — Русь хотѣла просвѣщенія. Въ ея положеніи, при соединеніи съ Польшею, для ней возможно было только такое просвѣщеніе, которое бы согласовалось съ привычками, обстановкою быта, нравами и предразсудками высшаго класса. Въ темной громадѣ народа не было и зародыша стремленія къ иному образу быта, къ инымъ понятіямъ, къ иному воспитанію. Общество дѣлилось на уроженыхъ и подлыхъ; между ними были подраздѣленія: какъ изъ уроженыхъ были такіе, которые стояли выше своихъ собратій привиллегированнаго сословія, такъ и изъ подлыхъ были подлѣйшіе и менѣе подлые. Просвѣщеніе стало потребностію только человѣка уроженаго, ибо только человѣкъ уроженый имѣлъ возможность расширить кругъ своей дѣятельности до знакомства съ болѣе образованнымъ міромъ понятій и дѣйствій; только человѣкъ уроженый, участвуя въ дѣлахъ политическихъ и общественныхъ, могъ ощутить необходимость знать и понимать болѣе, чѣмъ зналъ и понималъ

до тѣхъ поръ, и жить сообразно расширенному кругозору понятій. Безъ просвѣщенія, его происхожденіе стало терять свое достоинство; его гербы и грамоты могли сдѣлаться предметомъ смѣха; при всей его знатности, при всѣхъ его богатствахъ, онъ не могъ играть видной роли; ему нельзя было довѣрять чего нибудь значительнаго; онъ не могъ дать добраго совѣта въ общественномъ собраніи; его чуждались и въ дружескихъ бесѣдахъ, потому что онъ не умѣлъ ни держать себя, ни говорить съ образованными людьми. Польша была образованнѣе Руси, а Русь была соединена съ Польшею: естественно было Руси стремиться къ равной образованности съ Польшею, и вотъ Польша скоро охватила Русь своимъ вліяніемъ нравственнымъ и умственнымъ. Польша побѣждала Русь своей цивилизаціей. Короли Ягелловой крови, будучи чужеродцами въ Польшѣ, подчинились перевѣсу послѣдней. Еще Сигизмундъ 1, по свидѣтельству стариковъ, съ умиленіемъ вспоминавшихъ о немъ чрезъ долгія времена послѣ его смерти, вѣренъ былъ литовско-русскому происхожденію своихъ предковъ, нѣмцевъ не терпѣлъ какъ собакъ, ляховъ не любилъ за ихъ хитрости, но любилъ за то сердечно Русь и Литву. Не такого отзыва заслужилъ отъ тѣхъ же стариковъ сынъ его Сигизмундъ-Августъ. «Его»—говорили они—«и между добрыми людьми считать не нужно. Онъ полюбилъ нѣмечину болѣе насъ; что̀ наши старые короли собрали, то новые — и онъ первый между ними — нѣмцамъ раздали!» Недовольные присоединеніемъ южно-русскихъ земель къ Коронѣ, ревнители старины говорили о Сигизмундѣ-Августѣ: онъ погубилъ Волынь и Подлясье, называя самъ себя ляхомъ [1]). Что возбуждало въ старикахъ XVI вѣка недобрые отзывы о Сигизмундѣ-Августѣ, то составляло общія черты дѣтей и внуковъ этихъ стариковъ. Русское дворян-

---

[1]) Изъ рѣчи Мелешки, произн. на сеймѣ (по рукоп.).

ство изъ потребности просвѣщенія стало изо всѣхъ силъ стараться быть похожимъ на польское и вмѣстѣ съ нимъ, въ извѣстныхъ, однако, отношеніяхъ, на нѣмцевъ, т. е. вообще на западныхъ европейцевъ. Поляки почуяли, что для нихъ въ Руси настаетъ время играть роль цивилизаторовъ и толпами стремились въ страну, гостепріимную для нихъ на столько, на сколько Польша была гостепріимною для западныхъ европейцевъ. Можно сказать, что если поляки, при вліяніи на нихъ западной Европы, не подпадали, однако, этому вліянію до раболѣпства, то этому помогла, кромѣ свободнаго образа правленія, связь съ Русью: здѣсь поляки считали себя выше другихъ, а въ народѣ болѣе всего поддерживаетъ національность возможность оказывать вліяніе на другую народность, коль скоро войдетъ въ сознаніе мысль, что эта другая ниже своей по развитію. Ляхъ для русскаго сталъ существомъ высшимъ, да и ляхъ началъ считать себя такимъ. Богатые паны — литовскіе и русскіе — завели у себя во дворахъ притоны для пришедшихъ ляховъ — цивилизаторовъ; одни служили у нихъ въ качествѣ *дворянъ* или оршака, другіе въ низшемъ качествѣ слугъ или *барвы*. Но слуга ляхъ далеко былъ не то, что слуга русинъ или литвинъ. «Давай ему» — говоритъ преверженецъ старины [1]) — «фалендышевую сукню, корми его жирно и не спрашивай съ него никакой службы, только и дѣла у него, что убравшись пестрò, на высокихъ каблучкахъ скачетъ около дѣвокъ, да трубитъ въ большой кубокъ съ виномъ. Панъ за столъ, а слуга себѣ за столъ; панъ за борщъ, а слуга за толстый кусокъ мяса; панъ за бутылку, а слуга за другую, а коли плохо ее держитъ, то изъ рукъ вырветъ. А когда панъ изъ дома, то, гляди, и къ женѣ приласкается». Въ домашней жизни, въ пріемахъ обращенія, въ нравахъ, все, составлявшее признаки русской ста-

---

[1]) Мелешко.

рины, становилось, по современнымъ тогдашнимъ понятіямъ, признаками грубости и невѣжества; все польское и западное служило вывѣскою образованности и хорошаго обращенія. Старинныя русскія однорядки и корзны показались безобразными и неудобными; ихъ стали замѣнять вычурные наряды, заимствованные поляками изъ Германіи, Венгріи, Испаніи и Италіи, подъ названіями цугъ, кабатовъ, страдетокъ, делій, китлей и проч., нарядовъ, до чрезвычайности разнообразныхъ по вкусу и прихоти каждаго, то длинныхъ до земли, то короткихъ немного ниже пояса, то совсѣмъ безъ воротниковъ, то съ такими огромными воротниками, что трудно было разобрать: воротникъ пришитъ къ платью, или платье къ воротнику, — нарядовъ со множествомъ разновидныхъ строчекъ и пуговокъ, вышивокъ, нашивокъ, кистей, бахрамы, лентъ, плетеницъ, снурковъ... кто гдѣ что подмѣтилъ, тотъ и наряжалъ себя такъ. У всѣхъ народовъ были національныя одежды — говоритъ современникъ [1]) — только у поляковъ ихъ не стало, и кто-то, рисуя народные уборы, не нашелъ ничего умѣстнѣе для польскаго убора какъ нарисовать поляка съ кускомъ ткани. Это разнообразіе нарядовъ, поражавшее всякаго, кто посѣщалъ Рѣчь Посполитую въ XVI вѣкѣ, какъ нельзя болѣе соотвѣтствовало внутреннему строю польскихъ понятій, вѣрованій, воспитанія и нравовъ. Трудно было сказать въ то время—какая господствующая вѣра въ Польшѣ, потому что тамъ терпимы были и развивались всевозможнѣйшія ученія и толки; трудно было произнесть приговоръ о степени образованности этой страны, ибо тамъ можно было встрѣчать образцы самой обширной учености и самаго полудикаго невѣжества, самой мягкой кротости и человѣколюбія и самаго рѣзкаго варварства, самыхъ высокихъ понятій о свободѣ и правахъ человѣческой личности и самаго грубаго

---

1) Rey. Żyw. Poczc. czlow.

самовластія; — самаго раболѣпнаго подражанія иноземщинѣ и самой гордой и сознательной поддержки своесторонщины. Наружность всегда бываетъ выраженіемъ того, что внутри, и польская одежда справедливо была вывѣскою внутренней жизни края. Эта-то пестрота замѣнила въ Руси тогда однообразіе и простоту древней русской одежды. Напрасно добрые старички увѣряли, что старые наряды и покойнѣе и красивѣе новыхъ; ихъ длинные балахоны, ихъ дикорастущіе волосы и бороды на смѣхъ подымали щеголи съ подбритыми головами и съ искусно подстриженными бородками и испаньелками, и старички сами остерегались являться въ обществѣ въ прадѣдовскомъ видѣ; они наряжались только по желанію у себя дома, называли это: *убраться по домовому* и утѣшались тѣмъ, что если молодежъ смѣется надъ стариною, то, по крайней мѣрѣ, ихъ добрыя старухи жены натѣшиться и насмотрѣться не могутъ, когда они надѣнутъ одежду, напоминающую имъ времена молодости. Непристойными для дворянскаго званія стали казаться старинныя помѣщенія русскихъ пановъ: то̀ были деревянные домы, покрытые дубовою гонтою, съ огромными сѣнями по срединѣ и съ свѣтлицами по обѣ стороны сѣней, гдѣ по бѣлымъ стѣнамъ не было другихъ украшеній, кромѣ образовъ, гдѣ стояла зеленая поливаная печь, и не было иной мебели, кромѣ лавокъ вокругъ стѣнъ и простыхъ некрашенныхъ столовъ, покрытыхъ цвѣтными коврами. Старики любили жить просторно, но просто; у инаго было на дворѣ нѣсколько небольшихъ домиковъ, но всѣ они блистали только опрятностію, а не богатствами. И вотъ стали возвышаться пышные па̀лацы, построенные и убранные во всевозможнѣйшихъ вкусахъ Европы. Уже не довольствовались русскіе дворяне угощать своихъ гостей борщемъ да кашами. У нихъ на пирахъ появились вычурныя выдѣлки львовъ, слоновъ, людей, деревьевъ, приготовленныя со всею хитростію западно-европейской

поварни, чрезвычайно пестрыя, раскрашенныя, раззолоченныя и нездоровыя, тѣмъ болѣе, что, по замѣчанію современника [1]), что готовилось въ пятницу, то подавалось на столъ въ воскресенье. Завѣтныя наливки на туземныхъ ягодахъ и прадѣдовскіе меды уступили мѣсто венгерскимъ и испанскимъ винамъ. Для панскихъ выѣздовъ начали служить роскошныя мудреныя коляски, лектики, брошки съ богатыми цвѣтистыми коврами, съ вышитыми бархатными подушками. Женщины, какъ всегда бываетъ въ такія времена, съ увлеченіемъ кидались на новизну, оставляли простымъ мѣщанкамъ донашивать неуклюжіе русскіе лѣтники и опашни и стали прельщать сердца италіянскими и испанскими биретами, ѳеретами, ѳалбанами, ѳордыгалами; по западному обычаю знатныя русскія пани стали ходить съ длинными хвостами, которые несли за ними мальчики. Сначала это возбуждало смѣхъ, но потомъ помирились и съ этимъ русскіе, объясняя себѣ, что того требуютъ хорошій тонъ и образованность. Женщины стали падки къ ляхамъ-цивилизаторамъ и не одинъ мужъ поплатился семейнымъ счастіемъ этимъ просвѣтителямъ земли своей.

Вся эта наружная пестрота была, какъ мы сказали, вывѣскою внутренняго переворота. Дворянская Русь чувствовала потребность воспитанія. Чтобъ получить образованіе, нужно было или отдать дѣтей въ польское заведеніе, или держать въ домѣ учителей изъ поляковъ и иностранцевъ. Въ обоихъ случаяхъ молодой русинъ воспитывался въ ущербъ своей народности. Всё, что составляло кругъ образованности: понятія о гражданственности, о правѣ, о литературѣ, о наукѣ, все принималось и все становилось въ противорѣчіе съ русскимъ житьемъ-бытьемъ. Языкъ южно-русскій подвергся сильному вліянію польскаго и ему грозила впереди

---

[1]) Rey. Żyw. poczc. czł.

неминуемая гибель, ибо уже въ концѣ XVI вѣка самые ревностные русскіе говорили и писали по польски больше и охотнѣе, чѣмъ на своемъ языкѣ. Этому способствовали браки; гдѣ только входила полька въ русскій домъ, за нею входилъ въ семью и получалъ господство польскій языкъ. Тогда былъ обычай у поляковъ: по окончаніи ученія въ отечествѣ ѣздить для высшаго образованія на нѣсколько лѣтъ за границу, слушать курсы въ заграничныхъ университетахъ и присматриваться къ быту образованныхъ народовъ. Это сдѣлалось до того всеобщимъ обычаемъ, что не было въ Польшѣ почти никого, кто бы принадлежалъ по рожденію къ знатному и богатому дому и не посѣщалъ въ молодости разныхъ европейскихъ государствъ, преимущественно Италіи и Франціи. Нѣмцевъ (германцевъ) вообще не любили поляки, сохраняя къ нимъ общую славянскому племени вражду, и съ отвращеніемъ отвергали все, что считали нѣмецкой выдумкою [1]). Русскіе паны послѣдовали тому же примѣру, но разница была та, что поляки, съ запасомъ разносторонняго, по тогдашнему времени, образованія, возвращались домой часто болѣе поляками, чѣмъ были бы тогда, когда переняли бы иноземщину отъ посѣщавшихъ ихъ край чужестранцевъ; для русскихъ же такія путешествія были дальнѣйшимъ средствомъ къ утратѣ своей народности, потому что они, первоначально воспитанные по-польски, отправлялись за границу уже не русскими, а поляками.

Воспитываемые иностранцами, получивъ просвѣщеніе не въ своесторонной формѣ, русскіе привыкли скоро видѣть во всемъ, что составляло сущность ихъ старой умственной жизни, противоположность просвѣщенію. Покинуты были родные обычаи, русскій образъ домашней жизни; измѣнялся и забывался родной языкъ. Оставалась, за тѣмъ, своя русская православная вѣра. По стеченію обстоятельствъ, и она

[1]) Piasecki chr. 40.

не сильна была устоять противъ роковаго напора чужой цивилизаціи, ломавшей все русское, особенно если на нее покусится какая нибудь изъ западныхъ вѣръ — будь это католичество или протестантство. Въ тѣ времена новые языки еще не получили господства въ наукѣ. Еще существовало вездѣ понятіе, что наука должа быть излагаема на языкѣ отжившемъ, языкѣ съ неизмѣняемыми формами и, притомъ, на языкѣ общемъ для ученыхъ всѣхъ странъ, какимъ былъ латинскій, а не на живыхъ нарѣчіяхъ, унижаемыхъ вульгарною рѣчью черни, извѣстныхъ только въ одномъ какомъ нибудь краѣ. Православная Русь, въ сущности, и прежде держалась того же начала: все, что имѣло въ ней признакъ умственнаго труда и мысли, выражалось не на обычномъ вседневномъ, а на богослужебномъ ученомъ языкѣ славянскомъ. Это былъ для ней языкъ учености, умственнаго труда. Когда Русь столкнулась лицомъ къ лицу съ европейской западной образованностью, и ученый языкъ Руси — славяно-церковный языкъ, — столкнулся съ языкомъ науки на западѣ, съ латинскимъ, то латинскій языкъ, съ его богатою письменностью, съ роскошными воспоминаніями антическаго міра, оказался слишкомъ великимъ предъ языкомъ славянскимъ. Латинь поражала своимъ величіемъ, уничтожала въ прахъ бѣдное славянство своимъ видимымъ превосходствомъ. Ученые презрительно улыбались, когда имъ заикались о литературѣ славянскаго языка; іезуитъ Скарга громилъ его, называлъ источникомъ и причиною темноты и невѣжества русскаго. «Еще не было» — говоритъ онъ въ своемъ сочиненіи [1]) — «на свѣтѣ академіи, гдѣ бы философія, богословіе, логика и другія свободныя науки преподавались по славянски. Съ такимъ языкомъ нельзя сдѣлаться ученымъ. Да и что это за языкъ, когда теперь никто не понимаетъ и не ра-

---

[1]) O Jedności wiary.

зумѣетъ писаннаго на немъ? На немъ нѣтъ ни граматики, ни риторики, и быть не можетъ. Попы русскіе на немъ отправляютъ богослуженіе, а сами не въ силахъ объяснить, что̀ они въ церкви читаютъ, и даже принуждены бываютъ у другихъ спрашивать объясненій по польски. У нихъ съ славянскимъ языкомъ и вся наука въ томъ, чтобы выучиться читать кое-какъ: въ этомъ ихъ все духовное совершенство. Вотъ откуда и невѣжество и заблужденія; съ этимъ языкомъ выходитъ, что слѣпой слѣпаго ведетъ».

Славянскій языкъ съ своими архаизмами дѣлался предметомъ смѣха и для самихъ русскихъ. И православные ревнители не могли въ защиту его сказать ничего такого, что примиряло бы съ нимъ возникшую потребность научнаго просвѣщенія. «По діавольскому навожденію», говоритъ одинъ монахъ того времени [1]: — «славянскій языкъ *обмерзѣлъ* многимъ: его не любятъ и хулятъ; но онъ есть плодоноснѣйшій и любимѣйшій Богомъ языкъ человѣческій именно за то, что нѣтъ на немъ ни граматики, ни риторики, ни діалектики, ни прочихъ коварствъ діавольскаго тщеславія: этотъ языкъ приводитъ къ Богу простымъ прилежнымъ чтеніемъ безо всякихъ ухищреній: онъ созидаетъ въ насъ простоту и смиреніе». Западное просвѣщеніе щеголяло тогда изобиліемъ умственнаго развитія и смѣялось надъ скудостію славянства, а православіе не запиралось въ этомъ, но въ свою очередь указывало на литературу и науку, какъ на грѣховное дѣло. «Соблюдайте» — говоритъ тотъ же монахъ — «соблюдайте вашихъ дѣтей отъ яда. Истинно вамъ говорю: кто съ духомъ любви прильнетъ къ этимъ поганымъ мечтательнымъ догматамъ, тотъ навѣрное погрѣшитъ въ вѣрѣ и отпадетъ отъ благочестія; что̀ съ вами и дѣлается, какъ только

---

[1]) Іоаннъ изъ Вишни. (Рукопись Имп. Библ. напечатанная въ актахъ южн. и зап. Росс. т. II.)

вы начали лакомиться на латинскую мерзкую прелесть. Не лучше ли тебѣ изучить часословецъ, псалтырь, октоихъ, апостолъ, евангеліе и другія церковныя книги и быть простымъ богоугодникомъ и пріобрѣсть вѣчную жизнь, чѣмъ постигнуть Аристотеля, Платона и прослыть въ сей жизни мудрымъ философомъ, а потомъ отойти въ геену? Разсуди самъ: лучше ни аза не знать да къ Христу достигнуть, а Христосъ любитъ блаженную простоту и въ ней обитель себѣ творитъ и упокоевается». Если православные духовные, увлекаясь требованіями вѣка, обращались къ западной наукѣ, — тотчасъ встрѣчали обличеніе сторонниковъ старины: «вотъ» — вопіяли они — «вмѣсто евангельской проповѣди и апостольской науки водворяются поганые учители: Аристотели да Платоны и другіе подобные имъ машкарники и комедійники».

Эта черта тогдашнихъ понятій показываетъ, что русская національность, съ ея главнѣйшимъ признакомъ православіемъ, направлялась въ противорѣчіе съ требованіями вѣка. Наука западная все еще вращалась около богословія; то были времена борьбы и господства то тѣхъ, то другихъ вѣроисповѣдныхъ понятій. Люди мыслящіе дѣлились по вѣроучительнымъ толкамъ; они назывались: католики, лютеране, кальвины, аріане; по этимъ названіямъ судили: каковы должны быть ихъ убѣжденія и поступки во всѣхъ отрасляхъ человѣческаго знанія и человѣческой умственной и нравственной дѣятельности. Всякая наука становилась тогда подъ какое-нибудь вѣроисповѣдное знамя. Православіе не могло распустить никакого знамени. Просвѣщеніе тогда было панское; только человѣкъ высшаго происхожденія считалъ за собою право чувствовать потребность быть образованнымъ; образованность соединялась съ блескомъ, роскошью, богатствомъ, со всѣмъ тѣмъ, чѣмъ могъ выказаться панъ. Западная нравственность не была строга къ мірскимъ

сладостямъ, какъ нравственность восточная; церковь западная гордилась признаками земной власти, силы и величія. «Вотъ» — говорили латинники» — посмотрите на насъ: еслибъ наша церковь не была истинная, мы бы не были такъ многочисленны и св. отецъ не обладалъ бы такою силою; могучіе цари и великіе народы покоряются волѣ папы. Богатства стекаются къ тѣмъ, которые исповѣдуютъ нашу вѣру». Католическая Испанія изумляла тогда міръ неисчерпаемыми сокровищами и неизмѣримыми землями Новаго Свѣта. Расширеніе ея владѣній было расширеніемъ католической вѣры. Успѣхи обращенія туземцевъ Америки представлялись Европѣ въ исполинскихъ образахъ. Потери, которыя понесло католичество отъ протестанства въ Европѣ, казались ничтожными въ сравненіи съ тѣмъ, что̀ оно пріобрѣтало въ Америкѣ и въ Азіи. Эти успѣхи, это земное могущество служили католичеству свидѣтельствомъ благодати, почивающей на западной церкви. При такомъ воззрѣніи, понятно, что католичество вполнѣ уживалось со всѣми признаками панства, величія и господства. Если протестанство не могло гордиться такими побѣдами, то, по духу своей догматики, еще болѣе льстило земному благоденствію человѣка. Протестанство разрѣшало человѣчество отъ тѣхъ узъ воздержанія, поста, духовнаго труда, молитвы, усмиренія разума, которыя католичество только ослабило по снисхожденію, но не дозволяло отрѣшиться отъ нихъ вовсе. Какъ ни были разнообразны виды протестанства, они были согласны между собою только въ томъ, что тянули къ землѣ... одна восточная церковь оставалась путемъ къ неземному; она не величалась ни многознаніемъ и педантствомъ протестантства, ни земнымъ могуществомъ, какъ римская церковь; это была церковь смиренія, молчанія, духовнаго уничиженія, блаженнаго нищедушія. Монашество православное на Руси не походило на западное. Уже по своей одеждѣ, похожей на мѣшокъ, русскій

монахъ казался пугаломъ; его клобукъ, его длинные волосы, нерасчесанная борода черезъ чуръ дѣлали его не похожимъ на польскаго ксендза съ выбритымъ подбородкомъ, опрятно и щегольски одѣтаго въ красивый сутанъ. Наружный видъ послѣдняго болѣе сходился съ видомъ тогдашнихъ свѣтскихъ щеголей въ красивыхъ магиркахъ съ перьями. Невытертыя, намазанныя дегтемъ чеботища русскаго духовнаго лица стучали черезъ чуръ рѣзко для ушей тѣхъ, которые привыкли ходить въ шелковыхъ башмакахъ на тоненькихъ подошвахъ съ высокими звонкими подковками. Но еще болѣе отвращалъ свѣтскихъ уровень образованія тогдашняго русскаго монаха или попа. «Русскій духовный» — говорили они — «тотъ же хлопъ; не умѣетъ держать себя въ хорошемъ обществѣ; и поговорить съ нимъ не о чемъ!» За то православный монахъ раздражался противъ мірской прелести, когда свѣтскіе люди смѣялись надъ его невытертыми черевиками и чеботищами. Онъ въ свою очередь говорилъ: «Я на своемъ чеботищѣ твердо стою, а ты, кривоногій башмачникъ, на своихъ тоненькихъ подошвахъ переваливаешься съ бока въ бокъ, а особенно когда передъ паномъ стоишь: оттого, что у тебя въ носкахъ, загнутыхъ къ верху, бѣсъ сидитъ. Инокъ съ тобой не умѣетъ бесѣдовать, потому что не о чемъ: ты добродѣтели учился у прелестницы, благочестію навыкалъ у шинкарки; что ты слышать могъ умнаго отъ дудки и отъ скрипки? Съ кѣмъ ты могъ вести разговоры о духѣ и о духовныхъ предметахъ? съ трубачемъ, сурмачемъ, пищальникомъ, шамайникомъ, органистомъ, регалистомъ, инструменталистомъ или бубенистомъ? Кто тебя училъ богословію? охотники — собачьи пастухи, или скакуны, или повара да пирожники [1])?

Правда, большая часть духовныхъ и черныхъ и бѣлыхъ не отличалась на дѣлѣ тою постническою строгостью, какую

[1]) Іоаннъ изъ Вишни.

одобряли по книгамъ. Монахи, какъ люди, поддавались искушеніямъ — къ соблазну свѣтскихъ, которые, подмѣчая что нибудь хоть малое, не пропускали случая разсказать подмѣченное возможною чернотою. «Монахи корыстолюбцы» — вопіяли свѣтскіе [1]), «они даютъ намъ взаймы деньги и берутъ большой ростъ. Они намъ про постъ твердятъ; а сами въ монастыряхъ учреждаютъ пиры и попойки и напиваются до упаду, а иные по корчмамъ шатаются».

— Что же — отвѣчали имъ иноки — бываетъ и съ нами грѣхъ; случаются и пиры и пьянство; да за то не бываетъ у насъ проклятой музыки; притомъ если инокъ когда нибудь напьется, то не разбираетъ и не привередничаетъ, горькое или сладкое попадется ему, пиво ли медъ... все равно лишь бы хмѣльно и весело было, а бываетъ это развѣ въ большіе праздники, за то въ посты проживаютъ очень воздержно, вкушаютъ капусту и рѣдьку, пищу покаянія достойную, а у васъ — что среда — то *рожество* вашему чреву, что пятница, — то *великъ день*, веселіе, празднованіе жидовское совершаете. По старосвѣтски собравшись въ бесѣду, поѣсть, попить, повеселиться — это еще половина грѣха: дѣдовская простота соблюдается; человѣкъ не пристращается къ земному; — а вотъ какъ выдумывать способы веселья и насыщенія — вотъ первый грѣхъ. — Или не знаешь — говоритъ православный хранитель старины свѣтскому любителю роскоши — въ твоихъ сѣрыхъ, красныхъ, бѣлыхъ поливкахъ и юшкахъ, въ твоихъ дорогихъ венгерскихъ винахъ, аликантахъ, мушкателяхъ, малвазіяхъ, ревулахъ, медахъ, пивахъ разнородныхъ — конецъ благочестію и погибель душѣ. — Ревнители православія въ то время соболѣзновали о состояніи церкви, сознавали недостаточность ея управленія и не находили возможности обновить ее вліяніемъ востока.

---

[1]) Іоаннъ изъ Вишни.

Между тѣмъ высшіе духовные сановники русской церкви, находясь въ странѣ, соединенной политически съ католическою страною, принимали такія черты, которыя были обычны въ средневѣковой исторіи западной церкви, но чужды и соблазнительны для православія. Происходя изъ дворянскихъ фамилій, они не отличались смиреніемъ и простотою древнихъ русскихъ пастырей и сохраняли подъ архіерейскою одеждою мірскія привычки. Вмѣсто того, чтобы, сообразно православнымъ обычаямъ, проходить въ монастырѣ долговременную школу воздержанія и поста, они получали мѣста не по испытаніи, а по связямъ и покровительству сильныхъ, часто, посредствомъ подкупа, расположивъ къ себѣ королевскихъ придворныхъ. По правиламъ святыхъ отецъ, епископы, при избраніи, должны были представлять свидѣтельство о своей достойности. «А за васъ кто свидѣтельствовалъ?» восклицаетъ современный обличитель [1]: — «Свидѣтельствовали о васъ румяные червонцы да бѣлые большіе талеры, да полуталеры, да орты, да четвертаки, да потройники, что вы давали знатнѣйшимъ секретарямъ и референдаріямъ, льстецамъ и тайнымъ шутамъ его королевскаго величества, и они свидѣтельствовали, что вы достойны панствовать и своевольствовать надъ имѣніями и селами, принадлежащими къ епископскимъ мѣстамъ... Завернете въ бумажки червончики; тому въ руку сунете, другому сунете;... мѣшечки съ талерами тому, другому, третьему... кому поважнѣе;... а писари не гнушаются и потройниками, да грошами, — берутъ и дерутъ: вотъ ваши ходатаи!» Архіереи вступали въ духовное званіе только для приличія и тотчасъ же производились въ званіе іерарховъ, управляли церковными имѣніями со всѣми правами и проявленіями свѣтскаго суда и свѣтскаго произвола; подобно старостамъ, держали у себя толпы слугъ и вооруженные отряды, и не рѣдко дѣлали на сосѣдей наѣзды,

[1]) Іоаннъ изъ Вишни.

по обычаю свѣтскихъ владѣтелей, которые, въ случаѣ ссоръ, дозволяли себѣ самоуправства. Нравственность ихъ не внушала уваженія. Поступки Гедеона Балабана, приведенные выше, даютъ о немъ невыгодное мнѣніе; впослѣдствіи, онъ выказался полнѣе. Кириллъ Терлецкій не пользовался въ свое время доброю славою. До насъ дошло [1]) нѣсколько жалобъ, обвиняющихъ его въ отвратительныхъ преступленіяхъ напр. въ изнасилованіи проѣзжавшей черезъ его имѣніе дѣвушки; сосѣдніе съ его церковными имѣніями владѣльцы во владимирскомъ повѣтѣ жаловались на его буйство. Семейство Сышевскихъ жаловалось, будто Кириллъ, съ толпою человѣкъ до двухъ сотъ вооруженныхъ гаковницами, полгаками, ручницами и сагайдаками, да съ крестьянами своими взятыми отъ плуга, напалъ и захватилъ чужую землю. Другой сосѣдъ Янъ Жоравицкій, въ своей просьбѣ, поданной на епископа въ судъ, разсказываетъ, что велебный отецъ напалъ на него съ своей дворовою челядью, состоящею изъ угровъ, сербовъ, волоховъ, съ пушками, ружьями и сѣкирами. Правда, ни по одной жалобѣ не обвинили Терлецкаго, а одинъ священникъ, подававшій на него жалобу, впослѣдствіи сознался, что епископъ поступилъ съ нимъ хотя сурово, но справедливо по винѣ его, однако, возможность многихъ подобнаго рода жалобъ на духовнаго сановника показываетъ, что епископъ не отличался такими достоинствами, которыя, по духу православной церкви, ставили пастырей выше земныхъ страстей. Хотя Кириллъ и остался правъ предъ польскимъ судомъ, но это его не освобождаетъ отъ подозрѣній по суду исторіи, потому что польскіе суды не отличались строгимъ безпристрастіемъ, коль скоро касались споровъ сильныхъ со слабыми. Сами современные поляки это рѣзко высказывали. Пусть — говоритъ Рей [2]) — придутъ въ судъ одинъ въ барань-

[1]) См. Архивъ Югоз. Росс. I. 223 — 239. 394. 426.

[2]) Żyw. poczc. człow.

емъ тулупѣ, другой въ лисьей, третій въ собольей шубѣ; лисица всегда получаетъ первенство надъ бараномъ, а соболь надъ лисицей. — Православные недруги Кирилла обвиняли его въ тайныхъ убійствахъ. «Пощупай только свою лысую головку, папе ксёнже бискупе Луцкій» — говоритъ въ своемъ обличительномъ посланіи къ тогдашнему духовенству Іоаннъ изъ Вишни: — «сколько ты отослалъ къ Богу живыхъ людей во время твоего священнодѣйства; тѣхъ сѣкирою, другихъ водотопленіемъ, а иныхъ изгналъ изъ сей жизни огнепальною смертью. Припомни и Филиппа маляра многоденежнаго; гдѣ дѣлись его румяные червонцы послѣ его невольнаго отхода изъ міра сего? Въ какой темницѣ сидятъ они?»

У владыкъ и архимандритовъ были дѣти, братья, племянники, которымъ они раздавали церковныя имѣнія, и вообще, владыки смотрѣли на свои епархіи и монастыри, какъ смотрѣли свѣтскіе люди на каштелянства и староства: считали ихъ для себя доходными статьями. Были примѣры, что знатные дворяне испрашивали себѣ у короля епископскія и игуменскія мѣста и оставались непосвященными много лѣтъ, пользуясь невозбранно церковнымъ хлѣбомъ, какъ тогда говорилось. «Правила святыхъ отецъ» — замѣчаетъ современникъ — «запрещаютъ принимать и посвящать въ іереи моложе тридцати лѣтъ отъ роду, а у насъ допускали иного пятнадцатилѣтняго. Всякій знаетъ, что̀ тогда случалось, когда у него молоко на губахъ не обсохло, а ужъ его пастыремъ величаютъ! Онъ еще по складамъ читать не можетъ, а ужъ его посылаютъ слово Божіе проповѣдывать; онъ своимъ домомъ не управлялъ, а ему церковный порядокъ поручаютъ!» Понятно, что при такихъ правителяхъ въ церкви повсемѣстно совершались безпорядки. Такъ, вмѣсто неразрывности брака, которую признаетъ православная церковь, нигдѣ не было такого множества разводовъ, какъ на Руси, и къ соблазну благочестивыхъ, часто можно было встрѣтить, что

у иного двѣ три живыхъ жены сошлись съ другими мужчинами, а самъ онъ живетъ съ четвертою женщиною. Уже давно укоренился въ православной церкви обычай, что архіереи посвящались изъ монашествующихъ лицъ; въ польскихъ владѣніяхъ этотъ обычай нарушался: холмскій епископъ Діонисій Збируйскій, пинскій Леонтій Пелчицкій жили съ женами, перемышльскаго епископа Михаила Копыстенскаго возвели въ епископскій санъ, когда у него была жена[1]) — говоритъ извѣтъ львовскаго братства на русскихъ архіереевъ, поданный въ 1591 году константинопольскому патріарху Іеремій. Вопреки церковнымъ правиламъ, священники были двоеженцы, а иногда вовсе не женились и жили съ наложницами[2]). Игумены монастырей открыто жили съ любовницами, не таясь, имѣли и воспитывали дѣтей, и у нихъ въ монастыряхъ чаще можно было встрѣтить пьянство и шумныя оргія, чѣмъ подвижничество.

Роскошное житье, которое себѣ дозволяли духовные по своему дворянскому происхожденію, заставляло ихъ извлекать побольше доходовъ изъ своихъ церковныхъ имѣній, а это вело къ утѣсненіямъ подданныхъ. Ваши милости — говоритъ тотъ же Іоаннъ изъ Вишни русскимъ архіереямъ, архимандритамъ и игуменамъ — отнимаете воловъ и лошадей изъ оборъ бѣдныхъ поселянъ, выдираете отъ нихъ денежныя дани, дани пота и труда, лупите ихъ, мучите, томите, гоните до комягъ [3]) и шкутъ [4]) зимою и лѣтомъ въ непогодное время, а сами, какъ идолы, сидите на одномъ мѣстѣ, а если и случится ваши идолотворенные трупы перенести съ одного мѣста на другое, то переносите ихъ въ колыскахъ, и во время дороги вамъ какъ дома, а бѣдные подданные день и ночь на васѣ трудятся и страдаютъ; высасывая изъ нихъ кровь, вы

[1]) А. Зап. Рос. IV. 45.
[2]) А. Зап. Рос. IV. 39.
[3]) Плоты.
[4]) Рѣчныя суда для перевозки хлѣба.

одѣваете фалендышами, утрофимами и каразіями своихъ приставниковъ и слугъ, любуетесь ихъ уборомъ, а у бѣдныхъ подданныхъ и сермяжки порядочной нѣтъ, чѣмъ бы прикрыть наготу свою.

Безпорядки въ церковномъ строѣ увеличивались отъ произвольнаго вмѣшательства свѣтскихъ лицъ. До чего доходило своевольство старостъ—можетъ служить образчикомъ вражда Кириллы Терлецкаго съ луцкимъ старостою. Поссорившись съ епископомъ, староста не пускалъ его служить въ соборную церковь, стоявшую въ замкѣ, въ великіе дни страстной субботу и пасхи, для потѣхи завелъ музыку въ церковныхъ притворахъ, а своевольные гайдуки его стрѣляли въ церковный куполъ.

Состояніе низшаго духовенства было плачевно. Владыки обращались съ ними грубо, облагали налогами въ свою пользу, наказывали тюремнымъ заключеніемъ и побоями, не давая никому отчета. Изъ монастырей, приписанныхъ къ архіерейскимъ каѳедрамъ, владыки подѣлали себѣ хутора и и содержали тамъ псарни. Духовные терпѣли отъ произвола старостъ и владѣльцевъ тѣхъ имѣній, гдѣ были ихъ приходы. Панъ заставляетъ приходскаго священника ѣхать съ подводами, беретъ въ услуженіе его сына, забавляется надъ нимъ и надъ его семьею, и, по произволу, угнетаетъ налогами на равнѣ съ своимъ хлопомъ. Въ особенности состояніе духовныхъ было подвержено лишеніямъ тамъ, гдѣ панъ былъ католикъ или протестантъ. Тамъ помѣщики облагали самое богослуженіе пошлинами; такъ священники должны были платить по 2 и по 4 (если онъ протопопъ) злотыхъ. Этого — говоритъ современникъ — не несли ни жидовскія синагоги, ни татарскія мечети. Иной русскій, обратившись въ протестанство, изъ фанатизма уничтожалъ церковь вовсе, а зданіе, гдѣ она находилась, обращали въ хлѣвъ. Православные, при своей холодности, не заступались за своихъ единовѣрцевъ.

Негдѣ было священникамъ пріобрѣтать воспитаніе, приличное ихъ званію; они оставались въ крайнемъ невѣжествѣ и не могло быть рѣчи о поученіи народа. До такого презрѣнія дошло званіе пресвитера — говоритъ православный писатель Захарія Копыстенскій — что честный человѣкъ стыдился вступать въ него, и трудно было сказать, гдѣ чаще бывалъ пресвитеръ: въ церкви или въ корчмѣ. Неудивительно, что даже самое богослуженіе отъ невѣдѣнія искажалось, такъ что не стало въ обрядахъ единообразія. Большею частью духовные не имѣли ровно ничего священнаго, кромѣ одежды во время богослуженія, да сноровки, кое-какъ съ грѣхомъ по поламъ, отслужить обѣдню, въ которой ничего не понимали, ибо славянскому языку имъ негдѣ было выучиться, и священникъ невольно еретическимъ образомъ объяснялъ непонятныя слова писанія. Одинъ изъ современниковъ выражается въ такихъ чертахъ о невѣжествѣ духовенства какъ высшаго, такъ и низшаго [1]): — Нѣкоторые изъ нашихъ пастырей разумнаго стада Христова едва достойны быть пастухами ословъ! Не пастыри они, а волки хищные, не вожди ихъ начальники, а львы голодные, пожирающіе овецъ своихъ. О несчастное стадо! какъ можетъ быть учителемъ такой пастырь, который самъ ничему не учился и не знаетъ, чѣмъ онъ обязанъ Богу и ближнему, когда онъ съ дѣтскихъ лѣтъ занимался не изученіемъ св. писанія, а несвойственными духовному званію занятіями: кто изъ корчмы, кто изъ панскаго двора, кто изъ войска, кто проводилъ время въ праздности, а когда не стало на что ѣсть и во что одѣться и нужда ему шею согнула, тогда онъ начинаетъ благовѣтствовать, а самъ не смыслитъ, что̀ такое благовѣтствованіе и какъ за него взяться. Церковь наша наполнена на духовныхъ мѣстахъ мальчишками, недоростками, грубіянами, на-

[1]) Lament cerkwi wschodniej. (Мелет. Смотр.).

халами, гуляками, обжорами, подлипалами, ненасытными сластолюбцами, святопродавцами, несправедливыми судьями, обманщиками, фарисеями, коварными іудами!

Мудрено ли, что, въ вѣкъ всеобщаго прозелитства, такіе ловкіе па діалектику проповѣдники, какими были іезуиты, не встрѣчали себѣ достойнаго отпора, а обращаемыхъ ими изъ православія некому было поддерживать въ отеческой вѣрѣ? «Изъ духовныхъ грекорусской вѣры» — говоритъ современникъ — «не нашлось бы десятка во всей Руси, чтобъ умѣли объяснить: что̀ такое таинство, чистилище, папская власть и пр., а когда владыки и игумены порывались показать свое просвѣщеніе, то возбуждали смѣхъ, когда какую нибудь просто народную польскую или русскую поговорку приписывали какому нибудь Солону или Пиѳагору.»

При такомъ состояніи духовенства, простой народъ только по имени былъ христіанскимъ; а были такіе, что безъ крещенія оставались во всю жизнь. Народъ жилъ своею старою жизнью, нераздѣльно отъ природы, безъ первоначальныхъ понятій о сущности христіанской религіи. Какъ предки его за восемьсотъ лѣтъ — этотъ народъ въ XVI вѣкѣ измѣрялъ время года и свою обыденную жизнь по языческимъ празднествамъ и они были ближе его сердцу, чѣмъ христіанскіе. Праздникъ Рождества — для него былъ празднествомъ колядокъ; новый годъ онъ праздновалъ языческимъ щедрымъ вечеромъ; обряды съ пирогами, похожіе на древнее языческое богослуженіе Святовита, на праздникъ крещенія, были ему знакомѣе и ближе къ сердцу, чѣмъ водоосвященіе церковное; на масляницѣ Русь праздновала языческаго козла — встрѣчу весны; Пасха Христова была народу дорога не воскресеніемъ Спасителя, а шумнымъ *волочиньнямъ* (теперь уже пропавшимъ): «выволочите это проклятое волочинья изъ вашихъ селъ» — говоритъ монахъ-обличитель [1]), «не хо-

[1]) Іоаннъ изъ Вишни.

четъ Христосъ, чтобы въ дни Его славнаго воскресенія были смѣхъ и діавольское руганіе»; на Георгіевъ вешній день народъ отправлялъ шумное, веселое языческое празднество въ въ поляхъ съ плясками, пѣснями, играми, къ прискорбію св. Великомученика и къ утѣхѣ діавольской, по выраженію благочестивыхъ. Троицынъ праздникъ знали только по завиванію вѣнковъ; въ день Рождества Іоанна Предчечи, Русь тѣшилась языческимъ скаканіемъ черезъ огонь, на Петра и Павла — качелями, которые благочестивые люди честили названіемъ висѣлицъ; по окончаніи жатвы отправлялись языческія обжинки. Свадьба, по народному понятію, утверждалась не вѣнчаніемъ въ храмѣ Божіемъ, а завѣтными свадебными обрядами и пѣснями; память покойниковъ почиталась не церковными за нихъ моленіями, а поставленіемъ на могилѣ пироговъ и яицъ и шумными оргіями на кладбищахъ — остатками языческой тризны. Вездѣ во всемъ еще господствовалъ языческій строй понятій и вѣрованій. Понятія о душѣ и загробной жизни сохранялись отъ временъ отдаленныхъ и почти чужды были христіанскаго рая и ада. Русскій поселянинъ воображалъ, что души умершихъ летаютъ по деревьямъ, превращаются въ деревья, въ птицъ, въ звѣрей, блуждаютъ по лѣсамъ, болотамъ и полямъ, а потомъ уходятъ въ отдаленную страну гдѣ-то на востокѣ солнца; духовный миръ населялся не христіанскими ангелами и безплотными духами, а тѣми безразличными существами языческаго міросозерцанія, которые назывались лѣсовиками, домовиками, болотяниками. Божество рисовалось въ неопредѣленномъ образѣ верховной силы, безъ яснаго сознанія: является ли эта сила въ одномъ или во множествѣ образовъ.

Въ дворянствѣ греческой вѣры развилась холодность къ отцовской религіи, переходившая часто и скоро въ убѣжденіе о превосходствѣ другихъ христіанскихъ вѣроисповѣданій: православная церковь безпрестанно теряла своихъ чле-

новъ дворянскаго происхожденія. Во время Сигизмунда-Августа, когда въ Польшѣ и Литвѣ распространялась реформація, многіе покидали вѣру отцовъ и принимали кальвинство или аріанство, другіе, хотя явно не переходили въ иновѣрство, но оставались безъ всякой сердечной и нравственной связи съ своею вѣрою и почти также были ей чужды, какъ и перешедшіе въ другую; коль скоро русскій шляхтичь получилъ воспитаніе или даже только воображалъ себя воспитаннымъ, у него понятія и чувства обращались къ иному міру и онъ старался быть чуждымъ православію. Съ тѣхъ поръ, какъ іезуиты накинули на Рѣчь Посполитую свою католическую сѣть, русскіе стали переходить въ католичество. Протестанство и католичество — то и другое угрожало православію; и, правду сказать, прежде чѣмъ іезуиты не взяли господства надъ протестанствомъ, послѣднее для православія было опаснѣе католичества.

Въ Южной Руси отцу семейства невозможно было найти учителя, который бы преподавалъ законъ Божій и первоначальныя свѣдѣнія, и родители по неволѣ поручали воспитаніе дѣтей иновѣрцамъ, а тѣ, по духу прозелитизма, общему тогда всѣмъ толкамъ, старались воспитанникамъ внушить предпочтеніе чужой вѣрѣ. Такими учителями часто были кальвины, потому что пользовались добрымъ мнѣніемъ и о ихъ нравственной дѣятельности. Князь Острожскій съ уваженіемъ отзывался о дѣятельности протестантовъ, у которыхъ были школы, типографіи, богадѣльни, больницы при молитвенныхъ домахъ, а пасторы ихъ отличались христіанскимъ добронравіемъ; съ сердечною болью князь противоставлялъ имъ упадокъ церковнаго благочинія въ русской церкви, невѣжество священниковъ, матеріальное своеволіе архипастырей, лѣность и равнодушіе міряиъ къ дѣламъ вѣры. «Мы къ вѣрѣ охладѣли — говорилъ онъ — правила и уставы нашей церкви въ презрѣніи у всѣхъ иновѣрцевъ, а наши не

только не могутъ постоять за Божію церковь, но сами смѣются надъ нею. Нѣтъ учителей, нѣтъ проповѣдниковъ Божьяго слова, повсюду гладъ слышанія слова Божія, отступленіе отъ вѣры, ничто не утѣшаетъ насъ; приходится сказать съ пророкомъ: кто дастъ воду главѣ моей и источникъ слезъ очамъ моимъ.»

Но эти слезные возгласы о запустѣніи православной церкви не препятствовали однако тому же Острожскому, въ одномъ изъ писемъ къ своему внуку Радзивилу [1]), назвать кальвиновъ послѣдователями истиннаго закона Христова (wyznawcy prawdziwego zakonu chrystusowego). Ясно, что самый ревностнѣйшій поборникъ православія мало надежды могъ подавать на себя, когда произносилъ такія противныя духу православія сужденія объ исповѣданіи, которое, напротивъ, съ точки православной, должно было почитаться мерзкою ересью.

Острожскій завелъ у себя школу, типографію; всѣхъ православныхъ дворянъ побуждалъ дѣлать тоже. Но мало было охотниковъ слѣдовать его примѣру, да и трудно было. Учителей негдѣ было набирать на всю Русь. Своихъ нѣтъ; съ востока также получить нельзя было; въ московщинѣ тоже невѣжество; а приглашать иновѣрцевъ — значило губить вѣру. Естественно было поддаваться іезуитскимъ внушеніямъ и приходить невольно къ мысли о соединеніи съ римскою церковью: иначе протестанство разъѣло бы до костей православную Русь.

Митрополитъ въ 1590 г. (а по нѣкоторымъ въ 1591) созвалъ въ Брестѣ синодъ для совѣта объ улучшеніяхъ въ церкви. Онъ жаловался, что константинопольская каѳедра занимается по произволу турецкой власти, указывалъ на тягость зависимости отъ патріарха. Съ нимъ совѣщались: Ки-

---

[1]) Имп. Публ. Библ. рук. польск. IV, № 223.

риллъ Терлецкій, уже давно расположенный къ латинству, и настроенный, какъ кажется, краковскимъ епископомъ Бернатомъ Мацѣёвскимъ, пинскій епископъ Леонтій Пелчицкій, холмскій Діонисій Збируйскій и львовскій Гедеонъ Балабанъ. Всѣ нашли, что было бы полезно для церкви исполнить ея древнее желаніе — соединенія съ западной. Тогда епископы, но безъ митрополита, составили запись, гдѣ изложили, что, по своему долгу, заботясь о приведеніи своихъ порученныхъ имъ Богомъ овецъ къ христіанскому согласію, они желаютъ признать власть римскаго первосвященника, если только божественная служба и весь церковный уставъ восточной церкви останутся ненарушимыми во вѣки. Это было первое и исходное дѣло уніи.

Митрополитъ уклонился отъ составленія записи, давши епископамъ косвенно побужденія къ ней; онъ показывалъ видъ, будто ничего не знаетъ, а когда ему сообщили, онъ сталъ играть роль упорнаго православнаго, котораго надобно уговорить. Его наставники и руководители іезуиты писали къ нему такое тайное нравоученіе: «Велика будетъ честь вашей милости, когда вы возсядете рядомъ съ примасомъ католическаго духовенства въ сенатѣ, яко первопрестольникъ восточной церкви; а это возможно только тогда, когда вы перестанете признавать власть патріарха, находящагося подъ вліяніемъ невѣрныхъ; иначе это было бы противно чести короля и коронымъ уставамъ. У вашей милости есть королевская привиллегія, въ Коронѣ и Литвѣ связи, родство, пріятели; — вся католическая церковь станетъ за васъ горою и никто не поколеблетъ вашего сѣдалища. По примѣру западныхъ епископовъ и прелатовъ вы можете избрать себѣ коадъютора съ тѣмъ, чтобъ сдѣлать его своимъ преемникомъ. Ему будетъ готова привиллегія его величества, лишь бы онъ пошелъ по слѣдамъ вашимъ. Не смотрите, ваша милость, на ваше духовенство и на глупое упрямство нера-

зумной черни. Съ духовенствомъ вашей милости легко сладить. Замѣстите всѣ ваканціи людьми незнатными, чтобъ они не кичились, — людьми простыми, которые бы отъ вашей милости во всемъ зависѣли. А упрямыхъ, непослушныхъ и противящихся вамъ лишите должностей, и на ихъ мѣсто назначьте достойныхъ. Берите съ каждаго поборы, чтобъ они не разжирѣли; подозрительныхъ тотчасъ отсылайте въ другія мѣста. Недурно также иныхъ подъ видомъ почести отправлять въ далекія путешествія и посольства на ихъ собственный счетъ. Вообще на поповъ наваливайте побольше налоговъ подъ предлогомъ общей пользы церкви; остерегайтесь, чтобъ они не дѣлали сходокъ и не собирали складчинъ безъ воли вашей милости; а тѣхъ, кто преступилъ это приказаніе, — запирать въ тюрьму. Со свѣтскими, и особенно съ чернью, ваша милость вели дѣло благоразумнѣйшимъ образомъ; такъ и впередъ ведите, и старайтесь чтобъ не было ни малѣйшаго повода проникнуть ваши намѣренія, между тѣмъ передовыя головы слѣдуетъ всевозможными средствами заманить и привязать къ себѣ или лично, или черезъ посредниковъ, либо оказавши имъ какую-нибудь услугу, либо расположивши къ себѣ подарками. Не вводите новыхъ обрядовъ въ церковь; обряды постепенно измѣнятся сами собою. Позволяйте себѣ диспуты и споры противъ западной церкви, чтобъ такимъ образомъ затереть слѣды своего предпріятія и не только черни, но и шляхтѣ глаза залѣпить. Для ихъ молодежи пусть будутъ особыя школы; лишь бы они не запрещали дѣтямъ своимъ посѣщать костёлы и получать послѣдующее высшее воспитаніе въ школахъ нашихъ отцовъ. Слово унія должно быть изгнано; не трудно выдумать другое слово сноснѣе для человѣческихъ ушей. Не даромъ остерегаются носить красное платье тѣ, которые около слоновъ ходятъ, какъ разсказываютъ.»

Посланіе это поручаетъ митрополиту отвлекать право-

славныхъ отъ общенія съ протестантами. Оно оканчивается такими полными надеждъ выраженіями: «Положимся на Бога, на бдительность его величества, отъ котораго зависитъ раздача церковныхъ имѣній, положимся на ревность коронныхъ чиновъ, которые, владѣя правомъ патронатства надъ церквами въ своихъ имѣніяхъ, станутъ допускать къ отправленію богослуженія однихъ уніатовъ. Будемъ надѣяться, что нашъ благочестивый и богобоязненный государь и преданный католической вѣрѣ сенатъ станутъ стѣснять отступниковъ отъ католической вѣры въ судахъ и на сеймахъ и, такимъ образомъ, упорнѣйшіе русскіе схизматики по неволѣ покорятся власти св. отца, а мы всѣ законники (т. е. принадлежащіе къ ордену іезуитовъ) будемъ помогать не только молитвами, но и трудами [1]).

Такъ и дѣйствовалъ митрополитъ до конца своего предпріятія. Между тѣмъ установленныя патріархами братства расширялись и грозили епископамъ правомъ общественнаго мнѣнія. Находясь подъ вѣдѣніемъ патріарха исключительно, эти братства могли разростись до того, что вся Русь находилась бы подъ непосредственною зависимостію и вліяніемъ константинопольскаго патріарха. Владыки потеряли бы всякую тѣнь самостоятельности; положеніе ихъ было шаткое: по всякому доносу братствъ, патріархи бы смѣняли ихъ; и потому они по неволѣ должны были находиться въ самой непосредственной подчиненности патріарху и стараться дѣлать все ему угодное. Это учрежденіе безпрерывно оскорбляло ихъ, унижало ихъ санъ и значеніе епископовъ. «Какъ — говорили они—сходкѣ пекарей, швецовъ, крамарей, сѣдельниковъ, кожемякъ, неучамъ, незнающимъ ничего въ дѣлахъ богословскихъ, даютъ право пересуживать судъ посвященныхъ церковью властей и дѣлать постановленія о церкви

---

[1]) Dzieje kośc. Helw. Łukaszewicza.

Божіей!» Это казалось нарушеніемъ коренныхъ основаній церкви, чистымъ протестантствомъ.

Въ 1593 г. умеръ владимирскій владыка Мелетій Хребтовичъ-Богуринскій, котораго, какъ видно, не склонили къ принятію уніи. Тогда король поручилъ митрополиту посвятить на его мѣсто Адама Поцѣя, брестскаго кастеляна. Это было лицо совсѣмъ уже готовое для уніи и типерь получившее епископскій санъ исключительно съ цѣлію вводить ее. Онъ происходилъ изъ знатной фамиліи. Папскій нунцій Коммендони обратилъ его изъ православія въ католичество; потомъ настроенный іезуитами, онъ снова обратился въ православіе, съ намѣреніемъ посвятить себя дѣлу уніи. Чтобы заявить себя истиннымъ православнымъ, онъ въ прошломъ передъ тѣмъ году заложилъ самъ православное братство въ Брестѣ, на подобіе львовскаго. Король приказывалъ немедленно рукоположить его, увѣрялъ митрополита въ учености и благочестіи Поцѣя и избавлялъ отъ труда повѣрять королевскую рекомендацію. Права и обычаи церкви пренебрегались на этотъ разъ, какъ уже не разъ дѣлалось. Бывши въ мартѣ мѣсяцѣ брестскимъ кастеляномъ, находясь такимъ образомъ, не только въ свѣтской, но даже въ военной должности, въ апрѣлѣ, Адамъ Поцѣй, нареченный въ монашествѣ Ипатіемъ, произведенъ въ отцы велебные.

Православные, ненавидя его, разсказывали, впослѣдствіи, что когда его постригали въ монахи, и по обычаю, вели въ церковь въ одной рубахѣ, то вдругъ подулъ вѣтеръ и заворотилъ ему заднюю часть рубахи на голову. Это служило (такъ разсказывали, объясняли) предзнаменованіемъ, что при этомъ срамовидномъ архіереѣ церковь Божія испытаетъ смуты и гоненія.

Подобно митрополиту Рагозѣ, Поцѣй, по возведеніи своемъ въ санъ епископа и прототронія (титулъ владимірскаго владыки), сначала не показывалъ явно, что думаетъ объ

уніи и ожидалъ, пока обстоятельства дозволятъ ему высказаться гласно, а между тѣмъ пытался расположить къ этому дѣлу Острожскаго. Согласіе магната, имѣвшаго силу въ Южной Руси, столько же способствовало къ успѣху, какъ несогласіе могло вредить предпріятію. Нѣкоторые говорятъ, что Поцѣй былъ по женѣ родственникъ князя Острожскаго и король, подставляя его на епископское мѣсто, имѣлъ, между прочимъ, въ виду и это обстоятельство, но другіе отвергаютъ это извѣстіе. Какъ бы то ни было, Поцѣй былъ извѣстенъ и близокъ Острожскому. Князь уважалъ его за хорошую нравственность, ученость и благочестіе.

Поцѣй вступилъ съ нимъ въ переписку и задумалъ вести дѣло такъ, чтобъ, не зачиная рѣчи объ уніи, Острожскій самъ высказался прежде объ этомъ и пожелалъ уніи, чтобы впослѣдствіи можно было владыкамъ показывать видъ, что не они сами замыслили унію, а пристали къ желанію другихъ. Способъ этотъ сначала удался. Острожскій въ своихъ письмахъ бесѣдуя съ Поцѣемъ о мѣрахъ, посредствомъ которыхъ можно исправить церковный порядокъ, остановился на соединеніи восточной церкви съ западною. Но унія въ планахъ Острожскаго была не такова, какую готовили Руси іезуиты и ихъ пособники. Острожскій признавалъ православную церковь вселенскою, а не національною, но исключительно церковью Руси, соединенной съ Польшею; Острожскій считалъ правильнымъ соединеніе церквей только въ такомъ случаѣ, еслибъ къ этому соединенію приступили и въ другихъ православныхъ странахъ. Поэтому онъ предлагалъ владимирскому епископу прежде всего отправиться въ Москву поговорить съ тамошнимъ патріархомъ и съ московскимъ государемъ, а львовскому епископу ѣхать къ волохамъ. Самое соединеніе съ римскою церковью, по убѣжденію Острожскаго, должно совершиться съ такимъ условіемъ, чтобъ не только восточная церковь оставалась при всѣхъ существую-

щихъ обрядахъ, но, для огражденія ее на будущее время, надлежало постановить: отнюдь не принимать изъ греческой вѣры въ римскую и не допускать приневоливать къ принятію католичества, какъ это, по замѣчанію князя, случалось при бракахъ. Острожскій высказывалъ, что въ его видахъ главная цѣль предполагаемаго соединенія есть основаніе школъ, образованіе проповѣдниковъ и вообще распространеніе просвѣщенія между православными. Вмѣстѣ съ тѣмъ Острожскій высказалъ, что на него оказали вліяніе протестанты; въ письмѣ къ Поцѣю, гдѣ изложены были всѣ эти предположенія объ условіяхъ, на которыхъ, по мнѣнію князя, могло бы совершиться соединеніе церквей, было замѣчено, что слѣдуетъ также многое исправить и измѣнить въ церковномъ устройствѣ, обрядахъ, кое что относительно св. Таинъ и отдѣлить отъ церкви человѣческіе вымыслы. Поцѣй, получивъ такое письмо, сейчасъ обратилъ вниманіе на это неправославное замѣчаніе и особенно на то, что касалось св. Таинъ; онъ отвѣчалъ Острожскому: «Церковь восточная совершаетъ таинства правильно; ни осуждать, ни исправлять въ ней нечего [1])». Онъ такимъ образомъ становился охранителемъ благочестія. Что касается до уніи, то Поцѣй показывалъ видъ, что принимаетъ пока холодно желаніе другихъ и именно Острожскаго. «Это великое дѣло — писалъ онъ — невозможно и не нашему вѣку суждено его исполнить; я не смѣю говорить объ этомъ митрополиту, знаю что онъ не расположенъ; а въ Москву я ни за что не поѣду: съ такимъ посольствомъ подъ кнутъ попадешь; а лучше ваша милость, какъ первый человѣкъ въ нашей вѣрѣ, старайтесь объ этомъ сами у короля [2])».

Владимирскій владыка, давно посвятившій себя уніи, въ это время хитрилъ не только предъ Острожскимъ, но даже

[1]) Antirr. 47 и далѣе.

[2]) Ibid.

предъ своими товарищами, притворялся будто не знаетъ ничего о томъ, что они совѣщались о соединеніи съ римскою церковью, и встрѣтившись съ луцкимъ епископомъ, услышалъ отъ него объ этихъ совѣщаніяхъ и показалъ видъ какъ будто слышитъ что-то новое, поразившее его своею необычностію. Не онъ другихъ склонялъ, а его самого приходилось убѣждать, и луцкій владыка уговаривалъ его такъ: «Патріархамъ дорога отворена въ московщину; для великой милостыни они будутъ часто туда ѣздить, а ѣдучи туда и оттуда и насъ не минутъ; а какъ у нихъ есть привиллегіи отъ покойнаго короля Стефана и отъ нынѣшняго господаря, то не забудутъ показывать надъ нами свою власть и станутъ насъ возмущать: вотъ уже одного митрополита отставилъ, а другаго поставилъ, обезчестилъ перваго, да еще и братства установилъ; а братства будутъ гонители на владыкъ; хоть чего и не будетъ за нами, они выдумаютъ и обвинятъ; а, сохрани Богъ, кого-нибудь и отрѣшатъ изъ насъ... Какое это безчестіе! Самъ посуди! Господарь король даетъ должности до смерти и не отбираетъ ихъ за какую нибудь маловажную вину, развѣ когда кто смертной казни заслужитъ; а патріархъ по оговору обезчеститъ и отниметъ урядъ! Какая это неволя... Самъ посуди!.. [1]).

И владимирскій владыка, какъ будто невольно и мало помалу, поддавался представленіямъ Луцкаго.

И львовскій владыка также хитрилъ. Замѣчая, что русское дворянство не слишкомъ показываетъ охоту къ римской церкви, когда стали носиться неясные слухи о томъ, что епископы подумываютъ объ уніи, и что, съѣзжаясь въ 1590 г., они составили какое то письменное опредѣленіе объ этомъ предметѣ, Гедеонъ говорилъ, что не знаетъ не вѣдаетъ ничего, — его товарищи давали ему подписывать ка-

---

[1]) Перестор. А. З. Р. IV 211.

кіе то чистые пергаменные листы: онъ подписалъ, а что тамъ пишется — онъ не знаетъ.

Такимъ образомъ, благоразумный владыка оставлялъ для себя лазейку заранѣе, чтобы, въ случаѣ неуспѣха дѣла объ уніи, на другихъ вину свалить, а себя очистить.

Въ 1594 году митрополитъ, съ цѣлію толковать о предполагаемомъ соединеніи, назначилъ соборъ въ Брестѣ къ 24 іюня, но примасъ королевства, управлявшій дѣлами въ отсутствіи Сигизмунда, который тогда уѣзжалъ въ Швецію, запретилъ этотъ съѣздъ, на томъ основаніи, что сеймовою конституціею не дозволялось въ отсутствіи короля заводить такого рода собраній. Такъ какъ впослѣдствіи оказалось, что Сигизмундъ хотѣлъ, чтобъ унія совершилась безъ собора, и тѣмъ избѣжать споровъ, то, вѣроятно, и примасъ тогда поступилъ по волѣ короля, тѣмъ болѣе что Острожскій хотѣлъ собора, а король разсчитывалъ, что участіе Острожскаго и свѣтскихъ лицъ на соборѣ не допуститъ повести дѣло такъ, какъ хотѣлось ему и іезуитамъ. Пріѣхавши въ Брестъ, митрополитъ засталъ тамъ одного Поцѣя. Здѣсь, по совѣту съ послѣднимъ, онъ изрекъ приговоръ запрещенія на Гедеона Балабана, подъ предлогомъ несправедливостей, которыя онъ причинялъ львовскому братству, по жалобѣ, поданной Львовскими мѣщанами, членами этого братства. Кажется, что митрополитъ сердился на него, подозрѣвая, что онъ станетъ противиться его затѣямъ. Но когда митрополитъ поражалъ Гедеона въ Брестѣ, Гедеонъ поѣхалъ въ Сокалъ и тамъ 27 іюня съѣхался съ владыками луцкимъ, холмскимъ и перемышльскимъ: они совѣщались объ уніи. Въ декабрѣ того же года представлено было королю два предложенія: одно отъ митрополита, другое отъ владыкъ, съѣзжавшихся въ Сокалѣ. Изъ нихъ видно, что, прежде положительнаго согласія на подчиненіе папѣ, они хотѣли получить отъ короля по-больше выгодъ для себя и обезпечить свое положеніе на

будущее время. На первомъ планѣ ставилось сохраненіе уставовъ и богослужебныхъ обрядовъ восточной церкви; затѣмъ іерархи хотѣли получить мѣста въ сенатѣ на равнѣ съ римскими епископами, домогались, чтобы сдѣлано было постановленіе посвящать по смерти епископа преемника ему по благословенію папы, чтобы угрозы патріарха и проклятія, которыхъ можно было ожидать, не имѣли силы, чтобъ не дозволялось по Руси разъѣзжать греческому духовенству и волновать народъ противъ нихъ и, наконецъ, чтобъ была уничтожена самостоятельность братствъ и независимость ихъ отъ епархіальныхъ властей.

Когда узналъ Гедеонъ о декретѣ, произнесенномъ на него митрополитомъ въ Брестѣ, то подалъ въ судъ протестацію и обвинялъ митрополита въ незаконности его поступковъ, какъ за намѣреніе созвать соборъ вопреки сеймовому опредѣленію, такъ и за декретъ противъ него. Но потомъ онъ нашелъ, что лучше ему во что бы то ни стало помириться съ митрополитомъ, потому что у него былъ сильный домашній врагъ — братство львовское, которое ненавидѣло, обличало его и преслѣдовало. Гедеонъ долженъ былъ гдѣ нибудь искать опоры.

Въ январѣ 1595 года пригласили во Львовъ нѣсколько архимандритовъ и игуменовъ и въ томъ числѣ печерскаго Никифора Тура, супрасльскаго Иларіона Мосальскаго и дерманьскаго Геннадія, да нѣсколько особъ бѣлаго духовенства. Они толковали объ уніи и положили просить митрополита привести къ концу желанное дѣло. Митрополитъ былъ такъ доволенъ этимъ, что пригласилъ Гедеона къ себѣ на свиданіе въ Слуцкъ, возстановилъ его въ достоинствѣ и написалъ къ Острожскому, что львовскій владыка извѣстилъ его, что владыки предпринимаютъ что то недоброе противъ православія, и поэтому поводу онъ, прежде низложивши Гедеона, опять возвелъ его въ прежній санъ, во уваженіе къ

его преданности православной вѣрѣ и въ надеждѣ, что онъ будетъ наблюдать надъ замыслами измѣнниковъ и доносить ему обо всемъ.

Такимъ образомъ, свѣтскимъ людямъ трудно было распознать правду въ этой путаницѣ. Гдѣ-то была опасность, измѣна, но гдѣ — неизвѣстно; владыки другъ друга подозрѣваютъ, каждый себя оправдываетъ, каждый порознь — блюститель православія, и каждый другаго боится. Казалось, можно ли было чему нибудь составиться въ такомъ хаосѣ!

Вслѣдъ за тѣмъ митрополитъ назначаетъ опять владыкамъ съѣздъ въ Кобринѣ, а между тѣмъ самъ медлитъ: онъ ожидаетъ какой отвѣтъ произнесетъ король на предложенія, представленныя въ декабрѣ, слѣдитъ — какое положеніе принимаетъ въ этомъ дѣлѣ канцлеръ Янъ Замойскій, которому онъ писалъ и просилъ покровительства; притомъ митрополитъ хотѣлъ, какъ можно дороже, продать правительству и латинству свою услугу. Поцѣй, ожидая его въ Кобринѣ, писалъ къ нему въ такихъ выраженіяхъ: «Ваша милость сами подвинули насъ на это дѣло, а теперь оставляете; если вы не пріѣдете къ намъ въ Брестъ, то отдадите насъ на бойню; но знайте, что, погубивши насъ, не воскреснете и сами [1])». Митрополитъ, не дождавшись отъ короля отвѣта, долженъ былъ ѣхать въ Брестъ. 12 іюня неизвѣстно гдѣ составлено владыками письмо къ папѣ съ предложеніемъ уніи; оно вручено было Поцѣю и Терлецкому: ихъ избрали послами въ Римъ. На письмѣ къ папѣ были подписи Поцѣя, Терлецкаго, Балабана, Збируйскаго, Копыстенскаго, пинскаго епископа Пельчицкаго и кобринскаго архимандрита Іоны Гоголя: послѣдній подписался на одномъ и томъ же письмѣ два раза: кобринскимъ архимандритомъ и наречен-

---

[1]) А. З. Р. IV. 93.

нымъ пинскимъ епископомъ. Заподозрѣвается даже историческая дѣйствительность этого съѣзда на слѣдующихъ основаніяхъ: 1) Іона Гоголь подписался вдвойнѣ архимандритомъ кобринскимъ и нареченнымъ епископомъ пинскимъ, когда живъ былъ Леонтій Пельчицкій, и подписался на томъ же актѣ. 2) Есть письмо митрополита къ Скумину-Тишкевичу изъ Новогрудка отъ 14 іюня; слѣдовательно митрополиту едва ли возможно было повидаться 12 іюня въ Кобринѣ или Брестѣ. Но на первое можно возразить, что Пельчицкій при жизни своей еще прочилъ Іону себѣ въ преемники и послѣдній, желая удержать за собою впередъ поступленіе въ санъ, подписался нареченнымъ епископомъ. Второе же легко объясняется тѣмъ, что митрополитъ, какъ показываетъ его письмо къ Скумину, желалъ передъ этимъ паномъ скрыть свое участіе въ дѣлѣ уніи и написалъ, что не былъ на соборѣ, куда звали его, а потому письмо его подписано изъ Новогрудка, когда, въ самомъ дѣлѣ, его самого тамъ не было. Напротивъ письмо къ нему Поцѣя изъ Кобрина, которое вызывало митрополита, показываетъ, что владыка безъ него не могъ тогда окончить своего дѣла, а когда то дѣло, за которымъ его звали, было окончено съ его подписью, то безъ сомнѣнія, что и онъ былъ на соборѣ.

Владыки увидѣли необходимость, во что бы то ни стало, еще разъ попытаться расположить къ дѣлу важнѣйшихъ пановъ. Митрополитъ обратился къ литовскому пану Ѳедору Скумину-Тишкевичу, а Поцѣй къ южно-русскому Константину Острожскому. Митрополитъ отправилъ къ Скумину-Тишкевичу копію съ согласія епископовъ, гдѣ не было его имени, и прикидывался православнымъ и неповиннымъ, поставилъ, какъ сказано, на письмѣ ложно *изъ Новогрудка*, жаловался, что все это настроилъ Кириллъ Терлецкій, которому хочется быть митрополитомъ, и увѣрялъ, что самъ онъ,

митрополитъ, не приступитъ ни къ чему рѣшительному безъ воли и согласія пана воеводы.

Поцѣй, снова взявши на себя склонить Острожскаго, поступалъ съ нимъ также, какъ митрополитъ со Скуминымъ-Тишкевичемъ: началъ съ того, что выставлялъ себя православнѣе своихъ товарищей, роптал, что на него сочиняютъ небылицы—будто онъ хочетъ ввести въ православное богослуженіе римскіе опрѣсноки, и вообще перетолковываютъ въ дурную сторону съѣзды епископовъ. Онъ прислалъ князю копію съ предположенія объ уніи и припоминалъ, что Острожскій, еще прежде духовныхъ особъ, подавалъ мысль о соединеніи церквей, и если кто первый поднялъ рѣчь объ уніи, такъ это онъ самъ.

Не обманулъ митрополитъ Скумина. Онъ отвѣчалъ ему: «вы пишите мнѣ, что это начинается отъ владыкъ, мимо вашего соизволенія. Но ко мнѣ пришло извѣстіе, что у короля были послы отъ всего нашего духовенства и, прежде всего, королю показывали на письмѣ соизволеніе ваше. Я тому не вѣрилъ; но ко мнѣ прислана уже копія со статей о томъ, какъ быть этому соединенію, утвержденныхъ королемъ и отправленныхъ назадъ отъ короля. А теперь вы моего совѣта требуете! Трудно совѣтовать послѣ того, какъ сговорятся, и королю поднесутъ предложеніе, а король его утвердитъ. Мой совѣтъ теперь былъ бы напрасенъ, развѣ на смѣхъ [1]).

Острожскій отвѣчалъ Поцѣю суровѣе, чѣмъ Скуминъ митрополиту: замѣчалъ, что Поцѣй недостоинъ быть пастыремъ церкви, но присовокупилъ, что онъ самъ и теперь, какъ прежде, не прочь отъ соединенія церквей, только не иначе, какъ посредствомъ собора. Разсерженный на митрополита и владыкъ за ихъ хитрости, Острожскій, еще до полученія извѣстія о соборѣ, но зная, конечно, о сношеніи съ королемъ,

---

[1]) А. З. Р. IV. 96.

написалъ отъ 16 іюня знаменитое посланіе ко всѣмъ христіанамъ, гдѣ называлъ епископовъ волками и злодѣями и возбуждалъ единовѣрцевъ стоять непоколебимо въ отеческой вѣрѣ. Острожскій хотѣлъ въ такое время помирить львовское братство съ Балабаномъ, потому что только отъ львовскаго епископа ожидалъ отпора затѣямъ другихъ іерарховъ. Тогда Балабанъ, увидѣвши, что Острожскій и вообще знатные и сильные дворяне не склоняются къ унін, счелъ за лучшее, еще разъ и уже окончательно, попятиться назадъ и оговорить товарищей открыто, юридически, въ томъ, о чемъ онъ прежде только распускалъ слухи, приготовляя себѣ на случай отступленіе.

1 Іюля 1596 г. Гедеонъ во владимирскомъ градскомъ судѣ подалъ, въ присутствіи Острожскаго и многихъ русскихъ дворянъ, протестацію: въ ней разсказывалось, что 24 іюня 1590 г. Гедеонъ и съ нимъ епископы пинскій и холмскій избрали изъ среды своей луцкаго епископа ходатаемъ предъ правительствомъ по церковнымъ дѣламъ и вручили ему четыре бланковыхъ листа съ подписью рукъ своихъ и съ приложеніемъ печатей отъ каждаго епископа. Луцкій епископъ получилъ отъ нихъ уполномочіе написать и представить королю и чинамъ Рѣчи Посполитой жалобу на утѣсненія, какія терпятъ послѣдователи греческой вѣры въ городахъ и селеніяхъ отъ католиковъ, которые часто не даютъ имъ отправлять праздничные обряды по уставамъ православной церкви; вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ долженъ былъ отъ имени всего русскаго духовенства изложить просьбу о сохраненіи правъ и преимуществъ, какими пользовалась издревле православная церковь въ краяхъ Р. Посполитой. Послѣ того, въ 1594 г. іюня 27 числа (разсказывается въ той же протестаціи) владыки львовскій, перемышльскій (Михаилъ Копыстенскій), луцкій и холмскій собрались въ городѣ Сокалѣ. На епископовъ былъ тогда недоволенъ митрополитъ по наговору нѣко-

торыхъ лицъ; они посовѣтовались о своихъ дѣлахъ и поручили снова луцкому епископу ходатайствовать за всѣхъ передъ отцомъ митрополитомъ и просить его благосклонности и благословенія, а вмѣстѣ съ тѣмъ дали ему снова четыре бланковыхъ листа (четырехъ мамрамовъ) подъ своими печатьми и съ подписями рукъ своихъ «не на иншую жадную потребу одно абы на нихъ писати до его королевской милости пана милостиваго и до ихъ милости пановъ сенаторовъ яко духовныхъ такъ и свецкихъ о кривды и долеглости многіе, которые ся деютъ зъ многихъ становъ и особъ законови и церквамъ светымъ релии греческое» [1]. Гедеонъ извѣщалъ, что потомъ до него дошло, будто луцкій владыка написалъ на данныхъ ему *мамрамахъ* совсѣмъ не то, чего они хотѣли, а что-то нарушающее законы, права и преимущества церкви, и отправилъ написанное къ королю и къ духовнымъ особамъ римско-католической религіи; по этому, онъ, Гедеонъ, протестуетъ противъ такихъ самовольныхъ поступковъ луцкаго владыки, ибо, съ своей стороны, онъ ни луцкому епископу, ни другому кому бы то ни было, отнюдь не довѣрялъ ничего такого, чтобы могло клониться къ нарушенію древнихъ постановленій церкви, и признаетъ, что ни митрополитъ, ни епископы не имѣютъ права, безъ позволенія старѣйшины своего константинопольскаго патріарха и безъ согласія собора, составленнаго не только изъ лицъ духовнаго званія, но также изъ лицъ мірскаго званія грекорусской религіи, приступать къ какимъ-нибудь измѣненіямъ и нововведеніямъ.

Гедеонъ, какъ показываютъ эти поступки, разсчиталъ, чтобъ не проиграть самому, какъ бы ни пошли церковныя дѣла на Руси. Гедеонъ обѣимъ сторонамъ угождалъ разомъ и обѣимъ сторонамъ вредилъ. Передъ сторонниками папской власти онъ имѣлъ право указывать на свою подпись въ числѣ другихъ епископовъ и выставлять себя участникомъ со-

[1]) Арх. Югоз. Рос. II. 455.

единенія церкви русской съ римскою; передъ православными онъ могъ указывать на свою протестацію и выхваляться своею вѣрностію отеческой церкви. Та или другая сторона выиграетъ, — Гедеонъ спѣшилъ дать себѣ такое положеніе, чтобъ, во всякомъ случаѣ, выиграть самому, оставивъ себѣ возможность стать на торжествующей сторонѣ.

Острожскій, вооружая своими посланіями Русь противъ замышляемой уніи, грозилъ даже употребить силу, еслибъ нужно было, а у него была въ распоряженіи вооруженная сила; могло дойти до междоусобной войны: на сторонѣ Острожскаго было политическое право; не только православные, но и дворяне другихъ вѣръ могли обвинять способъ дѣйствія владыкъ, потому что рѣшать важныя дѣла церковныя, гражданскія и политическія, можно было только общимъ согласіемъ. Поцѣй видѣлъ крайнюю необходимость сойтись съ могучимъ княземъ и остаться съ нимъ въ дружелюбныхъ отношеніяхъ, по крайней-мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока посольство не будетъ отправлено въ Римъ, чтобъ не подать повода странѣ слишкомъ рѣзко и ощутительно заявить свое нежеланіе принимать церковное главенство папы, прежде чѣмъ епископы русскіе явятся предъ лицомъ папы отъ имени всей Руси съ желаніемъ подчиниться ему. Поцѣй прибѣгнулъ къ посредничеству князя Заславскаго и черезъ него устроилъ съ Острожскимъ свиданіе въ Люблинѣ. Поцѣй не говорилъ Острожскому ни о существованіи прежняго предположенія объ уніи въ 1590 году, ни о письмѣ къ папѣ, составленномъ недавно съ подписями владыкъ; онъ показалъ ему только предположеніе, составленное епископами въ 1594 г. въ Сокалѣ, о которомъ и писалъ передъ тѣмъ, и которое, какъ видно, написано было не такъ рѣзко и рѣшительно. Поцѣй клялся въ своей искренней преданности православію и говорилъ: «ваша милость подали намъ сами эту мысль; мы безъ вашей милости не думаемъ ничего дѣлать; все въ волѣ ва-

шей милости; сами вы начали дѣло, сами его теперь и оканчивайте, а мы станемъ поступать по вашему указанію. Теперь вы можете это все сжечь; какъ прикажете, ваша милость, такъ мы и будемъ дѣлать.

Эти слова сопровождались слезами и поклонами; старый вельможа сталъ ласковѣе и говорилъ:

«Надобно стараться у его королевской милости чтобъ собранъ былъ соборъ; на этомъ соборѣ будемъ всѣ стараться привести дѣло наше къ окончанію, для славы Божей и для блага всего христіанства.»

Владыка владимирскій разстался съ княземъ дружелюбно и, съ его согласія, поѣхалъ вмѣстѣ съ Терлецкимъ къ королю Сигизмунду III въ Краковъ, какъ будто бы только для того, чтобъ просить дозволенія открыть соборъ.

Между тѣмъ, еще до пріѣзда Поцѣя въ Краковъ, король, узнавши, что всѣ епископы подписали письмо къ папѣ, издалъ универсалъ отъ 31 іюля, извѣщающій о правахъ и преимуществахъ русскихъ іерарховъ; кромѣ подтвержденія старыхъ правъ, въ немъ предоставлялось русскому духовенству пользоваться такими же знаками уваженія, какіе составляли отличіе римско-католическаго духовенства въ Рѣчи-Посполитой; учреждались при владыкахъ капитулы, подобно какъ они находились при римско-католическихъ епископахъ, запрещалось всѣмъ свѣтскимъ властямъ вмѣшиваться въ церковные суды и церковное управленіе и повелѣвалось свѣтскимъ оказывать епископамъ всякое содѣйствіе по ихъ востребованію. Король былъ увѣренъ, что, послѣ подписи епископовъ, дѣло слажено. Но когда Поцѣй и Терлецкій явились къ королю и извѣстили его, что Острожскій слышать не хочетъ объ уніи иначе, какъ при посредствѣ собора, и притомъ такого, гдѣ бы, на равнѣ съ духовными, имѣли голоса и свѣтскіе, то Сигизмундъ пришелъ въ раздумье. Съ одной стороны дозволить дѣлу совершаться безъ собора значило раздражить

Острожскаго, а за нимъ и все южнорусское дворянство, на которое Острожскій имѣлъ громадное вліяніе. Поданъ былъ бы чрезъ то поводъ къ ропоту на стѣсненіе правъ свободы убѣжденій, которыми еще такъ дорожило все шляхетское сословіе; это могло бы поставить противъ уніи не однихъ православныхъ, но и все вообще шляхетство, даже горячихъ католиковъ, ибо они были столько же католики, сколько свободные граждане польской республики. Съ другой стороны, дозволить собраться собору — значило дозволить свѣтскимъ обсуждать дѣло уніи, а это значило подвергнуть дѣло это неизбѣжному разрыву: тогда начались бы нескончаемые толки; они бы отдаляли только возможность окончанія; надобно было ожидать, что Острожскій потребуетъ, чтобы, прежде сношеній съ папой, снестись съ восточными патріархами и съ московскимъ, а это могло бы только пробудить усыпленныя временемъ недоумѣнія; къ церковнымъ вопросамъ примѣшались бы и политическіе, и, вмѣсто соединенія, произошли бы новые раздоры.

Такимъ образомъ, хоть такъ, хоть иначе, а Сигизмунду въ обоихъ случаяхъ было опасно; приходилось ему отложить дѣло еще на неопредѣленное время и оставить вопросъ въ такомъ положеніи, въ какомъ онъ находился до тѣхъ поръ.

Но Острожскій самъ далъ поводъ Сигизмунду выйти изъ затрудненія. Готовясь къ созванію собора, Острожскій отправилъ своего дворянина Лушковскаго въ Торнъ на протестантскій сборъ пригласить диссидентовъ къ совмѣстному противодѣйствію католичеству. Посланіе, которое повезъ отъ князя Лушковскій, написано въ духѣ чрезвычайно благосклонномъ къ протестанству и чрезвычайно враждебномъ къ католичеству. Православный князь выразился такъ: «всѣ признающіе Отца, Сына и Св. Духа — люди одной вѣры. Если бъ у людей было больше терпимости другъ къ другу, если бъ люди съ уваженіемъ смотрѣли, какъ ихъ собратія

славятъ Бога каждый по своей совѣсти, то меньше было бы сектъ и толковъ на свѣтѣ!

Онъ призывалъ диссидентовъ къ общенію съ православными во имя свободы убѣжденій и совѣсти. «Мы должны сойтись со всѣми, кто только отдаляется отъ римлянъ и сочувствуетъ нашимъ страданіямъ; идетъ дѣло о томъ, чтобъ защищаться всѣмъ христіанскимъ исповѣданіямъ противъ римскихъ папежниковъ, назвавшихъ себя неправильно похищеннымъ у насъ титуломъ *католиковъ*.»

Острожскій даже не пренебрегалъ указывать, въ случаѣ нужды, и на возможность дѣйствовать оружіемъ. «Если мы будемъ дружно сопротивляться и упираться — писалъ онъ — то его королевское величество не захочетъ допустить нападать на насъ, потому что у насъ самихъ можетъ явиться двадцать и, по меньшей мѣрѣ, пятнадцать тысячъ вооруженныхъ людей, а я не думаю, чтобъ гг. папежники могли выставить столько же; если они могутъ превзойти насъ въ числѣ, то развѣ множествомъ кухарокъ, которыхъ ксендзы держатъ у себя вмѣсто женъ. Съ нами сойдется много дворянъ изъ литовскихъ, перемышльскихъ, львовскихъ, кіевскихъ, польскихъ, бѣлорусскихъ земель; вездѣ братья наши пришли въ большую тревогу: идетъ теперь дѣло не объ имѣніяхъ, не о тѣлахъ, а о душахъ и о вѣчномъ спасеніи. Изъ мастерскихъ и цеховъ люди также явятся».

Князь роптал, что король держитъ сторону папистовъ и нерасположенъ къ своимъ подданнымъ другихъ вѣроисповѣданій; въ письмѣ къ протестантамъ были такого рода выраженія: «Его королевское величество, почтеннѣйшій и благочестивѣйшій государь нашъ, не велитъ намъ составлять съ вами конфедерацій, говоритъ: за это намъ грѣхъ. Напротивъ, гораздо больше грѣха не держать присяги; не только христіанскіе, но и невѣрные государи ее держутъ, коль скоро произнесутъ передъ Богомъ. Монархъ отвѣчаетъ за нее жиз-

нію или утратою короны. Въ Швеціи, своемъ наслѣдственномъ королевствѣ, его величество ничего не могъ сдѣлать, даромъ что папскій легатъ вѣнчалъ его на царство; а въ нашей коронѣ люди болѣе свободны, чѣмъ въ Швеціи... Его величество обязанъ держать присягу, данную имъ при своемъ вступленіи на престолъ».

Въ тоже время Острожскій отправилъ посла своего по имени Грабковича къ королю просить дозволенія открыть соборъ. Но случилось, что содержаніе письма къ протестантамъ сдѣлалось уже извѣстно королю. Предлогъ былъ благовидный отдѣлаться отъ собора. Теперь, во всякомъ случаѣ, королю должно было казаться невозможнымъ согласиться на соборъ, когда свѣтскіе члены этого собора готовятся явиться туда съ вооруженнымъ войскомъ; это значило допустить въ государствѣ междоусобіе. Сигизмундъ приказалъ (вѣроятно подканцлеру) написать Острожскому, что король очень оскорбленъ его возмутительнымъ посланіемъ къ еретикамъ, что Острожскому неприлично отзываться такъ дерзко и оскорбительно о королѣ и о вѣрѣ, которую исповѣдуетъ король. Замѣчено было, что и намекъ на кухарокъ также не понравился королю. Что касается до собора, то Острожскому написали въ томъ же письмѣ, что его величество король самъ готовился было собрать соборъ и уже хотѣлъ было дать знать князю о своемъ желаніи черезъ пана Каменецкаго, но, послѣ оскорбительнаго письма, онъ не допуститъ этого, тѣмъ болѣе, что письмо Острожскаго къ еретикамъ не показываетъ ни малѣйшей склонности къ соединенію вѣръ, напротивъ, дышетъ упорствомъ въ отщепенствѣ. Вмѣсто собора, король выдалъ универсалъ, отъ 21 сентября, ко всему русскому духовенству и народу. Онъ былъ писанъ, какъ въ немъ и объяснено, для того, чтобъ тѣ, которые желаютъ соединенія церквей, радовались вмѣстѣ съ королемъ, а тѣ, которые не выразили еще такого желанія,

дополнили бы радость короля, последовавъ примѣру своихъ пастырей. Извѣщая о поѣздкѣ іерарховъ въ Римъ, король напоминалъ, чтобъ никто не объяснялъ этого въ дурную сторону и не затруднялъ бы дѣла неправильными толкованіями. Но митрополитъ первый толковалъ неправильно это дѣло. Онъ, по прежнему, не рѣшался еще высказаться въ истинномъ видѣ; напротивъ, когда уже повсемѣстно знали, что онъ отступникъ, явилось его универсальное посланіе отъ 1 сентября, гдѣ онъ ропщетъ, что на него взводятъ клевету, будто онъ намѣревается вводить какіе то небывалые обычаи въ русскую церковь, а онъ, въ самомъ дѣлѣ, объ этомъ не помышляетъ и ни за что не хочетъ пренебрегать патріаршимъ рукоположеніемъ. Спустя мѣсяцъ послѣ того, Рагоза писалъ къ Острожскому, что хоть епископы и уѣхали въ Римъ, но онъ ихъ отъ этого удерживалъ и уговаривалъ не предпринимать ничего безъ согласія со свѣтскими [1]).

---

1) Акты западной Россіи изд. Арх. коммиссіею. т. IV.

2) Архивъ юго-западной Россіи ч. III. т. I. 1863.

3) Памятники кіевской коммиссіи т. I.

4) Antirrchesis albo apologia przeciwko Krysztofowi Philaletowi ktory wydał xiążkę imieniem starożytney Rusi religii greckiey. 1610.

5) Skargi O jedności kościoła Bożego 1576.

6) Smotrickiego Lament cerkwi wschodniey 1610.

7) Skargi Na threny ilamenty 1610.

8) Morachowski Paregoria albo utulenie uszczypliwego płaczu 1612.

9) Antigrafi albo odpowiedź na skript uszczypliwy przeciwko ludziom starożytney Religii Greckiej od apostatòw cerkwi wschodniey wydany. 1608.

10) Захарія Копыстенскаго Палинодія. (Рукопись Имп. публ. Библ.).

11) Имп. публ. библ. рукопись славянск. № 243. Сочиненіе Іоанна изъ Вишни.

12) Имп. публ. библ. рукоп. польская № 223. Письма Острожскаго.

13) Ostrowskiego Dzieje kościoła polskiego 1793.

14) Kojałowicz. Miscellanea rerum ecclesiasticarum 1650.

15) Iednosć swięta cerkwie wschodniej i zachodniej. 1632.

16) Obrona jedności cerkiewniej albo dowody którymisię pokazuie iż Grecka Cerkiew z Lacinską ma być zjednoczona. 1617.

17) Pocieja Prawa i przywileje od najaśniejszych królow nadane obywatelom Korony polskiey i W. X. Litewskego Religii Greckiej w jedności z Sw. kościołem Rzymskim będącym. 1652.

ГЛАВА II.

Бунты Косинскаго и Наливайка.

Между тѣмъ, когда дворянство, съ сильнымъ запасомъ внутренней слабости, собиралось оказать противудѣйствіе католическому и королевскому произволу, въ Южной Руси все болѣе и болѣе разверзалась, подъ самимъ дворянствомъ, пропасть, которая грозила со временемъ поглотить его. Казацкія своевольства дѣлались чаще и шире. Надобно замѣтить, что духъ удали и произвола развивался въ то время въ Польшѣ и между дворянствомъ. Послѣ прекращенія дома Ягеллоновъ, утвердилось въ Польшѣ избирательное правленіе и съ тѣхъ поръ Польша начала распалзываться. Яви-

---

18) Stebelskiego, Żywoty ss. Eufrozyny; i Parascewij z Genealogią Xiąząt Ostrozskich. 1783.

19) Kulżyński Specimen Ecclesiae Ruthenicae. 1733.

20) Antelenchus to jest odpis na scrypt uszczypliwy zakonników cerkwie odstępnej. 1622.

21) Volumina legum.

22) Rostowski Societatis Jesu Historia. 1669.

23) Lukaszewicza Historia szkół w Koronie i Litwie 1844 — 1851.

24) Dziéje kościoła Helweckiego w Litwie 1843.

25) Krasinski, Histoire religieuse des peuples slaves.

26) Baronii Annal eccles. t. IX.

27) Начало уніи (см. моск. общ. ист. и древн. № 17).

28) Полн. собр. лѣтоп. т. II.

29) Шараневича, Исторія Галицко-Владимірской Руси. 1863.

30) Wapowski Dzieje Korony Polskiey i W. X. Litewskiego. 1847.

31) Reya Żywot czlowieka poczciwego. 1822.

32) Gornicki Dworzanin polski. 1822.

33) Жизнь князя Курбскаго на Волынѣ. 1849.

34) Szajnocha Jadwiga i Jagiello. 1861.

35) Имп. публ. библ. автогр. № 63. (рук.)

36) Рѣчь каштеляна Милешки на сеймѣ въ Варшавѣ (рукоп.).

37) Sacchini Historia Societ. Jesu.

38) Преосв. Евгенія Описаніе кіевософ. собора и ист. кіевск. іерархіи 1825.

39) Engels Geschichte der Ukraine. 1789.

лись вмѣшательства иноземныхъ державъ; при избраніи новаго короля, иноземные послы старались, чтобъ Поляки выбрали короля изъ того дома, котораго они были представителями, или, по крайней мѣрѣ, вытребовать отъ Польши выгодъ. Это производило между панами партіи; такимъ образомъ, распри были неизбѣжны въ каждое безкоролевье. Въ описываемое время, Польша пережила уже три безкоролевья и на нихъ партіи, подъ руководствомъ важнѣйшихъ пановъ, становились другъ противъ друга вооруженною силою. Времена безкоролевья давали возможность разнуздаться всякимъ страстямъ, всякому удалому порыву. Когда смѣнялись обычныесуды, тогда все приходило въ движеніе, вопросы волновали край, собирались *купы* то одна, то другая, иногда поддерживали такую безурядицу въ странѣ, выходившей изъ обычной колеи, въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, пріучали широкую свободу превращаться въ своеволіе; «можновладство» брало силу, стремилось къ господству; шляхетство, хотя по правамъ равное съ князьями и знатными панами, на дѣлѣ падало въ зависимость отъ нихъ; толпы шляхтичей проживали по дворамъ знатныхъ пановъ и служили имъ въ надворныхъ командахъ; паны жили между собой несогласно, и кто только чувствовалъ за собой силу, тотъ порывался показать ее при первомъ случаѣ. Поссорится панъ съ паномъ, собираетъ свою команду изъ шляхты и людей, дѣлаетъ наѣздъ на имѣніе соперника, грабитъ, увозитъ драгоцѣнности, угоняетъ скотъ; нерѣдко достается крестьянамъ, живущимъ въ имѣніи пана-соперника; своевольная команда дѣлая набѣгъ, не спускаетъ молодицамъ и дѣвчатамъ, иногда сожигаетъ села; «паны скублись, а у людей чубы боліли», говоритъ поговорка объ этомъ старомъ времени.

Шляхетство сходилось съ можновладствомъ, иногда и косилось на него. Но противъ знатнаго панства и шляхетства равно становилось враждебно казачество, съ своимъ

общиннымъ устройствомъ, съ своимъ равенствомъ и съ своимъ несочувствіемъ къ писаннымъ постановленіямъ и актамъ, непризнающее никакихъ правъ, кромѣ вольной рады (стараго вѣча), словомъ, съ воскресшими и преобразившимися въ иныхъ формахъ, но въ прежнемъ духѣ, вѣчевыми признаками старинной Руси; казачество грозило охватить своими началами всю Южную Русь. Его ядро продолжало находиться на Запорожьѣ, но населеніе Запорожья поддерживалось и увеличивалось побѣгами. Ограниченіе въ Украйнѣ казачества реестрами не достигалось; кромѣ реестровыхъ, было повсюду множество называвшихъ себя казаками. Это поддерживали сами паны можновладцы, потому что держали у себя вооруженныя толпы тоже подъ названіемъ казаковъ. Тогда, кромѣ запорожцевъ, было три рода казаковъ: панскіе, реестровые — (подъ начальствомъ гетмана запорожскаго, имѣвшаго офиціальную власть и надъ Запорожьемъ, которое, однако, слушало его только до тѣхъ поръ, пока хотѣло) и наконецъ нереестровые — вольные, нигдѣ незаписанные, тѣ, что въ московскомъ государствѣ, гдѣ, одновременно съ Польшею и Литвою, также возрастало казачество, назывались воровскими казаками, — люди, въ Польшѣ преслѣдуемые ревнителями порядка подъ именемъ своевольныхъ людей: они наполняли и приднѣпровскія степи и Запорожье, и по Украйнѣ бродили вольными купами. Шляхетство, хотя въ массѣ противное казачеству, поодиночно сближалось съ нимъ: въ толпы казацкія бѣжали шляхтичи, коль скоро были недовольны жизнію у пана или вообще не уживались въ своемъ шляхетскомъ земствѣ; и они тогда жертвовали своимъ происхожденіемъ казацкому равенству и братству. Люди политическіе много разъ твердили, что расширеніе казачества опасно и для внѣшней безопасности и для внутренняго спокойствія. Казаки нападали на турецкіе предѣлы и, ведя безпрерывныя драки съ крымцами, которые считались данниками Турціи, возбуждали

притязанія со стороны Турціи противъ Польши. Во время безкоролевья предъ избраніемъ Сигизмунда III, среди распрей пановъ, готовыхъ вступить одинъ съ другимъ въ междоусобное сраженіе, принесли на сеймъ извѣстіе, что казаки самовольно взяли Очаковъ и разорили Козловъ; Турція ропщетъ, жалуется на Польшу и грозитъ войною.

Въ сентябрѣ 1589 года, ворвались въ Южную Русь полчища татарскія, передовые полки турецкой завоевательной силы; ихъ велъ и указывалъ имъ дорогу полякъ шляхтичь Бѣлецкій; при Стефанѣ Баторіѣ, онъ уѣхалъ въ Турцію и тамъ ему по душѣ пришлось мусульманство, по тѣмъ не менѣе, онъ все таки хотѣлъ оставаться полякомъ и вернулся на родину, въ надеждѣ, что свобода убѣжденій и совѣсти дозволитъ ему почитать Мухамеда посреди христіанъ. Дѣйствительно, Стефанъ Баторій поступилъ съ нимъ сообразно польскому свободомыслію. Король даже счелъ, что онъ будетъ полезный человѣкъ для государства, ибо знаетъ по турецки и по татарски, соединенъ съ мусульманами вѣрою и обычаями и можетъ съ успѣхомъ быть употребленъ въ сношеніяхъ съ востокомъ. Король не только дозволилъ ему жить во владѣніяхъ Рѣчи Посполитой, но далъ ему имѣніе на Подолѣ. Однако, явленіе это черезъ чуръ было исключительнымъ; паны не потерпѣли, чтобъ отщепенецъ отъ Христа, (что̀ было тогда несказаннымъ злодѣяніемъ), жилъ между ними и прогнали его. Бѣлецкій ушелъ къ своимъ единовѣрцамъ и теперь велъ ихъ на свое отечество. Сигизмунда не было тогда въ Польшѣ: онъ уѣхалъ въ Ревель для свиданія съ отцомъ, шведскимъ королемъ. Татары пустились опустошать Червоную Русь. Ихъ нашествіе было стремительно и неожиданно, такъ что шляхта и не успѣла собраться съ духомъ, съ силами, чтобъ отразить враговъ. Кварцяное войско стояло по квартирамъ въ разныхъ мѣстахъ и собралось не прежде какъ тогда, когда татары уже порядочно разо-

рили русскій край. Сверхъ того, воеводы кіевскій и брацлавскій, собравшись каждый съ своимъ ополченіемъ, ссорились между собою и не хотѣли соединиться вмѣстѣ. Передовой отрядъ сразился съ непріятелемъ подъ Баворовымъ, былъ разбитъ; много было взято плѣнныхъ и въ ихъ числѣ были люди знатной породы. Особое передъ другими счастье послужило тогда одному изъ нихъ, пану Корыцинскому. Бѣлецкій зналъ его прежде и, по старой памяти, выпустилъ.

Казаки расправились съ татарами удачнѣе шляхты. Когда, вслѣдъ за баворовской побѣдой, татары шли, раздробившись загонами, казаки одинъ загонъ разбили въ прахъ. Но едва они успѣли покончить съ этимъ загономъ, какъ на нихъ нахлынула многочисленная орда. Казаки увидѣли, что нельзя справиться съ непріятелемъ въ полѣ; по своему обыкновенію, сейчасъ образовали укрѣпленіе изъ запряженныхъ возовъ, связанныхъ вмѣстѣ, принялись стрѣлять, отбили приступы татаръ, которые потеряли въ битвѣ съ ними много людей. Но это были только цвѣтики. Услыхали поляки, что вслѣдъ за тѣмъ переправляется черезъ Дунай сильное турецкое войско подъ начальствомъ беглербега. Тогда Замойскій (гетманъ и канцлеръ) отправился во Львовъ, поспѣшно приказалъ укрѣплять городъ, собиралъ и побуждалъ къ вооруженію пановъ русскаго воеводства, отправилъ гонцовъ въ другія воеводства съ убѣжденіями вооружаться и поспѣшить на помощь въ русское воеводство, а католическаго львовскаго епископа Соликовскаго послалъ къ архіепископу гнѣзненскому въ Великую Польшу просить собрать тамошнее дворянство на конвокацію и уставить особый денежный сборъ на составленіе войска, наконецъ, отправилъ къ королю послаца и просилъ поскорѣе воротиться въ Польшу. Въ письмѣ къ королю Замойскій описывалъ плачевное положеніе русской земли. Между тѣмъ къ Замойскому прибылъ Юрій Мнишекъ, воевода сендомирскій. За Мнишкомъ пришли его

родные Стадницкіе; прибѣгала шляхта изъ русскаго воеводства. Въ Каменецъ послалъ Замойскій гарнизонъ подъ начальствомъ Язловецкаго. Собравши нѣсколько войска, Замойскій пустилъ вѣсти, будто у него войска чрезвычайное множество. Эти вѣсти должны были, по его распоряженію, дойти до турокъ; въ тоже время Замойскій отправилъ къ беглербегу предложеніе пріостановить военныя дѣйствія, пока отъ короля и Рѣчи Посполитой не прибудетъ посолъ для заключенія мирнаго договора; и такъ-какъ главный поводъ къ враждѣ со стороны Турціи были казацкіе набѣги, то Замойскій тогда же послалъ обѣщаніе, что Рѣчь Посполитая будетъ удерживать казаковъ отъ походовъ на Черное море. Беглербегъ, обманутый слухомъ объ огромности польскаго войска, не пошелъ далѣе и пріостановился. Нужно было поскорѣе воротить въ Польшу короля, но съ королемъ не скоро сладили. Отецъ не пускалъ его изъ Ревеля, какъ ни просили поляки. Отецъ хотѣлъ при своей жизни вѣнчать сына на царство въ Швеціи, чтобъ обезпечить за нимъ шведскій престолъ. Поляки догадывались, что Сигизмундъ иностранецъ для Польши и, подобно Генриху французскому, чувствуетъ, какъ тяжело ладить съ вольными привычками поляковъ, а поэтому хочетъ улизнуть отъ престола. Въ самомъ дѣлѣ, не привыкшему еще къ польскому строю, недавно избранному, королю шведскаго происхожденія было душно въ новой атмосферѣ; онъ разсчитывалъ, что гораздо лучше обезпечить себѣ корону отцевъ своихъ, чѣмъ бояться потерять ее и остаться въ такомъ государствѣ, гдѣ королевская воля черезъ чуръ была ограничена. Сигизмундъ и тогда, какъ нѣсколько лѣтъ потомъ, думалъ уступить польскую корону австрійскому дому за выгодныя условія для Швеціи. Въ это пребываніе его въ Ревелѣ, сенаторы, убѣждая его воротиться, грозили, что иначе поляки приступятъ къ новому выбору и, по всѣмъ вѣроятіямъ, выберутъ московскаго го-

сударя, а тогда соединеніе Московіи съ Польшею будетъ не безопасно для Швеціи. Отнимется у ней не только Эстонія, но и Финляндія. Сигизмундъ, и послѣ этихъ представленій, не хотѣлъ было возвращаться, ссылаясь на волю родителя, который хотѣлъ непремѣнно взять его съ собою въ Швецію: онъ сдался только тогда, когда шведскіе сенаторы разсудили, что въ самомъ дѣлѣ плохо будетъ для ихъ отечества, если поляки выберутъ въ короли московскаго государя, и рѣшились просить своего короля отпустить сына въ Польшу. Какъ мало избранному королю въ то время ложились на сердце опасности его новаго королевства, доказываетъ лучше всего, что онъ, получивъ вѣсть о татарахъ не въ Ревелѣ, а еще на дорогѣ въ Ревель — въ Вильнѣ, не только не воротился назадъ, какъ бы требовалось отъ польскаго короля, но еще не стыдился просить денегъ на свое путешестіе въ Ревель. По возвращеніи Сигизмунда, тотчасъ отправили въ Константинополь посломъ Уханскаго. Сломивъ себѣ ногу на дорогѣ, этотъ посолъ не могъ ѣхать скоро и пролежалъ больной въ Львовѣ; только 22 ноября доѣхалъ онъ до Силистріи и тамъ видѣлся съ беглербегомъ. Турки и татары не останавливали военныхъ дѣйствій, хотя не рѣшались итти на Замойскаго; они сожгли и разорили Снятинъ, напавши на него во время торга. Самъ беглербегъ не былъ заклятой врагъ поляковъ и въ разговорѣ съ Уханскимъ выразился, что главная причина несогласія одни казаки; пусть только Рѣчь Посполитая укротитъ ихъ, не допуститъ болѣе дѣлать морскихъ набѣговъ, — тогда твердый миръ послѣдуетъ. Больной Уханскій продолжалъ черезъ силу слѣдовать въ Константинополь и, какъ только пріѣхалъ туда, тотчасъ и умеръ 1 декабря. Оставшіеся его товарищи, Чижовскій, Лащъ и Мышковскій, не имѣли отъ своего правительства полномочія продолжать посольство. Визиремъ былъ тогда Синанъ-Паша, фанатическій врагъ христіанства вообще, а

на Польшу за казаковъ былъ золъ особенно. Онъ объявилъ имъ такой приговоръ: «выберите одного изъ васъ и пошлите въ Польшу; пусть что-нибудь одно выбираютъ поляки: либо черезъ сорокъ дней пригонятъ намъ сто коней, навьюченныхъ серебромъ, и будутъ давать каждый годъ такую же дань, либо всѣ примутъ мусульманскую вѣру. А если не будетъ ни того ни другаго, такъ мы васъ сотремъ и землю вашу пустою сдѣлаемъ; уже мы примирились съ персами и государь ихъ послалъ нашему въ залогъ своего племянника; испанцы умоляютъ насъ о мирѣ; нѣмецкій цесарь платитъ намъ дань и теперь долженъ заплатить за три года разомъ все, что не уплатилъ прежде. Такова наша вѣра, чтобы всѣ псы гяуры либо намъ дань платили, либо нашей вѣры были! Ты, Чижовскій, ступай въ Польшу: ты не жиренъ; тебѣ легче скоро туда съѣздить!» Послы вздумали было сослаться на прежній мирный договоръ и просили послать отъ имени падишаха къ королю и Рѣчи Посполитой Чауша, но визирь свирѣпо закричалъ: «вы, псы, нарушили договоръ; теперь либо дань платите, либо всѣ въ нашу вѣру поступайте». Поляки просили, чтобъ имъ дали болѣе продолжительный срокъ, сначала просили годъ, потомъ полгода; но имъ объявлено отъ имени государя: «нѣтъ вамъ иного срока, только сорокъ дней. Есть ли у васъ умъ? Кто можетъ со мной бороться? Персы меня боятся, венеціане трепещутъ, испанецъ умоляетъ о пощадѣ, нѣмецъ долженъ дать все, что я прикажу. Я на васъ пошлю всѣ татарскія орды, молдаванъ, волоховъ, пашу будинскаго, темешварскаго, беглербега изъ Силистріи, съ двумя стами тысячъ войска. Самъ пойду съ войскомъ, съ тремя стами тысячъ. А вы еще думаете мнѣ сопротивляться? Свѣтъ трепещетъ предо мною!». Опечатали имущество поляковъ, самихъ окружили стражею, и когда они осмѣлились сдѣлать представленіе противъ такого нарушенія посольскаго права, то имъ сказали: не противьтесь, иначе поло-

вина васъ повиснетъ на крюкѣ, а половина будетъ работать на галерахъ!

Чижовскій былъ отпущенъ впередъ и прискакалъ въ Польшу въ началѣ 1590 года, когда тамъ начался сеймъ.

Собщенное Чижовскимъ донесеніе сдѣлало ужасный переполохъ во всей Рѣчи Посполитой. Постановили собрать поголовную подать со всѣхъ жителей Рѣчи Посполитой, начиная отъ важнѣйшихъ лицъ — примаса, гетмана, воеводъ, до послѣдняго хлопа, соразмѣрно состоянію и средствамъ каждаго, такъ что высшая сумма приходилась на примаса 600 злотыхъ, на гетмана и воеводъ — по сто злотыхъ, и кончалась однимъ грошемъ съ бѣдныхъ женщинъ и дѣтей. Сколько съ кого надлежало взять, было расписано на сеймѣ безъ мѣстной оцѣнки имуществъ. Тогда же постановлено было собрать посполитое рушенье со всѣхъ воеводствъ. Казаки въ числѣ двадцати тысячъ были подняты на ноги. Такъ какъ для содержанія этихъ силъ не доставало ни поголовной подати, ни обычныхъ поборовъ, то постановили еще сдѣлать заемъ. А между тѣмъ, желая испробовать еще разъ счастья, послали секретаря королевскаго Замойскаго, родственника канцлера, въ Турцію, съ предложеніемъ мира.

Замойскому въ Турціи помогло во первыхъ то, что ненавистникъ поляковъ Синанъ-Паша былъ лишенъ визирства и на его мѣсто поставленъ Фергетъ-Паша, который былъ согласнѣе на примиреніе, и во вторыхъ то, что случился тогда въ Константинополѣ англійскій посланникъ, который сходился съ турецкимъ дворомъ по поводу взаимной вражды какъ Англіи, такъ и Турціи, къ Испаніи. Этотъ посолъ уладилъ дѣло между визиремъ и Замойскимъ. Постановили по прежнему быть миру между Польшей и Турціей; Польша должна были заплатить сто сороковъ соболей за вредъ, который нанесли Отоманской Портѣ казаки своими набѣгами. Такимъ образомъ отдѣлались поляки отъ тучи, собиравшейся

надъ ихъ отечествомъ. Она тѣмъ была тяжелѣе, что поголовная подать и посполитое рушенье еще прежде войны производили всеобщее неудовольствіе.

Послѣ такой передряги, естественно было принять болѣе строгія мѣры къ укрощенію казаковъ. Въ 1590 году правительство принуждено было построить на Днѣпрѣ городъ и помѣстить въ немъ вооруженный гарнизонъ для того, чтобъ прерывать сообщеніе Украины съ Запорожьемъ, чтобъ, съ одной стороны, украинскіе бѣглецы не увеличивали запорожской вольницы, нападавшей безпрестанно на турецкіе предѣлы и подававшей поводъ къ недоумѣніямъ и враждѣ съ Турціей; съ другой стороны, чтобъ изъ низовыхъ степей не дѣлали набѣговъ на южнорусскія земли. Начальникомъ надъ этимъ гарнизономъ поставленъ былъ Николай изъ Бучача Язловецкій, староста снятинскій; набрать гарнизонъ слѣдовало изъ жителей разныхъ державъ (владѣній), находящихся при Днѣпрѣ; сосѣди обязаны были давать этому гарнизону содержаніе по четверику муки съ каждаго двора.

Вообще о казацкомъ устройствѣ состоялось на сеймѣ такое строгое постановленіе. Казаки ограничиваются шеститысячнымъ числомъ реестровыхъ, и находятся въ зависимости отъ короннаго гетмана. Ихъ начальники и сотники должны быть непремѣнно изъ шляхты. Безъ позволенія гетмана они не смѣютъ переходить черезъ границы королевства ни водою, ни землею, не должны принимать въ свое товарищество никого безъ воли своего старшого, а ихъ старшой безъ воли короннаго гетмана, а еслибъ онъ оставилъ службу, то другой на его мѣсто можетъ поступать только тогда, когда старшой сообщитъ объ этой перемѣнѣ короннаго гетмана, у котораго долженъ находиться письменный реестръ всѣхъ казаковъ. Не слѣдуетъ принимать въ казаки ни въ какомъ случаѣ людей осужденныхъ и къ смерти приговоренныхъ. Казаки не должны быть допускаемы въ мѣстечки иначе, какъ

съ позволенія старшого или сотника и, притомъ, съ письменнымъ отъ него свидѣтельствомъ. Чтобы преградить путь своевольнымъ людямъ наполнять казацкіе ряды и составлять шайки, постановлено, чтобъ старосты и державцы (т. е. князья и паны въ своихъ родовыхъ имѣніяхъ) имѣли урядниковъ, которыхъ бы должность состояла въ томъ, чтобъ не пускать никого изъ городовъ и мѣстечекъ и селъ на низъ и за границу, и если кто убѣжитъ и возвратится съ добычею, у того добычу отнимать, а его самаго казнить; слѣдуетъ имъ наблюдать, чтобъ никто изъ казаковъ никому не продавалъ пороха, селитры, оружія и живности безъ позволенія старшого, а добычи отнюдь. Непослушные и нестарательные урядники подвергаются наказанію наравнѣ съ своевольниками; также и владѣльцы, если бы, противъ воли гетманской, ходили въ поле съ войскомъ, дѣлали набѣги на сосѣднія земли и нарушали миръ съ ними, подвергаются наказанію. Сеймъ учреждалъ дозорцевъ, двухъ числомъ, которые, каждый въ своемъ участкѣ должны наблюдать, чтобъ не начиналось какого-либо своевольства, о низовыхъ казакахъ доносить гетману, а о тѣхъ, которые жительствуютъ въ панскихъ владѣніяхъ, увѣдомлять владѣльцевъ, и паны, безъ всякихъ проволочекъ, должны карать смертью, какъ своихъ подданныхъ, такъ и безземельную шляхту, состоящую у нихъ на службѣ.

Эти мѣры не укротили казачества, а только раздражили и, тѣмъ самымъ, расширяли его. Казаки послѣ того вздумали было итти въ Молдавію. Нашелся какой-то самозванецъ, который назывался сыномъ бывшаго господаря Ивоніи; толпы казаковъ готовы были вести его на воеводство. Но Язловецкій сталъ съ ними переговариваться и убѣдилъ выдать самозванца. Выданный казаками, онъ былъ посланъ въ заточенье въ Мальборкъ (Маріенбургъ). Тѣмъ не менѣе, никогда до того времени не выказали казаки своей противности королевству и дворянству, такъ какъ случилось послѣ

этого постановленія. Лишеніе казаковъ возможности вырываться внѣ государства обратило ихъ удаль внутрь этого самаго государства. Казаки, во первыхъ, были военное общество, а во вторыхъ, всегда, когда имъ представлялась возможность воевать, вольница наполняла ряды казацкіе. Казачество расширялось внѣ и было занято внѣшней войною, но коль скоро дорога къ внѣшней войнѣ была пресѣчена, то это вольное общество, естественно ища свободы своей дѣятельности, стало расширяться внутри, стремилось захватить для себя возможно болѣе поля въ королевствѣ и сломить противоположныя себѣ начала шляхетскаго строя. Казачество ударилось на шляхетство и панство, на государственно-аристократическій строй Польши, потому что эти начала ему мѣшали жить, такъ какъ оно имъ мѣшало жить своимъ ростомъ. Еще недавно умный и проницательный Стефанъ Баторій предсказывалъ, что изъ этихъ юнаковъ казаковъ будетъ самобытная рѣчь посполитая. Теперь они именно къ этому и стали выказывать стремленіе.

Въ 1593 г. явился у казаковъ гетманомъ Криштофъ Косинскій. Родомъ онъ былъ шляхтичь русской вѣры изъ Подлясья. Какъ онъ попалъ въ казачество — мы не знаемъ; равно неизвѣстно, какого рода казаками онъ первоначально начальствовалъ. Онъ кликнулъ кличь, и къ нему обратилась разнородная вольница Украины. Явилось много предводителей шаекъ и признало его предводителемъ. Какъ бы его ополченіе ни составилось — оно считало себя и называлось казацкимъ. Возстаніе распространилось разомъ по тремъ воеводствамъ южно-русскимъ: кіевскому, брацлавскому и волынскому. Старосты въ кіевскомъ воеводствѣ послали противъ своевольныхъ казаковъ отрядъ, но казаки разбили его. Казаки нападали на панскіе и шляхетскіе дворы. Вмѣстѣ съ золотомъ и серебромъ, они забирали непремѣнно пергаменные документы дворянъ и истребляли ихъ: казаки

всегда были враги всякаго писаннаго закона, всякаго историческаго и родоваго права. На то у нихъ вольность, равенство, общій приговоръ; они ненавидѣли то, что поддерживалось привиллегіями — происхожденіе и право дворянской власти надъ людьми. Въ панскихъ имѣніяхъ и староствахъ рабы, почуявъ, что можно сбросить съ себя ярмо, помогали казакамъ нападать на пановъ.

Въ началѣ 1592 г., король, слыша, что возстаніе охватило всю Русь, выдалъ универсалъ, которымъ назначилъ особыхъ коммиссаровъ для розыска причинъ: откуда истекаютъ эти страшныя своевольства, какіе люди волнуютъ народъ; урядники городскіе и земскіе должны были помогать сыщикамъ — доставлять свѣдѣнія о безпокойныхъ людяхъ и самихъ ихъ предавать суду, а отсутствующихъ записывать и преслѣдовать послѣ. Эта коммиссія ничего не сдѣлала. Косинскій въ тотъ же годъ овладѣлъ Кіевомъ, потомъ Бѣлою Церковью: тамъ укрѣпленія были въ небреженіи. Острожскій, на попеченіи котораго лежала эта обязанность, оправдывался тѣмъ, что доходы для поправки были недостаточны. Замѣчательно, что въ долгое воеводство Острожскаго, крѣпость кіевская постоянно находилась въ небреженіи, и еще давно, Сигизмундъ Августъ укорялъ его за это [1]). Въ Кіевѣ Косинскій взялъ порохъ и все огнестрѣльное оружіе, какое тамъ было приготовлено. За Кіевомъ и Бѣлою Церковью покорились Косинскому другіе городки. Послѣ занятія украинскихъ городовъ, Косинскій сталъ выказывать умыселъ отторженія Руси отъ Польши. Казаки не только разоряли панскіе дворы, но брали и королевскіе замки и города и принуждали къ присягѣ на свое имя; противниковъ убивали и мучили. Шляхта воеводства волынскаго, собравшись въ Луцкѣ и

---

[1]) См. въ колекціи собственноручныхъ писемъ Сигизмунда-Августа, хранящихся между автографами Имп. Публ. Библ.

Владимирѣ въ январѣ 1593 года, постановила, въ виду угрожающей, не только имъ, но всей Рѣчи Посполитой, опасности, прекратить всѣ свои тяжбы и споры и ополчиться. Король оповѣщалъ всѣмъ вообще лицамъ шляхетскаго сословія воеводствъ кіевскаго, брацлавскаго и волынскаго, чтобъ всѣ шли на сборъ подъ Константиновъ для укрощенія своевольства. Въ королевскомъ универсалѣ говорилось, что Косинскій не только грабитъ и убиваетъ, — всего важнѣе, онъ принуждаетъ къ присягѣ и послушанію себѣ людей шляхетскаго и мѣщанскаго званія, ополчается, такимъ образомъ, на достоинство короля и на всеобщее спокойствіе государства. Дворяне спѣшили защищать и свои маетности и свои шляхетскія преимущества. Самъ Косинскій съ пятью тысячами вторгся въ имѣнія Острожскаго и опустошилъ ихъ. Старикъ Острожскій соединилъ подъ Константиновымъ прибывшую къ нему шляхту, поручилъ идти на Косинскаго сыну своему Янушу. Историкъ Лубенскій говоритъ, что у Януша была толпа мужиковъ, и, сверхъ того, только шестьсотъ человѣкъ отборнаго войска — конныхъ копейщиковъ или гусаръ. У нихъ на Волынѣ произошло нѣсколько стычекъ съ казаками: одолѣвали казаки. Теперь Косинскій осаждалъ городъ Пятокъ и тамъ напалъ на него Янушъ Острожскій. Сначала было и на этотъ разъ повезло Косинскому: казаки разогнали острожанъ, но Янушъ двинулъ на нихъ своихъ копейщиковъ, на крѣпкихъ коняхъ, съ длинными копьями. Они врѣзались въ казацкіе ряды и смѣшали ихъ. Былъ тогда глубокій снѣгъ: казацкіе кони были слабѣе шляхетскихъ. Казаки не могли скоро бѣжать; ихъ разбили. Говорятъ, что погибло ихъ около 3.000, и взяли у нихъ двадцать пушекъ. Потомъ казаки предложили миръ. Острожскій объявилъ, что имъ даруется миръ, но они должны смѣнить Косинскаго съ гетманства. Составленъ былъ договоръ. По этому договору, казаки принесли повинную князю Острожскому, сознавали, что онъ всегда

былъ благосклоненъ къ ихъ войску, а они, забывши эти благодѣянія, надѣлали ему много зла и непріятностей, обязывались смѣнить Косинскаго и въ продолженіи четырехъ недѣль поставить новаго предводителя, не дѣлать болѣе раззореній въ державахъ и маетностяхъ князей Острожскихъ, въ имѣніи князя Александра Вишневецкаго и другихъ пановъ, находившихся въ ополченіи Острожскихъ, выдавать бѣглыхъ слугъ этихъ пановъ, возвратить вещи, взятыя въ ихъ имѣніяхъ, также возвратить орудія, забранныя въ замкахъ, кромѣ Триполья, отпустить отъ себя челядь обоего пола, которая находилась у казаковъ, и пребывать въ милости у этихъ пановъ. Въ исполненіи этихъ условій присягнулъ Косинскій 10 марта. Достойно замѣчанія, что волынскіе паны, побѣдившіе его, постановили мирный договоръ съ казаками только по отношенію къ себѣ, то есть къ тѣмъ лицамъ, которые противъ казаковъ находились въ битвѣ, а не обязывали казаковъ воздерживаться отъ непріязненныхъ поступковъ съ другими панами. Слѣдовательно, паны смотрѣли на ссору съ казаками не такъ какъ король, не такъ какъ на государственное дѣло, а какъ на домашнюю распрю. Вѣроятно, проигрышъ казаковъ не былъ очень великъ, и они мирились съ панами, чувствуя еще свою силу; иначе Косинскаго бы не выпустили живымъ.

Косинскій, возвратившись въ Украину, не хотѣлъ, по условію, отречься отъ начальства и замышлялъ снова набѣги, думалъ проучить тѣхъ, которые подавали Острожскому помощь, и злился особенно на старосту черкаскаго Вишневецкаго. Но Вишневецкаго предупредили въ пору. Косинскій вошелъ въ Черкасы съ четырьмя стами, а по другимъ извѣстіямъ, съ тремя стами пятидесятью человѣками своихъ единомышленниковъ; онъ думалъ овладѣть Черкасами и ожидалъ, что къ нему прибудетъ больше казаковъ. Но люди Вишневецкаго убили его пьянаго въ томъ домѣ, куда онъ

присталъ. Весь отрядъ его перебили. Возстаніе Косинскаго повлекло новыя стѣснительныя мѣры со стороны правительства. Сеймовою конституціею было объявлено, что тѣ люди, которые осмѣлятся собираться самовольно въ купы, чтобъ дѣлать наѣзды на чужія государства или производить безчинства внутри своего королевства, считаются заранѣе врагами отечества; кварцяное войско можетъ, безъ особаго предписанія или судебнаго приговора, укрощать ихъ оружіемъ, а старосты и державцы (вотчинники) имѣютъ право громить и уничтожать ихъ, въ видахъ охраненія своихъ маетностей, и не отвѣчаютъ отнюдь за убитыхъ. Сверхъ того, было постановлено, что всякій, поймавшій бѣглаго слугу или хлопа, имѣлъ право оковать его и приневолить къ своей работѣ, съ тѣмъ, что когда панъ этого бѣглаго потребуетъ, то передержчикъ обязанъ возвратить, получивъ отъ пана 12 грошей. Эти постановленія давали черезъ чуръ широкіе поводы ко всевозможнѣйшему произволу и не только не могли прекращать своевольствъ, но умножали ихъ. Одни наполняли ряды казаковъ, сверхъ реестра; другіе скрывались въ днѣпровскихъ пустыняхъ, готовые на первый кличъ мятежа явиться въ Украинѣ; третьи составляли своевольныя шайки въ Украинѣ.

Преемникомъ Косинскаго въ гетманствѣ надъ казаками былъ Григорій Лобода. Въ это время на Угрію напали Турки. Императоръ Рудольфъ, чтобъ отвлечь силы своихъ непріятелей, подослалъ къ казакамъ возбуждать ихъ напасть на турецкія владѣнія. Агентомъ императора въ этомъ случаѣ былъ нѣкто Хлопицкій; прежде онъ служилъ у короля Стефана Баторія коморникомъ, потомъ перешелъ на службу къ императору и теперь, отъ имени послѣдняго, привозилъ казакамъ знамя, цесарскую печать и деньги.

Лобода повелъ казаковъ на Дунай и разорилъ Джурджево, гдѣ происходила большая ярмарка, знаменитая въ

бное время на юго-востокѣ Европы. Казацкіе загоны разсѣялись по окрестностямъ и разоряли селенія. Уловка Рудольфа клонилась къ тому, чтобъ запутать Польшу волею-неволею въ войну съ Турціею, въ союзъ съ имперіею. По этому поводу, онъ отправилъ посольство къ Рѣчи Посполитой, просилъ не пропускать татаръ чрезъ польскія владѣнія въ Угрію и предлагалъ союзъ противъ Турціи. Въ тоже время прибылъ и турецкій чаушъ, просилъ пропустить татаръ черезъ земли Рѣчи Посполитой, жаловался на казаковъ и требовалъ не допускать ихъ дѣлать вредъ турецкимъ областямъ. Тогда еще король не воротился изъ Швеціи, куда уѣхалъ по смерти отца. Примасъ и сенаторы воспользовались предлогомъ, что короля, главы государства, нѣтъ въ государствѣ, сказали ни то ни сё обоимъ враждебнымъ между собою посольствамъ, а императору поставили на видъ, что Рѣчь Посполитая очень недовольна за то, что онъ поднимаетъ казаковъ противъ Турціи и хочетъ, противъ собственной воли Польши, втянуть ее въ войну. Польша вовсе не хочетъ нарушить мира съ Турціею и мѣшаться въ чужія распри; что касается до пропуска татаръ, то Польша, по тойже причинѣ, не позволитъ имъ проходить, тѣмъ болѣе, что они стали бы разорять ея собственныя области.

Чаушу дали отвѣтъ самый миролюбивый, увѣряли, что Польша желаетъ сохранить навсегда сосѣдственное дружество съ Отоманской Имперіей, но отклонили требованіе пропускать татаръ; о казакахъ сказали, что правительство прикажетъ пограничнымъ старостамъ надзирать надъ спокойствіемъ края и не пропускать казаковъ въ турецкія владѣнія; но это народъ своевольный: трудно за него поручится. При этомъ поляки замѣтили, что татары дѣлали нападенія и опустошенія въ земляхъ Рѣчи Посполитой: этимъ хотѣли показать, что если Турки имѣютъ право жаловаться на своевольство Лободы, то Польша могла роптать на своевольства

татаръ и, такимъ образомъ, взаимныя равныя притязанія уничтожаютъ взаимно одно другое. Но этимъ не удовольствовались мусульмане. Синанъ-Паша, бывшій визирь, повелъ войско въ Угрію, разбилъ эрцгерцога Маттіаса на переправѣ черезъ Дунай, взялъ Яворинъ, потомъ Паппу и въ концѣ октября осадилъ Коморну. Загоны татарскіе опустошали край до Вейскирхена близко Вѣны; на жителей Австріи, Моравіи, Чехіи напалъ такой страхъ, что думали — приходитъ всѣмъ конецъ. Въ это лѣто татары (какъ прежде Турціею объявлено было Польшѣ о желаніи провести ихъ черезъ польскія владѣнія), вошли въ Волощину: казаки было погнались за ними да не догнали. Изъ Волощины татары ворвались въ польскія владѣнія въ Покутье, взяли Снятинъ, Жуковъ, Тлумачь, Цецибисы, Тисьменицу. Галицкій замокъ защитилъ воевода бѣльзскій Влодекъ. Татарскіе загоны сожигали села, убивали тѣхъ, кого не хотѣли брать, и брали въ неволю женщинъ и дѣвушекъ. Ту дѣвицу ведутъ привязавши къ коню, другую привязавши къ возу — (живописуетъ такой набѣгъ народная пѣсня). Та плачетъ и кричитъ: Боже мой, коса моя, коса моя жолтенькая! не матушка тебя разчесываетъ — татаринъ бичемъ растрепываетъ! Другая плачетъ и кричитъ: Боже мой, ножки мои! не матушка ихъ моетъ: песокъ пальцы разъѣдаетъ, кровь пучки обливаетъ!

Паны были виноваты въ этомъ неожиданномъ несчастіи. Замойскій предостерегалъ всѣхъ; можно было ожидать, что не простятъ невѣрные похода Лободы; а на границѣ не было поставлено войска, не взято мѣръ къ оборонѣ. Замойскій выступилъ противъ татаръ тогда, когда они уже успѣли надѣлать бѣдъ въ Червоной Руси. Къ Замойскому присоединились браславскій воевода Янушъ Збаражскій, сендомирскій воевода Юрій Мнишекъ съ своими ополченіями. Татары взяли Калюжу и Долину и приблизились къ Самбору, владѣнію Мнишка. Поляки остановились подъ Самборомъ;

Замойскій велѣлъ окопаться и намѣревался здѣсь удерживать татаръ и отбиваться отъ нихъ, пока не подойдетъ войско подъ начальствомъ польнаго гетмана Станислава Жолкѣвскаго. Татары наткнулись на поляковъ и также окопались, но только для того, чтобъ обмануть поляковъ; они довольно уже ограбили польскія владѣнія, черезъ которыя проходили только мимоходомъ, не хотѣли вступать въ сраженіе, и думали какъ бы уйти изъ польскихъ владѣній. Цѣль ихъ была Угрія. Они натыкали значковъ по окопамъ, побросали хромыхъ лошадей въ окопахъ: полякамъ могло показаться, что окопы остаются заняты; а сами татары тихо ушли къ угорской границѣ. Поляки цѣлые сутки не узнали, что враговъ нѣтъ, а узнавши, что ихъ нѣтъ въ окопахъ, не тотчасъ провѣдали по какому пути они отправились, наконецъ, освѣдомились, что татары выбрали путь самый тѣсный и неудобный, черезъ Бескиды на Густовъ. Замойскій погнался за ними, но не догналъ; русскіе плѣнники хлопы прочищали татарскому полчищу дорогу: за это нѣкоторыхъ татары отпустили, а другухъ изрубили въ благодарность за труды. Польскія войска по слѣдамъ татаръ перешли черезъ Бескиды и очутились на Семигорской землѣ. Замойскій, положивши не мѣшаться въ дѣла Угріи, не счелъ умѣстнымъ преслѣдовать татаръ на чужомъ полѣ и воротился.

Это происходило лѣтомъ 1594 года, а въ слѣдующую за лѣтомъ осень, какъ выше было сказано, турки встрясли Угрію; татары, проходившіе черезъ польскія владѣнія, помогли туркамъ опустошить угорскій край.

Проводивши отъ себя татаръ, поляки вновь должны были ожидать этихъ гостей. Татарамъ приходилось ворочаться тѣмъ же путемъ; а потому полякамъ нужно было принимать мѣры, чтобъ ихъ побить на поворотѣ. Миръ съ Турціею былъ нарушенъ. Польша хоть и не вступила съ императоромъ въ союзъ, какъ бы хотѣлось послѣднему, но все-таки

онъ заставилъ ее дѣйствовать ему въ угоду, ибо теперь Польша имѣла однихъ съ нимъ враговъ. Ожидая, что татары пойдутъ назадъ черезъ Червону Русь, паны южнорусскіе: Острожскіе (отецъ, старикъ Константинъ съ меньшимъ сыномъ Александромъ воеводою волынскимъ), воевода брацлавскій князь збаражскій, воевода подляскій князь Заславскій, воевода сендомирскій Юрій Мнишекъ (защищавшіе въ Южной Руси свои имѣнія) стали у Бескидовъ, съ тѣмъ, чтобъ перерѣзать татарамъ путь и наказать ихъ за опустошеніе Руси. Съ другой стороны Язловецкій, котораго король въ 1590 г. поставилъ начальникомъ новопостроеннаго Кременчуга, подалъ правительству мысль напасть на Крымъ и самъ взялся исполнить ее, а для этого пригласилъ казаковъ. Такимъ образомъ, когда Замойскій готовился поражать татаръ у подошвы Карпатъ, Язловецкій собирался ихъ громить въ самомъ ихъ гнѣздѣ. Но Татары, бывшіе въ Угріи, не пошли назадъ черезъ польскія владѣнія, а возвратились черезъ Волощину прямо. Замойскій съ панами, собравшимися къ нему, стоялъ на границѣ всю осень и часть зимы и воротился уже въ концѣ декабря. Язловецкому еще менѣе удалось отличиться: казаки пошли было съ нимъ; ихъ было два отряда Лободы и Наливайка; но они на дорогѣ отстали отъ Язловецкаго и самовольно пошли въ Волощину. И на этотъ разъ подстрекательство къ нимъ было, какъ прежде, отъ императора Рудольфа. Казаки сожгли Тегинь (Бендеры), не могли, однако, сладить съ крѣпкимъ замкомъ въ этомъ городѣ, разсѣялись загонами по Молдавіи, обратили въ пепелъ болѣе пяти сотъ поселеній, взяли въ полонъ до четырехъ тысячъ татарскаго и турецкаго населенія обоего пола и ворочались домой. Но на переправѣ Молдавскій господарь съ 7,000 своего войска соединился съ татарами; на переправѣ отгромили у казаковъ всю добычу. «Смотрите же — кричали молдаванамъ казаки — мы сдѣлаемъ

вамъ пакость; даемъ вамъ рыцарское слово и сдержимъ его!» Они соединились съ самимъ гетманомъ Лободою, снова ворвались въ Молдавію, догнали молдавскаго господаря и сдержали свое рыцарское слово: разбили его и потомъ воротились въ Русь. Язловецкій, послѣ отхода отъ него казаковъ, не могъ продолжать своего предпріятія. Онъ воротился и ему было очень стыдно и досадно послѣ того, какъ онъ такъ самонадѣяно собирался въ походъ; и эта неудача такъ его потрясла, что онъ скоро умеръ отъ скорби.

Полчище казаковъ, послѣ молдавскаго похода, стало въ Брацлавщинѣ. То было осенью 1594 года. Начальствовалъ имъ Семерый Наливайко. Онъ былъ предводителемъ вольницы, а не реестровыхъ казаковъ, но былъ въ ладахъ съ Лободою, гетманомъ реестровыхъ, какъ показываетъ ихъ совмѣстный походъ въ Молдавію. По современнымъ извѣстіямъ, родной братъ его Даміанъ былъ попомъ въ Острогѣ; съ нимъ жила мать его, сестра и братъ. У него уже была заклятая ненависть къ панамъ, возбужденная семейнымъ дѣломъ. У отца его былъ грунтъ (поземельное владѣніе). Панъ Калиновскій въ Гусятинѣ отнялъ имѣніе Наливайкова отца и самого хозяина такъ отколотилъ по ребрамъ, что тотъ умеръ отъ побоевъ. Наливайко, ожесточенный противъ польскаго произвола, задумалъ продолжать дѣло Косинскаго и поднять возстаніе противъ шляхетскаго строя Польши. Мѣщане брацлавскіе сочувствовали ему и впустили казаковъ въ городъ. Казаки стали собирать стацію, т. е. лошадей для подводъ, да воловъ и коровъ для пропитанія себѣ. Брацлавль былъ отнятъ у старосты Струся и переданъ во власть казацкаго гетмана Лободы; отъ всѣхъ окольныхъ владѣльцевъ потребовали стацію. Шляхтичи, полагая, что казаковъ не много, храбрились и черезъ посланнаго Цурковскаго такой отвѣтъ послали: мы не станемъ давать стаціи, чтобъ насъ не причли къ вашимъ пособникамъ. Цурковскій имѣлъ порученіе,

чтобъ и мѣщанъ отвернуть отъ казаковъ; но казаки задержали его. Былъ тогда октябрь мѣсяцъ. Приходило время отправлять *судовые рочки:* шляхта съѣзжалась въ свой повѣтовый городъ для рѣшенія тяжебъ и для разсужденія вообще о своихъ дѣлахъ. Шляхта, поэтому, была въ сборѣ и должна была ѣхать въ Брацлавль. Недождавшись своего посланца Цурковскаго, собраніе шляхтичей, ѣхавшее на рочки, двинулось къ Брацлавлю и остановилось не подалеку ночевать на землѣ брацлавскаго хорунжаго. Вдругъ мѣщане города Брацлавля съ своими выборными городовыми чинами — войтъ, бурмистръ, райцы, все, что составляло законное правительство въ городѣ, нападаютъ на дворянъ, а съ мѣщанами — и Наливайко съ своей шайкой; захваченныхъ въ расплохъ бьютъ, мучатъ; одного изъ нихъ до смерти истязали, другихъ ранили, того остріемъ оружія укололи, того дубиной огрѣли; всѣхъ розогнали; имущества ихъ забрали себѣ.

Въ эту осень Лобода женился и, притомъ, по казацки. У нѣкоего Оборскаго жила въ домѣ родственница жены его, сирота. Она приглянулась Лободѣ и родственники-воспитатели, противъ ея воли, отдали дѣвицу насильно за казацкаго гетмана. Не надѣялись знавшіе близко Лободу никакого счастья изъ этого брака, да и самое положеніе казацкаго вождя не представляло тогда ничего прочнаго. Послѣ своей женитьбы Лобода отправился въ Волощину. И наливайковы казаки вышли изъ Брацлавля; одни говорили тогда: пошли они къ волохамъ, другіе — къ черкесамъ. «Куда бы они не ушли, лишь бы отъ насъ подальше были,» — писалъ объ нихъ Константинъ Острожскій своему зятю.

Казаки пограбили Волощину и воротились въ Украину. Наливайко съ своею шайкою отправился въ Семигорскую землю. Въ придунайскихъ краяхъ завязывалась тогда путаница. По наущенію Сигизмунда Баторія седмиградскаго

князя, сторонника и родственника Габсбурговъ, молдавскій и волошскій господари покусились освободиться отъ вассальной зависимости Турціи. Этимъ союзомъ руководила Австрія, которой было въ то время выгодно и подручно поднять противъ Турціи враговъ около себя, какъ можно поболѣе. Двое союзниковъ послали пословъ своихъ на польскій Сеймъ 1595 г. Но Замойскій неохотно погнался за этимъ предпріятіемъ. Постоянный противникъ союза Польши съ Австріею, Замойскій не видѣлъ, чтобъ силы Рѣчи Посполитой были достаточны для рѣшительной борьбы съ оттоманскимъ могуществомъ. Прежде надобно было устроиться и приготовиться. Но главное, что, по мнѣнію Замойскаго, тогда нужно было прежде всего сдѣлать — это укротить казацкія своевольства и лишить казаковъ возможности нападать на сосѣдей и безчинствовать въ государствѣ. Замойскій не терпѣлъ ихъ и, при всякомъ случаѣ, твердилъ о необходимости держать ихъ въ строгости. Сеймовые послы также неохотно поддались на убѣжденія и не согласились наложить на шляхту большіе поборы, какихъ бы потребовало веденіе войны. Но во всякомъ случаѣ, нельзя было оставить дѣла придунайскаго безъ всякаго вниманія по отношенію къ Польшѣ. Замыслы румынскихъ господарей должны были произвести перевороты слишкомъ близко къ ея границамъ. Можно было предвидѣть, что, въ неравной борьбѣ румыновъ съ Турціей, побѣдителями останутся турки; Замойскій считалъ опаснымъ, если турки покорятъ Валахію и Молдавію и уничтожатъ ихъ автономію.

До сихъ поръ эти два княжества, по крайней мѣрѣ, не давали сходиться непосредственнымъ турецкимъ границамъ съ польскими. Молдавія считалась въ вассальной зависимости отъ Польши и, по всей справедливости, не слѣдовало смотрѣть на ея судьбу равнодушно. Сверхъ того, — если война начнется въ придунайскихъ княжествахъ, то надобно было

ожидать, что пойдетъ туда орда и можетъ снова зацѣпить предѣлы Рѣчи Посполитой. По этому, Замойскій счелъ нужнымъ итти съ войскомъ на границу, чтобъ не допускать хана. Онъ приглашалъ было итти къ нему съ войскомъ Лободу. Казацкій гетманъ сначала показывалъ видъ, будто хочетъ того же. Весною онъ писалъ Острожскому, что казаки пойдутъ за одно съ молдавскимъ господаремъ противъ врага Христова.

Но когда Замойскій потребовалъ его къ коронному войску не для того, чтобы тотчасъ начинать войну, а только для того, чтобы оберегать границу, то Лобода не захотѣлъ. «Такъ я приказываю» — сказалъ Замойскій казацкимъ посланцамъ — «не смѣйте, казаки, безпокоить Турціи. Я вамъ это запрещаю».

Когда Замойскій дошелъ до молдавской границы, въ Молдавіи произошелъ переворотъ.

У молдавскаго господаря Аарона былъ угорскій полкъ, а надъ нимъ начальникомъ былъ Розванъ; — отецъ его былъ цыганъ, мать валашка. Стакавшись съ семигорскимъ княземъ, Розванъ измѣнически схватилъ Аарона съ женою и дѣтьми и отослалъ къ семигорскому князю; себѣ захватилъ его богатства, превозгласилъ господаремъ Сигизмунда Баторія, а самъ сталъ властвовать въ Молдавіи, какъ его намѣстникъ. И семигорскій князь и Розванъ просили Замойскаго помогать имъ противъ турокъ. Замойскій отказалъ обоимъ. Вслѣдъ за тѣмъ, молдавскіе бояре, не желая повиноваться Розвану и страшась турокъ, просили Замойскаго дать имъ господаря отъ руки польскаго короля. Тогда Замойскій вошелъ въ Молдавію, и, по желанію молдавскихъ бояръ, посадилъ въ Яссахъ господа́ремъ Іеремію Могилу изъ знатныхъ бояръ молдавскихъ.

Былъ октябрь 1595 г.

Находили татары. Замойскій окопался при Прутѣ, у

Цецоры, и приготовился встрѣчать татаръ боемъ, если нужно будетъ. Но когда подошли непріятели, то онъ предложилъ турецкому санджаку, бывшему съ ханомъ, войти въ переговоры съ Польшею за Турцію, отдѣльно отъ хана.— Санджакъ согласился, и тогда заключенъ былъ очень выгодный для Польши договоръ.

Турки оставляли молдавскимъ господаремъ того, кого поставилъ Замойскій, и татары должны были выйти изъ Молдавіи. Причиною такого удачнаго дѣла было то, что ханъ съ ордою поспѣшилъ въ Молдавію прежде, чѣмъ могъ соединиться съ турками.

Турки не принялись какъ слѣдуетъ за это дѣло, потому что у нихъ въ дивинѣ была рознь. Ханъ съ ордою не рѣшался на войну съ Замойскимъ въ чужой землѣ; подходила осень и татары могли лишиться продовольствія; и у татаръ, притомъ, было въ обычаѣ на зиму уходить въ свои жилища. При договорѣ была рѣчь о казакахъ. Турки извиняли набѣги татаръ на королевство тѣмъ, что на турецкія владѣнія нападаютъ казаки, и требовали укротить ихъ, чтобъ не было болѣе поводовъ къ войнамъ. «Казаки — отвѣчалъ Замойскій — поступаютъ не по королевскому повелѣнію; они люди своевольные и дѣлаютъ много зла королевскимъ подданнымъ. Король не станетъ болѣе ихъ терпѣть и пошлетъ на нихъ своихъ людей.»

Замойскій воротился зимою въ отечество и засталъ тамъ казацкое возмущеніе въ разгарѣ. Наливайко возвратился изъ Семигорья осенью 1595 г. и открыто пошелъ противъ польской короны. Его возмущеніе принимало уже религіозный оттѣнокъ, хотя въ слабой степени. То было время, когда владыки собирались ѣхать въ Римъ и по Руси распространились слухи о подчиненіи Русской церкви папѣ; нѣкоторые были за нововведеніе, другіе горячо возставали; читалось посланіе Острожскаго и возбуждалось православное

благочестіе. Злоба казаковъ къ знатнымъ и богатымъ привлекала къ нимъ все мелкое и угнѣтенное — теперь они могли надѣяться на большее народное сочувствіе, когда прикрывали свои своевольства знаменемъ вѣры. Есть вѣроятіе, что самъ Острожскій, если не покровительствовалъ явно мятежу, то смотрѣлъ на него сквозь пальцы, по крайней мѣрѣ, на сколько своевольники могли пугать отщепенцовъ православной вѣры. Наливайко вступилъ на Волынь, напалъ на Луцкъ и ограбилъ его такъ, что, впослѣдствіи, Сигизмундъ, по просьбѣ луцкихъ мѣщанъ, въ уваженіе къ разореніямъ, понесеннымъ отъ казаковъ, простилъ имъ годовую плату чоповаго [1]).

Луцкъ былъ епископскій городъ; здѣсь были сторонники и слуги епископа Кирилла Терлецкаго, и на нихъ особенно обратилась злоба.. И въ Луцкѣ, какъ и въ другихъ городахъ, Наливайко находилъ себѣ друзей. Посѣщеніе казацкое подняло въ городѣ и въ окрестностяхъ духъ своеволія. Наливайко зазывалъ къ себѣ охотниковъ въ казаки; составлялись сотни, избирались сотники и атаманы. Кто не хотѣлъ потакать казачеству, того грабили. Самъ Наливайко отправился на сѣверъ въ Бѣлоруссію. И тамъ возстаніе находило себѣ сочувствіе; панскіе слуги и крестьяне сбѣгались въ казацкое полчище.

Наливайко напалъ на Слуцкъ такъ неожиданно, что тогдашній владѣлецъ Слуцка Гіеронимъ Ходкѣвичь каштелянъ виленскій не успѣлъ принять мѣръ къ оборонѣ. Наливайко взялъ городъ и замокъ и наложилъ на мѣщанъ пять тысячъ копъ литовскихъ въ свою пользу. Узнавши о казацкомъ нападеніи, гетманъ литовскій Криштофъ Радзивилъ оповѣстилъ по литовскимъ повѣтамъ, чтобъ шляхетство собиралось для изгнанія и укрощенія мятежниковъ. Наливайко не дождался

---

[1]) Подать съ напитковъ.

прибытія шляхетской силы въ Слуцкѣ, взялъ въ слуцкомъ замкѣ восемдесятъ гаковницъ и семьдесятъ ружей, раздалъ своимъ — ушелъ изъ Слуцка и напалъ на Добрушку. За нимъ гналась пѣхота литовскаго гетмана и слуги Ходкѣвича; нѣсколько казаковъ, вѣроятно отсталыхъ отъ войска, было убито. Наливайко повернулъ къ Могилеву. На Могилевъ уже нельзя было ему напасть врасплохъ, какъ на Слуцкъ. Тамъ о казакахъ уже слышали и приготовились къ оборонѣ; казакамъ дали отпоръ, да не выдержали: 30 ноября казаки взяли городъ приступомъ и много людей перебили. Литовскій гетманъ пошелъ на Могилевъ съ войскомъ и нѣкоторыми панами, у которыхъ были ополченія, набранныя изъ волостей. Они осадили казаковъ въ Могилевѣ. По словамъ самого Наливайка [1]), паны зажгли Могилевъ, чтобъ въ немъ погубить казаковъ; по извѣстію Бѣльскаго, его зажгли сами могилевскіе мѣщане, чтобъ не допустить Наливайка защищаться въ стѣнахъ города и заставить его поскорѣе убраться въ чистое поле. Казаки никакъ не могли угасить огня. Въ городѣ Могилевѣ — (говоритъ современная народная пѣсня объ этомъ событіи) остались все пни да колоды; приключилась бѣда ляшской породѣ; въ городѣ Могилевѣ орлы да гадины — ляшскимъ тѣломъ кормятся, ляшскому тѣлу радуются!

Наливайко долженъ былъ выступить изъ разрушеннаго города. Тотчасъ же ему пришлось вступить въ легкую стычку съ передовымъ отрядомъ литовскаго войска; онъ не дожидался Радзивилла, у котораго было тысячъ четырнадцать, и поспѣшно пошелъ къ Волыни. Остановившись въ Рѣчицѣ, Наливайко отправилъ королю письмо, оправдывалъ себя и представлялъ дѣло свое такъ, какъ будто казаки, воротившись изъ Угріи (гдѣ они не хотѣли болѣе помогать Семи-

---

[1]) См. письмо его къ королю, напеч. въ сборникѣ Платтера Zródła do dziejów polskich.

горскому князю, услышавъ, что онъ поставилъ себя въ непріязненное отношеніе къ Замойскому, находившемуся тогда въ Молдавіи) хотѣли отдохнуть и поѣсть хлѣба на обычномъ казакамъ днѣпровскомъ пути, и прошли черезъ литовскія земли, но паны напали на нихъ и хотѣли погубить. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Наливайко предлагалъ королю отвести казакамъ для поселенія пустыни между Бугомъ и Днѣстромъ на шляху татарскомъ и турецкомъ, между Тегинемъ и Очаковымъ, на пространствѣ двадцати миль отъ Брацлава, гдѣ отъ сотворенія міра никто не обиталъ; пусть казаки тамъ построятъ городъ и замокъ и живутъ себѣ; за тѣмъ уже никому не должно, кромѣ реестровыхъ и запорожцевъ, называться казаками; а хлопамъ слѣдуетъ обрѣзывать за своеволіе уши и носы. Надъ поселенными въ пустынѣ казаками будетъ начальствовать гетманъ, который никакъ не долженъ самъ ѣздить по королевству и посылать кого нибудь отъ себя собирать стаціи, но можетъ посылать для покупокъ за деньги, и то непремѣнно водой, а не сухопутьемъ. Король пусть даетъ казакамъ сукна и деньги; себѣ Наливайко просилъ награды, если условія понравятся королю, хотѣлъ чтобъ отдавалось ему то, что давалось татарамъ. Казаки за это обязываются помогать Рѣчи Посполитой противъ невѣрныхъ и противъ князя Московскаго, добывать языки и исправлять караулы на свое иждивеніе.

Народъ повсюду начиналъ болѣе и болѣе сочувствовать Наливайку. Даже шляхтичи, недовольные почему-либо окружавшимъ ихъ порядкомъ вещей, приставали къ казакамъ. Наливайко, возвращаясь изъ Бѣлоруси, напалъ на Пинскъ и тутъ вмѣстѣ съ нимъ за одно былъ одинъ изъ шляхтичей, фамиліи Гедройтовъ.

Въ Пинскѣ, владыка луцкій, отъѣзжая въ Римъ, спряталъ, черезъ посредство своего брата Яроша, у мѣщанина Григорія Крупы, свою собственную ризницу съ дорогими

принадлежностями епископскаго служенія и два пергаменные документа, которымъ давалъ большую важность. На нихъ были подписи луцкихъ священниковъ и нѣкоторыхъ свѣтскихъ особъ. Вѣроятно, это были приговоры согласія на унію. Казаки наѣхали на домъ Крупы, разграбили его и взяли епископскія вещи и документы. Потомъ Наливайко съ Флоріаномъ Гедройтомъ напалъ на имѣнія брата Кириллова Яроша и дворъ Отовчичи; ограбили панскіе дворы и забрали золото, серебро, лошадей и также пергаменные листы, изъ которыхъ нѣкоторые заключали права на разныя имѣнія. Казаки и теперь, какъ всегда, любили особенно похищать письменныя *права*, чтобъ уничтожать ихъ. «Это — говоритъ въ своей жалобѣ Терлецкій — они мстили брату моему епископу, за то, что онъ въ Римъ поѣхалъ». Казакамъ помогали пристававшіе къ нимъ пинскіе земане и одинъ изъ нихъ, Кмита, указывалъ Наливайку путь на дворы Терлецкаго. На Волынѣ держали сторону мятежниковъ нѣкоторые дворяне; между прочими, князь Янушъ Вороницкій давалъ въ своемъ имѣніи Омельникѣ притонъ сподвижникамъ Наливайка; другой сообщникъ былъ изъ значительной, въ то время, фамиліи Гулевичей, именемъ Александръ. Какъ въ Пинскомъ повѣтѣ мстили за возникавшую унію на имѣніяхъ епископа луцкаго, такъ въ луцкомъ доставалось старостѣ Александру Семашкѣ, также одному изъ руководителей уніи. Семашко, черезъ своихъ урядниковъ, судебнымъ порядкомъ жаловался на атамановъ новопоставленныхъ шаекъ и на брата Наливайка, попа Острожскаго Даміана, будто они нападали на его имѣнія Коростешинъ и Тучинъ, грабили дворы, уводили у людей лошадей, коровъ, брали платье, обувь, орудія, возы, упряжь, съѣстное; многихъ молодыхъ женщинъ казаки изнасиловали и двѣнадцати человѣкамъ рѣзали уши. До смерти не убивали никого.

Подозрѣніе падало и на самого Острожскаго. Попъ

жилъ у него въ имѣніи. Служебникъ врядника Тучинскаго ѣздилъ съ вознымъ въ Острогъ. Возный показывалъ, что тогда у попа Даміана оказались лошади съ пятномъ хозяина — Семашки, захваченныя въ Тучинѣ, что попъ Даміанъ началъ ему *около губъ кивать* и схватился было за кій, а Боровицкій, острожскій урядникъ, сказалъ имъ: «уѣзжайте отсюда, а то бѣда вамъ будетъ». О справедливости этихъ показаній можно сомнѣваться; впослѣдствіи, были казнены многіе преступники, но не видно чтобъ тогда былъ подвергнутъ суду попъ Даміанъ. Острожскій въ своихъ письмахъ къ зятю Радзивиллу жаловался, что на него клевещутъ, будто онъ потакаетъ мятежникамъ и свидѣтельствовался Богомъ въ своей невинности. Онъ писалъ: «говорятъ, будто я Наливайка въ Угрію посылалъ, и Савулу въ Бѣлорусь; говорятъ, что съ моего вѣдома Лобода Украину опустошилъ.... а если кому, то мнѣ болѣе всѣхъ эти разбойники допекли. Я поручаю себя Господу Богу! надѣюсь, что Онъ, спасающій невинныхъ, и меня не забудетъ!» Въ самомъ дѣлѣ, нѣтъ основанія утверждать, чтобъ старикъ преклонныхъ лѣтъ рѣшился такъ нагло лгать, употребляя въ дѣло такія средства, тѣмъ болѣе, что когда мятежъ только что вспыхивалъ, еще въ 1594 г., Острожскій предостерегалъ пановъ на счетъ украинскаго гультайства, жаловался, что своевольники разоряютъ его маетности и совѣтовалъ Рѣчи Посполитой не пренебрегать этимъ и гасить пожаръ поскорѣе, а то онъ можетъ разгорѣться впослѣдствіи такъ, что и не утушишь ничѣмъ.

Въ февралѣ 1596 г., когда на Волынѣ именемъ гетмана Лободы составлялись шайки, выбирались атаманы, самъ Наливайко остановился въ Чернавѣ близь Острополя и принималъ приходившіе къ нему отряды, чтобъ, увеличивъ свое войско, рѣшиться на широкое возстаніе. Но король вызвалъ уже для укрощенія его войско, оставленное Замойскимъ въ Молдавіи подъ начальствомъ польнаго гетмана Жолкѣвскаго.

*

Войско это шло поспѣшно и въ концѣ февраля дошло до Кременца. Отправленный изъ него передовой отрядъ въ нѣсколько ротъ, 28 февраля, напалъ въ селѣ Маціеовичахъ, между Острополемъ и Константиновымъ, на двѣ сборныя сотни, которыя, образовавшись, шли къ Наливайку: ихъ было тамъ человѣкъ пятьсотъ; атаманами надъ ними были Марко Дурный и Татаринецъ. Казаки засѣли въ хатахъ и во дворахъ. «Но имъ», говоритъ Острожскій въ своемъ письмѣ, «помѣшала горѣлка: они выпили ее цѣлую бочку у арендаря». Поляки подложили огонь въ селѣ и мятежники всѣ до единаго погибли. Наливайко, услышавъ объ этомъ несчастіи, ушелъ изъ Чернавы и направился въ Остpoполь.

Жолкѣвскій погнался за нимъ и дошелъ до Острополя. Но тамъ уже не было Наливайка. Онъ ушелъ въ Пиковъ.

Наступила ночь. Надобно было Жолкѣвскому дать отдохнуть и людямъ и лошадямъ. Рано до свѣта Жолкѣвскій пустился снова въ погоню и дошелъ до Пикова, но тамъ сказали ему, что Наливайко, за два часа передъ тѣмъ, ушелъ къ Прилукѣ.

Гетманъ далъ отдохнуть людямъ и лошадямъ на короткое время и опять погнался. Дошли поляки до Прилукъ; Наливайка не было въ Прилукахъ.

Поляки пошли далѣе и недалеко за Прилуками нагнали казаковъ. Они шли укрѣпленнымъ таборомъ: у нихъ было до двадцати пушекъ и много гаковницъ; уже вечерѣло. Казацкій таборъ остановился на отдыхъ въ густой заросли. Тутъ напали на него поляки; три раза возобновлялась перестрѣлка, пока стемнѣло. Тогда прекратили стрѣльбу.

Гетманъ провелъ ночь на мѣстѣ, а утромъ увидѣлъ, что уже непріятеля не было. Плѣнники увѣряли, что Наливайко ушелъ къ Брацлавлю, ибо надѣялся, что тамъ все населеніе встанетъ за него. Гетманъ пошелъ туда, но казацкій предводитель, вмѣсто пути на Брацлавль, повернулъ въ лѣво и

перешелъ рѣку Собь. За нею въ тѣ времена была дикая уманская степь.

Можетъ быть, разсчитывая на горячность, съ какою преслѣдовалъ его Жолкѣвскій, Наливайко надѣялся, что онъ и туда за нимъ погонится; тогда успѣхъ былъ бы на сторонѣ казаковъ. Польскому войску было бы страшно войти въ безлюдную пустыню зимою, безъ продовольствія; казакамъ степь была вѣдома и они пріучены были терпѣть такія лишенія, на какія неспособно было никакое другое войско; а полякамъ, изнуреннымъ переходами отъ деревни до деревни, было бы гибельно начать переходы изъ яра въ яръ, изъ дебри въ дебрь. Тамъ бы не убѣгалъ Наливайко, а самъ принудилъ бы поляковъ биться съ нимъ, и Жолкѣвскій со всѣмъ войскомъ могъ остаться въ снѣгахъ на поталу звѣрямъ. Казаки не знали намѣреній предводителя: онъ имѣлъ обычай не объявлять никому, что̀ у него на умѣ, и черезъ то подчиненные вѣрили ему и уважали его. «Тільки Богъ святий знае, шчо Наливайко думае-гадае», — говоритъ народная пѣсня, описывающая его подвиги.

Однако, Жолкѣвскій былъ не изъ такихъ, чтобъ можно было его провесть; онъ не рѣшился слѣдовать за казаками въ снѣжную пустыню, а размѣстилъ свое войско въ селеніяхъ, лежащихъ по границѣ степи, и распустилъ слухъ, что скоро выступитъ, а пока ожидаетъ свѣжихъ силъ. Войско это до такой степени своевольствовало и безчинствовало тамъ, гдѣ стояло или гдѣ только проходило, что Острожскій въ письмѣ своемъ говорилъ, что бѣдные поселяне страдали отъ неистовства жолнѣровъ больше, чѣмъ отъ казаковъ. Самъ гетманъ стоялъ въ Пиковѣ. Казаки стали за Синими Водами въ пустынѣ: лошадей кормили прутьями и прошлогодней травой изъ подъ тающаго снѣга, а сами продовольствовались конскимъ мясомъ. Наливайко послалъ гонца къ Струсю, старостѣ браславскому, просить, чтобъ онъ помирилъ казачество съ гет-

маномъ и правительствомъ. Жолкѣвскій не хотѣлъ входить съ Наливайкомъ въ переговоры, потому что Наливайко предъ польскимъ правительствомъ не имѣлъ никакого значенія старѣйшины надъ казацкимъ сословіемъ. Наливайко былъ только атаманъ случайно сложившейся толпы. Поэтому, Жолкѣвскій, оставивъ безъ отвѣта обращеніе къ себѣ Наливайка, отправилъ гонца къ Лободѣ, какъ признанному верховною властію гетману казацкаго войска. Но Лобода былъ и прежде и теперь за-одно съ Наливайкомъ въ борьбѣ со шляхетствомъ; и когда Наливайко работалъ на Волынѣ и въ Бѣлоруси, Лобода разгонялъ пановъ и шляхту изъ Кіевщины, а въ то время какъ Жолкѣвскій гнался за Наливайкомъ, находился въ Погребищѣ. Тутъ засталъ его гонецъ отъ короннаго гетмана. Лобода сообщилъ объ этомъ казацкой радѣ, а рада присудила отпустить посланца безъ отвѣта.

Наливайко завязалъ сношенія со Струсемъ только для того, чтобъ скрыть свое движеніе, и въ тоже время съ своимъ войскомъ прошелъ черезъ степь въ украинскія селенія и дошелъ до Днѣпра у Триполья. Поляки не знали долго, гдѣ онъ находится. Лобода, отправивши гонца Жолкѣвскаго, также двинулся съ своимъ войскомъ на востокъ къ Кіеву.

Услышавъ о его движеніи, Жолкѣвскій послалъ за нимъ вслѣдъ князя Рожинскаго, только что прибывшаго съ отрядомъ въ коронное войско. Рожинскій сталъ въ Паволочѣ. У него было до тысячи человѣкъ. Къ нему приставали выгнанные и ограбленные казаками украинскіе дворяне. Въ Паволочѣ Рожинскій занялся расправою надъ мятежниками и казнилъ нѣсколькихъ атамановъ своевольныхъ шаекъ. Когда вѣсть объ этомъ пришла въ таборъ Лободы, казаки въ отмщеніе послали атамана Шашку съ трехтысячнымъ отрядомъ разорять имѣнія Рожинскаго. Шашка прибылъ въ Хвастовъ и отправилъ триста молодцевъ въ передней сторожѣ узнать о силѣ непріятеля, вошедшаго въ казацкую

украину. Рожинскій вышелъ изъ Паволочи и разбилъ эту переднюю стражу. Шашка убѣжалъ въ Кіевъ, — Рожинскій подвинулся еще далѣе, занялъ Бѣлую Церковь и приглашалъ Жолкѣвскаго поспѣшить къ нему. По разсчету Жолкѣвскаго, надобно было дожидаться весны, чтобъ предпринять далекій походъ въ глубь Украины; надобно было прежде усилить свое войско новыми силами; но когда уже Рожинскій далеко зашелъ, то и Жолкѣвскій долженъ былъ двинуться впередъ раньше, чѣмъ предполагалъ.

Когда Шашка принесъ казакамъ извѣстіе о Рожинскомъ, Наливайко съ своимъ войскомъ поспѣшилъ къ Бѣлой Церкви; къ нему присталъ предводитель другой казацкой шайки, Савула, ходившій только что передъ тѣмъ по Литвѣ.

Вечеромъ, 2 апрѣля, подошли казаки къ Бѣлой Церкви и заложили свой таборъ противъ одной изъ брамъ бѣлоцерковскихъ. Рожинскій въ слѣдующую же ночь намѣревался сдѣлать вылазку на казацкій таборъ. Но бѣлоцерковскіе мѣщане держались за одно съ казаками, дали знать Наливайку, и ночью, когда поляки вышли изъ одной брамы на казацкій таборъ, мѣщане отворили другую, противоположную браму, и впустили Наливайка. Ночь была тогда темная и бурная. Поляки выходили съ зазженными факелами, играли на трубахъ; офицеры безпрестанно кричали какъ можно громче, чтобъ жолнѣры не смѣшались и не стали бить своихъ вмѣсто чужихъ. Для большаго всполоха непріятелю, Рожинскій приказалъ выпалить залпомъ изъ нѣсколькихъ пушекъ, и вслѣдъ за тѣмъ войско его кинулось на казацкій таборъ. Но въ таборѣ уже не было никого. Савула, который тамъ остался тогда, когда вышелъ Наливайко, выступилъ съ своимъ отрядомъ изъ табора къ рѣкѣ Рудавкѣ. Поляки, не нашедши ни кого въ таборѣ, бросились далѣе, махали саблями и стрѣляли по пусту, вообразивъ, что враги обратились въ бѣгство, а они за ними гонятся. Савула же съ своими ка-

заками пропустилъ поляковъ черезъ таборъ, сдѣлалъ оборотъ и вошелъ снова въ свой таборъ. Тѣмъ временемъ, Наливайковы казаки ограбили всѣ помѣщенія поляковъ въ городѣ, и только двадцать угровъ охраняли помѣщеніе своего капитана Леншени, который начальствовалъ королевскою пѣхотою. Покончивъ свое дѣло, казаки вышли изъ Бѣлой Церкви съ тѣмъ, чтобъ напасть на вышедшихъ въ поле поляковъ.

Стало свѣтать. Поляки увидѣли, что они ошиблись. Таборъ былъ занятъ казаками изъ города, который они оставили въ своемъ владѣніи. Выходили противъ нихъ казаки; поляковъ готовились прижать съ двухъ сторонъ въ тиски. Но Рожинскій сбилъ въ тѣсную кучу свое войско, съ отчаяннымъ натискомъ пробился сквозь казаковъ и вломился снова въ бѣлоцерковскій замокъ. Тамъ онъ заперся.

Гетманъ Жолкѣвскій былъ уже не далеко, верстъ за двадцать, и спѣшилъ на помощь Рожинскому. Наливайко и Савула, изъ Трилисъ заслышавъ о его приближеніи, двинулись своимъ таборомъ. Казаки не прошли одной мили, какъ Жолкѣвскій нагналъ ихъ. Здѣсь произошла битва. Коронное войско понесло уронъ. Нашихъ—говоритъ современникъ—погибло всѣхъ до трехсотъ, а однихъ товарищей шестьдесятъ. Въ одной ротѣ убиты были ротмистръ, поручикъ и хорунжій вмѣстѣ съ одиннадцатью товарищами. Биться перестали, когда уже наступила ночь; пользуясь темнотой, Наливайко ушелъ къ Триполью.

Это, по всѣмъ соображеніямъ, есть та самая битва, которая въ лѣтописяхъ малорусскихъ ошибочно помѣщается подъ Чигириномъ. Казаки считали себя побѣдителями. Битва эта прославлена въ думѣ, считаемой народною. Тамъ разсказывается, что поляки переправились черезъ три рѣки и въ томъ числѣ черезъ Бѣлую рѣку. Перешедши ее, поляки устроили обгороды и шанцы, укрѣпили пушки, а передъ пушками вколотили въ землю три креста: на первомъ крестѣ

Сомино виситъ — сильно вопитъ; на другомъ крестѣ Богунъ виситъ — саблею постукиваетъ, а третій крестъ стоитъ пустой — ожидаетъ къ себѣ всѣхъ прочихъ казаковъ. Кто первый подойдетъ—того пушка убьетъ; кто другой подбѣжитъ—того ружье спапаетъ; а кто третій подлетитъ — тотъ станетъ креститься и молиться: крестъ изъ осоки — то его достояніе. А казаки глядѣли, въ глаза увидали, промежъ собою шумѣли-толковали, три знамени на видъ ляхамъ поставили, а на знаменахъ уговоръ-рядную писали: вѣрному христіанству православному миромъ миръ, а ляхамъ врагамъ адскій пиръ! у кого крестъ — на того и крестъ! И пошли наши на четыре поля, на пятое подолье, ляховъ во всѣ стороны на всѣхъ перекресткахъ трепали. Ляхи прощенія просили, и не допросились; не таковскіе казаки, чтобъ дали прощеніе; не таковскіе ляхи, чтобъ напасть забыли! Будетъ и нашимъ бѣда: такъ куковала кукушка; а что она куковала, то она отъ святыхъ слышала; что она выкуковала, тому такъ и быть, и статься!

Польскій историкъ говоритъ, что казаки были недовольны Наливайкомъ за эту битву, и смѣнили его, а своимъ начальникомъ избрали Лободу. Это значитъ, что Наливайково ополченіе, которое до сихъ поръ считало себя отдѣльнымъ и независимымъ отъ казацкаго гетмана, признало его своимъ верховнымъ начальникомъ, на равнѣ съ другими казаками. Дѣйствительно могло быть, что казаки, не бывшіе на бѣлоцерковской битвѣ, считали за своей побѣдой гораздо больше значенія, чѣмъ сколько она имѣла на самомъ дѣлѣ, и негодовали на Наливайка за то, что онъ не воспользовался ею, чтобы разбить Жолкѣвскаго окончательно; но тоже вѣроятно, что ополченіе соединилось для того, чтобъ отбиваться лучше отъ врага.

Жолкѣвскій скоро поправился отъ неудачи подъ Бѣлою Церковью; къ нему привелъ свѣжія силы Потоцкій, старо-

ста каменецкій, и принесъ еще извѣстіе, что и литовское войско, въ отмщеніе за набѣги Наливайка и Савулы, вступило въ Украину. Изъ литовскаго войска прибылъ къ нему съ отрядомъ Карлъ Ходкѣвичъ, будущій гетманъ, еще тогда молодой человѣкъ. Жолкѣвскій послалъ Ходкѣвича впередъ; съ нимъ отправились роты князей Рожинскаго, Михаила Вишневецкаго, Темрюка, Блинструба и Бекеши. Они двинулись къ Каневу; и на первый день пасхи, 11 апрѣля, напали они въ Каневѣ неожиданно на казацкій полкъ полковника Кремпскаго: въ сѣчѣ пало до четырехсотъ казаковъ, а прочіе бѣжали и потонули въ Днѣпрѣ. Ходкѣвичъ принесъ Жолкѣвскому извѣстіе, что казаки хотятъ переплыть на другой берегъ. Надобно было итти за ними, — и Жолкѣвскій немедленно двинулъ свое войско въ Кіевъ.

Но казаки предупредили его, успѣли переправиться на лѣвый берегъ, а за собой сожгли и истребили всѣ лодки и плоты. Жолкѣвскій, подошедши къ Кіеву, долженъ былъ дожидаться, пока изготовятъ все для переправы, и разложился таборомъ у Печерскаго монастыря. Послали собирать лодки на Припеть и на другія рѣки, впадающія въ Днѣпръ, а между тѣмъ, жители Кіева, частію по неволѣ, а частію для того, чтобъ умилостивить гетмана, работали плоты и лодки. Лобода стоялъ на другомъ берегу Днѣпра въ виду польскаго обоза. Казаки поставили у самаго берега пушки и зорко слѣдили за движеніями непріятелей за рѣкою, чтобъ не дать имъ переправляться, когда они начнутъ. Между тѣмъ казаки ожидали себѣ свѣжей подмоги съ низу изъ Запорожья. Но Жолкѣвскій заранѣе узналъ о томъ, что къ нимъ будетъ подмога, и разставилъ по берегу Днѣпра пушки. Атаманъ Подвысоцкій плылъ къ своимъ на помощь; у него было болѣе сотни чаекъ. Уже звукъ сурьмъ и бой котловъ разносился по окрестнымъ горамъ. Вдругъ подулъ противный верховой вѣтеръ. Поляки стали стрѣлять по нимъ изъ пу-

шекъ. Казакамъ трудно было управлять веслами противъ волны; они не успѣли проплыть подъ непріятельскими выстрѣлами. Передняя ихъ чайка была разбита; за ней нѣсколько другихъ были пробиты и потонули; Подвысоцкій долженъ былъ поворотить назадъ.

Тогда (было это въ день субботній) Лобода приказалъ пустить по Днѣпру колоду, на которой было воткнуто письмо. Жолкѣвскій приказалъ достать ее: въ письмѣ казаки просили мира. На другой день, явился къ польскому гетману сотникъ казацкій Козловскій, также съ грамотою отъ казацкаго войска, токого же содержанія. Жолкѣвскій отвѣчалъ, что пошлетъ къ казакамъ условія съ нарочнымъ своимъ посланцемъ. Этотъ посланецъ повезъ такого рода условія: отдайте всю армату (артиллерію) и знамена, которыя вамъ прислали чужія власти, выдайте Наливайка и другихъ зачинщиковъ.

Въ понедѣльникъ пріѣхали въ польскій обозъ двое казацкихъ эсауловъ; они объявили, что казаки не соглашаются на это, и просятъ, чтобъ съ ними обходились ласковѣе. Тогда Жолкѣвскій разсчиталъ или можетъ быть узналъ, что у казаковъ въ Переяславлѣ оставлены семьи, перевезенныя изъ жительствъ ихъ на правой сторонѣ Днѣпра, и послалъ старосту каменецкаго потоцкаго переправиться пониже Кіева. Нарочно въ полдень, чтобы всѣ казаки видѣли, снаряженъ былъ рядъ возовъ, а на возы наложили лодки. Явились тогда въ казацкій таборъ перебѣжчики и разсказывали, что Жолкѣвскій отправляетъ часть войска къ Триполью, чтобъ тамъ переправиться черезъ Днѣпръ и напасть на Переяславль. Казаки всполошились, не хотѣли оставаться на берегу Днѣпра противъ Кіева и порывались бѣжать, чтобъ защищать переправу у Триполья. Жолкѣвскій, задержавъ эсауловъ, послалъ требовать, чтобъ казаки выдали тѣхъ двухъ пахолковъ, которые къ нимъ убѣжали. Но казаки не

выдали ихъ, а отрубили имъ головы и показывали полякамъ. Вѣроятно, казаки догадались, что эти требуемые поляками перебѣжчики были на самомъ дѣлѣ подосланы умышленно.

Вслѣдъ за тѣмъ, казаки стали уходить одни за другими къ Переяславлю. Остался Наливайко съ Лободою и съ ними не болѣе, какъ стопятьдесятъ казаковъ. Тогда Лобода изъявилъ желаніе лично переговорить съ поляками. На середину Днѣпра выплылъ онъ на челнѣ, а къ нему приплылъ съ противоположнаго берега Струсь. Они поговорили, ни на чемъ не сошлись и разошлись; неизвѣстно, что они говорили. Послѣ того и остальные казаки, а за ними сами предводители ушли изъ подъ Кіева въ Переяславль. Берегъ днѣпровскій опустѣлъ. Войско начало переправляться свободно во вторникъ, а въ четвергъ оно было уже все на лѣвой сторонѣ Днѣпра.

Казаки поспѣшно взяли въ Переяславлѣ своихъ женъ и дѣтей, угнали съ собой скотъ и рѣшились удалиться въ степи, на востокъ; они думали, что туда Жолкѣвскій не погонится за ними. Ихъ было тогда до десяти тысячъ. Они потянулись къ Лубнамъ. Жолкѣвскій пошелъ къ Переяславлю, соединился на дорогѣ съ отрядомъ Богдана Огинскаго, пришедшаго къ нему изъ литовскаго войска, потомъ соединился съ отрядомъ Потоцкаго, старосты каменецкаго, который, будучи отправленъ какъ сказано, къ Триполью, тамъ переправился черезъ Днѣпръ; но тогда уже казаки ушли изъ Переяславля. Заставши Переяславль пустымъ, Жолкѣвскій послѣдовалъ къ Лубнамъ. Впередъ были посланы: Струсь, князь Михаилъ Вишневецкій и князь Рожинскій. Съ частью войска этотъ отрядъ дошелъ до рѣки Сулы въ Горошинѣ: тамъ нашли рыбачьихъ лодокъ не много, и потому войско переправилось черезъ Сулу по татарскому обычаю на плотахъ изъ связаннаго тростника. Счастливо перешедши рѣку, Струсь съ товарищами зашелъ за Лубны и сталъ въ тылу

казацкаго войска, такъ-что казаки этого не знали. Жолкѣвскій ускорилъ свой путь и пошелъ прямо. Казаки завидѣли, что приближаются поляки и стали ломать мостъ черезъ Сулу, но начальникъ передовой сторожи короннаго войска Бѣлецкій далъ по нимъ залпъ, и они отбѣжали отъ моста. Бѣлецкій ворвался по мосту въ городъ; за нимъ спѣшило все войско Жолкѣвскаго. Казаки ушли изъ города и стали верстъ за семь отъ Лубенъ на урочищѣ Солоницѣ. Струсь стоялъ въ тылу у нихъ и послалъ двухъ вѣстниковъ къ Жолкѣвскому дать ему знать, что у него все уже готово. У нихъ было прежде условіе: какъ только Струсь услышитъ выстрѣлъ, тотчасъ выскочитъ на казаковъ. Жолкѣвскій, переправившись черезъ мостъ, пошелъ прямо на казацкій таборъ и, еще не доходя до него, приказалъ выпалить изъ пушки. Отрядъ Струся, услышавъ выстрѣлъ, поскакалъ на казацкій таборъ. Тогда казаки увидѣли, что ихъ приняли въ два огня и стали разсуждать на радѣ, что имъ дѣлать: бѣжать ли далѣе въ степи, или здѣсь на мѣстѣ отбиваться; рѣшились остаться на мѣстѣ и попытаться: нельзя ли войти въ переговоры и окончить войну мирно. Лобода послалъ къ Струсю просьбу не нападать и начать переговоры; но тутъ подошелъ Жолкѣвскій; и какъ увидали передъ собою казаки большое непріятельское войско, то хоть бы и захотѣли бѣжать, да некуда было: коронное войско окружило казацкій таборъ съ трехъ сторонъ, а съ четвертой было большое болото. Казаки огородились таборомъ изъ возовъ въ четыре ряда, весь таборъ окопали валомъ; вырыли ровъ; въ валѣ сдѣланы были ворота, а въ воротахъ горки, а на горкахъ поставили орудія [1]).

---

[1]) Вотъ въ какомъ видѣ расположилось около казацкаго войска польское: съ одной стороны Струсь и князья Кириллъ Рожинскій и Михайло Вишневецкій; съ нимъ роты: Ходкѣвича, Язловецкаго, Фредра,

Въ срединѣ табора были построены деревянные срубы, насыпанные внутри землею, на которыхъ поставлены также пушки, а съ нихъ стрѣляли по польскому войску; въ продолженіи двухъ недѣль, поляки нѣсколько разъ дѣлали приступы, но неудачно, и видѣли, что взять казаковъ невозможно; оставалось только ихъ выморить голодомъ. Казаки должны были выходить изъ своихъ валовъ пасти лошадей и скотъ, и тутъ-то происходили безпрестанныя драки, но тогда осаждающимъ доставалось не меньше, какъ и осажденнымъ. Выскочивши ночью, казаки копали въ полѣ ямы и засѣдали тамъ пѣшіе съ ружьями; при случаѣ они выскакивали изъ ямъ и стрѣляли въ своихъ враговъ.

28 мая, по полудни, толпа казаковъ напала на обозъ Струся; съ обѣихъ сторонъ было довольно раненыхъ и убитыхъ. Поляки поймали въ плѣнъ двухъ казаковъ и, въ виду непріятеля, одного изъ плѣнныхъ посадили на колъ, другаго четвертовали. Такъ были они разъярены на казаковъ за ихъ упорство. Казаки не давали имъ отдыха ни днемъ ни ночью: всегда надобно было держаться на готовѣ; того гляди, что выскочатъ изъ обоза и нападутъ. Въ казацкомъ таборѣ чувствовался недостатокъ, но и въ польскомъ онъ начинался. Особенно пить нечего было жолнѣрамъ: пили теплую и мутную

Собѣйскаго, Чарнковскаго, Бекеши, Горностая и остатокъ разбитой подъ Бѣлою Церковью роты Верика, было тамъ болѣе тысячи конныхъ гусаръ и казаковъ. Съ другой стороны стали: гетманъ съ своей ротою и съ своимъ полкомъ; въ этомъ полку были роты Щенснаго Гербурта, Ковачовскаго, Гурскаго, Сладковскаго, Тарнавскаго и королевская пѣхота подъ начальствомъ угра Леншени; было въ этомъ полку до полуторы тысячи человѣкъ. Другой полкъ былъ старосты Каменецкаго Потоцкаго, гдѣ были роты Стефана Потоцкаго, Якова Потоцкаго, Яна Зебржидовскаго, князя Порыцкаго старосты хмѣльницкаго, Даниловича крайчаго, Гербурта старосты скальскаго, двухъ Пшеренбскихъ, Плесьневскаго, Уляницкаго — всего тысяча триста человѣкъ. У князя Богдана Огинскаго было тысяча сто конныхъ человѣкъ. Съ третьей стороны поставили постоянную сторожу,

воду. Шло дѣло о томъ, какая сторона способна была долѣе терпѣть. Продолжительная осада и для тѣхъ и для другихъ была невозможна; но въ казацкомъ обозѣ къ недостатку прибавились раздоры. Наливайко не ладилъ съ Лободою; по его наущенію, наконецъ, взбунтовались казаки противъ своего гетмана, обвинили его, что онъ расположенъ къ коронному войску, лишили гетманства, а потомъ отрубили голову. На мѣсто его выбрали въ гетманы не Наливайка, а Кремпскаго каневскаго полковника.

Послѣ новаго выбора, казаки еще чаще и отчаяннѣе стали дѣлать вылазки; чуть не каждый часъ, ночью и днемъ, они безпокоили поляковъ. Между тѣмъ, продолжались у нихъ въ обозѣ раздоры. Наливайко съ своимъ отрядомъ хотѣлъ убѣжать. Это узнали поляки и придвинулись тѣснѣе къ табору. «Цѣлую недѣлю — говоритъ современный польскій историкъ — они не слѣзали съ лошадей, день и ночь стерегли движенія враговъ, а между тѣмъ, видя, что съ тѣми силами, какія были на лицо, нельзя было взять табора, Жолкѣвскій послалъ въ Кіевъ за пушками. 4 іюня привезли изъ Кіева большія пушки и поставили на высокихъ курганахъ, сдѣланныхъ для этого съ одной стороны лагеря, а на другой стояли полевыя пушки. Два дни палили изъ нихъ безпрестанно въ таборъ; ядра убивали казацкихъ женъ и дѣтей въ виду мужьевъ и отцовъ: такія зрѣлища хуже голода отнимали и храбрость и крѣпость духа. Въ добавокъ казакамъ трудно было выходить: не стало у нихъ ни воды, ни травы лошадямъ. Послѣ такихъ томительныхъ двухъ дней, въ которые убито было въ казацкомъ таборѣ до двухъ сотъ человѣкъ, казаки заволновались. Рано на зарѣ, 7 іюня, они собрались на раду, кричали, что имъ всѣмъ приходитъ послѣдній часъ и рѣшились отдать полякамъ Наливайка и другихъ начальниковъ, лишь бы поляки выпустили остальныхъ на волю. Тогда Наливайко собралъ своихъ сторонниковъ и хо-

тѣлъ бѣжать; но выскочить было невозможно. Цѣлый день шло смятеніе въ таборѣ, наконецъ, къ вечеру, сдѣлалось междоусобіе. Наливайко отстрѣливался отъ своихъ собратій, защищая свою жизнь. Шумъ достигъ до поляковъ. Они, узнавши въ чемъ дѣло, пошли на приступъ.... вдругъ казаки даютъ знать, что все будетъ, какъ они хотятъ. Наливайка одолѣли, схватили и привели связаннаго къ Жолкѣвскому. Но коронный гетманъ этимъ не удовольствовался; онъ потребовалъ, чтобы привели и другихъ зачинщиковъ предводителей шаекъ, чтобъ отдали пушки и знамена. Казаки обѣщали все сдѣлать завтра, а въ замѣнъ просили, чтобъ гетманъ обѣщалъ пустить остальное войско свободно. Гетманъ и на это не согласился. «Между вами есть панскіе подданные; пусть каждый панъ возьметъ своего подданнаго». На это казаки не согласились: это значило половину табора отдать на жестокую расправу панамъ. Гетманъ упорно стоялъ на своемъ. «Мы лучше всѣ здѣсь пропадемъ до единаго» — говорили казацкіе посланцы — «а будемъ обороняться». «Обороняйтесь» сказалъ имъ коронный гетманъ. Онъ отпустилъ посланцевъ. Вслѣдъ за тѣмъ поляки ударили снова изъ пушекъ и сдѣлали сильный натискъ, такъ стремительно и такъ неожиданно, что казаки не поспѣвали схватить оружіе или зарядить ружья; и сразу перебили ихъ такъ много, что, — по выраженію польскаго историка — трупъ лежалъ на трупѣ. Тогда, во всеобщей суматохѣ, выбранный послѣ смерти Лободы Кремпскій бѣжалъ; за нимъ толпами пустились казаки; но поляки остановили часть ихъ... Только полторы тысячи успѣли убѣжать съ Кремпскимъ и благополучно ушли въ сѣчь. Остальные, уцѣлѣвшіе отъ убійствъ, бросали оружіе, просили пощады... выдали остальныхъ предводителей числомъ шестерыхъ, въ числѣ ихъ Савулу. Поляки забрали весь таборъ, взяли двадцать четыре пушки и множество ружьевъ. Достались побѣдителямъ се-

ребряныя литавры, трубы и знамена, и въ числѣ ихъ тѣ, что были присланы императоромъ нѣмецкимъ, когда онъ подущалъ ихъ на турокъ. Паны могли взять всѣхъ своихъ подданныхъ и наказывать ихъ какъ хотѣли. Но казакамъ гетманъ объявилъ пощаду съ условіемъ, чтобы впередъ они не смѣли собираться самовольно и вооружаться безъ воли короннаго гетмана.

Наливайка съ прочими предводителями Жолкѣвскій отправилъ немедленно въ Варшаву во свидѣтельство укрощенія казацкаго своевольства. Присланныхъ предводителей, кромѣ Наливайка, тотчасъ же казнили смертью. Чтоже касается до Наливайка, то паны были слишкомъ злы на этого врага панскаго сословія, чтобъ казнить его скоро. Его засадили въ тюрьму и истязали вычурнымъ образомъ: подлѣ него стояло двое литаврщиковъ, и когда ему хотѣлось спать, они били въ литавры и такимъ образомъ мучили его, не давая заснуть. Подобными пытками истязали его до времени собранія сейма, и только тогда казнили. О казни его разсказываютъ разно. Бѣльскій говоритъ, что ему отрубили голову, потомъ четвертовали тѣло и развѣсили члены на показъ и поруганіе. Другой современникъ, Янчинскій, разсказываетъ, что его посадили верхомъ на раскаленнаго желѣзнаго коня и увѣнчали раскаленнымъ желѣзнымъ обручемъ. Третье, самое распространенное сказаніе, говоритъ, будто его бросили въ нарочно сдѣланную изъ мѣди фигуру быка: этого быка поджигали медленнымъ огнемъ и слышенъ былъ крикъ Наливайка; потомъ пламя охватило всю фигуру; а когда огонь потушили и отворили мѣднаго быка, — тѣло Наливайка превратилось въ пепелъ. Это извѣстіе перешло въ малорусскія лѣтописи и сдѣлалось народнымъ преданіемъ [1]).

[1]) Joachima Bielskiego dalszy ciąg kroniki. 1598 г. Warszawa 1851.

ГЛАВА 3.

УНІЯ.

Русскіе архіереи со спутниками изъ духовныхъ лицъ прибыли въ Римъ черезъ шесть недѣль послѣ выѣзда изъ Кракова; 15 ноября представились папѣ. Климентъ VIII принялъ ихъ не только благосклонно, но радушно. «Дѣломъ займемся послѣ, — сказалъ онъ, — а теперь отдохните послѣ долгаго пути». Имъ отвели для помѣщенія палаццо, возлѣ Ватикана, убранный великолѣпно. Тамъ жили они въ добрѣ и холѣ шесть недѣль, наконецъ, 23 декабря, по ихъ просьбѣ, допустили ихъ къ дѣлу. Епископовъ ввели въ залу, гдѣ обыкновенно принимались князья-государи. Первосвященникъ сидѣлъ на престолѣ въ своемъ облаченіи; около него собраны были кардиналы, архіепископы, множество знатнаго духовенства, свѣтскіе папскіе синьоры и знатные путешественники, на то время посѣтившіе Римъ. Русскіе епископы, вошедши въ залу и увидѣвъ вдали св. отца, пали на землю и не прежде поднялись, какъ ихъ пригласили подойти къ св. отцу. Они поцѣловали ему ногу и подали письмо, подписанное епископами, и статьи, составленныя, какъ было въ нихъ сказано, 1595 года 2 декабря.

Находившійся при этомъ посольствѣ русскій священникъ Евстафій Воловичъ читалъ то и другое, для формы, по русски, но епископы замѣтили, сверхъ ожиданія, что въ залѣ были лица, понимавшіе читанное. «Мы поручаемъ» — сказано было въ письмѣ къ папѣ — «отъ насъ, митрополита и

Zródla do dziejów polskich Bröel-Platera 1859.
Архивъ юго-западной Россіи ч. III, т. I. 1863.
Императ. Публ. Библ. рукоп. польск. IV J. № 223.
Engels Geschichte der Moldavien.
Łubienski Opera posthuma historica MDCXLIII.
Piasecki (chronica gestorum in Europa singularinm. MDCXLIII.
Niemcewicz Dzieje panowania Zygmunta III, 1836.
Bohomolca Zycie Jana Zamojskiego. 1837.
Sękowski Collectanea. 1823.

всѣхъ русскихъ епископовъ, двумъ изъ братій нашихъ: епископу владимирскому и берестейскому и епископу луцкому и острожскому, принести достодолжное повиновеніе вашему святѣйшеству, если ваше святѣйшество благоволите, за себя и за своихъ преемниковъ, утвердить ненарушимость отправленія таинствъ и богослужебныхъ обрядовъ, по уставу нашей греческой церкви, въ томъ видѣ, въ какомъ они находятся въ настоящее время». По окончаніи русскаго чтенія, тоже было прочитано по латинѣ. Папскій кубикулярій Сильвій Антоніанъ, въ отвѣтъ имъ, отъ имени св. отца, прочиталъ похвалы митрополиту и всѣмъ русскимъ духовнымъ за то, что они, оставя древнія заблужденія, обращаются къ лону истинной католической церкви, безъ которой невозможно спасеніе. Св. отецъ надѣется — присовокупилъ онъ—что, по ихъ примѣру, и другіе ихъ соотечественники изъидутъ изо тьмы къ свѣту. Потомъ Ипатій прочиталъ исповѣданіе вѣры съ прибавленіемъ «отъ Сына», причемъ дѣлалось поясненіе, что такая прибавка учинена по правилу флорентійскаго собора, принявшаго ее на томъ основаніи, что если Сынъ, имѣющій Духа Святаго, рожденъ отъ Отца предвѣчно, то, слѣдовательно, и Духъ предвѣчно пребывалъ въ Сынѣ, а слѣдовательно отъ него, равно какъ отъ Отца, предвѣчно исходитъ; принималось, что таинство евхаристіи въ смыслѣ транссубстанціи или вещественнаго претворенія хлѣба и вина въ тѣло и кровь Христа, одинаково дѣйствительно совершается какъ въ опрѣсночномъ, такъ и въ квасномъ хлѣбѣ; принималось, что, по смерти земной, праведныя души, неосквернившія себя послѣ крещенія или очистившія себя совершенно покаяніемъ, переходятъ прямо въ царствіе небесное; умирающіе въ грѣхахъ идутъ въ адъ; а тѣ, которые умерли съ покаяніемъ, но не успѣли еще принести плодовъ, достойныхъ покаянія, поступаютъ въ муки чистилища, и тогда ихъ страданія облегчаются на землѣ мо-

литвами, приношеніями, задушными обѣднями, милостинею и благочестивыми, добрыми дѣлами. За папскимъ престоломъ и за римскимъ первосвященникомъ признавалось первенство надо всею вселенной, самаго же папу признавали наслѣдникомъ св. Петра и намѣстникомъ Господа Іисуса Христа, главою всей церкви, отцемъ и учителемъ всѣхъ христіанъ, получившимъ отъ самаго Христа, во св. Петрѣ своемъ предшественникѣ, право властвовать и управлять Христовою церковью, утвержденное дѣяніями вселенскихъ соборовъ и церковными постановленіями; принималось все, что предписано и утверждено вселенскимъ тридентинскимъ соборомъ, всѣ апостольскія и церковныя правила и преданія, принятыя римско-католическою церковью; допускалось справедливымъ и истиннымъ только такое толкованіе св. писанія, какое дастъ римско-католическая церковь, одна, имѣющая право разсуждать и толковать писаніе; признавалась власть индульгенцій и раздача даровъ спасенія отъ церкви; римская церковь именовалась матерью всѣхъ церквей; наконецъ, предавалось анаѳемѣ все еретическое, все схизматическое, проклятое и отвергаемое римско-католическою церковью. Поцѣй, прочитавъ это исповѣданіе, подписалъ его. Вслѣдъ за тѣмъ, Поцѣй подписалъ переведенное по-русски и произнесъ присягу на русскомъ языкѣ. Потомъ Кириллъ луцкій епископъ прочиталъ это исповѣданіе по русски, подписалъ его и произнесъ по русски присягу на евангеліи; послѣ того, былъ имъ прочитанъ латинскій текстъ исповѣданія, подписанъ, и произнесена была присяга на латинскомъ языкѣ.

По окончаніи чтеній и присяги, оба епископа поклонились св. отцу въ ноги. Папа говорилъ имъ рѣчь такимъ тихимъ голосомъ, что слышать его могли только тѣ, которые стояли близко; онъ въ восторженныхъ выраженіяхъ восхвалилъ митрополита и русскихъ епископовъ, поучалъ пребывать въ смиреніи и въ послушаніи, представлялъ въ примѣръ не-

счастную Грецію, наказанную за свое непокорство. «И васъ, здѣ сущихъ и прочихъ отсутствующихъ благословляемъ отеческимъ благословеніемъ». Такъ сказалъ св. отецъ при концѣ рѣчи.

Когда епископы писали въ отечество о событіяхъ этого дня, то знали, что тамъ понравилось бы, еслибъ папа высказалъ имъ какой-нибудь особый знакъ уваженія, и потому писали, что папа сказалъ имъ: «не хочу я властвовать надъ вами, но буду носить тяготы и немощи ваши на себѣ». Сомнительно, такъ ли говорилъ имъ св. отецъ, который всегда хотѣлъ властвовать и всегда стоялъ за свою власть.

На другой день, въ канунъ праздника Рождества Христова, епископовъ пригласили къ вечернѣ, которую совершалъ самъ первосвященникъ съ кардиналами. Епископы съ самодовольствомъ разсказывали послѣ, что имъ тогда дозволили, въ присутствіи главы церкви, находиться въ своихъ украшенныхъ золотомъ митрахъ, тогда какъ всѣ іерархи, предъ лицомъ св. отца, должны были являться только въ бѣлыхъ шапочкахъ безъ украшеній. Въ день Рождества Христова, Ипатій служилъ обѣдню въ греческой церкви, а товарищъ его Кириллъ священнодѣйствовалъ тамъ же на третій день праздника. Съ удовольствіемъ замѣтили они, что въ этой церкви, построенной для уніатовъ, не допускалось ни малѣйшаго измѣненія въ обрядахъ, и богослуженіе совершалось съ бо́льшимъ благочиніемъ, чѣмъ на Руси, а грекъ епископъ съ пятидесятью духовными особами проживалъ при церкви въ полномъ довольствѣ. «Лучше» — писалъ русскій епископъ къ Гедеону Балабану — «быть намъ подъ единымъ пастыремъ, чѣмъ подъ пятью или шестью: и церковное благочиніе и безопасность нашей церкви отъ этого выиграетъ».

Въ память присоединенія русской церкви въ Римѣ выбита медаль: на одной сторонѣ изображенъ папа, сидящій на своемъ престолѣ и рукою благословляющій стоящаго на

колѣнахъ, со сложенными на грудь крестообразно руками, русскаго епископа, склонившаго голову; позади его два стоящихъ лица, а на фасадѣ алтарь съ распятіемъ. На другой сторонѣ медали портретъ Климента VIII съ надписью вокругъ: «Ruthenis receptis» [1]).

По возвращеніи изъ Рима, іерархи наши застали уже волненіе. Въ виленскомъ братствѣ образовалась среда противодѣйствія уніи для Литвы и Бѣлоруси. Стефанъ Зизаній, писавшій еще прежде противъ католичества, напечаталъ сочиненіе: «Кириллову книгу объ антихристѣ», направленное противъ папства; въ немъ доказывалось, что папа есть самъ антихристъ и время уніи есть время его царства. Книга эта расходилась и съ жадностію читалась духовенствомъ и грамотными людьми. Попы громили митрополита и епископовъ, согласившихся на унію, называли измѣнниками и предателями. Король, когда до него дошли слухи о такомъ волненіи, приказывалъ митрополиту осудить возмутителей своею духовною властію, а потомъ предавать гражданскому суду, а отъ виленскаго братства велѣлъ взять алтарь и передать главному собору, дабы подорвать и разрушить братство.

Въ Южной Руси усердно противодѣйствовалъ уніи Острожскій; его посланія возбуждали дворянъ и мѣщанъ противъ митрополита и его товарищей; наконецъ, князь позвалъ митрополита къ суду, но король защитилъ его, запретивши должностнымъ лицамъ кіевскаго уряда входить въ въ разбирательство такихъ дѣлъ, которыя подлежатъ духовной юрисдикціи [2]). Король надѣялся, что какъ скоро святѣйшій отецъ утвердитъ постановленное русскими епископами, то дѣло кончится успѣшнѣе; и народъ русскій приметъ соединеніе, и все пойдетъ хорошо. Король ожидалъ возврата

---

[1]) Баронія Annal. Ecclesiast. 662—667. Арх. югозап. Росс. I. 481—485.
[2]) А. З. Р. IV. 131—137.

пословъ, и когда они воротились, то приказалъ созвать соборъ. Тогда уже для короля соборъ не представлялся такимъ страшилищемъ, какъ прежде, — чтобы тамъ ни толковали. Уже дѣло казалось ему поконченнымъ; измѣнять его было невозможно; не разсуждать приходилось на этомъ соборѣ, а принимать то́, что прежде изготовлено и теперь предлагалось.

На 6 октября назначенъ былъ съѣздъ въ Брестъ. Король приглашалъ туда не только духовныхъ, но князей, пановъ, кастеляновъ, старостъ и вообще православное дворянство.

Съ своей стороны Острожскій извѣщалъ патріарха о предстоящемъ съѣздѣ и патріархъ поручилъ, вмѣсто своей особы, предсѣдательствовать на соборѣ своему протосинголлу, по имени Никифору. Этотъ протосингеллъ (санъ очень важный въ восточной іерархіи — намѣстникъ патріарха въ важнѣйшихъ дѣлахъ) былъ человѣкъ глубокой учености; нѣкогда онъ былъ въ Падуѣ ректоромъ, и многіе изъ польскихъ пановъ, тамъ воспитывавшіеся, помнили его; потомъ онъ былъ въ Венеціи проповѣдникомъ греческой церкви св. Марка; по возвращеніи изъ Италіи, онъ произведенъ былъ въ санъ патріаршаго протосингелла и уже два раза завѣдывалъ патріаршествомъ во время отсутствія патріарха [1]). Кромѣ его, Александрійскій патріархъ Мелетій прислалъ въ русскую землю своего протосингелла, по имени Кирилла. Такимъ образомъ, въ то самое время какъ русскіе епископы хотѣли уклониться отъ сношеній съ востокомъ, неожиданно явились два представителя восточной церкви, напоминая имъ единство православія, при которомъ незаконно было, безъ согласія восточной церкви, дѣлать важныя перемѣны въ русской. Протосингеллы прибыли къ Острожскому, и князь

[1]) А. З. Р. IV. 161.

проводилъ ихъ на соборъ самъ лично, съ вооруженною дружиною, а это придавало участію свѣтскихъ особъ воинственный видъ. Съ Острожскимъ разомъ прибыло въ Брестъ до двухъ сотъ дворянъ православной вѣры. Изъ православныхъ духовныхъ архіерейскаго сана, кромѣ означенныхъ грековъ, прибылъ сербскій митрополитъ Лука, а изъ русскихъ явились двое — Михаилъ Копыстенскій, вообще остающійся въ тѣни во всей этой драмѣ, и Гедеонъ Балабанъ; послѣдній, столько разъ согласный на унію, теперь остался православнымъ; онъ видѣлъ, что сильный Острожскій, множество дворянъ и весь народъ противъ уніи. Онъ надѣялся теперь выиграть путемъ преданности къ старинѣ, тогда какъ его товарищи хотѣли выиграть путемъ нововведенія въ угоду папѣ и польскому королю. Гедеонъ клялся, что не знаетъ ничего о предварительныхъ совѣщаніяхъ, и объяснялъ свою подпись исторіею о бланкетахъ. Самые православные того времени мало вѣрили истинѣ словъ его; но по крайней мѣрѣ, желая оправдать Гедеона противъ уликъ со стороны уніатовъ, они говорили, что если бъ и въ самомъ дѣлѣ Гедеонъ прежде уклонился въ унію, то все-таки хорошо сдѣлалъ, что отсталъ отъ ней. Такое оправданіе доказываетъ, что сдѣлать его совершенно чистымъ и непричастнымъ къ дѣлу уніи было черезъ чуръ трудно. Чтобъ еще болѣе очернить враговъ своихъ и выказать свои подвиги за отеческую вѣру, Гедеонъ разсказывалъ, что Ипатій Поцѣй прислалъ ему изъ Рима письмо, которое, прежде чѣмъ дошло до него, попалось въ руки его брата Григорія. Когда Григорій Балабанъ распечаталъ его, то вдругъ почувствовалъ на себѣ дѣйствіе какой-то отвратительной пыли, насыпанной въ письмѣ; онъ увѣрялъ, что-то былъ ядовитый порошокъ; онъ слышалъ, что въ Италіи въ обычаѣ посылать черезъ письма такимъ образомъ ядъ въ порошкѣ [1]). Не представивъ, конечно, доказательствъ въ

[1]) Арх. юг. Росс. 481.

справедливости такого обвиненія, Гедеонъ прежде всего уличалъ самого себя въ единомышленіи съ уніатами, когда представилъ письмо въ городскій судъ; такое дружелюбное письмо могло быть написано только къ человѣку одинакихъ убѣжденій. Зная прежнія продѣлки Гедеона съ патріархомъ Іереміею и съѣздъ во Львовѣ 1594 года, нельзя сомнѣваться, что Гедеонъ зналъ что̀ подписывалъ, когда писалъ на листахъ, гдѣ излагалось согласіе на унію, еслибъ даже и въ самомъ дѣлѣ эти листы исписывались послѣ того, какъ были подписаны; безъ сомнѣнія, тоже надобно полагать и о Копыстенскомъ, потому что на прежнихъ съѣздахъ, гдѣ онъ участвовалъ, говорилось объ уніи.

Изъ архимандритовъ были тамъ двое пріѣхавшихъ съ востока: святогорскій Макарій, св. Пантелеймона Моисей, туземные: печерскій (Никифоръ Туръ), дерманскій, супрасльскій, пинскій, дорогобужскій, пересопницкій, степанскій, около двѣнадцати человѣкъ протоіереевъ, нѣсколько іеромонаховъ и духовенство Бреста; нѣкоторые изъ этого духовенства, особенно архимандриты, были на съѣздѣ во Львовѣ у Балабана и, подобно ему, прежде соглашались на унію, а теперь отступались отъ нея.

Еще до пріѣзда своего въ Брестъ, протосингеллъ Никифоръ писалъ къ митрополиту увѣщательное письмо и не получилъ отвѣта. Когда православные съѣхались въ Брестъ,— митрополитъ съ уніатами-епископами былъ уже тамъ и дожидался королевскихъ пословъ, чтобъ начать соборное совѣщаніе.

Православные послали къ митрополиту и къ прочимъ, просили пріѣхать предварительно посовѣтоваться съ ними: въ какой церкви лучше будетъ устроить мѣсто для соборныхъ засѣданій. Но митрополитъ отвѣчалъ посланцамъ словесно: «размыслимъ и пріѣдемъ, если окажется нужнымъ».

Послѣ такого отвѣта, православные стали заниматься

устройствомъ порядка для собора. Вмѣсто церкви выбрали они большой каменный домъ, принадлежавшій хозяину по имени Райскому. Они предвидѣли, что безъ тревогъ не обойдется, и на соборѣ произойдутъ сцены, неприличныя для святыни Божія Храма. Избрали двухъ наблюдателей благочинія (примитаріевъ), поставили на срединѣ налой съ евангеліемъ и крестомъ, расположили мѣста для духовныхъ особъ, сообразно важности званія каждаго изъ нихъ; противъ нихъ были мѣста полукругомъ для особъ свѣтскаго званія. Духовные греки, непонимавшіе по русски и по польски, должны были объясняться черезъ переводчиковъ.

Въ первое засѣданіе возвысилъ голосъ львовскій епископъ и укорялъ митрополита и епископовъ за то, что они не явились къ протосингеллу по его требованію, какъ къ своему начальнику. Протосингеллъ одобрилъ это мнѣніе и предложилъ послѣдовать примѣру древнихъ соборовъ: послать къ митрополиту и епископамъ троекратное приглашеніе — парагностикъ. Если-жь бы они, послѣ третьяго парагностика, не явились, то слѣдовало ихъ признать виновными.

Съ первымъ парагностикомъ послали семь духовныхъ особъ: на челѣ ихъ былъ кіевопечерскій архимандритъ Никифоръ Туръ. Митрополитъ сказалъ имъ: «мы прежде посовѣтуемся съ епископами римско-католической церкви: львовскимъ, луцкимъ и холмскимъ».

Такой отвѣтъ уже указывалъ, что митрополитъ и владыка отступили отъ православія. На слѣдующій день православные послали второй парагностикъ съ шестью духовными. Посланцы ожидали доступа къ митрополиту до вечерень и не дождались. Такъ какъ онъ за день передъ тѣмъ сказалъ, что посовѣтуется съ римско-католическими епископами, то они отправились ко львовскому католическому епископу и объяснили ему, что самъ митрополитъ назначилъ время съѣзда на соборъ: они съѣхались именно по его при-

глашенію, а теперь онъ не является открывать соборъ. Это обращеніе къ римско-католическому епископу было сдѣлано для того, чтобъ заранѣе оправдать себя въ обвиненіи митрополита. Они искали митрополита въ церкви и тамъ не нашли; наконецъ — вручили второй парагностикъ пинскому владыкѣ для передачи митрополиту, чтобы, такимъ образомъ, митрополитъ никакъ не могъ отговариваться тѣмъ, что не получалъ его.

На третій день православные уже всѣ признавали и заявляли, что двоекратное непослушаніе патріаршему намѣстнику обвиняетъ митрополита. «Очевидно» — говорилъ тогда протосингеллъ Никифоръ — «митрополитъ до сихъ поръ притворялся, боясь, чтобы вѣсть объ его отступничествѣ не дошла до насъ въ Грецію, и не нашлись бы люди, которые бы могли побѣдить его словомъ; онъ думалъ, что сообщеніе съ востокомъ опасно и трудно; онъ не надѣялся, чтобъ мы сюда пріѣхали, а между русскимъ духовенствомъ онъ не встрѣтилъ бы слишкомъ ученыхъ особъ».

Отправили къ митрополиту третій парагностикъ съ тѣми лицами, которыя ходили къ нему съ первымъ. Въ третьемъ парагностикѣ въ послѣдній разъ требовали, чтобъ митрополитъ явился и далъ отвѣтъ. Митрополитъ отвѣчалъ посланцамъ:

«Справедливо или несправедливо мы поступили, — только мы отдались западной церкви».

Получивъ такой рѣшительный отвѣтъ, протосингеллъ доказывалъ, что соединеніе церквей не можетъ совершиться на какомъ-нибудь мѣстномъ синодѣ; такое важное дѣло требуетъ собранія ученыхъ со всего свѣта, людей богословныхъ; потомъ, онъ обратился къ свѣтскому кругу, похвалилъ сидящихъ въ немъ за вѣрность, но вмѣстѣ съ тѣмъ укорялъ тѣхъ изъ ихъ собратій, которые, ради земныхъ почестей и богатствъ или изъ боязни, измѣнили отеческой вѣрѣ,

*

и, въ заключеніе, совѣтовалъ вообще всѣмъ православнымъ построже слѣдить за собою. «Капля пробиваетъ камень, а дурные обычаи заражаютъ добрыхъ людей»,— сказалъ онъ.

Въ этой рѣчи было что-то пророческое для дворянъ, которые теперь такъ горячо бросились защищать православіе, нося въ себѣ много такого, что̀ располагало ихъ къ измѣнѣ православію.

Въ этотъ самый день Скарга вызвалъ Острожскаго изъ соборнаго засѣданія и долго говорилъ съ нимъ на единѣ. По поводу этого свиданія, протосингеллъ сказалъ: «гораздо приличнѣе отцу Скаргѣ явиться передъ нами и препираться съ учеными людьми, а не убѣждать свѣтскихъ людей, несвѣдущихъ въ богословіи».

Послѣ того члены собора занялись разсмотрѣніемъ прошеній, поданныхъ на соборъ. Они были поданы отъ всѣхъ городовъ и земель волынской земли, а также изъ Кіева, Переяславля, Пинска и разныхъ мѣстъ Литвы [1]). Эти прошенія какъ нельзя болѣе согласовались съ духомъ и намѣреніями собора. Въ нихъ просили не измѣнять древняго богослуженія и не приступать къ соединенію съ римскою церковью безъ согласія восточныхъ патріарховъ, не вводить никакой новизны и отрѣшить отъ должности отпавшихъ отъ православія духовныхъ сановниковъ. Въ обличеніе лицемѣрства митрополита Рагозы представлены были на соборъ его собственноручныя письма къ разнымъ особамъ, гдѣ онъ увѣрялъ, что не помышляетъ объ отщепенствѣ [2]).

На четвертый день соборныхъ засѣданій, митрополитъ и владыка обвинены были: 1) въ пренебреженіи къ власти константинопольскаго патріарха, которому они, при своемъ вступленіи въ санъ, присягали быть въ послушаніи, 2) въ

---

1) А. З. Р. IV. 145.
2) Ibid. Арх. Югоз. Р. 1 511.

томъ, что они относились въ чуждую римскую епархію, когда были подчинены константинопольской, и тѣмъ нарушили правила вселенскихъ соборовъ (Втораго—пр. 2, четвертаго пр. 18 и шестаго пр. 36), гдѣ признается равенство константинопольскаго патріаршаго престола съ римскимъ, 3) наконецъ въ томъ, что одобрили отличія западной церкви, непризнаваемыя восточною (именно: прибавленіе къ символу вѣры, совершеніе Евхаристіи на опрѣснокахъ, чистилище, постъ въ субботній день, безбрачіе священниковъ). За это соборъ отрѣшилъ отъ сана митрополита Михаила и единомышленниковъ его, епископовъ: владимирскаго Ипатія, луцкаго Кирилла, полоцкаго Германа, холмскаго Діонисія и пинскаго Іону, лишилъ ихъ права управлять духовенствомъ, творить судъ надъ нимъ, и пользоваться доходами съ имѣній, приписанныхъ къ должностямъ, которыя они занимали. Соборъ отправилъ архимандрита печерскаго Никифора Тура, въ сопровожденіи нѣсколькихъ особъ духовныхъ и свѣтскихъ, объявить объ этомъ митрополиту. Посланецъ долженъ былъ подать митрополиту и епископамъ соборный приговоръ, написанный такими словами: «знайте, что, за ваше новомысліе, отступничество и непокорность божественнымъ и святымъ правиламъ, вы лишаетесь всякого достоинства». Десятаго октября 1596 года.

Никифоръ Туръ засталъ митрополита во дворѣ владимирскаго владыки; съ нимъ находились и другіе архіереи; — они ждали королевскихъ пословъ. Печерскій архимандритъ подалъ митрополиту записку, молча. Сторонники уніи говорятъ, что эта записка не была никѣмъ подписана и митрополитъ тогда же замѣтилъ это. Но въ книгѣ Ekthesis, гдѣ излагается исторія этихъ дней, говорится, что на приговорѣ были подписи; можетъ быть митрополиту послали тогда неподписанную копію. Никифоръ Туръ ограничился отвѣтомъ, что онъ принесъ эту записку для извѣстія о томъ, что со-

боръ постановляетъ. Митрополитъ приказалъ сдѣлать списокъ съ этой записки.

Въ это самое время прибыли туда же ожидаемые епископами королевскіе послы и, узнавъ въ чемъ дѣло, обратились къ печерскому архимандриту и сказали:

«Поступать такимъ образомъ съ митрополитомъ значитъ оказывать непослушаніе королю» [1]).

Тогда королевскіе послы отправили ко князю Острожскому трехъ посланцевъ: Претвица, Шуйскаго и Каминскаго. Они думали, что тутъ всѣмъ заправляетъ Острожскій. Посланные сказали Острожскому:

«Королевскіе послы оскорбляются тѣмъ, что отъ вашей милости посылаются митрополиту отвѣты и декреты, не доставивши предварительно написаннаго имъ, посламъ. Такъ какъ они присланы отъ Его Королевскаго Величества, то никакое постановленіе не должно состояться безъ участія ихъ милостей».

— Незнаю, чѣмъ они оскорбляются (сказалъ Острожскій): скорѣе намъ слѣдуетъ оскорбляться; ибо мы терпимъ обиды отъ измѣнниковъ, которые все это заварили, и отъ тѣхъ, которые имъ потакаютъ; мы возлагаемъ упованіе на Бога; а я при своемъ стою и стоять буду.

Тутъ выступилъ панъ Гулевичъ, избранный свѣтскими членами собора маршалкомъ кола и сказалъ: «не его милость князь, а мы всѣ посылали къ митрополиту; князь только единая особа — самъ по себѣ; если ихъ милостямъ королевскимъ посламъ нужно это писаніе, — мы пошлемъ имъ.»

Гулевича подозрѣвали въ протестантствѣ, и посланцы королевскихъ пословъ сказали ему:

— Не съ вами рѣчь ведемъ. Мы присланы къ ихъ ми-

[1]) Апокр. 31.

лостямъ князьямъ, а съ новокрещенными и евангеликами не имѣемъ дѣлъ; гдѣ они будутъ — тамъ не можетъ состояться справедливаго постановленія.

«Да я васъ не прошу» — сказалъ Гулевичъ — «я безъ ихъ милостей и самъ не хочу толковать съ вами.»

Послѣ этого отправлены были отъ собора четыре посланца къ королевскимъ посламъ — узнать королевскую волю, которую они должны были сообщить собору.

Эти королевскіе послы были: князь Криштофъ Радзиллъ троицкій воевода, Левъ Сапѣга — виленскій, литовскій подскарбій Димитрій Халецкій. Они извѣстили, что королевская воля такова, чтобъ они склонились къ соединенію съ римскою церковью [1]). Вмѣстѣ съ тѣмъ они замѣтили, что протосингеллъ Никифоръ не имѣетъ никакого права вмѣшиваться въ дѣла, называли его турецкимъ шпіономъ и прибавили, что правительству объ этомъ сообщилъ молдавскій воевода.

Православные объявили, что они, съ своей стороны, пошлютъ пословъ къ королю.

9 Октября выбрали изъ среды своей двухъ свѣтскихъ особъ: Малиновскаго и Древинскаго. Въ инструкціи, данной имъ, православные паны рады, дикгнитары, урядники, рыцарство (религіе грецкое съ короны изъ великаго княжества литовскаго) поручали благодарить короля за доброе и отцовское напоминаніе о соединеніи церквей. — Мы (говорилось въ инструкціи) были бы очень рады этому, но видимъ изъ исторіи, что это священное соединеніе уже не разъ составлялось, но также не разъ и разрывалось, потому что не были отстранены всѣ препятствія; мы теперь не хотимъ строить непрочное зданіе, а помыслимъ объ основательномъ и крѣпкомъ. Представлено королю нѣсколько важныхъ причинъ,

[1]) Арх. Югоз. Рос. I. 529.

почему они не могутъ теперь приступить къ соединенію: 1) Они составляютъ только часть восточной церкви, сообразно древнему порядку, и болѣе шести сотъ лѣтъ находятся въ послушаніи у константинопольскаго патріарха. Они считали, что не смѣютъ принять на себя права дѣлать такія важныя постановленія на помѣстномъ соборѣ, тѣмъ болѣе, что, назадъ тому сто лѣтъ слишкомъ, константинопольскій патріархъ, приглашенный на Флорентійскій соборъ для подобнаго дѣла соединенія церквей, не оставилъ безъ вниманія русскаго народа, хотя ему было прилично противное, какъ верховной особѣ. Русскіе заявили, что они боятся навлечь на себя нареканія въ неблагодарности и безразсудномъ отступленіи отъ восточной церкви, и тѣмъ самымъ, подать турецкому тирану поводъ къ причиненію большихъ оскорбленій патріархамъ и вообще всѣмъ сынамъ восточной церкви; 2) они недовѣряли владыкамъ, которымъ поручать такого важнаго дѣла не дозволяли ихъ самовольные поступки; 3) имъ нельзя приступить въ настоящее время къ соединенію, потому что римская церковь полагаетъ соединеніе только въ одномъ повиновеніи папѣ, яко всеобщему пастырю церкви, тогда-какъ они никого непризнаютъ всеобщимъ пастыремъ, кромѣ Господа Іисуса Христа, его же св. Петръ нарекъ пастыремъ пастырей; да кромѣ того есть много статей несходныхъ съ ученіемъ и уставами отца папы. Эти различія не могутъ быть улажены на частномъ соборѣ; и потому они теперь боятся приступить къ соединенію, чтобы, современемъ, не нарушили несходныхъ съ римскою церковью статей и обрядовъ восточной церкви и не послѣдовало лишенія правъ, данныхъ въ земляхъ короля греческой вѣрѣ. Въ заключеніе. православные просили короля низложить митрополита Михаила Рагозу и епископовъ, лишить ихъ правъ на церковныя имущества и отдать эти имущества тѣмъ лицамъ, какія бу-

дутъ избраны на основанiи конституцiй годовъ 1575, 1576, 1589.

Наконецъ, при закрытiи своихъ засѣданiй, православные паны отправили на предстоящiе сеймики въ русскiя воеводства протестацiи и просили приготовить жалобы, которыя бы могли быть поданы на будущемъ сеймѣ, чтобы сопротивляться введенiю унiи. Они, по вѣрѣ, совѣсти и чести, обѣщались своимъ братьямъ дворянамъ не признавать митрополита и епископовъ въ ихъ достоинствахъ, не допускать ихъ до какой либо юрисдикцiи, но соединившись со всѣми, не признающими власти и первенства папы, противодѣйствовать всякимъ насилiямъ [1]).

Вслѣдъ за тѣмъ, унiатскiе владыки, съ своей стороны, подвергли лишенiю сана владыкъ львовскаго и перемышльскаго, архимандрита Никифора Тура и всѣхъ вообще духовныхъ, находившихся на православномъ соборѣ, за непослушанiе власти митрополита и за участiе въ сходкѣ, собранной самовольно, не въ церкви, какъ бы слѣдовало, а въ непристойномъ домѣ, гдѣ обыкновенно собираются еретическiя сходки и произносятся богохульныя рѣчи. Отъ имени митрополита, первопрестольника и правителя русской церкви, посланъ былъ имъ всѣмъ по одиночкѣ приговоръ съ такимъ заключенiемъ: «кто тебя, отъ насъ проклятаго, будетъ считать епископомъ (игуменомъ или пресвитеромъ, смотря по лицу), тотъ самъ пусть проклятъ будетъ отъ Отца, Сына и св. Духа» [2]). Унiатскiй соборъ призналъ, что протосингеллъ Никифоръ не имѣетъ отнюдь никакого права предсѣдательствовать на соборѣ, что онъ самозванецъ, и притомъ самъ лично — человѣкъ, извѣстный своимъ дурнымъ поведенiемъ.

Именемъ короля Никифоръ былъ арестованъ и приве-

---

1) Арх. Югоз. Росс. I. 507 — 517.

2) А. З. Р. IV. 146 — 148.

денъ передъ повѣтовый судъ. Тамъ, передъ маршалкомъ, его обвиняли, что онъ турецкій шпіонъ, говорили, будто поймали посланнаго имъ гонца въ Турцію съ письмами враждебнаго Рѣчи Посполитой содержанія. Но князь Острожскій заступился за него и доказывалъ, что его нельзя судить въ такомъ судѣ, что онъ слишкомъ важная особа, и если онъ обвинится въ государственномъ дѣлѣ, то его дѣло можетъ разобраться только въ сенатѣ. Отложили судъ надъ Никифоромъ до открытія сейма въ 1597 году. Острожскій взялъ его къ себѣ. По требованію короля, Острожскій прибылъ съ нимъ въ Варшаву. По правиламъ суда назначили ему обвинителя-инстигатора и защитника-прокуратора, назначили коммисію изъ нѣсколькихъ духовныхъ и свѣтскихъ сенаторовъ и нѣсколькихъ пословъ короны польской и великаго княжества литовскаго. Обвинителемъ его явился тогда и самъ гетманъ и канцлеръ Замойскій, тогда бывшій во враждѣ съ Острожскимъ. Былъ пойманъ Волохъ, посланецъ князя Острожскаго, отправленный въ Волощину для покупки лошадей. Съ нимъ были деньги и письма отъ какого-то греческаго чернеца Пафнутія, изъ Замостья уѣхавшаго въ Москву. Въ этихъ письмахъ, писанныхъ грекомъ къ своей сестрѣ, были такія извѣстія: «хищные волки, псы ляхи, приневоливаютъ нашей вѣры христіанъ на католическую вѣру и бьются между собою; уже ихъ болѣе двадцати тысячъ полегло». Послѣднее было преувеличенное извѣстіе о возмущеніи Наливайка. Придрались за то къ Никифору; протосингеллъ, не зная по польски, отвѣчалъ на судѣ по итальянски, увѣрялъ, что не онъ писалъ это, незнаетъ объ этомъ, и это не должно касаться его. Посланецъ объявилъ на судѣ, что онъ не получалъ никакихъ писемъ и порученій отъ Никифора. Въ этомъ дѣлѣ невозможно было его не только уличить, но даже сдѣлать прикосновеннымъ къ дѣлу. Тогда гетманъ Замойскій припомнилъ, что, во время послѣдней молдавской войны, Ни-

кифоръ былъ посредникомъ между Турками и Замойскимъ, держалъ явно сторону Турокъ, требовалъ, чтобы поставленный въ Молдавіи Іеремія призналъ турецкую власть и далъ въ залогъ сына своего султану, и вообще показывалъ свое расположеніе къ Турціи. «У меня — сказалъ Никифоръ — есть письма господаря Іеремія и молдавскихъ бояръ: они просили меня взять посредничество, и я, по ихъ просьбѣ, вмѣшался въ это дѣло; и чтожь я худого сдѣлалъ? Еслибъ мое посредничество было неправое и лукавое, то оно не имѣло бы такихъ послѣдствій. А то вышло, что обѣ стороны стали довольны.... Татары и Синанъ-Паша ушли съ своими войсками; а панъ гетманъ посадилъ на воеводство Іеремію.» И здѣсь Никифоръ былъ совершенно правъ, да это обстоятельство предметомъ суда и разбирательства не могло быть. Недовольные этимъ, враги начали обвинять его въ разныхъ преступленіяхъ, говорили, что онъ чернокнижникъ и вошелъ чернокнижествомъ въ милость къ султану черезъ сестру свою, которая находится въ гаремѣ султанскомъ, что онъ убилъ въ Константинополѣ какого-то мальчика. По однимъ извѣстіямъ на него показывали, что онъ въ любовной связи съ матерью султана. Никифоръ отвергалъ все это, какъ выдумку враговъ и, очищая свою честь отъ клеветы, замѣтилъ, однако, такъ: «все это ложь; но если бы даже правда была, то и тогда не ваше дѣло судить тò, что дѣлается въ чужой землѣ; и вы отнюдь не имѣете права меня наказывать». Болѣе видимыхъ юридическихъ доказательствъ поляки могли найти въ томъ, что онъ, по ихъ мнѣнію, не имѣлъ права открывать собора. На это напирали обвинители. «Патріарха въ Константинополѣ нѣтъ, а ты ни отъ кого не посланъ, и низлагать владыкъ не имѣешь никакой власти, не взявши дозволенія отъ короля присутствовать на соборѣ.» Протосингеллъ отвѣчалъ: «Вотъ моя привиллегія, данная мнѣ вселенскимъ патріархомъ на пергаменѣ съ висячею оловянною

печатью: изъ нея вы увидите, что я имѣю право посвящать и низлагать не только владыкъ, но и митрополитовъ, и созывать помѣстные соборы. Святой памяти Іеремія скончался; но теперь учинился патріархомъ Мелетій, человѣкъ достойный и учёный. Да не только отъ константинопольскаго патріарха, но и отъ прочихъ трехъ патріарховъ я — протосинщеллъ, и дана мнѣ такая власть, что въ каждой изъ ихъ діэцезій вольно мнѣ созывать синоды, наблюдать надъ порядкомъ, лишать дурныхъ сана и поставлять достойныхъ. Если не вѣрите моимъ письменнымъ документамъ, — пошлите въ Константинополь: тамъ узнаете — правда ли то, что на меня наговариваютъ мои враги». Многіе изъ сенаторовъ не поняли его рѣчи, потому что не знали итальянскаго языка; изъ тѣхъ, которые понимали, были враги его, потому что желали совершенія уніи, чему мѣшалъ Никифоръ. Нѣкоторые сказали: «сплетни разбирать не королю и не Рѣчи Посполитой, а то важно, что онъ синодъ собиралъ и низлагалъ митрополита и епископовъ». Сторонники Острожскаго говорили: «все это дѣлаетъ зависть пана гетмана къ пану кіевскому воеводѣ; а владыкамъ то на руку, чтобъ Никифора измѣнникомъ и шпіономъ объявили, чтобы недѣйствителенъ былъ приговоръ, который онъ изрекъ на нихъ».

Въ это время, въ комнату, гдѣ находился Острожскій съ сенаторами, вошелъ король. Старикъ Острожскій, глубоко оскорбленный, не вытерпѣлъ и — по извѣстію современнаго разсказа — сказалъ ему сильную обличительную рѣчь. Онъ напомнилъ ему прежнихъ королей Сигизмунда I, Сигизмунда-Августа, Генриха и Стефана, службу своихъ предковъ и свою собственную этимъ королямъ, свое стараніе объ избраніи Сигизмунда въ короли, жаловался на Замойскаго, и потомъ сказалъ такъ: «Ваша королевская милость, вопреки справедливымъ доводамъ нашимъ и предстательству пословъ земскихъ, не хотите оставлять насъ при нашихъ правахъ въ

нашей православной вѣрѣ, вмѣсто отступниковъ дать намъ иныхъ пастырей; напротивъ, допускаете отступникамъ дѣлать насилія и проливать кровь, грабить, выгонять изъ маетностей и даже изъ земли своей тѣхъ, которые не хотятъ приставать къ ихъ отступничеству. Ваша королевская милость посягаете на право нашей вѣры, стѣсняете наши вольности, насилуете нашу совѣсть и сами нарушаете присягу свою. Я, сенаторъ, не только терплю оскорбленіе, но вижу, что дѣло идетъ къ окончательной погибели всей короны польской; послѣ этого уже никто необезпеченъ въ своемъ правѣ и свободѣ.... Скоро наступитъ великая смута; дай Богъ, чтобъ до чего-нибудь иного не додумались.... Предки наши, принося государю вѣрность, послушаніе и подданство, получали взаимно отъ государя милость, справедливость и оборону; такъ, одни другимъ присягали. Опомнитесь, ваше величество, и послушайте добраго совѣта! Я сильно оскорбленъ вами; на старости лѣтъ у меня отнимаютъ то́, что для меня всего милѣе: совѣсть и православную вѣру; я уже въ преклонныхъ лѣтахъ и — надѣюсь — скоро разстанусь съ этимъ свѣтомъ; прощаясь съ вашимъ величествомъ, я напоминаю вамъ, чтобъ вы опомнились! Поручаю вамъ эту духовную особу; Богъ взыщетъ за кровь его на страшномъ судѣ; а я прошу Бога: да не дастъ Онъ моимъ очамъ болѣе видѣть нарушенія правъ нашихъ, но сподобитъ меня на старости лѣтъ услышать о добромъ здоровьѣ вашего величества и о лучшемъ состояніи вашихъ государствъ и нашихъ правъ!»

Старикъ отвернулся; пріятель взялъ его подъ руку; подошли двое служебниковъ, чтобы вести князя; ему отъ дряхлости и волненія, видно, было трудно самому итти; пріятель его замѣтилъ: не подождетъ ли онъ королевскаго отвѣта. «Не хочу ждать!» сказалъ взволнованный князь. Король, увидѣвши, что онъ уходитъ, послалъ за нимъ зятя его Криштофа Радзивилла. — Воротитесь — сказалъ Радзивиллъ —

я васъ увѣряю, что король тронутъ вашею горестью, и Никифоръ будетъ свободенъ — «Нехай же собі и Никифора зъість!» сказалъ въ досадѣ князь и вышелъ прочь.

Никифора отправили въ Малборкъ (Маріенбургъ) въ заточеніе. Острожскій помирился съ Замойскимъ.

Насильственное введеніе уніи вооружило противъ католичества русское дворянство, которое, хоть уже и неотличалось вѣрностію отеческой религіи и само, ополячившись, имѣло въ себѣ много задатковъ рѣшительной измѣны всему, что составляло народность предковъ, но теперь оскорбилось нарушеніемъ правъ своихъ; его огорчало то: какъ смѣли духовные дѣлать важныя постановленія безъ совѣта со свѣтскими чинами. Это чувство досады повлекло ихъ къ сближенію съ протестантами. Не даромъ глава православнаго движенія Острожскій былъ въ родствѣ съ Криштофомъ Радзивилломъ, тогда бывшимъ главою протестантской партіи; послѣдній былъ женатъ на дочери Константина Острожскаго. Въ 1599 году, православные и диссиденты съѣхались въ Вильнѣ на общее совѣщаніе. Изъ греческихъ духовныхъ былъ тамъ бѣлгородской сербскій митрополитъ Лука и одинъ игуменъ да діаконъ; ни Гедеонъ Балабанъ, ни Михаилъ Копыстенскій не явились, вѣроятно, чтобъ не подать соблазна своимъ общеніемъ съ еретиками. На этомъ съѣздѣ составилась конфедерація двухъ вѣроисповѣданій. Сообразно древнему праву свободы совѣсти въ Рѣчи Посполитой, дворяне обоихъ вѣроисповѣданій постановили — охранять всѣми средствами свободу своего богослуженія, неприкосновенность церквей и ихъ имуществъ, находящихся въ маетностяхъ пановъ, участвующихъ въ конфедераціи, и помогать всякому, принадлежащему къ греческой вѣрѣ и къ протестантскимъ церквамъ. Они избрали изъ среды себя генеральныхъ провизоровъ, изъ числа которыхъ было шесть сенаторовъ, а другіе были изъ рыцарства, — всего 120 человѣкъ; въ числѣ провизоровъ были паны знат-

ныхъ и богатыхъ родовъ: Острожскіе, Вишневецкіе, Корыцкіе, Зѣновичи, Горскіе, Пузыны, Радзивиллы, Сапѣги, Рожинскіе и проч. Всякій, кто будетъ оскорбленъ по поводу религіи, долженъ обращаться къ кому-нибудь изъ провизоровъ, а тотъ долженъ защищать своего кліента и помогать ему, или же поручить его своему товарищу, другому провизору. Положено было собирать синоды по дѣламъ вѣры, не иначе какъ совмѣстные, такъ, что если диссиденты собираютъ свой синодъ, то приглашаютъ къ участію на немъ православныхъ, а православные, съ своей стороны, приглашаютъ на свои синоды диссидентовъ [1]).

Ничто такъ не доказываетъ несостоятельности тогдашняго русскаго дворянства въ дѣлѣ обороны своей вѣры, какъ эта странная конфедерація; тутъ не шло дѣло только о гражданскомъ взаимнодѣйствіи для охраненія того и другаго вѣроисповѣданія; а тутъ было обязательство собирать синоды по дѣламъ вѣры не иначе, какъ допуская на нихъ послѣдователей и того и другаго ученія. Православные дворяне оказали здѣсь, по отношенію къ протестанству, склонность къ тому, на что̀ покушались архіереи по отношенію къ католичеству: въ виду была унія православія съ протестанствомъ, въ противность изготовленной уже уніи православія съ католичествомъ. Но унія съ католичествомъ представляла множество затрудненій; унія съ протестанствомъ была совершенною нелѣпостію. Самая мысль объ этомъ могла произойти только отъ того, что нѣкоторые изъ признававшихъ себя оффиціально православными были проникнуты протестанствомъ, а другіе были круглые невѣжды въ предметахъ вѣры: имъ могло казаться возможнымъ то, что для знающаго дѣло было положительною невозможностію. Только такимъ путемъ можно объяснить эту конфедерацію. Неудиви-

[1]) Преосв. Евгеній. Опис. Кіевск. соф. соб. 68 — 72.

тельно, что протестанты, которые тогда были несравненно образованнѣе православныхъ, увидѣли, послѣ того, возможность набросить на русское православіе такую же сѣть, какую набрасывали на него іезуиты съ братіею. Тотчасъ послѣ этой конфедераціи, диссиденты подали своему патрону Криштофу Радзивиллу проектъ о соединеніи съ православіемъ; это, впрочемъ, въ переводѣ на языкъ диссидентскаго смысла, значило обращеніе православныхъ. «Мы думаемъ» — (сказано было въ этомъ проектѣ), «что сойдемся съ духовными греческой вѣры: пусть только св. писаніе будетъ основою нашей вѣры и судьею нашихъ споровъ». На такомъ важномъ основаніи они думали стать во едино съ православными, потомъ собрать разныя стороны, гдѣ православіе, расходясь съ католичествомъ, сходилось съ протестанствомъ; тутъ были вопросы: о единствѣ церковнаго главы, объ отверженіи чистилища, о бракѣ священниковъ, о причащеніи подъ двумя видами. Для удобства споровъ, совѣтовали предложить православнымъ составить свое исповѣданіе, а диссиденты представятъ имъ свое, составленное на сендомирскомъ съѣздѣ. Нѣсколько смущало ихъ различіе толкованій объ исхожденіи Св. Духа; но они находили, что въ сущности споръ здѣсь касается болѣе выраженій, чѣмъ предмета. Самое важное препятствіе къ соединенію было, конечно, призываніе святыхъ, почитаніе иконъ и употребленіе множества обрядовъ. Протестанты хотѣли непремѣнно убѣдить православныхъ оставить призываніе святыхъ, потому что, по ихъ понятію, это было крайнее суевѣріе, соглашались оставить православнымъ обряды и иконы, надѣясь, что, черезъ частые синоды, ихъ пасторы успѣютъ довести православныхъ священниковъ до того, что тѣ даже согласятся служить на опрѣснокахъ. Надобно прежде всего устроить такъ, (говорили диссиденты) чтобы мы могли, безъ зазрѣнія совѣсти, ходить въ ихъ церкви, а они бы не гнушались нашего бого-

служенія; тогда можетъ случиться, что къ нимъ пристанетъ нѣсколько нашихъ евангеликовъ; за то несравненно большее число ихъ перейдетъ въ нашу вѣру [1]).

Въ вѣкъ всеобщаго прозелитства и борьбы вѣроученій естественно было, что диссиденты возъимѣли этотъ замыселъ, тѣмъ болѣе когда сильный врагъ — іезуитство — грозилъ низвергнуть и православіе и диссиденство разомъ. Это побратимство православныхъ съ диссидентами давало врагамъ только силу и поводъ укорять непризнающихъ власти св. отца и доказывать, что, безъ соединенія съ католичествомъ, греческая церковь погибнетъ и восторжествуетъ ересь. Православные, бывшіе на виленскомъ съѣздѣ, должны были скоро стать въ такое положеніе, что имъ приходилось, ради православія, отрекаться отъ своихъ новыхъ союзниковъ. Такъ и сдѣлалъ одинъ львовянинъ Юрій Рогатинецъ; когда Ипатій Поцѣй укорялъ православныхъ въ общеніи съ еретиками, то онъ писалъ: «мы не держимъ дружбы съ еретиками и вообще съ отщепенцами, всякими, отступившими отъ восточной церкви, начавши отъ Арія до Формоза папы римскаго, и отлучаемся отъ всѣхъ ихъ наслѣдниковъ [2]).

Унія 1596 г. была утверждена въ концѣ 1596 г. королевскимъ универсаломъ. Она открыла въ Рѣчи Посполитой путь къ своевольствамъ и, вслѣдствіе своевольствъ, къ безчисленнымъ процессамъ въ судахъ. Въ Рѣчи Посполитой уже было въ обычаѣ самоуправство, кто на кого имѣлъ неудовольствія и чувствовалъ за собою силу, тотъ старался надѣлать сопернику пакостей насиліемъ; теперь естественно вышло, что какъ скоро одни нашли поступокъ архіереевъ похвальнымъ и признали унію, а другіе охуждали его, то одни противъ другихъ начали оказывать всевозможнѣйшее своевольство. Ипатій Поцѣй еще разъ попробовалъ было

[1]) Dz. Helw. Kość. Luk. 122.
[2]) А. З. Р. IV. 201.

склонить Острожскаго къ уніи, и написалъ ему пространное посланіе; въ отвѣтъ ему, по порученію Острожскаго, написанъ былъ неизвѣстнымъ клирикомъ изъ Острога отвѣтъ: въ немъ православный человѣкъ укоряетъ устроившихъ соединеніе, что они внесли этимъ поступкомъ не миръ и спокойствіе, а раздоры и смуты. «Мы терпимъ» — говорилъ онъ — «поруганія, пощечины, оплеванія, убійства, наѣзды на домы, на школы и на церкви, оскверненіе женщинъ» и пр. Тогда у пишушихъ была склонность риторически преувеличивать и живописать самыми яркими красками несправедливости враждебной стороны; а потому, вообще на описанія угнѣтеній, причиняемыхъ православнымъ, слѣдуетъ смотрѣть критически; несомнѣнно только, что фанатизмъ торжествующей стороны проявлялся. Такъ въ Вильнѣ (и конечно въ другихъ городахъ) [1]), мѣщане католической вѣры и уніаты (вообще признававшіе власть папы, и отъ того честимые — папежниками) отстраняли отъ участія въ общественныхъ дѣлахъ православныхъ людей; отступившіе отъ вѣры архіереи лишали мѣстъ священниковъ, не хотѣвшихъ признать уніи, а за противодѣйствіе преслѣдовали ихъ гражданскія власти. Королевская канцелярія объявила мятежными сходбищами братства, которыя были особенно предметомъ вражды и ненависти всѣхъ папежниковъ; въ Вильнѣ іезуитскіе ученики, подущаемые своими наставниками, сдѣлали въ 1599 году нападеніе на братскую церковь въ день Свѣтлаго Воскресенія: подобныя событія случались и въ другихъ мѣстахъ. Во Львовѣ католики мѣщане мѣшали православнымъ мѣщанамъ торговать, заниматься ремеслами и учить дѣтей по русски [2]). Сторонники уніи считали послѣдователями церкви греческой только принявшихъ соединеніе

---

[1]) А. З. Р. IV. 192.
[2]) А. З. Р. IV 202.

съ римскою, сообразно примѣру и наставленію своихъ архипастырей; остальные же православные, въ глазахъ ихъ, были отщепенцы отъ греческой церкви, непослушные своимъ пастырямъ и, потому, мятежники противъ законной, признаваемой вѣками духовной власти. Православные, съ своей стороны, пытались юридически доказать, что архіереи, принявшіе унію, безъ согласія со свѣтскими, безъ вселенскаго собора, рѣшившіеся на введеніе такой важной новизны, поступили беззаконно и должны подвергнуться лишенію своего сана. Въ 1598 году была подана православными на сеймъ жалоба на митрополита и епископовъ, принявшихъ унію; но отступники, пользуясь покровительствомъ короля, сдѣлали такъ, что разбирательство ихъ дѣла пріостановили (отволокли). Въ 1600 году, умеръ Рагоза. Захарій Копыстенскій въ своемъ историческомъ сочиненіи «Палинодія», говоритъ, что въ послѣдніе дни своей жизни онъ сожалѣлъ о томъ, что принялъ унію, и мучился совѣстію за свое отступничество; но, соображаясь съ прежнимъ характеромъ этого двуличнаго человѣка, вѣроятнѣе предположить, что онъ, до конца жизни, пребылъ вѣрнымъ и достойнымъ слугою іезуитовъ и продолжалъ хитрить, поддѣлываясь, по мѣрѣ надобности, къ противной сторонѣ, чтобы тѣмъ удобнѣе проводить свое дѣло. На его мѣсто избранъ и утвержденъ отъ короля, въ санъ митрополита, Ипатій Поцѣй. Тогда послы воеводства кіевскаго и волынскаго снова подали на сеймъ жалобу на Ипатія Поцѣя и Кирилла Терлецкаго, какъ на главныхъ зачинщиковъ, ѣздившихъ въ Римъ, и, въ силу этой жалобы, происходило замѣчательное состязаніе, описанное въ современномъ сочиненіи «Пересторога», отнесенное, однако, ошибочно къ раннему времени. Говорятъ, что Кирилла Терлецкаго обвиняли, сверхъ того, въ подущеніи къ убійству посланнаго отъ князя Острожскаго въ луцкій монастырь св. Спаса свя-

щенника Стефана Добрынскаго, который былъ утопленъ напавшими на него людьми.

Намъ сообщаютъ защиту уніатовъ только по церковному дѣлу. Рѣчь держалъ Ипатій и сказалъ: «Насъ призываетъ къ суду рѣчь посполитая народа русскаго, какъ будто бы мы были уже людьми свѣтскими и лишенными сана, какъ будто мы удерживаемъ наши достоинства и церковныя маетности ко вреду и оскорбленію ихъ всѣхъ. Вотъ, милостивый господарь, неслыханное дѣло: на пастыря овцы жалуются; а напротивъ, пастырь долженъ на нихъ жаловаться, какъ на непослушныхъ верховному господину, который долженъ непослушныхъ и строптивыхъ карать и приводить къ послушанію, по словамъ ап. Павла: «невѣжду страхомъ спасать». Не ваше ли королевское величество дали мнѣ епископство владимирское, по ходатайству воеводы кіевскаго, который со слезами просилъ меня принять его, когда я этого не хотѣлъ? Не ваше ли королевское величество изволили дать мнѣ санъ митрополита по смерти митрополита Михаила? Кто-же у насъ въ государствѣ безъ справедливой причины отнимаетъ должности?» — Поцѣю удобно было защищаться послѣднимъ аргументомъ, потому что въ Рѣчи Посполитой давались должности пожизненно; трудно было лишить кого нибудь должности, когда есть у занимающаго ее сторонники и связи. Свое отступленіе отъ патріарховъ онъ оправдывалъ такимъ образомъ: «мы отъ патріарховъ не видѣли ни науки, ни порядка. Они ѣздили къ намъ, овцамъ своимъ, только за шерстью и молокомъ, и, вмѣсто мира, вносили раздоръ и мечь посреди дѣтей. Они простымъ людямъ дали братства, учрежденіе новое, неслыханное и законамъ противное; избавили ихъ отъ власти епископской; даровали имъ самимъ такую власть, какая только принадлежитъ епископамъ въ ихъ діэцезіи. И вотъ, холопство въ своей простотѣ присвоиваетъ себѣ такое господство, что ни епископовъ, ни пановъ своихъ

слушаться не хочетъ; происходятъ раздоры, драки, кровопролитія. Мы не новое дѣло затѣяли. Предокъ мой, полтораста лѣтъ тому назадъ, прибывши изъ русскихъ краевъ на флорентійскій соборъ, призналъ римскаго первосвященника вселенскимъ пастыремъ и отдалъ ему послушаніе. Притомъ, польскіе короли дали права и вольности тогда еще, когда невѣрный не держалъ въ рукахъ своихъ и самого патріарха и греческаго царства. А теперь, когда и свѣтское государство и царская власть уже въ рукахъ его, и патріархи вступаютъ въ свой санъ по его желанію, — не должны ли мы бѣжать отъ такого пастыря, который и самъ въ неволѣ и намъ подать избавленія не можетъ?»

Одинъ изъ членовъ львовскаго братстиа отвѣчалъ на рѣчь Поцѣя. Онъ опровергалъ обвиненіе: будто патріархи не заботились о порядкѣ, и напомнилъ, какъ Іеремія низвергалъ недостойныхъ пастырей, припоминалъ, какъ патріархи греки заложили школу во Львовѣ, какъ митрополитъ элассонскій Арсеній училъ во Львовѣ два года самъ; а на счетъ основанія братства замѣтилъ: «что же? и Христосъ также поступилъ: обличилъ архіереевъ и, собравши къ себѣ народъ и учениковъ, выбралъ изъ среды ихъ учителей». Широко распространился онъ (если вѣрить извѣстію Перестороги) о флорентійскомъ соборѣ и доказывалъ его несостоятельность. Тоже извѣстіе говоритъ, будто этотъ православный ораторъ тогда же сообщилъ о нѣкоторыхъ необыкновенныхъ явленіяхъ, которыя признавалъ за знаменія, указывавшія Божескій гнѣвъ къ уніатамъ. «Громъ небесный поражаетъ ваше дѣло, огнемъ палитъ, — и страшныя знаменія показываются въ церквахъ, какъ случилось въ Рогатинѣ и въ Галичѣ, о чемъ свидѣтельствуютъ показанія и урядовыя записи. Въ Брестѣ, въ соборной церкви, гдѣ вы служили съ папежниками литургію, первый разъ послѣ уніи, вино въ потирѣ превратилось въ воду, и вы, наливши другаго вина, докон-

чили ваше богослуженіе; въ Грубешовѣ, гдѣ вы собрались служить въ церкви вмѣстѣ съ папежниками, закричала на васъ съ великимъ укоромъ христолюбивая женщина; вы, въ половинѣ обѣдни, приказали се бить до крови по губамъ, и сами, послѣ великаго выхода, ушли изъ церкви; потиръ, оставленный на престолѣ, лопнулъ, и вино разлилось на облаченіе ваше; тогда священникъ той церкви изъ алтаря закричалъ народу, показывая такое чудо; народъ бросился на васъ, хотѣлъ васъ погубить, но ваши многочисленные сторонники и замковое начальство оборонили васъ; и вы, поймавши этого попа, приказали заключить его въ другомъ городѣ на нѣсколько мѣсяцевъ, чтобъ онъ не разсказывалъ передъ людьми о томъ, что случилось». Сомнительно, чтобъ это говорилось на самомъ дѣлѣ въ то время на сеймѣ передъ королемъ, такъ-какъ вся рѣчь православнаго оратора, приводимая Перестерогою, пахнетъ сочиненною риторикою; но, по крайней мѣрѣ, эти легенды любопытны, показывая, какія вѣсти распускались въ то время противъ папежниковъ. Несомнѣнно то, что оправданія Поцѣя (въ подлинности которыхъ нельзя сомнѣваться, если не во всѣхъ выраженіяхъ, то по смыслу, передаваемому Пересторогою), показались полновѣснѣе обличеній противъ уніатовъ. Сеймовымъ декретомъ постановлено, что духовные, принявшіе соединеніе съ римскою церковью, этимъ поступкомъ не сдѣлали оскорбленія народнымъ правамъ и, потому, должны оставаться въ своихъ достоинствахъ. Король злобствовалъ на Острожскаго и умышленно дѣлалъ ему разныя непріятности; такъ напр. былъ поданъ на него извѣтъ, что онъ неплатилъ отъ своихъ имѣній подымнаго съ каждаго двора, подати, наложенной, со временъ люблинской уніи, вмѣсто прежнихъ повинностей на жителей волынской земли; вообще насчитывали на него 4000 копъ, и король грозилъ: если старикъ не явится къ отвѣту въ судъ, то недоимку станутъ собирать съ его имѣній посредствомъ вой-

ска, не смотря ни на что. Жалуясь на это, Острожскій, въ письмѣ своемъ къ зятю своему Криштофу Радзивиллу, замѣчаетъ, что этого не бывало при прежнихъ короляхъ, а теперь такое стѣсненіе постигаетъ все русское дворянство [1]). Острожскаго этимъ не обратили. Напрасно пытался къ нему писать самъ папа, убѣждая его признать унію. Онъ отвѣчалъ въ вѣжливыхъ выраженіяхъ, что желаетъ самъ соединенія церквей, но только тогда, когда отцы патріархи восточные приступятъ къ этому соединенію, и представилъ, что самовольные поступки архіереевъ, безъ воли народа покусившихся на такое дѣло, надѣлали того, что теперь больше русскихъ людей обратилось къ ереси, чѣмъ къ апостольской столицѣ. Въ 1605 году, снова потребовали къ отвѣту митрополита Ипатія Поцѣя, но судный декретъ освободилъ его отъ обвиненій. Вопреки свободѣ убѣжденій и слова, которымъ Польша такъ гордилась, король думалъ опираться на большинствѣ ревнителей католицизма и вообще на силу этого вѣроисповѣданія, сталъ преслѣдовать своею властію враговъ уніи. Такъ Стефанъ Куколь (въ ученомъ переводѣ Зизаній) авторъ книги Кирилла, за рѣзкія рѣчи противъ уніи и вообще римской церкви, еще до брестскаго собора подвергнувшійся проклятію отъ митрополита и владыкъ, его пособниковъ, подвергся преслѣдованію короля. Также поступлено съ двумя виленскими попами братства—Василіемъ и Герасимомъ, проклятыми отъ архіереевъ за противодѣйствіе уніи. Король объявлялъ ихъ банитами, приказывалъ своею грамотою не имѣть съ ними сношеній, не передерживать ихъ въ домахъ, а гродскимъ и мѣщанскимъ и вообще всѣмъ начальствующимъ лицамъ поставлялось въ обязанность задержать ихъ и посадить въ тюрьму. Современное извѣстіе говоритъ, что Зизаній, учитель и защитникъ православія, спасся только тѣмъ,

---

[1]) Имп. Публ. Библ. № 223.

что вылѣзъ изъ своего помѣщенія черезъ дымовую трубу [1]). Черезъ нѣсколько времени онъ опять явился въ Вильнѣ, былъ принятъ троицкимъ настоятелемъ и снова началъ проповѣдывать противъ уніи и порицать католичество Король опять выдалъ противъ него грамоту виленскимъ мѣщанамъ, приказывалъ находиться въ послушаніи у митрополита и отнюдь недопускать произносить проповѣди тѣхъ, на которыхъ наложено проклятіе. Къ этому обязывались мѣщане подъ опасеніемъ пени трехъ тысячъ копъ грошей, изъ которыхъ половина должна итти въ королевскую казну, а другая митрополиту. Не смотря на такое грозное приказаніе, не послушался проповѣдникъ ни мѣщанъ, ни королевскаго приказанія, и продолжалъ проповѣдывать [2]); наконецъ, по приказанію митрополита Поцѣя, была запечатана самая церковь, оскверненная, какъ говорилъ онъ, богохульными словами [3]). Подобнымъ образомъ поступилъ король съ архимандритомъ Супрасльскаго монастыря Иларіономъ Масальскимъ: въ 1602 г., онъ не хотѣлъ принимать уніи и повиноваться митрополиту, за это Ипатій проклялъ его, а король издалъ грамоту, запрещавшую подданнымъ имѣть съ нимъ всякое сообщеніе [4]).

Въ 1606 году Острожскій скончался въ глубокой старости, почти ста лѣтъ отъ роду. Потеря была незамѣнимая; она сказалась послѣ. Но послѣ него дворянство еще нѣсколько времени проникалось его духомъ, продолжало искать управы на отступниковъ и требовать возвращенія старыхъ правъ греческой церкви.

Въ 1607 году, въ успокоеніе смутъ, выдана была сеймовая конституція, подобно прежнимъ старымъ, обезпечив-

---

[1]) Перестор. ibid. 225.
[2]) ibid. 209.
[3]) ibid. 197. 201.
[4]) А. З. Р. IV. 342.

шая права и преимущества греческой церкви въ земляхъ Рѣчи Постолитой, но въ ней несказано было о раздвоеніи, происшедшемъ въ этой церкви, и каждую строку въ ней уніаты и неуніаты могли толковать исключительно въ свою пользу. Уніаты говорили, что древнюю церковь греческую составляютъ — они, и доказывали, что въ древнія времена папа имѣлъ власть надъ всею христіанскою церковью; православные ссылались на то, что греческая церковь въ польскихъ владѣніяхъ не признавала папской власти, а потому новая конституція, будучи повтореніемъ прежнихъ, данныхъ въ тѣ времена, относится къ той церкви, въ которой все остается по старому. Между тѣмъ, въ той же конституціи постановлено недопускать двухъ бенифацій на одну и ту же должность, что̀ означало невозможность имѣть двухъ епископовъ въ одной и той же епархіи съ правомъ пользоваться преимуществами и средствами епископскаго сана; — слѣдовательно, законъ не признавалъ возможности существованія двухъ церквей съ греческими обрядами, и, такимъ образомъ, оставилъ въ недоразумѣніи обѣ враждебныя стороны; а Сигизмундъ и правительственныя лица клонились къ тому, чтобъ разумѣть подъ греческою вѣрою уніатскую. Тогда, съ легкой руки Поцѣя, уніаты единогласно стали проводить ученіе о томъ, что греческая церковь издревле была соединена съ римскою; въ X вѣкѣ, когда Русь приняла св. крещеніе, еще не было раздѣленія церквей, — слѣдовательно, русская церковь въ самомъ началѣ была уже въ соединеніи съ римскою; а потому, древнѣйшая русская церковь — уніатская. На этомъ основаніи уніаты захватывали церковныя имѣнія и, такимъ образомъ, въ рукахъ своихъ сосредоточивали матеріальныя средства; а нехотѣвшіе признавать уніи духовные, находясь подъ гнетомъ архіереевъ, должны были или пропадать безъ средствъ, или дѣлать угодное пастырямъ; — только дворянство, нехотѣвшее еще измѣнить вѣрѣ, под-

державало ихъ въ своихъ имѣніяхъ; тамъ священники находились уже безъ духовнаго начальства, но, послѣ смерти, съ трудомъ могли быть замѣнены другими, потому что мѣстныхъ епископовъ не было. Тогда, по поводу свободы вѣроисповѣданія и принадлежности церковныхъ имуществъ, возникло множество тяжбъ; свѣтскіе трибуналы, куда поступали просьбы, часто рѣшали тяжбы въ пользу православныхъ даже и тогда, когда въ судахъ были католики, потому что въ тѣ времена іезуиты еще не успѣли разлить повсемѣстнаго фанатизма; поляки продолжали считать свободу совѣсти важнымъ основаніемъ строя Рѣчи Посполитой и во имя этой свободы склонялись на сторону православныхъ; такъ точно и на сеймикахъ дворяне католики брали сторону православныхъ дворянъ и говорили: оскорбленія, которыя терпятъ братья наши греческой вѣры, касаются не только ихъ, но и всѣхъ насъ, принадлежащему къ русскому народу; мы должны стоять за права наши [1]).

Въ 1609 году новая конституція пояснила двусмысленность предшествовавшей и постановила, чтобы обѣ стороны, какъ принявшая унію такъ и непринявшая, оставались въ покоѣ, а въ случаѣ споровъ слѣдуетъ судиться смѣшаннымъ судомъ т. е. передъ судьями, принадлежащими къ той и другой сторонѣ. Это было согласно съ духомъ польской свободы и равенства правъ; да и по общимъ юридическимъ понятіямъ — спорныя дѣла между равноправными судятся передъ судьями, избираемыми съ обѣихъ сторонъ; но уніаты тотчасъ перетолковали эту конституцію въ свою пользу и доказывали, что духовныя дѣла должны разбираться только духовными лицами; а какъ въ то время епархіи были замѣщены уніатами, то и всѣ дѣла по суду оставались въ рукахъ одной стороны.

[1]) Арх. Югоз. Росс. II. 203.

Унія сама по себѣ не могла бы скоро взять верхъ; свобода польская не должна была допускать насиліе совѣсти; вышло бы только двѣ вѣры съ греческими обрядами: одна съ признаніемъ папы, другая подъ властію константинопольскаго патріарха; и такъ какъ прежнія льготы должны были по праву принадлежать непризнающимъ папы, потому что даны были тогда еще, когда уніи небыло, то очевидно, что матеріальная сила оставалась бы на сторонѣ православія. Но іезуиты совершили свое завѣтное дѣло распространенія папской власти и здѣсь, какъ во многихъ странахъ. Іезуиты, какъ люди практическіе, всегда пользовались слабою стороною въ томъ краѣ, гдѣ хотѣли властвовать. Въ Рѣчи Посполитой они нашли всемогущество дворянскаго сословія и поняли, что какой духъ будетъ въ дворянствѣ, таковъ будетъ и строй государства. Свобода убѣжденій и совѣсти тогда, какъ и всегда, была, такъ сказать, обоюдоострый мечь; она столько же препятствовала, сколько и помогала іезуитамъ. Духъ націи былъ противъ нихъ, когда они вступили на польскую и литовско-русскую почву; многіе считали ихъ положительно вредными, но признавали необходимымъ допустить ихъ, какъ все вредное слѣдовало допускать по началу свободы, въ надеждѣ, что доброе возметъ верхъ. Іезуиты занялись воспитаніемъ, и скоро успѣли перемѣнить о себѣ мнѣніе; потому что хотя воспитаніе, даваемое ими, и было поверхностное, за то скоро и широко распространялось. Іезуиты, въ своемъ взглядѣ на просвѣщеніе, держались того мнѣнія, что лучше пусть въ краѣ какъ можно больше будетъ образованныхъ людей, хотьбы съ слабымъ образованіемъ, чѣмъ немногіе пріобрѣтутъ глубокое знаніе и основательное образованіе, а громада останется въ совершенной тьмѣ. Іезуитскія школы росли какъ грибы. Въ первой половинѣ XVII вѣка они имѣли болѣе тридцати школъ и академію въ Вильнѣ. Въ Южной Руси у нихъ уже въ концѣ XVI вѣка были школы

въ Ярославлѣ и Львовѣ; въ 1609 г. основали они въ Луцкѣ школу, въ 1610 — въ Барѣ и Каменцѣ, въ 1617 г. — въ Перемышлѣ, въ 1620 — въ Кіевѣ, въ 1624 — въ Острогѣ; на лѣвую сторону Днѣпра они проникли уже въ царствованіе Сигизмундова сына Владислава. Дворяне отдавали къ нимъ дѣтей, затѣмъ что распространилась о нихъ молва, что у нихъ скоро учатъ и выпускаютъ хорошихъ латинщиковъ; а знаніе латини тогда считалось главною вывѣскою учености и воспитанія. По прежнему обычаю, іезуиты ничего не брали за воспитаніе и вознаграждали себя добровольнымъ приношеніемъ, и оттого въ ихъ школы поступало много дѣтей небогатой шляхты, видѣвшей у нихъ дешевый способъ воспитанія; деньги тогда были дороги, а съѣстнаго изобиліе; слѣдовательно, привозить въ школу мяса, овощей, хлѣба — не считалось большою тратою. Какъ попадался къ нимъ православный мальчикъ, обыкновенно ничего незнающій въ своей вѣрѣ, они его скоро обдѣлывали по своему; они вели ученіе свое такъ, что, въ силу сцѣпленія понятій, передаваемыхъ знаніемъ, у воспитанниковъ являлась скоро любовь къ католичеству и отвращеніе ко всему некатолическому, и въ томъ числѣ къ православію. Іезуиты обладали изумительнымъ искуствомъ привязывать къ себѣ дѣтей и внушить на всю жизнь приверженность къ своему ордену; по этому, они старались, чтобы дѣтямъ у нихъ было чрезвычайно пріятно: они разсчитывали, что воспоминанія дѣтства на цѣлую жизнь оставляютъ незамѣнимую прелесть, что полученныя въ дѣтствѣ привязанности и антипатіи крѣпче всего въ человѣкѣ; но, между тѣмъ, они также знали, что старость, особенно мало развитая, любитъ строгость надъ молодостью; по этому, прочтя ихъ уставъ, могло казаться, какъ будто бы въ ихъ школахъ господствуетъ самая суровая дисциплина, самая строгая нравственность; старикамъ отцамъ это очень нравилось, и отцы тѣмъ охотнѣе отдавали дѣтей въ школы. Дѣтей, на-

противъ, въ тѣ времена іезуиты баловали, отнюдь не томили частымъ ученіемъ, а большую часть времени дѣти у нихъ проводили въ забавахъ. Вообще подчиненіе церкви было исходнымъ пунктомъ іезуитами проповѣдываемой нравственности; но чтобъ это подчиненіе отнюдь не казалось суровымъ, іезуиты были снисходительны къ человѣческимъ слабостямъ; они не ставили въ грѣхъ веселой жизни, лишь бы только всегда помнить о Богѣ и о повиновеніи церкви. У нихъ въ школахъ было праздниковъ болѣе, чѣмъ обыкновенно; праздновали съ особенною важностію дни разныхъ святыхъ, отличившихся ревностію къ католичеству, а особенно святыхъ іезуитскаго ордена: Игнатія Лойолы, Франциска Ксаверія. Самыя дѣтскія забавы устраивали такъ, чтобы дѣти, играя, привязывались къ религіи. Они нашли, что дѣтскому возрасту никакія забавы не могли столько нравиться, какъ забавы въ сценическомъ родѣ, и по праздникамъ устраивали у себя въ школахъ сочиненныя ими нарочно драматическія представленія, которыя бы внѣдряли въ сердца и воображеніе дѣтей католическое благочестіе и привязанность въ іезуитамъ. Было, между прочимъ, въ ходу аллегорическое представленіе, гдѣ изображалась борьба іезуитскаго ордена съ ересью. Ересь, съ адскими фуріями, ложью, развратомъ и роскошью, овладѣваетъ европейскими монархами и подвигаетъ ихъ противъ истинной католической вѣры. Европа страдаетъ отъ своихъ государей; призывается на помощь вѣрѣ іезуитскій орденъ; являются іезуиты, какъ борцы правды. Государи сознаютъ свое заблужденіе, приносятъ покаяніе іезуитамъ; ересь поражается небесными громами, — Европа очищена. Церковь поетъ хвалебное торжество іезуитскому ордену —А вотъ другое представленіе: сцены происходятъ въ Новомъ Свѣтѣ и Азіи; тамъ борьба ведется съ древнимъ язычествомъ, — вездѣ іезуиты; вездѣ они побѣдители; небо и земля величаетъ ихъ. Зрѣлище оканчивается

великолѣпною апоѳеозою іезуитскаго ордена. Такими представленіями потѣшали своихъ воспитанниковъ іезуиты и привязывали ихъ къ своему ордену Съ постоянною проповѣдью благоправія, іезуиты смотрѣли сквозь пальцы на шалости учениковъ; бывали между учениками и игра въ кости, и пьянство, и распутство.... учители какъ будто не замѣчали этого, когда находили нужнымъ не замѣчать, заботились только, чтобъ это не было гласно и соблазнительно (clam tamen et secluso scandalo), а къ своевольству и буйству не рѣдко сами пріучали учениковъ; захотятъ ли іезуиты надѣлать пакостей иновѣрцамъ — подущаютъ учениковъ своей школы помѣшать некатолическому богослуженію въ церкви или процессіи на улицѣ: толпа учениковъ кидаетъ грязью, каменьями, бьетъ палками, свищетъ, кричитъ; иногда на кого нибудь разозлятся отцы іезуиты и ученики нападутъ на его домъ, или же на улицѣ встрѣтятъ и зададутъ трезвону: начнутся позывы въ судъ; — тогда отцы іезуиты представляютъ это дѣло какъ дѣтскую шалость; и дѣло часто оканчивается только тѣмъ, что имъ же предоставятъ наказать учениковъ за шалость школьнымъ образомъ. Заставляя всѣхъ воспитанниковъ равнымъ образомъ повиноваться, іезуиты, однако, не развивали въ нихъ дружескаго товарищества; напротивъ, проводили такое ученіе, что человѣкъ не долженъ прилѣпляться слишкомъ къ человѣку, а имѣть другомъ одного Бога; не слѣдуетъ дружиться до того, чтобъ довѣряться пріятелю совершенно и быть готовымъ жертвовать для него всѣмъ, чтобы, такимъ образомъ, не сдѣлать въ угоду человѣку чего-нибудь такого, что противно Богу. Іезуиты потакали тоже предразсудкамъ породы и нигдѣ до такой степени не поддерживали этихъ предразсудковъ какъ въ польской Руси, потому что здѣсь нужно было для успѣха распространенія папизма какъ можно болѣе отдѣлять дворянство отъ народа и представлять, что дворянину стыдно быть хлопской

вѣры. Кромѣ школьнаго образованія, іезуиты занимали должности воспитателей дѣтей въ дворянскихъ домахъ, и тамъ, дѣйствуя на воспитанника, умѣли пріобрѣтать нерѣдко расположеніе родителей и домашнихъ. Въ такой должности іезуитъ дѣлался другомъ семьи, необходимымъ человѣкомъ; онъ оживлялъ домашній кругъ своимъ остроуміемъ, онъ и исполнялъ порученія хозяина дома, умѣлъ ему быть полезнымъ и по хозяйству и по дѣламъ, и незамѣтно велъ семью, гдѣ поселялся, къ своимъ цѣлямъ. Съ чрезвычайною ловкостію іезуиты умѣли овладѣвать женщинами и направлять ихъ: когда русскій женился на полькѣ-католичкѣ, въ домъ входилъ къ нему іезуитъ въ качествѣ духовника, совѣтника пани; и тогда мать, подъ вліяніемъ іезуита, неизбѣжно настраивала дѣтей своихъ, не рѣдко и своего мужа къ принятію, вмѣстѣ съ польскимъ языкомъ, католической вѣры. Такими способами іезуиты въ теченіи какихъ-нибудь тридцати лѣтъ передѣлали все русское дворянство. Большая часть его перешла въ католичество. Провизоры, нѣкогда столь грозно возставшіе за православіе, перемерли; изъ нихъ въ 1622 г. остался только одинъ, да и тотъ былъ безвреденъ для враговъ православія. Но гораздо ранѣе этого времени, именно въ 1610 году, т. е. черезъ четырнадцать лѣтъ послѣ введенія уніи, Мелетій Смотрицкій, подъ именемъ Ортолога, въ книгѣ «Плачь восточной церкви», жалуется на потерю важнѣйшихъ фамилій: Гдѣ домъ Острожскихъ — восклицаетъ онъ — славный предъ всѣми другими блескомъ древней вѣры? Гдѣ роды князей Слуцкихъ, Заславскихъ, Вишневецкихъ, Сангушекъ, Черторыжскихъ, Пронскихъ, Рожинскихъ, Соломерицкихъ, Головчинскихъ, Крашинскихъ, Мосальскихъ, Горскихъ, Соколинскихъ, Лукомскихъ, Пузинъ и другіе, которыхъ сосчитать трудно? Гдѣ славные, сильные, во всемъ свѣтѣ вѣдомые мужествомъ и доблестію Ходкѣвичи, Глѣбовичи, Кишки, Сапѣги, Дорогостайскіе, Хмѣ-

лецкіе, Войки, Воловичи, Зѣновичи, Тышкевичи, Пацы, Скумины, Корсаки, Хребтовичи, Тризны, Горностаи, Мышки, Гойскіе, Сѣмашки, Гулевичи, Ярмолинскіе, Чолганскіе, Калиновскіе, Кирдеи, Загоровскіе, Мелешки, Боговитины, Павловичи, Сосновскіе, Поцѣи? Злодѣи отняли у меня эту драгоцѣнную одежду (говорилось въ этомъ сочиненіи отъ лица церкви) и теперь ругаются надъ моимъ бѣднымъ тѣломъ, изъ котораго всѣ вышли»! — Даже уніаты скорбѣли о томъ, что дворянство русское отступило въ латинство: «уже уніи со свѣчей приходится искать русскаго шляхтича, не то что сенатора» — говоритъ уніатъ въ началѣ третьяго десятилѣтія XVII вѣка [1]).

Такимъ образомъ, все дворянство отпадало отъ вѣры и народности: въ Руси исчезалъ дѣятельный, свободный классъ, который могъ путемъ законнымъ и правильнымъ постоять за святыню старины своей. Мѣщане знатнѣйшихъ городовъ шли за дворянствомъ: число уніатовъ въ городахъ увеличивалось; число православныхъ уменьшалось; и чѣмъ ихъ меньше становилось, тѣмъ труднѣе имъ было бороться съ громадою противниковъ, которая угнетала ихъ, при помощи и правительственной и общественной силы. Порабощенный сельскій народъ умѣлъ только терпѣть и страдать, пока какая-нибудь новая сила не извлечетъ его изъ отупѣнія. Вообще состояніе русскаго простолюдина становилось хуже по мѣрѣ того, какъ русскіе паны теряли вѣру — единую связь духовнаго равенства съ народомъ. Русская вѣра оставалась преимущественно (только съ немногими исключеніями) вѣрою хлопскою и не могла найти никакой поддержки внутри русскаго края; ея знамя взяли казаки. Неудивительно, если послѣ такого беззаконія, какое испытало это древнее вѣроисповѣданіе, болѣе чѣмъ какое-нибудь другое въ христіанскомъ

---

[1]) Antelenchus. 47 — 49.

мірѣ чтившее законность, строгій порядокъ и древность преданія, оно не нашло въ землѣ Рѣчи Постолитой другихъ защитниковъ, кромѣ такихъ, которые шли на ниспроверженіе всякой законности, порядка и преданій въ той странѣ, гдѣ начинали понимать и чувствовать свободу, но не умѣли сохранить ее ни въ духовномъ, ни политическомъ, ни въ общественномъ отношеніи. Не мудрено, если православію явились и литературные защитники такъ сказать въ казацкомъ духѣ, какимъ былъ Христофоръ Бронскій, написавшій знаменитую въ свое время книгу «Апокрозисъ», гдѣ, вопреки строгому подчиненію духовнымъ властямъ въ дѣлахъ вѣры, чего требовала издавна православная церковь, дозволялъ равное и свободное участіе мысли свѣтскимъ людямъ наравнѣ съ духовными, а ученіе о безусловномъ повиновеніи церкви называлъ жидовствомъ (посмотрѣмо у отцы святіи, смотрѣмо: якъ тіи учатъ, чтобъ свѣтскимъ людемъ зъ страны вѣры на духовные до конца ся спущати, а самымъ о ней ея не пытаючи безъ разсудка ихъ не слѣдовати и слухати завсегда въ томъ разказуютъ? Боже уховай! Наука то и росказанье не христіанскихъ, але жидовскихъ докторовъ: — рабины и рабасы, которые въ Талмутѣ незличоную рѣчь спросныхъ, глупыхъ и брыдливыхъ, Божему прироженому и писаному праву противныхъ, фалшовъ и кламствъ написавши, подъ потопленіямъ тому всему своимъ жидамъ вѣрити росказали, оже бы ся до обаченья приходити не могли); а на томъ основаніи, что въ церкви выбирали священнослужительныхъ лицъ свѣтскіе, онъ давалъ свѣтскимъ право, по своему усмотрѣнію, не слушаться ихъ и низлагать. (Посполитый людъ, послушный будучи заповѣдямъ господнимъ и Бога ся боячи, отъ злаго преложенаго отлучитися повиненъ, и ни ся до святокродцы іерея офѣръ мѣшати; кгдыжъ онъ наиболѣе маетъ моцъ албо оберати годныхъ іереп, албо ся негодныхъ хоронити; што тежъ само видимо зъ Божіей поваги походити, же іерей при

бытности люду посполитого передъ всѣхъ очима выбиранъ и годный и способный посполитымъ розсудкомъ и свѣдецствомъ утверждено бываетъ, абы, при бытности люду посполитого, албо злыхъ поступки открыти, албо добрыхъ заслуги ознаимены были). Нѣкоторые видятъ въ этомъ авторѣ тайнаго протестанта; но очень возможно было православному человѣку въ то время путемъ логическаго сцѣпленія идей дойти до такихъ умствованій, послѣ того, какъ православная іерархія отступила отъ вѣры [1]).

[1]) Кромѣ многихъ изъ источниковъ, показанныхъ въ предыдущихъ главахъ, при составленіи описанія самаго Брестскаго собора, авторъ пользовался очень рѣдкимъ сочиненіемъ: Ekthesis abo krótkie zebranie spraw ktore się działy na partykularnym to jest pomiestnym synodzie w Brzescie Litewskem 1597. Экземпляръ (чуть ли не единственный) этого важнаго сочиненія хранится въ Публичной Библіотекѣ.

ЛИТОВСКАЯ НАРОДНАЯ ПОЭЗІЯ.

ЛИТОВСКАЯ НАРОДНАЯ ПОЭЗІЯ [1]).

—

Если гдѣ-нибудь рельефнѣе выдается справедливость положенія, что народная поэзія служитъ выраженіемъ судьбы народа, которому принадлежитъ — то это въ литовскихъ пѣсняхъ и сказкахъ. Судьба поставила литовское племя на историческомъ полѣ слишкомъ не твердо и результатомъ его шумнаго появленія въ исторіи было не болѣе, какъ матеріальное воздѣйствіе на славянскій міръ. Проникая въ смыслъ событій XIII и XIV вѣка, можно видѣть, что даже и тогда возникавшее государственное тѣло питалось и жило русскою стихіею, а не литовскою: уже Миндовгъ и его преемники жили въ Новогродкѣ среди русскаго народа и объяснялись по русски: у литовцевъ не осталось даже своихъ собственныхъ письменъ. Неудивительно, послѣ этого, если громкая эпоха XIII и XIV столѣтій, которая внесла имя Литвы на

---

[1]) См. Dainos oder lithauische Volkslieder, gesamelt, übersetzt und mit gegenüberstehendem Urtext herausgegeben von L. J. Rhesa. Königsb. 1825.

Die Volkssagen Ost-Preussens, Lithauens und West-Preussens, gesammelt von W. J. A. Tettau und J. D. H. Temme. Berlin. 1357.

Podania i legendy polskie, ruskie, litewskie zebrał Lucian Siemeński. Poznań. 1845.

Dajnes Ziamajtiû pagal źediû Dajniniků iszraszyłas. Petrop. 1846.

Lithauische Volkslieder, gesammelt, kritisch bearbeitet und metrisch übersetzt von G. H. F. Nesselmann. Berlin. 1853.

Lithauische Märchen, Sprichworte, Räthsel und Lieder. Gesammelt von August Schleicher. Weimar. 1857.

театръ политическихъ событій, почти прошла мимо и оставила на литовцахъ мало отпечатка, и въ своихъ пѣсняхъ литовскій народъ является не тѣмъ воинственнымъ, опустошительнымъ и завоевательнымъ, которымъ мы привыкли видѣть его въ полчищахъ Гедиминовъ и Ольгердовъ, а кроткимъ деревенскимъ народомъ, безъ стремленій вырваться въ болѣе широкое поле жизни. За то у рѣдкаго народа въ поэзіи найдется столько неиспорченныхъ образцовъ первобытной красоты, какіе представляетъ литовская. Въ глубочайшей древности Литва достигла до первой степени образованности — деревенской, и развила въ себѣ ея начала на столько, на сколько не успѣли развить многіе народы въ то время, когда переходили чрезъ такой же періодъ своего историческаго бытія; но за то Литва и осталась съ ними навсегда; она не доросла не только до политическаго сознанія, но даже до городскаго — даже почти до сельскаго быта. Литовскія пѣсни и преданія сходны во многихъ чертахъ съ славянскими не только по духу, но и по формамъ, сходны однако такъ, какъ походитъ глухая небольшая деревня на большое село. Если въ поэзіи славянскихъ народовъ является юношеское изящество, то въ литовской болѣе свѣжести и дѣтскаго простодушія; въ ней господствуетъ какая-то неполнота, неясность формъ, такъ сказать недодѣланность. Литовскія пѣсни дышатъ уютною непроѣздною деревнею, гдѣ жизнь протекаетъ нераздѣльно съ природою, при отчужденіи отъ всего остальнаго міра, въ несложномъ обществѣ близкихъ между собою людей, соединенныхъ связью чувства, а не гражданскаго долга, не нуждаясь ни въ законахъ, ни въ администраціи, покорная внѣшнимъ силамъ, но упорно хранящая внутреннюю святыню души, и потому затаенная, даже иногда притворная. Въ литовскихъ пѣсняхъ чувства глубоки и нѣжны, но страсти до того слабы, что рѣдко являются на свѣтъ; желанія ограничены, за то неотравимо наслажденіе въ лонѣ

природы; нѣтъ охоты къ размышленію; чувство не хочетъ нарушить обаятельнаго, безсознательнаго спокойствія сухостію анализа; нѣтъ вражды, нѣтъ зависти, нѣтъ стремленія впередъ; Фантазія, иногда затѣйливая, скорѣе обращается назадъ, чѣмъ впередъ, рѣдко создаетъ ѐбразы жизни возвышенной надъ кругомъ деревенщины, но убѣгаетъ въ дубовыя рощи, заслушивается журчанія ручьевъ и морскаго гула, рѣдко мечтаетъ о чертогахъ или нарядахъ промышленнаго міра, а если иногда заходитъ въ эту сферу, то переступаетъ границы — и теряется въ призракахъ недѣйствительности, какъ всегда бываетъ при мечтахъ о томъ, что̀ слишкомъ далеко отъ жизни.

Почти всѣ пѣсни литовскаго народа отличаются непринужденною нравственностію и деликатностію, и въ этомъ отношеніи чище славянскихъ, какъ дѣтская жизнь чище юношеской. Литовская муза не находитъ прелести въ преступленіяхъ и злодѣяніяхъ, не тѣшитъ воображенія ничѣмъ соблазнительнымъ и развращеннымъ. Въ этомъ отношеніи она, при сравненіи съ поэзіею славянскихъ народовъ, далѣе всего отстоитъ отъ поэзіи велико-руссовъ, болѣе другихъ соплеменниковъ перешедшихъ черезъ рубежъ сельскаго быта въ область городскаго. Въ литовской поэзіи въ ѐбразахъ нѣтъ ни выпуклости, ни рѣзкихъ чертъ: они воздушны, туманны; краски на нихъ не ярки, но нѣжны и мягки; нельзя назвать ее мрачною и грустною, нельзя назвать и веселою, разгульною. Въ ней не слышно ни раздирающаго вопля отчаянія, ни неистоваго смѣха; нѣтъ ни ослѣпительнаго свѣта, ни чернаго мрака; какая то таинственность разлита въ ея созданіяхъ; міръ, куда она вводитъ насъ, напоминаетъ весенній вечеръ, когда, при ясной зарѣ, въ душистомъ воздухѣ, среди младенческой, чуть только воскресшей изъ подъ снѣга природы, чувствуется разомъ и упоеніе молодой жизни и легкая грусть. Литовское племя, и въ своей жизни и въ своей поэ-

зіи, представляетъ переходъ отъ дѣятельной индо-европейской натуры къ страдательному быту финскихъ народностей, соединеніе живучести западныхъ началъ съ преобладающею восточною косностію.

Позже всѣхъ индо-европейскихъ народовъ принявши христіанство, болѣе и долѣе, чѣмъ другіе, сохранили литовцы до нашего времени слѣдовъ миѳологіи въ своихъ пѣсняхъ, сказкахъ, преданіяхъ и обычаяхъ; изъ всѣхъ миѳологическихъ вѣрованій уцѣлѣли болѣе всего слѣды поклоненія солнцу и небеснымъ свѣтиламъ и явленіямъ. Оно естественно, потому что въ земледѣльческомъ быту и жизнь и работы измѣряются по годичнымъ и метеорологическимъ перемѣнамъ. Солнце въ литовскихъ пѣсняхъ олицетворяется существомъ женскаго пола, и называется божьей дочерью (saulyte dewo dukte). Оно — существо благое, человѣколюбивое, справедливое и сострадательное къ несчастію. Гдѣ ты пробывала, Савлита, дочь божія? говорится въ одной пѣснѣ. Савлита отвѣчаетъ: за морями, за горами; я призрѣвала сиротъ, согрѣвала пастуховъ, всѣмъ раздавала блага! Ей прислуживаютъ утренняя (auszrine) и вечерняя (wakarine) звѣзды: утренняя зажигаетъ ей огонь, вечерняя приготовляетъ ей на ночь постель [1]).

---

[1]) Saulyte Déwo dukte,
Kur taip ilgay usztrukai?
Kur taip ilgay gywenai,
Nu musû atstojusi?

Po jurû, po kalneliû
Kawojau sirateles,
Suszildau pemenaczus.
Daug mano duwaneliû.

Saulyte Déwo ducte,
Kas rytais wakareleis
Prakure taw ugnele?
Taw klojo pataleli?

Мѣсяцъ (menes) представляется существомъ мужскаго пола и супругомъ Савлиты (солнца). Въ одной пѣснѣ разсказывается, что мѣсяцъ прежде ходилъ по небу съ своей супругою, и выходили и заходили они вмѣстѣ, и на ночлегъ вмѣстѣ возвращались. Но однажды, когда, по обычаю, Менесъ повелъ свою Савлиту домой и уложилъ ее спать, самъ ушелъ отъ ней погулять и влюбился въ Аушрину (утренницу). Солнце проснулось и пошло по небу одно, безъ супруга. Узнавъ объ этомъ, Перкунасъ разрубилъ невѣрнаго мечемъ пополамъ, и оттого мѣсяцъ является съ половиною лица, и оттого свѣтъ его такой грустный. Впрочемъ, невозможно въ настоящее время изъ этихъ неясныхъ отрывковъ древней фантазіи заключить, что въ язычествѣ было именно такое представленіе, какъ въ пѣснѣ. Народная фантазія работала и впослѣдствіи, послѣ паденія язычества, и невсегда можно съ точностію опредѣлить, что принадлежитъ раннему, и что — позднѣйшему ея труду.

Въ народныхъ пѣсняхъ есть еще инаго рода представленія о свѣтилахъ: въ одной пѣснѣ утренняя звѣзда изображается не любовницею Менеса, не соперницею Савлиты, а ея дочерью; разрубленіе Перкунасомъ относится не къ мѣсяцу, а къ дереву — дубу. Савлита выдаетъ дочь свою Аушрину замужъ; вдругъ пришелъ Перкунасъ и разрубилъ пополамъ зеленый дубъ; изъ него потекла кровь и обрызгала брачный нарядъ и дѣвическій вѣнокъ Аушрины; дочь солнца плачетъ и цѣлые три года собираетъ разсыпанные листья своего дѣвичьяго вѣнка. «Гдѣ я вымою свое платье?» спрашиваетъ она матери. Савлита отвѣчаетъ: «въ томъ

Auszrine, wakarine,
Auszrine ugnużele,
Wak'rine pataleli;
Daug mano gimenelês.

(Nesselm. I.)

пруду, куда текутъ девять ручьевъ.» «Гдѣ я буду его сушить?» спрашиваетъ Аушрина. «На лугу, гдѣ растетъ девять розъ,» отвѣчаетъ мать. «А когда я буду носить его?» продолжаетъ дочь. «Тогда, когда взойдетъ девять солнцъ.» Этотъ отрывокъ, безъ сомнѣнія языческаго происхожденія, чрезвычайно неясенъ, и долженъ быть обломкомъ какой-нибудь священной исторіи. Число девять — священное въ языческой литовской числительности, какъ и въ скандинавской миѳологіи. Переводчикъ хроники Іоанна Малалы говоритъ, что, по литовскому вѣрованію, Совія долженъ былъ съѣсть девять селезенокъ и потомъ проходить чрезъ девять воротъ въ адъ. Святость числа девяти, кажется, происходила отъ числа трехъ, которое у всѣхъ извѣстныхъ народовъ земнаго шара имѣетъ святое и символическое значеніе; девять есть три раза три, слѣдовательно трижды святое, трисвятое.

Въ пѣсняхъ говорится о божьихъ сыновьяхъ и божьихъ дочеряхъ; вѣроятно, подъ тѣми и другими разумѣли въ миѳологическое время духовъ или боговъ, витающихъ въ природѣ. Одна пѣсня говоритъ: «подъ кленомъ течетъ ручеекъ; тамъ, при свѣтѣ луны, танцуютъ божьи сыны съ божьими дочерьми». Вѣроятно, здѣсь эти божіи дочери — вандинніи, водяныя нимфы, однозначительныя съ нашими русалками. По народному вѣрованію, эти вандинніи, прекрасныя собою, выходятъ изъ воды и танцуютъ въ хороводѣ; ихъ очи блестятъ какъ небесныя звѣзды, а ихъ кудри шелестятъ очаровательною музыкою; но никакой человѣкъ не можетъ видѣть ихъ хоровода, оттого что какъ скоро услышитъ музыку кудрей, то приходитъ въ упоеніе и засыпаетъ;—только тотъ, кто достанетъ волшебный цвѣтокъ папоротника, можетъ созерцать невыразимо-стройную пляску и слышать очаровательное пѣніе водяныхъ красавицъ. Этого мало: тотъ можетъ подчинить себѣ вандинній и заставить ихъ ловить себѣ рыбу. Тѣ, или можетъ быть другія, божія дочери при-

служивали героямъ, какъ скандинавскія валькиріи. Кто будетъ тебѣ служить въ далекой угорской землѣ? говоритъ мать отъѣзжающему на войну сыну. Онъ отвѣчаетъ: божія дочери бѣлыми руками, ласковыми словами! Кажется, въ обширномъ смыслѣ божіими дочерями назывались вообще всѣ богини или фантастическія существа женскаго пола. Въ ихъ кругъ относятся и лаймы, добрыя дѣвы, покровительницы дѣторожденія и дѣтей; о нихъ остались преданія въ пѣсняхъ; эти дѣвы также называются божіими дочерьми. Кто будетъ качать твое дитя? говоритъ мать дочери. Его будетъ качать лайма въ своей колыбели, отвѣчаетъ дочь. О лаймахъ остались въ народѣ поэтическія сказанія. Эти лаймы — добрыя дѣвицы — геніи, соблюдающія жизнь человѣка. Впослѣдствіи, подъ вліяніемъ христіанства, представленіе о нихъ измѣнилось, и какъ существа языческаго міра, поносимыя священниками, онѣ поступили уже въ разрядъ злыхъ демоновъ. Народъ вѣритъ, что лаймы похищаютъ маленькихъ дѣтей. Повѣрье это имѣетъ аналогію съ древнимъ значеніемъ лаймы, какъ дѣтской богини. Лаймы крадутъ у матерей младенцевъ и оставляютъ вмѣсто ихъ другихъ, которыхъ онѣ дѣлаютъ изъ соломы или изъ прутьевъ и чудодѣйственно сообщаютъ имъ жизнь Подложенныя такимъ образомъ, вмѣсто настоящихъ, дѣти никакъ не могутъ достигнуть полнаго развитія человѣческой жизни. Однажды въ домѣ работникъ подсмотрѣлъ, какъ двѣ лаймы украли у хозяйки новорожденнаго ребенка и унесли его въ кухню; тамъ сдѣлали изъ помела другаго ребенка и заспорили: кому изъ нихъ нести его и положить подлѣ матери въ колыбели; не согласившись никакъ, рѣшились они нести его обѣ, и оставили настоящаго ребенка на столѣ. Работникъ взялъ его. Лаймы, воротившись въ кухню, не нашли своей покражи и стали между собою ссориться; вдругъ запѣлъ пѣтухъ и онѣ исчезли. На силу растолкалъ послѣ того хозяйку ра-

ботникъ: такъ глубокъ былъ сонъ, насланный на нее лаймами. Вставши, хозяйка благодарила работника, что онъ ее разбудилъ, и разсказывала, что въ это время ей снился сонъ, будто бы на нее навалилась ужасная тяжесть. Увидѣли двухъ младенцевъ — одинъ на другаго похожихъ, но тотъ, котораго оставили лаймы, былъ какъ будто полуживъ, и какъ бы недотворенъ. Работникъ сказалъ объ этомъ священнику. Заставивши присягнуть въ истинѣ разсказа, священникъ велѣлъ дитяти лаймы отрубить голову, но не иначе, какъ до окончанія сутокъ со времени, когда лаймы его сдѣлали: иначе онъ будетъ уже совершенно живъ и нельзя будетъ умертвить живое существо. Работникъ, однако, подождалъ возврата хозяина, ѣздившаго въ городъ, и когда вдвоемъ они стали рубить голову лаймину сыну, то изъ жилъ его потекла кровь, но еще кое-гдѣ въ организмѣ были соломенные стебли, не успѣвшіе превратиться въ жилы. Впрочемъ, не всегда подмѣненныя дѣти творятся изъ соломы или прутьевъ; ихъ считаютъ также и дѣйствительными дѣтьми лаймъ, но все таки они остаются какими-то недоносками и съ огромною, несоразмѣрною головою. У одной женщины было подобное дитя, которое достигло двѣнадцатилѣтняго возраста, не говорило и было до того слабо, что его надобно было водить и даже носить. По наученію какого-то знахаря, мать развела огонь, взяла куриное яйцо и выпустила въ чашку съ водой, повѣсила два маленькихъ котелка и хотѣла варить алусъ (родъ домашняго пива). Вдругъ дитя отозвалось: «мама! что ты хочешь дѣлать?» — Алусъ варить! — «Я такъ старъ, что помню, какъ выходилъ изъ земли большой лѣсъ, который теперь уже усохъ, а такого дива не видывалъ!» Сказавши это, онъ захворалъ и умеръ Лаймы шатаются между людьми и дѣлаютъ свои проказы по вечерамъ въ четвергъ, и тогда то матери должны особенно беречь своихъ новорожденныхъ дѣтей; тогда женщины держатъ всю ночь огонь въ домѣ; въ

эти вечера также остерегаются прясть, ибо иначе можетъ явиться лайма, немного попрядетъ сама и унесетъ съ собой всю чужую пряжу. Иногда онѣ, если и не унесутъ съ собой ребенка, то сдѣлаютъ ему вредъ; однажды мать купала свое дитя и вышла изъ дому; лайма это видѣла и, вбѣжавъ въ избу, налила кипятку и положила въ него ребенка; отъ этого у него облѣзла вся кожа и онъ умеръ.

Но о лаймахъ остались не однѣ дурныя вѣсти; иногда онѣ и теперь еще являются добрыми существами. Напримѣръ, одной бѣдняжкѣ-сиротѣ лайма носила полотно и пестрыя ткани на бѣлье и на наряды, но съ уговоромъ: не мѣрять этого. Сирота не послушалась и въ одинъ мигъ исчезло все, подаренное лаймою.

Лаймы представляются красавицами. Въ одинъ домъ являлась лайма и душила во снѣ молодаго человѣка. По совѣту знахарей, онъ отправился въ лѣсъ, срубилъ въ непроходимой чащѣ дубокъ, сдѣлалъ изъ него колотушку, заостренную кверху на подобіе клина, обдѣлалъ ее топоромъ, составленнымъ изъ девяти кусковъ желѣза, съ липовымъ обухомъ. Этой колотушкой слѣдовало забить диру въ стѣнѣ, куда пролѣзала лайма. Ночью, услышавши, что лайма въ избѣ, онъ всталъ и заткнулъ щель. Цѣлую ночь до разсвѣта слышалъ онъ, какъ въ углу что-то возилось и царапало, будто кошка. Утромъ онъ увидѣлъ предъ собою прекраснѣйшую дѣвушку. Онъ женился на ней. Она была чрезвычайно кротка и послушна, но очень странна: не могла ничего ни начать, ни кончить; надобно, чтобъ кто-нибудь началъ дѣло — она работаетъ по указанію, но кончить долженъ кто-нибудь иной. Какъ ни старался мужъ, — никакъ не могъ ее измѣнить. Ототкни щель, сказала она: — можетъ быть, тогда я съумѣю и начать и кончить дѣло! Мужъ долго не хотѣлъ, догадываясь, что она улизнетъ отъ него; но наконецъ она какъ-то упросила его. Онъ ототкнулъ — и лайма въ первую же ночь

исчезла отъ него; послѣ того каждый четвергъ вечеромъ она приносила своимъ дѣткамъ бѣленькую рубашку, но уже не показывалась мужу.

Въ числѣ многихъ разсказовъ о лаймахъ чрезвычайно замѣчательна по своей древности одна сказка такого склада: Лицо, называемое въ сказкѣ плотникомъ, пошло по свѣту и встрѣтилось сначала съ Перкунасомъ — духомъ грома и молніи, потомъ съ вѣтромъ, который въ сказкѣ называется дьяволомъ. Они вмѣстѣ исторгали съ корнемъ вѣковѣчные лѣса; плотникъ сдѣлалъ плугъ и борону, посѣялъ хлѣба и всякихъ овощей и домъ состроили. Вдругъ ночью у нихъ изъ огорода стала пропадать рѣпа. Надобно было подкараулить вора. Сначала отправился дьяволъ (вѣтеръ), хотѣлъ схватить вора, но воръ такъ его ударилъ, что тотъ едва не умеръ; потомъ отправился на караулъ Перкунасъ, и его также поколотилъ воръ. Наконецъ, когда пришло время идти третьему — плотнику, караулить огородъ — онъ взялъ съ собой скрипку и началъ играть. Воръ явился и похлопывая бичемъ, кричалъ: пичъ! пачъ! желѣзная телѣжка, проволочная плеть! Плотникъ заигралъ; воръ заслушался: это была лайма, дѣва дикая, жившая въ лѣсу: никто ее одолѣть не могъ. Ей такъ понравилась музыка, что она подошла и стала просить выучить ее играть. Плотникъ замѣтилъ, что у ней пальцы слишкомъ толсты и надобно ихъ обстругать. Онъ разсчепилъ дерево и лайма, по его приказанію, вложила туда пальцы обѣихъ рукъ. Плотникъ прижалъ ихъ деревомъ такъ, что изъ пальцевъ выступила кровь, а самъ отмѣрилъ ей по спинѣ нѣсколько тяжеловѣсныхъ ударовъ тѣмъ самымъ проволочнымъ бичемъ, которымъ она угостила его товарищей. По усильной просьбѣ, онъ, однако, освободилъ ее. Она исчезла и оставила у него свою желѣзную телѣжку и проволочную плеть.

Съ-тѣхъ-поръ трое товарищей жили спокойно и про-

должали обработывать поля и никто уже не мѣшалъ имъ и не кралъ у нихъ плодовъ и овощей. Но потомъ наскучило имъ общинное житье; пусть, сказали они, — владѣетъ одинъ изъ насъ всѣмъ. Рѣшили, что каждый по очереди долженъ пугать двухъ другихъ и кто не испугается, а, напротивъ, самъ больше прочихъ надѣлаетъ другимъ страха, тотъ получитъ во владѣніе домъ. Началъ сперва пугать товарищей вѣтеръ: подулъ такъ, что стѣны дома задрожали и Перкунасъ выскочилъ въ окно, а плотникъ резвернулъ свой молитвенникъ и вѣтеръ не могъ его привести въ ужасъ. Потомъ Перкунасъ загремѣлъ и заблисталъ молніею такъ, что казалось не только домъ, но весь окрестный лѣсъ провалится сквозь землю, а молнія блистала такъ, что, казалось, вотъ все сожжетъ — и вѣтеръ въ окно улетѣлъ, а плотникъ не испугался, потому что занялся своимъ молитвенникомъ. Когда же по очереди на третью ночь пришлось пугать плотнику своихъ товарищей, то онъ взялъ желѣзную телѣжку и проволочную плеть, что отнялъ у лаймы, хлопаетъ бичемъ, телѣжку катитъ, а самъ кричитъ: пичъ! пачъ! желѣзная телѣжка, проволочная плеть! Перкунасъ и вѣтеръ какъ услышали — подумали, что это та самая лайма, что ихъ такъ сильно поколотила, и убѣжали! И такимъ образомъ плотникъ сталъ обладателемъ всего хозяйства, подсмѣиваясь надъ своими товарищами, которые не могли его испугать ни бурею, ни грозою, а онъ ихъ испугалъ телѣжкою и бичемъ.

Въ этой сказкѣ видно древнее сознаніе побѣды человѣческаго ума надъ силами природы. Плотникъ здѣсь, можетъ быть, странствующая свѣтоносная божественная сила, водворяющая образованность на землѣ — Аполлонъ, Тезей, Геркулесъ Греціи, Свантовитъ славянскій, Бальдуръ скандинавскій. Что касается до лаймы, то едва ли не замѣнено здѣсь лаймою впослѣдствіи, по ошибкѣ, другое миѳологическое имя — можетъ быть, лѣсная Рагана — то же, что сербская

вила, дикое, сильное и воинственное существо, но уступающее мудрости человѣческой болѣе, чѣмъ всякой богатырской силѣ.

Изъ другихъ миѳологическихъ существъ парстуки, если не въ пѣсняхъ, то въ сказкахъ играютъ до-сихъ-поръ немаловажную роль. Эти подземные божки являются хитрецами, дѣлающими проказы человѣку.

Въ одной сказкѣ трое охотниковъ отправились на охоту; двое должны были каждый день ходить по лѣсу за добычею, а третій, по очереди, готовить имъ обѣдъ къ ихъ приходу. Но когда, такимъ образомъ, оставался въ избѣ одинъ, исправлявшій должность повара, явился маленькій человѣчекъ, ростомъ не больше ступни, съ бородою длиной въ сажень, и жалобно плакалъ, и просилъ дать поѣсть. Его просьбы казались такъ трогательны, что невозможно было отказать ему, но какъ скоро ему давали кусокъ мяса, проказникъ ронялъ его и просилъ поднять, увѣряя, что самъ не въ силахъ отъ болѣзни ни приподняться, ни нагнуться. Когда растроганный поваръ подавалъ ему кусокъ, парстукъ вскакивалъ ему на плеча и начиналъ тузить кулаками. Измучивши его до тѣхъ поръ, что онъ падалъ въ изнеможеніи, парстукъ исчезалъ изъ избы. Такимъ образомъ, шалунъ успѣлъ измучить двоихъ, одного за другимъ, но когда пришла очередь столкнуться съ нимъ третьему — этотъ третій не дался въ обманъ, но поймалъ самого карлика за огромную бороду и расщепивъ колоду, всадилъ туда его бородою. Парстукъ освободился изъ такого непріятнаго положенія, оставивши въ разсѣлинѣ половину своей бороды.

Вода у древнихъ литовцевъ имѣла религіозное значеніе, и до-сихъ-поръ это ярко выказывается въ памятникахъ народной поэзіи. Въ пѣсняхъ безпрестанно является вода въ разныхъ видахъ, какъ любимая обстановка того, къ чему обращается чувство. Свиданіе молодца съ дѣвицею происхо-

дитъ всегда у воды, у источника, который обыкновенно течетъ изъ подъ дерева, чаще кленоваго. Къ ручью ходитъ дѣвица выплакивать свое тайное горе и ея слезы сравниваются со струями ручья. Чрезвычайно часто является въ народныхъ пѣсняхъ море; оно символъ далекости; колышутся волны моря, стоитъ на берегу его старая родимая матушка, а на другомъ берегу ея дочь. Посылаетъ дочь къ матушкѣ поклонъ, зазываетъ къ себѣ матушку, да той нельзя прибыть. Изъ за моря пріѣзжаетъ молодой человѣкъ сватать дѣвицу. Поплыть на море — на поэтическомъ языкѣ значитъ пуститься въ неизвѣстное. Дѣвица лишается дѣвства (чаще духовнаго незнанія любви) — что выражается бросаніемъ вѣнка въ море. Очень часто говорится о плавающихъ по морю корабляхъ. Всѣ такіе образы указываютъ на древнее знакомство народа съ моремъ и на священное значеніе, которое море играло въ старыхъ вѣрованіяхъ. Въ одной пѣснѣ упоминается даже о морскомъ богѣ Бангпуттисѣ, перевертывающемъ суда пловцевъ. Въ другой пѣснѣ обломокъ какой-то миѳологической исторіи объ утонувшей дѣвушкѣ: росли три липы изъ одного корня; изъ подъ нихъ вытекала быстрая рѣка; три сестрицы переходятъ черезъ рѣку, держась за вѣтви липъ; двѣ перешли, третья утонула; и понесли ее быстрыя воды въ Нѣманъ, а изъ Нѣмана въ Русъ, изъ Руса въ океанъ-море; и прибила ее волна къ бережку; тамъ изъ нея выросла зеленая липа съ девятью густыми вѣтвями; ѣхалъ молодецъ-братецъ, сломилъ вѣтвь и сдѣлалъ себѣ стрѣлу; пустилъ онъ стрѣлу — стрѣла поетъ жалостно; грустный отголосокъ достигаетъ до ушей матушки: «Это душа моей дочери» сказала она: «мечется она надъ волнами!» Эта пѣсня, чрезвычайно неясная, тѣмъ замѣчательна, что подобная, съ такими же туманными образами, есть и у славянъ, напримѣръ, у малороссіянъ, и поется на купальскомъ праздникѣ. Это показываетъ ея древность.

Въ народной памяти (по свидѣтельству Нарбутта) сохранилась поэтическая баснословная исторія морской богини Юраты. На днѣ моря Балтійскаго (бѣлаго отъ baltas — бѣлый) былъ когда-то янтарный чертогъ Юраты, царицы моря. Однажды узнала она, что люди начали ловить рыбу въ морѣ. Собрала Юрата своихъ совѣтницъ и прислужницъ и держала съ ними совѣтъ — что̀ дѣлать съ рыбаками, которые стали истреблять принадлежащія ея власти рыбъ. Сама царица, прежде хоть и любила покушать рыбки, но не рѣшалась этихъ любимыхъ ея тварей лишать жизни, а только обгрызала у нихъ бока, и пускала опять на волю; отъ этого-то — говорятъ литовцы — и находятъ въ морѣ одноглазыхъ рыбъ. Рѣшено было въ совѣтѣ заманивать рыбаковъ на морское дно. Но случилось, что сама царица влюбилась въ одного рыбака и, вмѣсто того, чтобъ заманить его на дно и утопить за истребленіе рыбъ, устроила съ нимъ постоянныя свиданія на берегу моря. На бѣду ихъ узналъ Перкунасъ, что богиня соединяется любовью съ смертнымъ, поразилъ рыбака и разбилъ громомъ въ дребезги янтарный чертогъ Юраты. Прамжимасъ (судьба) опредѣлила такое наказаніе самой богинѣ: передъ трупомъ своего возлюбленнаго, она, прикованная на днѣ моря, должна вѣчно оплакивать свое паденіе; и часто балтійскіе пловцы слышатъ подводные стоны Юраты и вода выноситъ обломки янтарнаго чертога бывшей повелительницы моря.

Болото въ литовской демонологіи было жилище своего рода духовъ, которымъ придавалось вообще болѣе злое значеніе. У литовцевъ существуетъ преданіе о неизмѣримыхъ пропастяхъ посреди болотъ; въ одной изъ нихъ живетъ подземная царица, нѣкогда сидѣвшая на утесномъ тронѣ. Въ древнія времена она свела съ облаковъ воздушный корабль въ свою бездну и водворилась въ немъ; мачта этого корабля высовывалась нѣкогда наружу: прадѣды видѣли ее собствен-

ными глазами; но теперь она уже не видна и покрылась сверху островомъ. Въ старину царица выходила изъ своей бездны и жители окрестностей, пугаясь такого призрака, приглашали чернокнижниковъ выгонять ее изъ ихъ отечества. Но богиня объявила, что если она переселится отъ нихъ, то всѣ окрестные луга покроются водою, оттого что главное отверзтіе, ведущее въ бездну, теперь закрыто лошадиной головой; если же она выйдетъ изъ своей пропасти, то отверзтіе останется не заткнутымъ и подземная вода хлынетъ безъ удержу. Поэтому ее и оставили въ покоѣ. Множество бѣсовъ снуетъ всегда по болоту; они дѣлаютъ людямъ разное безпокойство и вредъ.

Изъ предметовъ растительнаго царства природы многіе цвѣты и деревья имѣютъ символическія значенія, и нерѣдко являются они въ олицетворенныхъ образахъ. Ничто не имѣетъ въ народныхъ пѣсняхъ такого символическаго значенія какъ рута, которая, также какъ и у славянскихъ народовъ, есть символъ дѣвственности, ни одна дѣвическая пѣсня не обходится безъ руты. Состояніе дѣвичества выражается символомъ рутянаго огорода. Дѣвица цвѣтетъ своимъ дѣвствомъ, бережетъ свое дѣвство; это выражается образомъ, что дѣвица ходитъ въ рутяномъ огородѣ и поливаетъ руту; цвѣтеніе руты символизуетъ разцвѣтъ дѣвической красоты. Молодежъ знакомится съ дѣвицею въ рутяномъ саду и женихъ, пріѣзжая къ невѣстѣ, застаетъ ее въ рутяномъ садикѣ, среди зеленѣющей руты. Бросить рутяной вѣнокъ въ воду — значитъ прекращеніе дѣвства. Ухаживаніе молодца за дѣвицею выражается образомъ, что молодецъ поѣхалъ конемъ въ рутяной огородъ дѣвицы и потопталъ въ немъ руту. Рута всегда растетъ при водѣ, а вода — священный символъ чистоты. Вмѣстѣ съ рутою нерѣдко упоминается и лилія, символизующая также красоту и цѣломудріе; но лилія служила для выраженія и любовнаго чувства, чѣмъ никогда не бываетъ

рута; ибо молодецъ сравниваетъ благосклонную къ себѣ красавицу съ лиліею, но никогда съ рутою. Лилія и роза значатъ дѣвицу, а біунъ (піонъ) — молодца: эти цвѣты въ пѣсняхъ символизуютъ любовную чету. Майоранъ — цвѣтокъ, очень употребительный въ пѣсняхъ — всегда символъ дружелюбія, гостепріимства, учтивости, точно какъ василекъ въ малороссійскихъ пѣсняхъ. Знакомство дѣвицы съ чувствомъ любви выражается такими обрядами: дѣвица рветъ майоранъ, или дѣвицы идутъ покупать майоранъ; дѣвицы приглашаютъ благосклонно жениха и дарятъ ему майоранъ. Майоранъ и символъ отдачи замужъ и согласія на бракъ: «о майоранъ зеленый, — говоритъ къ нему въ пѣснѣ невѣста, — кто садилъ тебя? кто поливалъ, кто обрѣзывалъ тебѣ вѣтви? Сестры садили тебя и поливали, и вѣтви съ тебя обрѣзывали, а вдовецъ тебя изсушилъ». Когда молодецъ пріѣзжаетъ къ дѣвицѣ съ предложеніемъ, то дѣвица приходитъ къ нему съ пучкомъ майорана.

Хлѣбныя растенія упоминаются въ пѣсняхъ, и въ народныхъ повѣріяхъ имѣютъ священное значеніе. По свидѣтельству Нарбутта, въ народѣ до-сихъ-поръ существуетъ древнее миѳологическое повѣріе о Крумине — богинѣ, которое похоже на исторію греческой Димитры. Была у этой богини дочь; вышла она изъ своихъ палатъ на берегъ рѣки Руса и увидала по срединѣ ея русла пышный цвѣтокъ; она поплыла къ нему и только что достигла до него, какъ провалилась въ жилище подземнаго божества Поклюса и должна была сдѣлаться его женою. Мать долго не знала гдѣ она, и пошла по міру искать ее; проходя по литовской землѣ, она научила жителей земледѣлію. Въ старину хлѣбныя зерна пользовались религіознымъ уваженіемъ и предавались освященію, ибо и теперь сохранился въ Литвѣ, подобно какъ въ Малороссіи на новый годъ, обычай посыпать хлѣбными зернами на рождество, но съ такой обстановкой, которая

указываетъ, что этотъ обычай имѣлъ религіозное значеніе: прежде чѣмъ начнутъ посыпать хлѣбными зернами, слѣдуетъ продержать ихъ въ рукѣ во все время обѣдни.

Изъ деревьевъ и кустарниковъ народная поэзія любитъ розовый кустъ, клёнъ, липу, вербу, дубъ, сосну и березу. О розовомъ кустѣ сохранилось нѣсколько пѣсенъ, ясно обличающихъ въ себѣ обломки какихъ-то миѳологическихъ разсказовъ. «Мать земля цвѣтопроизводительница — говорится въ одной пѣснѣ — куда мнѣ посадить розовый кустъ? На высокой горѣ посажу его, на берегу близъ моря. Гдѣ я найду отца-мать? Найдешь ихъ на высокой горѣ, на берегу близъ моря! Вотъ выросло розовое дерево; вершина его въ облакахъ; подъ нимъ я нашла молодца на божіемъ конѣ. О милая дѣва, о пышная дѣва! Воротися назадъ домой: отецъ и мать справляютъ свадьбу сестры твоей. Здравствуй моя матушка! Зачѣмъ вы меня отвергнули, въ море бросили? Я выросла, стала большая дѣвушка и нашла колыбель, гдѣ играла я, будучи дитятею.» — Въ другой пѣснѣ въ розовое деревцо превращается душа молодца, умершаго отъ тоски. «Оно выросло на его могилѣ; приходили молодыя дѣвицы рвать цвѣточки розовые. Не рвите, дѣвицы, не рвите. Приходила молодая сестра и сорвала пупочку, а матушка заплакала и молвила: не рвите, не рвите цвѣточка съ этого дерева; этотъ цвѣточекъ душа молодца, что скончался отъ тоски.» Кленъ и липа въ пѣсняхъ символизируетъ любовную чету: молодецъ изображается въ образѣ клена, дѣвица въ образѣ липы. Древнее миѳологическое значеніе липы высказывается въ пѣсняхъ, хотя темными мѣстами. Дѣвица говорила, что когда ея маленькіе братья выростутъ, то сдѣлаютъ себѣ дворъ и посадятъ по липѣ на каждомъ изъ восьми угловъ двора; на липѣ куковать будетъ кукушечка сладкимъ голосомъ. Въ другой пѣснѣ женщина, удаленная отъ своего рода, говоритъ: «липовые листья будутъ мнѣ подушками; липовые

листья будутъ мнѣ вмѣсто матерних рукъ; листья съ липы упадутъ на меня вмѣсто матерних ласковыхъ словъ. Липа имѣла въ древности вѣроятно и значеніе для отжившихъ, потому что сажалась на могилахъ женщинъ; такъ въ одной пѣснѣ сирота дѣвица говоритъ, что на могилѣ ея матушки стоитъ липа. На могилѣ отца представляется посаженнымъ дубъ. Это дерево изображается олицетвореннымъ и разговариваетъ съ вѣтромъ. Пѣсня о разсѣченіи дуба Перкунасомъ и о вытекающей изъ подъ его коры крови показываетъ древнее вѣрованіе въ одушевленіе деревьевъ.

Изъ птицъ въ народной жизни представляется болѣе всѣхъ, въ знаменательныхъ образахъ, кукушка (geżulice) возвѣстница правды и будущаго. Кукушка, говорится въ одной пѣснѣ, сидя на липѣ, предвѣщаетъ разлуку дѣвицы съ отцемъ и матерью, то есть выходъ замужъ; это намекаетъ на древнее гаданье по кукованью кукушекъ; слѣды его видны и теперь въ суевѣрныхъ вопросахъ кукушкамъ: сколько жить лѣтъ и пр., которые литвины и латыши задаютъ кукушкамъ, точно также какъ и наши поселяне. Кукушка помѣщается на деревѣ, на которомъ девять вѣтвей; это число вѣтвей, священное въ литовской миѳологіи, подтверждаетъ древнее религіозное значеніе этой птицы; любимое дерево, на которомъ по народному поэтическому представленію сидитъ чаще всего кукушка — липа, но иногда помѣщалась она въ пѣсняхъ и на соснѣ и рѣдко на кленѣ. Кукованье кукушки имѣетъ часто грустное значеніе: съ нимъ сравнивается плачь дочери, увезенной отъ матери въ чужую сторону въ замужество. Есть пѣсня о превращеніи женщины въ кукушку въ томъ же точно родѣ, какъ у великороссіянъ и малороссіянъ. Дѣвица въ видѣ кукушки посѣщаетъ своего милаго молодца. «О сонъ дремота! мнѣ сказать хочется: усну я, усну, и стану кукушечкой, и буду я куковать утромъ и вечеромъ. Отдала меня мать за горы

высокія, за рѣки глубокія; ворочусь я къ моей матушкѣ въ садочикъ къ старой отцовской хатѣ. Займу я пестрыя крылышки у кукушечки, полечу пестрою кукушкою по лѣсу, сяду въ вишневомъ садикѣ на зеленую рутяную грядку; буду я качаться, буду куковать, чтобъ услышала моя матушка. Какъ она услышала, матушка, мой голосокъ: что это, не дочка ли моя молодая; узнаю я мою дочку по кукованью грустному, по полету тихому. Узнаю мою молодую, въ чужую сторону отданную замужъ: прилетѣла свою матушку провѣдать! У ней коса русая, щеки румяныя; она моя дочка, мое милое дитятко! Вышла матушка изъ старой хаты. Плачетъ горькими слезами, обнимаетъ дочку; вышелъ изъ высокаго терема батюшка, привѣтъ даетъ доченькѣ; выходитъ сестрица изъ рутянаго садика, прижимаетъ къ сердцу сестрицу свою молоденькую; выходитъ братецъ изъ новой конюшни, ведетъ въ рукѣ верховаго коня, подступаетъ къ молодой сестрицѣ.» Въ другой литовской пѣснѣ идетъ молодецъ черезъ дворъ и не знаетъ, что это за птица явилась. У ней голосъ какъ у дѣвицы, а пестрыя перья какъ у птицы кукушечки. Еще въ одной пѣснѣ дѣвица, избѣгая брака съ немилымъ суженымъ вдовцемъ, превращается въ кукушку; идетъ немилый вдовецъ и хочетъ ее стрѣлять, а она ему говоритъ: «не стрѣляй меня! я не птица, я отеческая дочь.» У южно-руссовъ сохранилась исторія о сестрѣ, которую хотѣли отдать насильно замужъ и она, чтобъ избѣжать горькой судьбы, превратилась въ кукушку.

Кромѣ кукушки, въ пѣсняхъ встрѣчаются соколъ, голубь, ласточка, соловей, зябликъ, утка. Соколъ символъ богатаго, знатнаго молодца: прилетаетъ соколъ изъ королевскаго сада; пріѣзжаетъ молодецъ изъ далекой сторонушки. Голубь также означаетъ молодца статнаго, красиваго и влюбленнаго. Въ литовской поэзіи встрѣчается образъ, частый въ малороссійскихъ пѣсняхъ: голуби вмѣстѣ слетаются пить воду и это

означаетъ наслажденіе любовнымъ чувствомъ. Голуби, напившись воды, вмѣстѣ, полетѣли и сѣли на зеленой соснѣ въ лѣсу, и весь лѣсъ застоналъ, и всѣ деревья согнули низко свои вѣтви. Ласточка имѣетъ поэтическій эпитетъ: воздушная плывунья (kreyrdutele lakivnele). О соловьѣ народъ сложилъ пѣсню, гдѣ человѣкъ ведетъ разговоръ о житьѣ-бытьѣ птички. «Что ты, соловушка, рѣзвая пташка, что не поешь? Какъ мнѣ пѣть, пастухи разорили мое гнѣздышко, говорятъ будто я выклевалъ пшеницу, растопталъ траву на лугу, напугалъ вороныхъ коней. А это совсѣмъ неправда! меня молодцы оклеветали; я не выклевывалъ пшеницы, не вытаптывалъ травы на лугахъ, не распугивалъ вороныхъ коней». Образы природы чрезвычайно переплетаются въ пѣсняхъ, и очень разнообразны. Здѣсь упомянуты тѣ, которые особливо часто и съ любовію высказываются въ народной поэзіи.

Въ литовскихъ пѣсняхъ видна чрезвычайная сживчивость человѣческаго существа съ природою; воображеніе не представляетъ себѣ наслажденія жизнію какъ только на ея лонѣ. Дѣвица, оплакивая свое дѣвство, житье беззаботное и веселое у родимой матушки, говоритъ: «моя свѣтлица — березовая роща; постель мнѣ — мурава зеленая на лужку; на лѣсной опушкѣ подъ зелеными вѣтвями — коморка моя; вода въ студеномъ колодцѣ — вино мое».

Какъ вообще въ народныхъ пѣсняхъ, въ литовскихъ любовь играетъ главную роль, но едва ли гдѣ-нибудь выраженіе любви болѣе деликатно, болѣе дѣвственно, болѣе трезво, какъ въ литовской поэзіи. Литовская дѣвица не страстна, и не только не порывается къ любви, но, принимая ее, сохраняетъ стыдливость; муза литовская не допускаетъ сладострастныхъ образовъ и выраженій: это отличительный характеръ эротической поэзіи литовской. Для каждаго положенія въ исторіи любви юноши и дѣвицы есть свои символическія черты и образы: обыкновенно, дѣвица знакомится съ

молодцомъ у воды, куда она идетъ мыть бѣлье; молодецъ къ ней пріѣзжаетъ на ворономъ конѣ. У дѣвицы спадаетъ вѣнокъ въ воду, а молодецъ досталъ его: спадающій вѣнокъ всегда означаетъ знакомство съ любовью. Молодецъ, чтобы свидѣться съ дѣвицею, выбираетъ случай, чтобъ встрѣтиться у воды.

«Молю Бога — поетъ онъ — чтобъ завтра былъ ясный день; выйдетъ моя мергеле (дѣвица) мыть бѣлье на прудъ; я бы ей сказалъ утренній привѣтъ, подарилъ бы ей золотое колечко на пальчикъ. У моей дѣвицы очи черные, ясные; какъ пойдетъ она въ погребъ, такъ и свѣчь ей не надобно, да еше отъ кольца искры выскакиваютъ.» Кольно тоже принадлежность дѣвицы, какъ и вѣнокъ. Вѣнокъ покрытъ розою, а кольцо ржавчиною, — это признакъ, что дѣвица уже спозналась съ молодцомъ. Древній обычай умыванія дѣвицъ у воды — ясно слышится въ пѣсняхъ. Молодецъ увидѣлъ дѣвицу у воды, схватилъ ее и увезъ въ свой пестрый дворъ. Мать посылаетъ за нею въ погоню сыновей, ея братьевъ, но обыкновенно братья ея не догоняютъ, а зять присылаетъ тещѣ сѣно. Одна пѣсня довольно подробно разсказываетъ такое умыканье. Посылаетъ мать дѣвицу по воду къ Дунаю (Dunaselis) — у нея серебрянное ведро, золотое коромысло, жемчужный вѣнокъ; вдругъ на встрѣчу ѣдетъ королевскій сынъ и проситъ напоить коня. Если дѣвица соглашается напоить коня — это означаетъ согласіе на любовь. Но дѣвица не хочетъ поить коня, молодецъ разбиваетъ у ней ведра и увозитъ ее къ себѣ. Она плачетъ, точно кукушка жалобно кукушка утромъ и вечеромъ; молодецъ ее утѣшаетъ; похищенная тоскуетъ по матери, по роднымъ и проситъ помостить черезъ море мостъ, чтобы можно ей каждое воскресенье ходить къ родимой матушкѣ. Цѣль любви всегда существенная — семейная жизнь; молодецъ съ дѣвицею бесѣдуютъ о томъ, какъ они, сдѣлавшись супругами, срубятъ де-

рево и сдѣлаютъ изъ него колыбель для своихъ дѣтей. Страсти кипучей, пламеннаго увлеченія, довольнаго настоящимъ положеніемъ, забывающаго будущее — мало въ литовской поэзіи. Молодецъ пріѣзжаетъ къ дѣвицѣ свататься на ворономъ конѣ или же на лодкѣ по водѣ: «стройте корабликъ, утверждайте на немъ парусъ, поплывемъ за дѣвицею въ чужую землю. Приставай, кормчій, къ рутяному садику, привязывай корабликъ къ тещевымъ воротамъ. Здравствуйте тестюшка и тещенька! гдѣ моя дѣвица? гдѣ моя гвоздичка? — Садись, сыночекъ, за бѣлый столъ; дѣвица сей часъ выйдетъ изъ рутянаго садика!» Другой образъ прибытія молодца таковъ: молодецъ пріѣзжаетъ къ двору, окруженному символическими деревьями: кленами и липами; дѣвица гуляетъ въ рутяномъ садикѣ между лиліями, въ рутяномъ вѣнкѣ на головѣ; вѣтеръ срываетъ съ нея вѣнокъ, раскидываетъ ей волосы, — послѣдній образъ символизуетъ ея согласіе.

По народному литовскому понятію трудолюбіе есть главное достоинство женщины; по извѣстіямъ изъ XVI вѣка литвинки не должны были выходить замужъ, прежде чѣмъ не покажутъ работу своего рукодѣлья; и теперь въ литовскихъ пѣсняхъ выхваляется дѣвица за то, что хорошо прядетъ, шьетъ, бѣлье моетъ. «Отъ чего ты, дѣвица, не ходила въ хороводъ? Сидѣла дѣвица за столикомъ, ткала красно, матери угождала: отъ того и въ хороводъ не ходила.» — «Хорошая дѣвица — говоритъ другая пѣсня — въ хороводъ идетъ изъ за станка встаючи, а изъ хоровода придетъ — за красно берется.» Точно тоже и доброму молодцу честь и хвала за трудъ: «хорошій молодецъ въ хороводъ идетъ плугъ принарядивши, изъ хоровода придетъ — пашетъ.» Восхваляя свою возлюбленную, молодецъ говоритъ, что онъ узнаетъ ее между всѣми дѣвицами по чистой одеждѣ, по тонкой ткани, по новому ткацкому лотку. То и честь дѣвицѣ, что она пряха, да ткетъ хорошо, да сѣно гресть умѣетъ, да бѣлье въ пруду моетъ.

Свадебныя пѣсни — грустнаго содержанія, и причиною грусти не страхъ тягости супружескаго деспотизма, а болѣе сожалѣніе о незамѣнимыхъ лѣтахъ дѣтства, разлука съ родною семьею. Дѣвица переходитъ въ другой домъ; это выражается на поэтическомъ языкѣ — за море; сама ея мать груститъ съ нею. «Пойди моя доченька, моя молодая — говоритъ мать — пойди въ рутяной садочикъ! Что-то твоя рута, твоя зеленая, такая пышная? Наклонились ея вѣточки до земли. Сорви, моя дочка, сорви моя молодая, цвѣточекъ въ саду. Вотъ уже цѣлый дворъ нарядныхъ гостей; засядутъ они за бѣлые столы, а съ ними жениховы сестры. Ты уѣдешь моя доченька, моя молодая, съ гостьми въ чужую сторону; не услышишь, какъ загруститъ твой батюшка, какъ вздыхать станетъ твоя родная матушка, какъ будутъ пѣть твои братцы; не увидишь, какъ будутъ танцовать твои сестрицы; только и услышишь, какъ станутъ куковать кукушечки, да синее море будетъ шумѣть у берега!... Помостила бы я мосты изъ чистаго серебра; чтобы можно было воротиться къ матушкѣ, къ моей молодости; зазеленѣетъ рута, зацвѣтутъ розы, а молодости своей я никогда не увижу! — Какъ вы хотите, чтобъ я весела была? — обращается невѣста къ сестрамъ; — я никогда не ворочусь къ матушкѣ; кто мнѣ руки-ноги согрѣетъ, кто меня ласковымъ словомъ приголубитъ? — Свекоръ согрѣетъ руки и ноги; милый заговоритъ ласковымъ словомъ.» Прощаясь съ матерью, невѣста съ любовью и грустью вспоминаетъ про свои прежніе домашніе труды: «Некому будетъ для тебя прясть и ткать, моя родная матушка; не буду я перебрасывать изъ рукъ въ руки легкій ткацкій лотокъ, не буду я стирать бѣлые столы, не мести мнѣ муравы на дворѣ, не ходить въ поле сѣно гресть и не носить новыхъ граблей; не станетъ у меня на головѣ зеленѣть рутяной вѣнокъ; не будетъ моихъ волосъ развѣвать вѣтеръ; не въ вѣнкѣ, а въ чепцѣ приду я къ матушкѣ!»

Вотъ въ какихъ образахъ представляется прiѣздъ невѣсты къ свекру. Невѣста ѣдетъ съ своими братьями и сестрами: «Мы ѣдемъ, поется въ пѣснѣ, по полю, по свекровому полю: съ нами ѣдутъ братья и сестры и мужья, и прiѣхали мы къ свекровымъ воротамъ и увидѣла я свое горе на свекровыхъ воротахъ. Спѣши, братецъ, бери мечъ свой, выруби мое горе изъ свекровыхъ воротъ. Беретъ братецъ мечъ, ударяетъ по воротамъ, разрубливаетъ доску, а моего горя ему не вырубить». Отъѣздъ невѣсты въ домъ жениха, какъ и прiѣздъ жениха къ невѣстѣ, изображается также путешествiемъ по водѣ. «Вотъ ворочается назадъ корабликъ по морскимъ волнамъ; серебряныя снасти, златые паруса; а на этомъ корабликѣ, а на этомъ черномъ, сидитъ молодецъ, бѣлъ и румянъ, сидитъ съ дѣвицею; плывутъ по Нѣману; дѣвица держитъ свой зеленый вѣнокъ.

Полная глубокаго чувства, литовская народная поэзiя создала особый разрядъ пѣсенъ похоронныхъ, гдѣ плачутъ о мертвыхъ сродникахъ, о родителяхъ, дѣтяхъ. Вотъ сестры-сироты плачутъ на материнской могилѣ и ведутъ съ мертвою разговоръ: — Ахъ, вы мои дѣточки, мои сироточки! говоритъ имъ изъ могилы матушка. Что вы тутъ сидите, вы ѣсть, пить захотите. — «Будемъ ѣсть зелену траву, а пить утреннюю росу, отвѣчаютъ дочери: — лишь бы провѣдать матушку.» А вотъ замужняя женщина, оскорбленная свекровью, обращается въ своемъ горѣ къ умершей матери. «Ахъ, еслибъ я знала ту могилу, гдѣ лежитъ моя милая матушка: посадила бы я на могилѣ у ней зеленую липу да яблоню. Встань, милая матушка, приподними землю на гробѣ своемъ! Я пришла къ тебѣ, матушка, жаловаться на свекровь: она меня дергаетъ за волосы, даетъ мнѣ хлѣбъ черезъ огонь. Матушка моя родная! Оставила ты меня, какъ курица своего цыпленочка; цыплята вмѣстѣ сойдутся а я все одна, да одна.... брошусь я между птицы морскiя...

Вотъ какъ поэтически описывается смерть дѣвицы и плачъ надъ нею молодца.

«Черезъ березовый лѣсъ, черезъ сосновый боръ, ѣхалъ молодецъ на ворономъ конѣ къ тестеву двору, къ своей милой дѣвицѣ, и вошелъ къ ней, и увидѣлъ, что милая дѣвица лежитъ больная въ свѣтлицѣ. — Здравствуй, моя дѣвица, моя милая, дай мнѣ ручку твою бѣленькую, скажи словечко ласковое! Еще я не взялъ ее за бѣлую ручку, а ужъ моя дѣвица заплакала. Не плачь, дѣвица, не плачь! Мое сердечко, ты выздоровѣешь. — Не выздоровѣю я, не буду твоею; пойду я въ могилу, подъ зеленую мураву. Я не выздоровѣю, а ты поплачешь обо мнѣ да найдешь другую! — Не плачь, дѣвица, не плачь мое сердечко! Скажи мнѣ, моя миленькая, гдѣ твои братцы? — Въ пестромъ городѣ, въ высокомъ теремѣ, дѣлаютъ мнѣ гробъ изъ липовыхъ досокъ съ ясными оконцами, чтобъ посрединѣ свѣтлѣли стеклушки, по окраинамъ блистало золото, серебро и перламутръ. Схороню я мою милую дѣвицу, на высокомъ кладбищѣ, на зеленомъ холмѣ; буду навѣщать мою милую дѣвицу каждую субботу вечеромъ, каждое воскресенье утромъ; холодныя ручки, холодныя ножки, блѣдное личико у моей дѣвицы!»

А вотъ на оборотъ плачъ дѣвицы на могилѣ своего жениха.

«Въ лѣсу подъ землею лежитъ мой милый молодчикъ; цвѣтки цвѣтутъ у него на могилкѣ; изъ нихъ я совью себѣ вѣночекъ; на липѣ соловей поетъ; каждый вечеръ я буду ходить туда, сяду на камнѣ подъ липою и буду плакать по миломъ моемъ молодчикѣ».

Смерть изображается народною поэзіею нерѣдко въ видѣ потопленія; это слѣдуетъ принимать не за особенное событіе, а за символическіе образы; подобные есть и въ пѣсняхъ славянскихъ народовъ. «Нанялъ молодчикъ черный кораблікъ, поплылъ онъ черезъ море въ городокъ; еще не пе-

реѣхалъ онъ моря, какъ поднялась буря и налился водою корабликъ, и утонулъ молодчикъ; плыветъ по волнамъ его шляпа; подобный образъ есть и для дѣвицы; «по волнамъ на морѣ плыветъ дѣвица, и утопаетъ дѣвица; кричитъ своему милому: — Спасай меня милый, мой молодчикъ, будешь ты проливать слезы на моемъ гробѣ, будешь цѣловать мое блѣдное лицо, и усыпать рутянымъ цвѣтомъ мою могилу.»

Непрерывное спокойствіе сельской жизни въ поэзіи нарушается описаніемъ случаевъ отправленія молодца на войну; но война въ литовскихъ пѣсняхъ не представляется съ тою дикою, мужественною и героическою прелестію, какъ, напримѣръ, въ казацкихъ южнорусскихъ пѣсняхъ. Литовскій молодецъ идетъ на войну по неволѣ; его въ войско не удаль тянетъ, а горькая судьба гонитъ, отрывая отъ родныхъ полей, отъ сохи и домашней печи; онъ не мечтаетъ о славѣ, не помышляетъ о добычѣ, не сознаетъ добродѣтели гражданскаго долга, не разсуждаетъ о своей судьбѣ и не думаетъ отъ ней ускользнуть, но покоряется ей съ тоской и безнадежностью, отчаявается въ возвратѣ къ родной хатѣ и обрекаетъ себя заранѣе на гибель. Когда возлюбленная спрашиваетъ своего милаго, отъѣзжающаго на войну, когда онъ воротится, молодецъ отвѣчаетъ: «не я ворочусь, а мой конь привезетъ мой мундиръ, обрызганный черною кровью. Моя дѣвица омоетъ его горючими слезами, а мать высушитъ его тяжелыми вздохами». — Большая часть пѣсенъ, гдѣ являются военные люди новаго склада, составлены въ послѣднія времена, когда литовцы служили въ войскахъ польскихъ, прусскихъ и русскихъ. Къ числу немногихъ, составляющихъ исключеніе и безспорно относящихся къ древнимъ временамъ борьбы за независимость литовскаго племени противъ чужеплеменныхъ интересовъ, принадлежитъ одна, очень замѣчательная по своему подобію съ такою же пѣснію, существующею почти у всѣхъ славянъ. Это плачъ надъ тѣ-

ломъ убитаго ратнаго мужа родныхъ ему женщинъ, изображаемыхъ въ видѣ кукушекъ. Мертвый воинъ представляется говорящимъ: «конь наступаетъ мнѣ на руки, на ноги и на лицо. Струится кровь красная, какъ піонъ-цвѣтъ. Прилетѣли три кукушечки въ ночной тьмѣ; кукуютъ кукушечки надъ моимъ тѣломъ — одна въ ногахъ, другая въ головахъ, третья надъ самымъ сердцемъ: кукуетъ пестрая кукушечка! Въ ногахъ невѣста, въ головахъ сестра, у сердца родная матушка. Гудятъ колокола, жалобно заводитъ органъ, плачетъ моя старая матушка. Не разбудятъ меня ни колокола, ни органъ, ни старая матушка; разбудитъ меня черная земля, бѣлая гробовая доска. Скроюсь я въ землѣ; тамъ не будетъ мнѣ горя. Невѣстѣ отдамъ я воронаго коня, сестрѣ мои хорошія платья, а любезной матушкѣ, моей кормилицѣ — ласковое словечко. Невѣста провожаетъ меня до воротъ, сестра до половины пути, а матушка, которая меня воспитала, до самой зеленой могилы. Невѣста будетъ плакать три недѣли, сестра три года, любезная моя матушка, моя кормилица, — всю жизнь!

1860 г.

ОБЪ ОТНОШЕНІИ

РУССКОЙ ИСТОРІИ КЪ ГЕОГРАФІИ И ЭТНОГРАФІИ.

ОБЪ ОТНОШЕНІИ РУССКОЙ ИСТОРІИ КЪ ГЕОГРАФІИ И ЭТНОГРАФІИ.

(Лекція, читанная въ Географическомъ Обществѣ 10-го марта 1863 г.).

Исторія, занимаясь народомъ, имѣетъ цѣлію изложить движеніе жизни народа, слѣдовательно, предметомъ ея должны быть способы и пріемы развитія силъ народной дѣятельности во всѣхъ сферахъ, въ которыхъ является жизненный процессъ человѣческихъ обществъ. Этнографія занимается изображеніемъ жизни народа, дошедшаго до извѣстной степени историческаго развитія, имѣя точкой отправленія опредѣленный моментъ настоящаго. Такимъ образомъ, важность отношеній между этими двумя вѣтвями человѣческаго знанія частью опредѣляется сама собою. Чтобъ уразумѣть и представить теченіе прошедшей жизни народа, необходимо понять и ясно себѣ представить этотъ народъ въ послѣднемъ его развитіи и наоборотъ — этнографическое изображеніе существующаго образа народа не можетъ имѣть смысла, если мы не будемъ знать, что привело ее къ этому образу, что сгрупировало признаки, составляющіе сущность этого образа, отъ чего онъ сложился такимъ образомъ, а не инымъ.

Извѣстно, какъ обыкновенны были нѣкогда исторіи, страдавшія, такъ сказать, анекдотическимъ характеромъ

изложенія. Историкъ скользилъ на поверхности прошедшей жизни, складывалъ въ своемъ сочиненіи событія, возбуждавшія любопытство, и считавшіяся по этому достопримѣчательными; событія эти брались изъ міра политическаго, какъ прежде всего бросающагося въ глаза своею широтою, и изъ частнаго быта людей, стоявшихъ на челѣ управленія и силы; недостаточность такого изложенія была признана, — почувствовалась необходимость связи событій во взаимномъ соотношеніи и зависимости, тогда явились исторіи, гдѣ главное вниманіе обращалось на политическую сторону, какъ на болѣе крупную и удобную для связнаго изложенія, но гдѣ старались показать, какъ одинъ переворотъ производилъ другой, какъ явленія порождали и условливали другъ друга, слѣдили за постепеннымъ развитіемъ и измѣненіемъ государства, — образовалась доктрина: государство представлялось единымъ тѣломъ, какъ бы олицетвореннымъ, и его модификаціи, его отношенія къ другимъ составляли предметъ исторіи. Вотъ наука стала говорить съ самодовольствомъ. Но такой способъ исторіографіи оказался недостаточнымъ. Царскіе дворы, правительственные пріемы, законодательства, войны, дипломатическія сношенія не удовлетворяли желанія знать прошедшую жизнь. Кромѣ политической сферы, оставалась еще нетронутою жизнь народныхъ массъ съ ихъ общественнымъ и домашнимъ бытомъ, съ ихъ привычками, обычаями, понятіями, воспитаніемъ, сочувствіями, пороками и стремленіями. Безъ этой стороны изученіе исторіи походило на описаніе верхнихъ вѣтвей деревъ, не касаясь ствола и корней. И вотъ историческія сочиненія стали наполняться описаніями внутренняго быта: прежде это были дополненія, обыкновенно короткія и поверхностныя, потомъ они стали необходимостью и существенными частями науки. И стали думать, что цѣль достигается: но она не достигалась. Читатели часто хвалили подобныя описанія, но скучали за ними и

ничего изъ нихъ не выносили, и мало по малу сознавались, что въ нихъ не достаетъ чего-то важнаго, чувствовалась потребность чего-то болѣе живаго. Въ самомъ дѣлѣ, нерѣдко историкъ думалъ достигать своей цѣли, собирая изъ разныхъ, противорѣчащихъ по духу, источниковъ черты внутренняго быта, мало обращая вниманія на тонкія различія мѣста, времени, обстоятельствъ, на послѣдовательное измѣненіе и появленіе тѣхъ признаковъ, въ которыхъ видѣнъ характеръ прошедшей жизни. Упоминаемыя при одномъ какомъ либо случаѣ черты признавались постоянными признаками; то, что было достояніемъ характера отдѣльнаго лица, относили къ характеру эпохи; относившееся къ одной провинціи переносили на цѣлый край; или же признавали частнымъ признакомъ мѣстности общія черты быта, изъ одного вѣка переводили въ другой, не уловляя разницы вѣковъ. Часто при невозможности, по скудости источниковъ, опредѣлительно дать бытовымъ чертамъ свое мѣсто въ исторіи, не хотѣли ограничиться сознаніемъ невозможности и думали удовлетворять требованію уразумѣнія фактовъ подведеніемъ ихъ подъ общіе законы, хотя бы отношеніе фактовъ къ законамъ и не вытекало непосредственно изъ природы первыхъ. Но, главное, при большемъ анализѣ этихъ описаній, угадали, что историки изображали признаки жизни, а не самую жизнь, предметы и вещи людскія, а не самыхъ людей. Созрѣло новое требованіе науки. Дѣло не въ относительной важности той или другой исторической предметной стороны, а въ точкѣ отправленія, именно то, подъ какимъ угломъ зрѣнія освѣщаются предметы у историка. Дипломатическія сношенія и договоры, войны, законодательства, придворныя интриги, явленія домашняго быта, анекдоты о современникахъ, литература, — все это матеріалы, которыми нужно умѣть воспользоваться для построенія исторической науки. Не долженъ принимать историкъ кирпичей за готовое зданіе; не долженъ

называть наукою то, что еще служитъ только матеріаломъ наукѣ. Не предметы долженъ имѣть историкъ на первомъ планѣ, а живыхъ людей, которымъ эти предметы принадлежали въ свое время. Въ этомъ вся тайна современнаго историческаго требованія. Военныя подробности, посольскіе переговоры, кодексы законовъ и распоряженій не могутъ быть главнымъ предметомъ наблюденія и изслѣдованія историка, — это дѣло археолога; историкъ на столько ими долженъ пользоваться и считать своимъ достояніемъ, на сколько они объясняютъ нравственную организацію людей, къ которымъ относятся, совокупность людскихъ понятій и взглядовъ, побужденія, руководившія людскими дѣяніями, предразсудки, ихъ связывавшіе, стремленія, ихъ уносившія, физіономіи ихъ обществъ. На первомъ планѣ у историка должна быть дѣятельная сила души человѣческой, а не то, что содѣяно человѣкомъ.

Точно также, цѣль уразумѣнія прошедшей жизни не достигается однимъ подробнымъ изображеніемъ домашней утвари, одежды, пищи, образа жизни и экономіи народной, всего, составлявшаго важнѣйшую часть того, что называлось внутреннею исторіею. Не то важно для историка, какъ кафтанъ въ такомъ-то вѣкѣ носили или какъ женщины повязывались, а то, что эти признаки внѣшней жизни открываютъ намъ въ мірѣ внутреннемъ, духовномъ. Все человѣческое не должно быть чуждо историка, но все для него важно болѣе или менѣе, смотря по тому, на сколько служитъ къ уразумѣнію психологіи прошедшаго. Вотъ почему случается нерѣдко, что подробныя и приведенныя въ настоящую систему описанія прошедшаго быта ничего не оставляютъ и не возбуждаютъ въ читателѣ, а приходится ему лучше обращаться къ первоначальнымъ источникамъ. Дѣло въ томъ, что здѣсь археологія хочетъ замѣнить исторію, а исторія впадаетъ въ археологію и, разумѣется, неудачно. Археологія должна

оставаться сама по себѣ, а исторія сама по себѣ. Цѣль археологіи изученіе прошедшаго человѣческаго быта и вещей, цѣль исторіи — изученіе жизни и людей.

Поставивши задачею историческаго знанія жизнь человѣческаго общества и, слѣдовательно, народа, историкъ тѣмъ самымъ становится въ самое тѣсное отношеніе къ этнографіи, занимающейся состояніемъ народа въ его настоящемъ положеніи. Исторія изображаетъ теченіе жизни народной, для этого, само собою, нужно историку знать тотъ образъ, къ которому довело ее это теченіе. Съ другой стороны, и этнографъ не иначе можетъ уразумѣть состояніе народа, какъ прослѣдивши прежніе пути, по которымъ народъ дошелъ до своего состоянія; всѣ признаки современной жизни не иначе могутъ имѣть смыслъ, какъ только тогда, когда они разсматриваются какъ продуктъ предъидущаго развитія народныхъ силъ. Въ способѣ занятій этнографіей и въ способѣ ея изложенія усматриваются тѣже ошибки, какъ и въ сферѣ исторической науки. Принимали матеріалъ для предмета за самый предметъ. Этнографіею называли замѣчанія или описанія, касавшіяся того, какіе обычаи господствуютъ въ томъ или другомъ мѣстѣ, какія формы домашняго быта сохраняются здѣсь и тамъ, какія игры и забавы въ употребленіи у народа. Но забывалось, что главный предметъ этнографіи, или науки о народѣ, не вещи народныя, а самъ народъ, не внѣшнія явленія его жизни, а самая жизнь. Притомъ же давалось этнографіи значеніе очень тѣсное. Въ кругъ этой науки вводилось только то, что составляетъ особенности быта простонародія; все, что принадлежало другимъ классамъ народа, считалось не входящимъ въ эту науку. Пляска сельскихъ дѣвушекъ была предметомъ этнографіи, но никто не осмѣлился бы внести въ этнографію описаніе бала или маскарада. Въ этомъ отношеніи этнографія представлялась въ прямомъ противорѣчіи съ исторіею, когда послѣдняя занималась исключительно верх-

ними сферами. По нашему мнѣнію, если этнографія есть наука о народѣ, то кругъ ея слѣдуетъ распространить на цѣлый народъ, и такимъ образомъ — предметомъ этнографіи должна быть жизнь всѣхъ классовъ народа, и высшихъ и низшихъ. Какъ наука о жизни — она не можетъ ограничиваться тѣмъ, что прежде всего бросается въ глаза съ перваго раза, но тѣмъ менѣе одними обычаями и чертами быта низшихъ классовъ. Въ этнографію должно входить вліяніе, какое имѣютъ на процессъ народной жизни законы и права, дѣйствующіе въ странѣ: сложеніе понятій и взглядовъ во всѣхъ классахъ народа, административныя и юридическія отправленія, принятіе и усвоеніе результатовъ современнаго воспитанія и науки, политическія понятія и тенденціи, соотношеніе внѣшнихъ явленій и политическихъ событій съ народными взглядами. Этнографъ долженъ быть современнымъ историкомъ, какъ историкъ своимъ трудомъ излагаетъ старую этнографію.

При такомъ широкомъ объемѣ, какой мы даемъ этнографіи, какъ наукѣ о народѣ, исторія, повторяемъ, должна идти рука объ руку съ этнографіей. Обѣ науки должны быть изучаемы вмѣстѣ и развиваться нераздѣльно одна отъ другой. Историкъ долженъ быть этнографомъ уже потому, что онъ историкъ, и наоборотъ — этнографъ дѣлается въ нѣкоторомъ смыслѣ историкомъ, на сколько онъ этнографъ. Сборъ матеріала, отдѣленіе его и обработка представляютъ въ обѣихъ наукахъ строгую аналогію. Собраніе этнографическихъ данныхъ то же, что собраніе актовъ и лѣтописей для историка; какъ тамъ, такъ и здѣсь, въ одномъ этомъ собраніи еще нѣтъ науки; одна къ ней дорога и тамъ, и здѣсь. Тотъ еще не этнографъ, кто подмѣтилъ и описалъ какіе нибудь признаки существующаго народнаго быта, какъ равно тотъ еще не историкъ, кто открылъ и указалъ что нибудь, что существовало или дѣлалось въ прошедшемъ.

Для того, чтобъ быть историкомъ и этнографомъ, нужно, чтобъ и тотъ и другой имѣли главнымъ научнымъ предметомъ своимъ духовную сторону народной жизни, чтобъ открытія въ сферахъ ихъ наукъ подводимы были подъ уразумѣнія народнаго духа.

Опредѣливши вообще понятіе объ исторіи и этнографіи и показавши на основаніи ихъ сущности — въ чемъ должно состоять ихъ взаимное соотношеніе, обратимся теперь къ русской исторіи и этнографіи въ частности, прилагая къ нимъ составленныя нами общія научныя понятія.

Не станемъ въ подробности излагать, какими путями шла наука русской исторіи и какія школы переходила; укажемъ прямо на тѣ требованія, въ которыхъ ея развитіе остановилось въ послѣднее время.

Вамъ извѣстно, милостивые государи, что въ настоящее время — очередной, такъ сказать, вопросъ, относящійся къ русской исторіи — это противорѣчіе между государственностію и народностію въ исторіи. Дѣло вотъ въ чемъ. Возникло сознаніе, что наша исторія занималась преимущественно государственною стороною прошедшей жизни русской, всѣмъ, что касается правительства, дипломаціи, войнъ, законодательства, управленія, что, при всей своей важности, составляетъ кругъ внѣшнихъ явленій; а на днѣ исторіи есть еще другая сторона — это жизнь народная, которая именно у насъ проходила свое теченіе часто отлично отъ государственной и нерѣдко съ нею въ разрѣзъ. Историки наши имѣли въ виду государство и его развитіе, а не народъ: послѣдній оставался въ глазахъ ихъ какъ бы бездушною массою, матеріаломъ для государства, которое одно представлялось съ жизнью и движеніемъ. Для полноты же исторической науки необходимо, чтобъ и другая сторона — народной жизни, равнымъ образомъ, была представлена въ научной ясности, тѣмъ болѣе, что народъ вовсе не есть механическая сила государ-

ства, а истинно живая стихія, содержаніе, а государство, наоборотъ, есть только форма, само по себѣ мертвый механизмъ, оживляемый только народными побужденіями, такъ что самодѣятеленъ ли народъ, бездѣйственъ ли онъ, — во всякомъ случаѣ, государственность не можетъ быть инымъ чѣмъ, какъ результатомъ условій, заключающихся въ народѣ; и даже тамъ, гдѣ народъ, погруженный въ мелкіе, чуждые единичные интересы, представляетъ собою недвижимую, немыслящую, покорную массу, и тамъ формы государственныя со всѣми своими развѣтвленіями и со всѣми уклоненіями отъ потребностей, лежащихъ въ народѣ, все-таки получаютъ корень въ народѣ, если не въ сознаніи и дѣятельности, то въ отсутствіи мысли и въ безсиліи его. Это ученіе о необходимости историку русскому имѣть на первомъ планѣ народъ, а не государство, развито отчасти школою славянофилловъ и въ послѣднее время въ «Отечественныхъ Запискахъ». На первомъ планѣ въ этомъ отношеніи стоитъ рядъ критическихъ статей по русской исторіи, писанныхъ г. Бестужевымъ-Рюминымъ. Противники этого ученія находили, что потребность знакомства съ народною жизнію достаточно удовлетворяется обычными характеристиками внутренняго быта, гдѣ собиралось все, что не могло войти въ рубрики внѣшнихъ событій и являлось въ формѣ статистико-топографическаго описанія извѣстныхъ періодовъ времени, на которые дѣлилась исторія. Подобныя описанія у насъ пріобрѣли болѣе и болѣе важность, и изслѣдованія по части разныхъ вѣтвей внутренняго быта преимущественно занимали ученѣйшихъ нашихъ знатоковъ старины. Но оказалось, что этого рода историческія занятія не удовлетворяли мысли, обращенной къ исторіи, и оставались въ сущности матеріалами для исторической науки, а не восходили сами на степень науки. Въ самомъ дѣлѣ, недостаточно знать, что такой-то государь издалъ тотъ-то указъ и въ такомъ-то текстѣ, когда мы не знаемъ, какъ онъ при-

нимался въ умахъ народа и какъ дѣйствовалъ на изгибы его жизни? Не довольно намъ знать способы обхожденія мужа съ женою у древнихъ москвичей, когда мы не можемъ при томъ объяснить себѣ — откуда они происходили и какъ улегались въ нравственныхъ взглядахъ. Намъ разсказываютъ, какъ русскіе обѣдали и ужинали, какую одежду носили, какую упряжь употребляли въ дорогѣ, какимъ оружіемъ воевали на войнѣ, — намъ этого не довольно. Всякое внѣшнее явленіе имѣетъ основаніе въ духовномъ нашемъ мірѣ; намъ хочется знать, почему у русскихъ сложились такія, а не иныя правила быта. Самое подробное и, допустимъ, самое вѣрное изложеніе всѣхъ частностей домашняго, юридическаго и общественнаго быта будетъ только бездушный трупъ, если въ немъ не будетъ ощутима та живая душа, которая давала въ свое время всему этому физіономію и движеніе. Данныя изъ міра прошедшаго, не освѣщенныя взглядомъ мыслителя, не доведенныя до синтеза въ своей совокупности, не доводящія насъ самихъ до пониманія внутренняго существа людей, которыхъ жизнь служила признаками, не составляютъ исторіи, хотя бы и казались расположенными въ строгой научной системѣ. Это археологія, а не исторія. Для археологіи достаточно вѣрнаго сочетанія признаковъ; для исторіи нѣтъ нужды разсматривать ихъ самихъ по себѣ; они являются въ исторіи только по необходимости, потому что духовная жизнь чрезъ нихъ открывается. У насъ самое археологическое сочетаніе признаковъ не всегда отличалось вѣрностью: мы часто слишкомъ мало обращали вниманія на условія времени и мѣста; намъ казалось возможнымъ существованіе въ XIII вѣкѣ того, о чемъ достовѣрно намъ извѣстно, какъ о существовавшемъ въ XVII вѣкѣ; мы готовы были въ Смоленской землѣ признавать то, что намъ было извѣстно, какъ особенность Новгородской или Суздальской, наконецъ — явленія исключительныя, явленія,

относящіяся къ характеру отдѣльныхъ лицъ, мы признавали за постоянные признаки общенародные и наоборотъ. Никто не рѣшится сказать, чтобы сдѣланное нашими учеными для узнанія старинной внутренней жизни пропало безслѣдно; но нельзя, однако, сказать, что все, ими сдѣланное, ставило насъ въ близкое знакомство съ душею нашихъ предковъ. Наши изслѣдованія, ученыя наведенія и сопоставленія — все это только подготовка для того, что ожидаетъ науку впереди. Въ настоящія минуты это сдѣлалось общимъ сознаніемъ. Антагонизмъ внутренняго и внѣшняго, политическаго и домашняго, теперь уже не имѣетъ мѣста относительно важности того и другаго; для мыслящихъ друзей историческаго знанія, все нераздѣльно служитъ однимъ матеріаломъ для возсозданія цѣльности народной жизни. Мы достаточно можемъ отличать археологію отъ исторіи, и если не въ силахъ еще въ нашихъ работахъ всегда отдѣлить ихъ другъ отъ друга, то, по крайней мѣрѣ, не станемъ сознательно смѣшивать того, что принадлежитъ одному, съ тѣмъ, что составляетъ сущность другаго. Намъ покажутъ такъ называемую исторію какого нибудь царствованія, гдѣ будутъ подробно изложены и обслѣдованы дипломатическія отношенія, устройство войскъ, представлены будутъ царскій дворъ, пріемы судопроизводства, механизмъ управленія, выставлены будутъ примѣры злоупотребленій воеводъ и дьяковъ — и все это можетъ быть только археологіей, а не исторіей, если читатель не найдетъ въ такомъ сочиненіи того угла зрѣнія, подъ которымъ совершились событія, тѣхъ побужденій и понятій, которыя служили поводомъ къ хорошимъ или дурнымъ явленіямъ, тѣхъ чувствованій, которыя двигали сердца въ свое время, если онъ не проникнется, такъ сказать, запахомъ прошедшаго вѣка до того, что можетъ ощущать радость и печаль, довольство и негодованіе точно такъ, какъ ощущали это изображенные въ исторіи люди. Та истинная исторія, гдѣ

не историкъ съ вами говоритъ за выведенныя имъ лица и народныя массы, а гдѣ послѣдніе сами за себя подаютъ голосъ, гдѣ, при томъ, ваше чутье не ощущаетъ фальшивыхъ нотъ и ученой аффектаціи, гдѣ для васъ понятно, что голосъ выставленныхъ лицъ не есть звукъ, искуственно и произвольно устроенный художникомъ для своего автомата.

Для удовлетворенія этихъ требованій, возникшихъ въ современной наукѣ русской исторіи, есть самый вѣрный путь — сближеніе русской исторіи съ этнографіей, взаимное дѣйствіе этихъ двухъ наукъ и нераздѣльное ихъ развитіе. Но для этого нужно, прежде всего, чтобъ и этнографія подверглась также измѣненіямъ, сообразнымъ и подобнымъ тѣмъ, какимъ подвергается исторія.

Выше уже было показано, какъ этнографія должна вообще идти рука объ руку съ исторіею, жизнь настоящая и жизнь прошедшая должны взаимно объяснить самихъ себя. Требованія сходныя явились и въ той и въ другой наукѣ. Что̀ въ исторіи значатъ археологическіе документы, лѣтописи, войны, то въ этнографіи этнографическое описаніе, сборники пѣсенъ, сказокъ, пословицъ; этнографическія изслѣдованія, объясняющія какую нибудь пѣсню или обрядъ, равняются историческимъ объясненіямъ памятниковъ; а историческія монографіи внутренняго быта сообразны съ этнографически характеристиками современныхъ бытовыхъ особенностей. Но какъ въ исторической наукѣ цѣль не достигается и исторія становится только археологіей съ однимъ богатствомъ признаковъ и даже съ ихъ критикой и сочетаніемъ, и если это богатство не приводитъ къ цѣльности образа народной жизни, такъ и этнографическое богатство служитъ матеріаломъ для науки, но не составляетъ еще, даже при научномъ построеніи, науки о народѣ. У насъ есть хорошіе сборники пѣсенъ и пословицъ, областной словарь, разныя болѣе или менѣе подробныя и вѣрныя описанія и за-

мѣтки, но въ этнографіи до науки мы дальше еще, чѣмъ въ исторической сферѣ. Этнографическіе матеріалы не приведены еще въ ясность и систему и существуютъ для насъ болѣе въ отрывочномъ видѣ: серьезно взглянувши на дѣло, найдете множество пробѣловъ, возбуждающихъ сотню вопросовъ, на которые нѣтъ отвѣтовъ. Сравнительная сторона чрезвычайно слабо обработана. Обыкновенно у насъ ограничивались тѣмъ, что извѣщали, что въ такомъ-то краѣ есть то-то и другое, но рѣдко говорили, чего въ такомъ-то краѣ нѣтъ изъ того, что есть въ сосѣднемъ, или — что̀ въ одномъ существуетъ то самое, что въ другомъ, только въ измѣненномъ видѣ? какъ одни и тѣже предметы въ одномъ краѣ понимаются иначе, чѣмъ въ другомъ; подмѣченное въ Тульской губерніи мы готовы были на вѣру признавать существующимъ и въ Рязанской; а если убѣждались путемъ опыта въ одинаковомъ существованіи чего нибудь тамъ и здѣсь, то не добивались: позднѣйшія ли это явленія сходства или древнія общія черты. Этнографы обращали вниманіе болѣе на матеріальную, чѣмъ на духовную сторону, самые матеріальные признаки не ставили въ соотношеніе съ духовною и мало отыскивали зависимости человѣческихъ фактовъ отъ человѣческихъ понятій. Самыя произведенія умственной народной жизни издавались не болѣе, какъ матеріалъ, такъ — хотя издавались пословицы, но съ многими и притомъ подробными сборниками нельзя дознаться: какія пословицы болѣе употребительны или менѣе, съ какими оттѣнками употребляются, въ какихъ мѣстахъ и при какихъ побужденіяхъ явились на свѣтъ. Мы высокаго мнѣнія о нашихъ народныхъ пѣсняхъ, но этнографія не указала намъ еще порознь ихъ мѣста въ народной жизни, и многое изъ нихъ и много въ нихъ остается только буквою, даже іероглифической, хотя мы въ этомъ, быть можетъ, не всегда сознаемся. Во время о̀но у насъ о народныхъ пѣсняхъ господствовало хаотическое

понятіе: въ наши, такъ называемые, пѣсенники заносились пѣсни народныя съ пѣснями сочиненными, безъ различія. При дальнѣйшемъ уясненіи понятій объ этомъ предметѣ, стали рѣзко отличать пѣсни, созданныя народомъ, отъ пѣсенъ, составленныхъ авторами, хотя бы даже и удачно въ народномъ вкусѣ; но тутъ же въ способахъ изданія явились ряды ошибокъ, упущеній и ложныхъ взглядовъ — одни за другими. Стали смотрѣть на нихъ съ изящной стороны, различать достойныя печати по своему внутреннему содержанію и недостойныя этой чести. Тутъ-то и былъ корень ошибокъ. Правда, пѣсни народныя сами въ себѣ различны по достоинству и по важности, но совсѣмъ не на тѣхъ основаніяхъ, на которыхъ мы, съ нашими понятіями, совершенно отличными отъ народныхъ понятій, приступали къ ихъ оцѣнкѣ. Часто пѣсни, дѣйствительно важныя, особенно достойныя вниманія, были тѣ, которыя менѣе другихъ нравились вкусу, удаленному отъ простоты и безъискусственности простонароднаго творчества. Часто пѣсня, отъ которой мы отворачивались за ея безсмыслицу, тривіальность или прозаическую сухость, была въ самомъ дѣлѣ очень важна по ея распространенности, по ея удовлетворительности для этой черни, которая уже выбита изъ дѣдовской простоты деморализирующею цивилизаціею. Подобныя пѣсни обыкновенно выбрасывались, какъ соръ, — это дѣлалось несправедливо и неправильно: ибо эти пѣсни выражаютъ извѣстную духовную сторону народа. Каковъ народъ, таковъ его вкусъ: отбрасывая его пѣсни и лишая себя возможности знать его вкусъ, мы не можемъ узнать и духовную физіогномію народа, не говорю уже о томъ непростительномъ грѣхѣ нѣкоторыхъ, дозволившихъ себѣ изъ нѣсколькихъ варіантовъ брать по усмотрѣнію, мѣста, включать то, что̀ нравится, выбрасывать то, что̀ нэ нравится, а потомъ думавшихъ, въ простотѣ сердца, что они издаютъ произведенія народнаго творчества. Сверхъ того, мы себѣ

воображали, что важность пѣсни достаточна потому только, что она народная: т. е. создана народомъ безъ извѣстности автора, и поется въ народѣ, — тѣмъ и ограничивались. Но тутъ самое главное опредѣлить — какое значеніе пѣсня имѣетъ въ народѣ. Большое различіе между малороссійскими думами, которыя поютъ слѣпые бандурщики и кобзари, и малороссійскими пѣснями, которыя поются всѣмъ народомъ. Степень распространенія пѣсни важное обстоятельство и всегда должно имѣть его въ виду. Между тѣмъ, у насъ это бывало чаще всего упущено. Нужно знать, въ какихъ мѣстностяхъ пѣсня поется, и такъ ли поется въ одномъ краѣ, какъ въ другомъ; а отличія и измѣненія, вмѣстѣ съ другими признаками, будутъ служить для уразумѣнія вообще мѣстонародныхъ отличій. Не менѣе важно прослѣдить — на сколько то возможно — (по большей и меньшей распространенности въ одномъ краю, чѣмъ въ другомъ, одной и той же пѣсни) исторію пѣсенъ и дойти до мѣста ихъ происхожденія. Нужно всегда имѣть въ виду, чего у насъ нигдѣ никогда не имѣлось: какими людьми, при какихъ условіяхъ и обстоятельствахъ и главное съ какимъ настроеніемъ духа пѣсни поются. Не говоря о пѣсняхъ обрядныхъ, которыя поются всегда при опредѣленныхъ случаяхъ и въ извѣстныя времена, пѣсни, о которыхъ вы, быть можетъ, не усомнитесь сказать, что ихъ поютъ когда вздумается, имѣютъ свое время и условія. При такихъ или иныхъ сходныхъ побужденіяхъ поются сходныя, но не тѣ самыя пѣсни. Если вы займетесь сборомъ пѣсенъ въ народномъ кругу — подмѣтите это, лишь только обратите вниманіе. Не только настроенія души: веселость, досада, тоска разлуки и прочія сердечныя движенія, вырывающіяся изъ груди, — требуютъ сообразныхъ пѣсенъ. Неуловимы оттѣнки этихъ явленій въ своемъ развѣтвленіи. Самая матеріальная обстановка имѣетъ на пѣсни вліяніе; другія пѣсни вырываются у поселянъ при работѣ въ полѣ, чѣмъ

въ домѣ или ригѣ, иныя при ясной, другія при дождливой погодѣ. Большею частью у насъ записывались пѣсни такъ, что кто ихъ пѣлъ, тотъ зналъ, что ихъ будутъ записывать, и съ тою цѣлію ихъ рѣшался пѣть, чтобъ ихъ записывали, а не по внутреннему побужденію пѣть. Подобный способъ собиранія пѣсенъ годится только какъ предварительная подготовка; для того, чтобъ пѣсни удобнѣе передать на бумагѣ, конечно, этотъ способъ хорошъ, но имъ никакъ нельзя было ограничиваться; зная уже пѣсню, слѣдуетъ слѣдить за нею въ натуральномъ, а не принужденномъ пѣніи. Такъ какъ пѣніе принадлежитъ человѣку и само по себѣ, безъ человѣка, немыслимо, то собиратели пѣсенъ непремѣнно должны прилагать и характеристику тѣхъ пѣвцовъ, которые почему либо обращаютъ на себя вниманіе, особенно такихъ, которые передаютъ пѣсни, не составляющія черезъ-чуръ общаго достоянія. Въ этомъ отношеніи первый примѣръ показанъ Кулишомъ въ Запискахъ о южной Руси. Книга эта вообще во всѣхъ отношеніяхъ безспорно самый лучшій изъ до сихъ поръ существующихъ у насъ сборниковъ и вообще этнографическихъ сочиненій. Пѣсни наши вообще мало были анализованы: не показано отраженія въ нихъ природы; не приведена въ ясность народная символика образовъ природы, составляющая вообще сущность первобытной поэзіи; не указаны типы лицъ, созданныхъ народной поэзіей, не изложенъ въ системѣ поэтическій способъ выраженія, общій народу и любимый имъ имъ по преимуществу; не указаны переходы отъ старыхъ формъ къ новымъ; не представлено, какъ сохранились въ пѣсняхъ воспоминанія и слѣды старой жизни съ ея угасшими посреди новаго быта признаками и, наконецъ, не соблюдались особенности нарѣчій, на которыхъ записывались пѣсни. Областныя нарѣчія, матеріалъ первой важности для этнографіи, обслѣдованы у насъ чрезвычайно дурно; если и касались ихъ, то все ограничивалось

мертвымъ перечисленіемъ признаковъ, а никто не думалъ показать, какъ эти признаки сами собою слагаются въ цѣльности. Изданъ, между прочимъ, словарь областныхъ нарѣчій. Въ немъ отыщете вы, что такое-то слово, не употребительное въ общерусскомъ языкѣ, записано въ такой-то и такой-то губерніи, но по этому одному вы не можете сами употребить этого слова въ той связи, какъ его народъ на мѣстѣ употребляетъ. Для того, чтобъ имѣть основательное понятіе о нарѣчіяхъ, нужно разумѣть не только слова, но и духъ ихъ. Тутъ недостаточны не только словари, но даже записанныя у народа пословицы, пѣсни и сказки: все — это носитъ на себѣ характеръ заранѣе навсегда приготовленной рѣчи, и только при знаніи всего механизма живой рѣчи можетъ быть вполнѣ постигнуто. Нужно изучить нарѣчіе на мѣстѣ, написать на немъ что нибудь связное, напримѣръ: о сельскомъ бытѣ, о судьбахъ крестьянина, — тогда можно дать и другимъ понятіе о томъ, что̀ есть такое-то нарѣчіе и что̀ способно оно выражать. До сихъ поръ обработка только одного нарѣчія русско-славянскаго міра, малороссійскаго, представляется въ этомъ отношеніи болѣе удовлетворительною. Но не смотря на то, что на немъ писаны цѣлыя книги, — для этнографіи многое остается не сдѣлано. Оно растетъ въ литературный языкъ, въ которомъ господствуетъ говоръ приднѣпровской средины южно-русскаго края въ смѣси съ оттѣнками разныхъ мѣстностей, смотря потому, откуда происходятъ сами авторы, да еще въ добавокъ авторы эти сочиняли (иногда удачно, иногда крайне неудачно), слова, неизвѣстныя ни въ какой мѣстности, а между тѣмъ мало было представлено образчиковъ говоровъ и поднарѣчій разныхъ мѣстностей въ ихъ натуральномъ видѣ, такъ что мы, напримѣръ, остаемся въ неизвѣстности: въ чемъ состоитъ различіе поднарѣчій полѣсскаго, сѣверянскаго, волынскаго, которыя слѣдовало бы изобразить не только во взаимномъ отли-

чіи признаковъ порознь, но въ ихъ совокупности, проникнутой непремѣнно своимъ духомъ. Бѣлорусское нарѣчіе еще менѣе обслѣдовано и разъяснено въ оттѣнкахъ своихъ мѣстныхъ особенностей. Недалеко отъ насъ разсыпано оазисами нарѣчіе новгородское, угасающій остатокъ древнихъ лѣтъ свободы и славы Великаго Новгорода: что̀ мы знаемъ о немъ? Никому еще не пришлось познакомить насъ со строемъ его рѣчи; этнографія даже не опредѣлила: гдѣ сохранилось оно среди говорящихъ инымъ говоромъ позднѣйшихъ поселенцевъ. На юго-востокъ отъ Москвы нарѣчіе древней рязанской земли: опять нарѣчіе съ оригинальными, самобытными признаками, нарѣчіе, состоящее въ связи со многими, до сихъ поръ еще выдающимися, особенностями жизни. Когда-то въ «Отечественныхъ Запискахъ» была попытка въ повѣсти изобразить говорящихъ на немъ и даже не обратила на себя должнаго вниманія. Прислушайтесь къ нарѣчію Дона: съ перваго взгляда покажется оно случайною смѣсью малороссійскаго и великорусскаго; но познакомтесь съ нимъ покороче—увидите, что эта смѣсь имѣетъ уже свои самостоятельныя правила. При всѣхъ нашихъ ученыхъ этнографическихъ претензіяхъ, у насъ не проведены еще демаркаціонныя линіи между нарѣчіями. Гдѣ, напримѣръ, граница новгородскаго и московскаго, московскаго и суздальскаго, псковскаго съ новгородскимъ и бѣлорусскимъ? Ихъ давно бы нужно было означить; тогда бы многое въ отдаленномъ удѣльно-вѣчевомъ періодѣ нашей исторіи стало для асъ яснѣе. Какими путями проходятъ границы малороссійскаго и великороссійскаго, малороссійскаго и бѣлорусскаго, какъ заходятъ онѣ одна въ область другой, въ какихъ видахъ является ихъ соприкосновеніе? Здѣсь наши свѣдѣнія черезъ-чуръ общи. Знаніе нарѣчій не ограничивается ими самими; вмѣстѣ съ нарѣчіями соединяются и оттѣнки понятій, нравовъ и обычаевъ народа, на которыхъ, безъ сомнѣнія, улеглись слѣды

прожитыхъ вѣковъ и житейскихъ переворотовъ. Постройки и содержаніе домовъ, своеобразные оттѣнки въ одеждѣ, пищѣ, черты хозяйства связаны съ нарѣчіями. Вы можете въ этомъ убѣдиться легко. Нарѣчіе не существуетъ отдѣльно, безъ жизни; чѣмъ нарѣчіе оригинальнѣе, самобытнѣе по отношенію къ сосѣдямъ, тѣмъ и жизнь говорящихъ имъ своеобразнѣе. Вотъ за эти-то своеобразности давно надо было бы приняться этнографіи и приняться послѣдовательнымъ изученіемъ и воспроизведеніемъ всей совокупности признаковъ жизни, отъ самыхъ мельчайшихъ до наиболѣе крупныхъ.

Но изученіемъ одного простонароднаго сельскаго класса не должна ограничиваться наука о народѣ. Это была бы непростительная односторонность, тѣмъ болѣе, что не только въ низшемъ, но и въ среднемъ и высшемъ классахъ нашего народа находится много мѣстныхъ отличій, и наше общество еще далеко не достигло того однообразія, которое бы характеризовало его какъ общерусское общество. У насъ помѣщики разныхъ губерній разнообразны какъ земля, которою они владѣютъ: вы встрѣтите различіе и въ экономіи, и въ правилахъ домашняго быта, и въ нравахъ, и понятіяхъ. Купечество и мѣщанство наше приближается болѣе первыхъ къ простому народу; отчасти сохраняетъ нѣкоторые общіе съ нимъ признаки по краямъ, да сверхъ того, при отдѣльности быта этихъ классовъ, усвоиваемаго родомъ ихъ занятій, у нихъ есть, часто съ трудомъ уловимыя, особенности, по которымъ можно ихъ отличать между собою не только по губерніямъ, но даже по уѣздамъ. Для этого нужно только сжиться съ такимъ обществомъ въ одномъ какомъ нибудь уѣздномъ городкѣ; купцы и мѣщане сами наведутъ васъ на отмѣнную физіономію сосѣдей своихъ въ другомъ уѣздномъ городѣ отъ своей собственной. Наши губернскіе города показываютъ однообразіе въ наружности; но допустите хотя

немного наблюдательности надъ подробностями частей, какъ представится цѣлая система своеобразій. Такъ, въ одномъ городѣ вы замѣтите множество садиковъ при домахъ, въ другомъ отсутствіе ихъ; въ одномъ на улицу выходятъ палисадники, въ другомъ они во дворѣ; здѣсь вкусъ къ такому роду деревьевъ, такъ къ другому; здѣсь окна въ домахъ раскрываются, тамъ поднимаются; здѣсь вкусъ къ широкимъ, тамъ къ узкимъ стекламъ; въ одномъ замѣтна любовь къ фронтонамъ или колоннамъ, тамъ къ колоннамъ безъ фронтоновъ; тутъ крытыя стеклянныя галереи, тамъ подъѣзды крытые, тамъ открытые; здѣсь крыльца высокія, тамъ низкія; здѣсь близъ крылецъ попадаются деревья, тамъ нѣтъ ихъ и проч., и проч. Подобныхъ признаковъ вы замѣтите чрезвычайное множество, когда только проѣдете на почтовыхъ черезъ одинъ — другой — третій губернскій городъ; но еще ихъ болѣе представится вашему наблюденію, когда вы войдете въ домà, присмотритесь къ образу жизни, — тутъ вы увидите своеобразіе и въ украшеніи домовъ, и въ мебели, и въ пріемахъ домашняго хозяйства; а когда сблизитесь съ людьми потѣснѣе, то и въ нравахъ, и въ понятіяхъ. Имѣвшіе дѣла въ разныхъ присутственныхъ мѣстахъ навѣрное скажутъ, что въ каждомъ городѣ встрѣчали ихъ чиновники съ различными пріемами, хотя по однимъ и тѣмъ же дѣламъ. Я не считаю умѣстнымъ входить въ подробности и доказывать этого наглядными примѣрами; я не имѣю цѣли писать этнографической статьи; я желаю только обратить вниманіе нашихъ слушателей на многія стороны, которыя они сами легко могутъ повѣрить въ своихъ воспоминаніяхъ. Этнографія же, претендовавшая на званіе науки о народѣ, почти не касалась высшихъ и даже среднихъ классовъ; ихъ касались только литература и сцена, но съ ними этнографія, какъ наука, мало можетъ имѣть общаго, потому что, при

самой высшей воспроизводительности, они не соблюдають ученой точности по отношенію къ мѣстности.

Наконецъ, обратимъ вниманіе на то, что этнографическія наши занятія разобщены съ исторіею. Думая приносить пользу наукѣ собираніемъ чертъ въ разныхъ мѣстахъ Россіи, мало обращали вниманія на ихъ историческое существованіе и прошедшія видоизмѣненія, на ихъ историческую связь съ подобными чертами въ другихъ краяхъ. Только по отношенію связи народныхъ вѣрованій къ древней миѳологіи, ученые болѣе или менѣе становились на историческую стезю, но нерѣдко отклоняясь отъ прямаго историко-этнографическаго пути, по которому бы изслѣдованіе выходило постепенно и неуклонно отъ существующаго къ существовавшему. Современный русскій человѣкъ не былъ подвергнутъ, по соотношенію его къ предкамъ, такому анализу, при которомъ черты его духовной жизни и матеріальнаго быта могли быть разобраны въ связи съ прошедшимъ. Эту-то связь желательно установить.

Кто возьмется за эту работу и какимъ путемъ пойдетъ къ цѣли?

Думаемъ, что взяться за это должно бы ближе всего Географическому Обществу, гдѣ существуетъ этнографическое отдѣленіе, составленное изъ людей, спеціально занятыхъ этнографіею. Имъ слѣдуетъ предоставить обсудить наше предположеніе, оцѣнить, на сколько справедливы и своевременны наши желанія, и если найдутъ ихъ достойными вниманія, развить ихъ въ ближайшемъ примѣненіи къ дѣлу. Что же касается до пути, какой слѣдуетъ избрать, то намъ кажется, что было бы полезно въ этомъ отношеніи снарядить ученую экспедицію для путешествія по Россіи; обращая особое вниманіе на края, представляющіе наибольше данныхъ для взаимнаго рѣшенія историческихъ и этнографическихъ вопросовъ, которые заранѣе могли быть составлены въ сферѣ со-

отношенія исторіи съ этнографіею и переданы членамъ такой экспедиціи. Вѣдь снаряжались же экспедиціи на Амуръ и въ отдаленныя страны Сибири: не должны же эти страны имѣть преимущество передъ странами, издревле заселенными славянскимъ племенемъ и игравшими болѣе дѣятельную роль въ нашей исторіи, на томъ единственно основаніи, что общечеловѣческая слабость скорѣе обращаетъ вниманіе на далекое и рѣдкое, чѣмъ на то, что слишкомъ близко, воображая себѣ, что близкое само по себѣ уже извѣстно, потому что оно близко. Ученая экспедиція, снаряженная съ историко-этнографическими цѣлями, по окончаніи своего путешествія, издастъ свои наблюденія, гдѣ будутъ заключаться возможныя разрѣшенія вопросовъ, возникшихъ по отношеніямъ исторіи и этнографіи между собою и доставитъ тѣмъ для исторіи важнѣйшій матеріалъ, фундаментальный источникъ, съ котораго историку слѣдуетъ отправляться. До сихъ поръ мы начинали исторію варягами и думали доходить (если не доходили) до царствованія Александра Николаевича; теперь подумаемъ объ обратной дорогѣ; вмѣсто того, чтобъ погружатьси въ неизвѣстность и изъ мрака ея постепенно доходить до извѣстнаго, пойдемъ отъ извѣстнаго къ неизвѣстному, изъ свѣта въ сумракъ и темноту. Узнавши нашъ нарндъ, на сколько это возможно въ его современномъ развитіи, начнемъ добираться — таковъ ли онъ былъ прежде, что съ нимъ дѣлалось, отъ чего и въ какой мѣрѣ послѣдовали съ нимъ измѣненія, опредѣлившія на грядущія времена его положеніе, будемъ восходить по событіямъ отъ внѣшней къ внутренней жизни все далѣе, пока торная дорога, мало по малу съуживаясь, не перейдетъ въ тропинку и не потеряется наконецъ въ заросляхъ прошедшаго. Такой путь будетъ и потому для насъ благонадежнымъ путемъ, что близкія къ намъ эпохи изобилуютъ множествомъ памятниковъ; здѣсь можно находить отвѣты намъ на всѣ важнѣйшіе во-

просы, которые будутъ возникать съ нашимъ отправленіемъ отъ настоящаго времени. По мѣрѣ того, какъ мы станемъ удаляться отъ современности, богатство наше естественно станетъ умаляться; но зная хорошо то прошедшее, которое къ намъ ближе, и понимая отличіе его отъ нашего времени, мы запасемся знаніемъ и для отдаленнѣйшаго времени; и многое, при относительной скудости, въ сравненіи съ сосѣдственно-ближайшею къ намъ эпохою, станетъ намъ понятно и ясно отъ нашего знанія того, что́ къ намъ ближе; всякое начало чего бы то ни было въ народной жизни не будетъ ужъ съ перваго раза для насъ чуждымъ, ибо мы будемъ знать его продолженіе; тогда какъ тоже самое представлялось бы намъ гораздо темнѣе, еслибъ мы, идя отъ старины къ новизнѣ, поступали не отъ извѣстнаго къ неизвѣстному, а наоборотъ; тогда, естественно, все новое было бы намъ явленіемъ непривычнымъ и, слѣдовательно, не вполнѣ понятнымъ. Надѣюсь, милостивые государи, что мнѣ не станетъ никто возражать непримѣняемостью такого способа къ школьному преподаванію, ибо здѣсь идетъ рѣчь не о преподаваніи, а о пути изученія народной жизни. Этотъ путь вытекаетъ самъ собою изъ сознаваемой нами потребности совмѣстнаго дѣйствія исторіи и этнографіи, совокупнаго изученія прошедшаго и настоящаго. Важнѣйшее преимущество этого пути состоитъ въ томъ, что мы, въ самомъ исходѣ нашихъ занятій, не были бы вовсе бѣдны источниками, по крайней мѣрѣ, на значительный періодъ времени. Можно сказать, что, идя такимъ образомъ назадъ, мы бы шли по широкой, торной и гладкой дорогѣ; она бы нѣсколько съуживалась, но все оставалась бы удобною до первыхъ лѣтъ царствованія Михаила Ѳеодоровича, — разумѣется, еслибъ всѣ архивы старыхъ дѣлъ были въ нашемъ пользованіи. Со смутнаго времени дорога наша была бы значительно уже извилиста и кочковата: по такой дорогѣ пришлось бы идти до начала XVI вѣка, а далѣе на-

добно было бы пробираться по тропинкѣ, которая чѣмъ дальше, тѣмъ неудобнѣе; она нерѣдко пропадала бы совсѣмъ подъ нашими ногами, и мы должны были бы искать ее не иначе, какъ вооруженные свѣточемъ, добытымъ въ этнографіи при такомъ планѣ нашего путешествія; за то съ этимъ свѣточемъ, да еще съ тою опытностью, какую мы пріобрѣли бы черезъ долгое измѣреніе исторической дороги, мы не потерялись бы даже и тамъ, гдѣ уже не станетъ подъ нами никакой тропинки, гдѣ придется идти по полю, усѣянному колючимъ репейникомъ, выросшимъ на грудахъ давно истлѣвшихъ поколѣній, и покрытому густымъ туманомъ. И тамъ-то полезенъ будетъ намъ запасъ этнографическаго свѣта: съ нимъ какъ нибудь можно, хоть ошупью, идти; безъ него придется стать на мѣстѣ и, за невозможностью видѣть дѣйствительные образы, потѣшатся собственными мечтаніями.

Ограничиваемся этими немногими словами. Отъ сочувствія мыслящаго нашего современнаго общества, которому не чужды интересы науки, будетъ зависѣть рѣшеніе вопросовъ; осуществимы ли наши предположенія, или это только pia desideria?

ОПЕЧАТКА.

	Напечатано.	*Читай.*
Стран. 16	Иванъ Васильевичъ	Ивана Васильевича.